

ОКТАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

4

КНИГА

АПРЕЛЬ

1953

IV

ОКТАБРЬ

1953

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ XXX

4

КНИГА
АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1953

Знамя Ленина—Сталина в верных руках

В истории человечества, как горные вершины, возвышаются четыре величайших гения всех времен, властители умов сотен миллионов людей: Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ильич Ленин, Иосиф Виссарионович Сталин.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, всесильное, потому что оно верно, совершает победное шествие по земле, оказывая решающее революционное воздействие на весь ход общественной жизни человечества. Трудящиеся массы, овладев идеями гениальных мыслителей, основоположников научного коммунизма, вооруженные всепобеждающим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, преобразуют с его помощью мир.

Еще жива в нас память о недавних тяжелых и скорбных днях. Мы проводили в последний путь величайшего человека эпохи коммунизма, вождя, учителя и друга трудящихся Иосифа Виссарионовича Сталина. Ушел от нас Сталин! Мы потеряли его живого, близкого и бесконечно родного. Но так велики в нас преданность его делу, вера в его учение и в его бессмертные дела, что сама наша боль претворяется в могучую творческую силу партии и народа, воплощающих в жизнь заветы великого вождя.

Вся жизнь Сталина—вдохновляющий, жизнеутверждающий пример беззаветного служения делу освобождения рабочего класса и всего трудового народа от гнета эксплуатации, делу избавления человечества от истребительных войн, делу борьбы за возвышение трудящихся. Сталин—сын народа, негнбимый борец за социализм, за коммунизм—отдавал народу все свои силы, весь свой великий гений.

Более полувека тому назад, в глухую пору царизма, юношей вступил Сталин на трудный, самоотверженный путь коммуниста-революционера. Вместе с Лениным он создал и выпестовал могучую партию коммунистов, закалил ее в битвах с капиталом за избавление народов России от ига самодержавия, от гнета помещиков и капиталистов.

Вместе с Лениным Сталин в дни Октября вел революционные массы на штурм капиталистических твердынь, под их руководством партия и народ победили в социалистической революции и основали первое в мире государство рабочих и крестьян.

Во главе с Лениным и Сталиным советский народ осуществил величайший поворот в истории человечества, опрокинул эксплуататорский строй, разрушил мир насилия и угнетения и вышел на новый путь—путь социализма.

После смерти Ленина великий Сталин почти тридцать лет вел нашу партию и страну по ленинскому пути, непрестанно развивая и обогащая ленинизм. Под руководством Сталина партия и народ отстояли Советское государство от всех и всяческих врагов, превратили его в несокрушимую крепость. Через все бури и грозы партия во главе со Сталиным привела

народы нашей Родины к всемирно-исторической победе социализма, показав светлый путь трудящимся всей планеты.

Под руководством Коммунистической партии, под водительством Сталина в годы первых пятилеток наш народ превратил свое Отечество из отсталой аграрной страны, какой Россия была раньше, в передовую индустриальную державу.

Под руководством Коммунистической партии и Сталина миллионы мелких и мельчайших, разобщенных и раздробленных крестьянских хозяйств были объединены в колхозы, было создано крупное передовое социалистическое земледелие.

Коммунистическая партия, величайший теоретик национального вопроса Сталин обеспечили впервые в истории в масштабе огромного многонационального государства ликвидацию вековой национальной розни, сплотили все народы Советского Союза в единую братскую семью.

Под руководством Коммунистической партии, под водительством Генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина Советская Армия, солдаты фронта и труженики тыла одержали победу над фашизмом во второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку: решительно ослабило силы внешних врагов СССР, вывело Советский Союз из положения враждебной изоляции, обеспечило образование непобедимого лагеря народно-демократических государств с населением в 800 миллионов человек.

Под руководством Коммунистической партии и Сталина народ наш — творец и созидатель — совершил подвиг восстановления промышленности, транспорта, сельского хозяйства, разрушенных войной, значительно превысил довоенный уровень во всех отраслях социалистической экономики и культуры и с энтузиазмом взялся за решение небывалой по масштабам задачи — всей мощью науки и техники страны воздействовать на природные процессы, обратить слепые силы природы на пользу человеку.

И среди всех великих достижений, каких добилась Коммунистическая партия, руководимая Сталиным, самым крупным достижением является наш новый, советский человек, счастливый человек социалистической эпохи, который уже с детства дышал воздухом социализма и для которого слова «фабрикант», «помещик», «эксплуатация», «экономический кризис», «безработица», «расовая дискриминация», проклятием висящие над тружениками в капиталистическом мире, являются уже отжившими понятиями.

Великий мыслитель и работник, Сталин твердой рукой воплотил в жизнь мудрые предначертания Ленина о построении социализма в одной стране и, творчески развивая марксистско-ленинскую науку в новых исторических условиях, поднял революционную теорию на высшую ступень. Он осветил светом науки марксизма-ленинизма путь партии и Советскому государству вперед, к коммунизму.

Сталин вооружил партию, весь советский народ величественной программой строительства коммунистического общества. Он указал нашей Родине пути постепенного перехода от социализма к коммунизму, оставил партии и народу цельное и законченное учение о социалистическом государстве как главном орудии в руках рабочих и крестьян в борьбе за коммунизм.

Вооруженная революционной теорией Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, умудренная полувековым опытом борьбы за интересы трудящихся, наша партия знает, как вести дело, и ведет его с успехом. Сохраняя добытое в непримиримой борьбе с врагами народа, врагами социализма свое единство, партия навсегда укрепила свои связи с народом. В трудовые будни, в радостный праздник и в беде наша партия всегда с народом, во всем опирается на могучую поддержку народа.

Советский народ питает безраздельное доверие и проникнут горячей любовью к своей родной Коммунистической партии, так как он знает, что высшим законом всей деятельности партии является служение интересам народа. И сейчас, когда Сталин ушел от нас, советские люди еще теснее сплачивают свои ряды вокруг Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и Советского правительства, направляют свои усилия на осуществление сталинской программы коммунистического строительства.

Вечно будет жить и вдохновлять на подвиги в борьбе и труде имя Сталина. Как и Ленин, он был руководителем высшего типа, горным орлом, не знающим страха в борьбе. Непревзойденный стратег революции, Сталин смотрел далеко вперед, видя и то, что сокрыто временем, мудро и смело решая сложнейшие проблемы, жизненно важные для судеб человечества.

Мы помним, какой была страна в дни, когда уходил от нас Ленин. Истерзанная, разоренная войной, зажата в капиталистическом кольце, молодая Советская Республика билась изо всех сил, чтобы ликвидировать разруху. Еще не был восстановлен даже полуниссенский дореволюционный уровень хозяйства, лишь кое-где зажигались первые лампочки Ильича, еще не удавалось ликвидировать безработицу. Воспользовавшись болезнью и смертью Ленина, враги народа, презренные выродки-троцкисты вели яростные атаки на партию и ее руководство, пророчили гибель Советской власти. Против нас тогда ополчились все темные силы старого мира. Но что же? Обладая великим сокровищем — ленинизмом, — опираясь на поддержку рабочего класса и беднейшего крестьянства, коммунисты, советский народ не поддались, не сошли с ленинского пути, одолели все трудности и повели страну к социализму.

Окинем же мысленным взором нашу Родину сегодня и проникнемся величием трудов Ленина и Сталина, величием наследия, оставленного ими партии и народу. Грандиозная, волнующая картина раскроется перед нами!

На двух континентах, от берегов Дуная до островов Курильской гряды, простирается могущественное Советское государство. Полсвета пройдет солнце, пока обогнет просторы величайшей страны мира!

Богата, обильна советская земля, сильна наша социалистическая держава. Наша Родина — это плодородные долины, высочайшие горы, полноводные реки, необозримые леса и степи, это десятки тысяч городов и сел, гигантские заводы и фабрики, шахты и электростанции, каналы и железные дороги. И всюду жизнь, бьющая ключом, полнокровная, вдохновенная! Под организующей, направляющей рукой партии, Советской власти труд, мысль и воля двухсот миллионов людей действуют целеустремленно, слаженно, плодотворно, как громадное, исполненное внутренней гармонии единое целое.

Наша индустрия — творение, собственность, краса и гордость советского народа — теперь производит все, что известно в промышленности мира. Вторая мировая война задержала промышленное развитие Советского Союза примерно на две пятилетки, и, несмотря на это, мы производим сейчас промышленной продукции почти в два с половиной раза больше, чем в 1940 году, и в тринадцать раз больше, чем в первый год первой пятилетки.

В 1955 году объем промышленного производства в СССР увеличится по сравнению с довоенным временем втрое. И это генеральное задание нового пятилетнего плана успешно осуществляется. Все более широким потоком сходит продукция с конвейеров наших социалистических заводов.

Советская деревня сегодня — это 97 тысяч колхозов, вооруженных передовой машинной техникой, передовой агрономической наукой и рас-

полагающих передовыми кадрами мастеров социалистического земледелия. Эти колхозы обслуживаются без малого 9 тысячами машинно-тракторных, лесозащитных, лугомелиоративных и машинно-животноводческих станций. В 1952 году валовой урожай зерна составил 8 миллиардов пудов. Колхозное крестьянство не жалеет усилий, обеспечивая новый резкий подъем урожайности, животноводства, дальнейшее развитие технических культур.

Могучей творческой силой в нашей стране является наука. Две тысячи девятьсот научно-исследовательских институтов, лабораторий и других научных учреждений, стотысячная армия советских ученых достигли выдающихся успехов по всем принципиально важным отраслям знания.

В науке и культуре, на всех важных постах управления и хозяйства у нас ныне стоят образованные, подготовленные кадры. В стране насчитывается 5,5 миллиона специалистов с высшим и средним специальным образованием. Каждый год высшая школа выпускает новые сотни тысяч молодых дипломированных специалистов. В 887 высших учебных заведениях Советского Союза обучается 1 миллион 400 тысяч студентов. Всего же в стране обучается почти треть населения, 57 миллионов человек.

Наша социалистическая Родина — страна труда. Люди труда, новаторы, двигающие вперед науку, культуру и технику, — вот подлинные творцы ее славы и силы. Человек возвышает наше Отечество своим блестящим патриотическим трудом.

Подлинно всенародным стало социалистическое соревнование — испытанный метод коммунистического строительства. Каждый день в стране рождается новое, множатся примеры творческой инициативы трудящихся, направленной на обеспечение непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники. Честный труд и патриотические подвиги советских людей находят высокую оценку и всемерное поощрение партии и правительства.

Зачинатели многих славных дел, инициаторы новых высокопроизводительных социалистических методов труда, новых форм социалистического соревнования олицетворяют собой лучшие черты рабочего класса, воспитанные в нем Коммунистической партией. Это скромные и смелые, умелые, образованные люди, неутомимые и волевые искатели, рабочие нового типа. Не машина им, а они машине диктуют приемы работы и «поведение» на производстве.

Рост советского человека — лучший показатель глубины общественных преобразований, свершенных в нашей стране, великий показатель превосходства строя, раскрепостившего труд, ум и творческий гений рабочего класса, всего народа.

Наше Советское государство ныне уже не единственная «Ударная бригада» мирового революционного движения. В одном строю с нами идут страны народной демократии, новые «Ударные бригады», которые появились на территории от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии. Теперь, как указывал И. В. Сталин в своей вдохновенной речи на XIX съезде партии, нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее.

Наша славная Родина — светоч коммунизма, знаменосец свободы, мира и безопасности народов. На авторитет СССР ныне опираются силы мира и демократии всех стран. Восемьсот миллионов свободных людей, сплоченных передовыми идеями человечества, идеями Ленина — Сталина, несчетное количество друзей мира и демократии во всех капиталистических странах — это непреборимая сила.

Таково наследие, оставленное нам великим Лениным и великим Сталиным!

Прощаясь со своим вождем и учителем, Коммунистическая партия Советского Союза, весь наш народ поклялись в верности великому всепо-

беждающему знамени Ленина — Сталина. В выступлениях на траурном митинге на Красной площади во время похорон Иосифа Виссарионовича Сталина Председатель Совета Министров СССР товарищ Г. М. Маленков и первые заместители товарищи Л. П. Берия и В. М. Молотов призвали советских людей множить свои усилия в осуществлении грандиозных задач, стоящих перед советским народом, увеличивать свой вклад в общее дело строительства коммунистического общества. Этот призыв Коммунистической партии и Советского правительства выражает думы и стремления всего нашего народа — рабочего класса, крестьянства, интеллигенции.

Направляющей, руководящей силой советского народа является Коммунистическая партия. Великая партия Ленина — Сталина будет и впредь свято хранить стальное единство и монолитную сплоченность своих рядов, еще больше укреплять неразрывные связи с народом, воспитывать коммунистов и всех трудящихся в духе высокой политической бдительности, в духе сталинской непримиримости и твердости в борьбе с врагами — внутренними и внешними.

Руководствуясь учением Сталина о Советском государстве, как главной орудии построения коммунизма в нашей стране, партия и правительство, весь наш народ всемерно укрепляют и будут дальше неустанно укреплять свое великое социалистическое государство — оплот мира и безопасности народов.

Все усилия партии и народа направлены на то, чтобы обеспечить дальнейший расцвет социалистической Родины. Необходимо всемерно развивать социалистическую промышленность — этот оплот могущества и крепости нашей страны, всемерно укреплять колхозный строй, добиваться дальнейшего подъема и процветания всех колхозов, крепить союз рабочего класса и крестьянства.

Высшим законом для нашей партии и правительства продолжает оставаться забота о благе народа, забота о том, чтобы непрерывно повышалось материальное благосостояние советских людей, поднимался их культурный уровень, забота о том, чтобы труженик получал достойную и щедрую награду за свои труды на благо социализма.

Ярким выражением этой заботы партии и правительства о народном благосостоянии является постановление Совета Министров и Центрального Комитета Коммунистической партии о новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары с 1 апреля 1953 года. Выгода населения от этого, уже шестого после войны снижения цен составит за год не менее 53 миллиардов рублей. Постановление партии и правительства с огромным удовлетворением встречено всеми трудящимися нашей страны.

У нас, в стране социализма, разрешен один из самых сложных вопросов в истории развития общества — национальный вопрос. Задача состоит в том, чтобы и дальше укреплять единство и дружбу народов Советской страны, укреплять советское многонациональное государство. При братской дружбе между народами нашей страны и прочном объединении всех советских национальных республик в системе единого великого Союза Советских Социалистических Республик нам не страшны никакие враги.

Наш народ знает, что предметом неустанных забот партии и Сталина являлось укрепление обороноспособности СССР и упрочение советских Вооруженных Сил. Экономическое и военное могущество социалистического государства, родное детище нашего народа — Советская Армия представляют собой несокрушимую силу. Доблестные советские Вооруженные Силы оснащены всеми видами современного оружия, обогащены опытом Великой Отечественной войны. Обороноспособность и могущество Советского государства и его Вооруженных Сил будут и впредь расти и крепнуть.

Партия, правительство, советский народ проявляют бдительность и твердость в борьбе против всех и всяческих козней наших врагов. Социалистическое государство провело широкую амнистию в отношении людей, совершивших преступления, не представляющие ныне большой опасности для общества. Советское правительство строжайшим образом ликвидировало преступную попытку со стороны некоторых работников бывшего Министерства государственной безопасности нарушить советскую законность и возвести поклеп на честных советских граждан, выдающихся деятелей советской медицины. Враги, попытавшиеся разжечь в нашем спянном морально-политическом единстве, идеями пролетарского интернационализма обществе глубоко чуждые ему чувства национальной вражды, разоблачены. Социалистическая законность, охраняющая права советских граждан, записанные в великой Сталинской Конституции, будет и впредь стоять на страже этих священных прав. Но мы, советские люди, должны также помнить, что, пока существует капиталистическое окружение, есть и неизбежно будут повторяться попытки забросить к нам шпионов и диверсантов. Поэтому Родина не прощает, а, наоборот, карает сурово и беспощадно изменников и предателей, агентов империализма — мерзавцев, которые еще ходят по нашей земле и вокруг, покушаясь на самое дорогое — целостность и неприкосновенность нашего государства, нашего социалистического образа жизни. Бдительность должна и впредь оставаться для нас законом.

Советский народ понимает огромное международное значение социалистического строительства в нашей стране. Забота об укреплении Советского государства, его обороноспособности, о дальнейшем расцвете социалистической экономики и культуры, политическая бдительность — это долг всех советских людей не только перед своим народом, но и перед всем человечеством.

Советский Союз находится во главе великого демократического лагеря свободных, миролюбивых народов. Верные принципам пролетарского интернационализма, знамени Ленина—Сталина, Коммунистическая партия и народы СССР будут и впредь всемерно крепить узы дружбы и солидарности, экономическое и культурное сотрудничество всех стран народной демократии, развивать и укреплять дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, борющимися за мир, демократию и социализм.

Внешнюю политику Советского государства с первых дней революции Ленин и Сталин определяли, как политику мира. Коммунистическая партия и Советское правительство со всей твердостью и последовательностью ведут и будут продолжать эту политику, единственно правильную, отвечающую жизненным интересам советского народа.

Советское правительство вновь и вновь подтверждает, что оно стоит за политику мира между народами, боролось и будет бороться против подготовки и развязывания новой войны, что оно за политику международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами, которые стремятся к этому.

Советский народ единодушно поддерживает как внутреннюю, так и внешнюю политику Советского государства, безгранично верит своей родной Коммунистической партии, ее ленинско-сталинскому ЦК, Советскому правительству. Партия и правительство высоко ценят это доверие народа.

Враги трудящихся не увидят ни паники, ни разброда, ни растерянности в стальных рядах нашей партии, в многомиллионных массах советского народа. Партия и народ в нашей стране всегда были едины. Кто не слеп, тот видит, что все народы Советского Союза в братском единении с великим русским народом еще теснее сплотились в эти дни вокруг Коммунистической партии и ее Центрального Комитета, вокруг Советского правительства.

Сталин умер смертью воина и борца среди трудов и начинаний. И как сам он двадцать девять с лишним лет тому назад принял великое знамя Коммунистической партии из рук Ленина, он, уходя от нас, передал его в верные, крепкие руки славной когорты своих соратников, своих учеников, негнибаемых деятелей ленинского типа, сталинской школы.

Полное и безраздельное доверие партии и правительству советский народ выразил одобрением решений, принятых высшим органом государственной власти нашей страны — Верховным Советом СССР — на мартовской сессии.

Верховный Совет СССР почтил светлую память своего первого депутата И. В. Сталина и придал силу закона важным мероприятиям, которые были выработаны на совместном заседании руководящих органов партии и государства, чтобы обеспечить бесперебойное и правильное руководство страной.

Верховный Совет уделил большое внимание преобразованию министерств СССР. Мероприятия по укрупнению министерств, по объединению в одном министерстве руководства родственными отраслями народного хозяйства и культуры назрели не сегодня. Они уже длительное время, еще при жизни И. В. Сталина, вынашивались партией и правительством. В связи с тяжелой утратой, которую понесла страна, партия и правительство лишь ускорили проведение в жизнь назревших организационных мер по дальнейшему улучшению руководства государственной и хозяйственной деятельностью. Партия и правительство исходят из того, что сила нашего руководства состоит в его коллегиальности, сплоченности и монолитности, что надо еще более активно бороться за реализацию выработанных партией и правительством планов по дальнейшему развитию СССР, активнее и успешнее осуществлять эти планы. Улучшение государственного и хозяйственного руководства, несомненно, создает лучшие условия для успешного решения стоящих перед нашей страной исторических задач.

«Советский народ, — гсворит товарищ Г. М. Маленков, — глубоко уверен в своих силах. Мощь Советского государства, морально-политическое единство советского народа велики и несокрушимы как никогда. Советское Правительство посвятит все свои силы борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране, за свободную и счастливую жизнь советского народа.

Мы пойдем вперед по пути строительства коммунизма в тесном единении партии, Правительства и советского народа, дружной братской семьей всех народов Советского Союза!»

Планы советских людей на будущее грандиозны. Они опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную великим Сталиным, на труд и опыт десятилетий, на неисчислимые силы народа, который знает, чего он хочет.

В мире нет таких сил, которые могли бы остановить поступательное движение советского общества к коммунизму!

Вдохновенно работая на благо нашей социалистической Отчизны, мы, советские люди, помним, что нас осеняет и зовет к новым победам труда и созидания великое, непобедимое и всепобеждающее знамя Ленина — Сталина.

Под знаменем Ленина — Сталина вперед, к новым победам коммунизма!

Заветный свет

В день торжества и даже в час печали
Мы приходили

именно сюда

И, затаив дыханье, замечали:
В знакомых окнах
Свет горел всегда.

Кремлевский свет!

Его не погасили

Уход вождя и траур этих дней.

Мы скорбь и горе

превращаем в силу

И с каждым днем

Становимся сильнее.

И если наступает тьма *ночная*,—

В заветных окнах виден тот же свет.

По-сталински,

усталости не зная,

Работает

Центральный Комитет.

Только вперед!

По воле душевного зова,
готовые в дальний поход,
даем нерушимое слово:
за партией!

Только вперед!

Пусть вихрь обжигает нам лица —
не страшен любой перевал.
Учиться,

учиться,

учиться! —

Так мудрый Ильич призывал.
Так Сталин великий упорно
на подвиги звал молодежь.

Стоишь ли у жаркого горна,
сверяешь ли сложный чертеж,
ведешь ли по ровному полю
могучий послушный комбайн, —
всю страсть молодую и волю
любимому делу отдай.
Открыта прямая дорога,
по-сталински твердо иди.
Вершин завоевано много,
но главная цель —
впереди.

Клятва народов

Необъятная Русь нынче в этом клянется:

— Сталин в сердце моем навсегда;

Гений Сталина нас вдохновляет!

Солнце Сталина вечно сияет.

И Кавказ величавый сегодня клянется:

— Сталин в сердце моем навсегда;

Ведь дела и высокие думы его —

Крылья жизни моей и мое торжество!

Украина цветущая нынче клянется:

— Сталин в сердце моем навсегда;

Сталин — сеятель счастья, свет жизни моей,

Самый мудрый наставник моих сыновей!

Слышу, Средняя Азия нынче клянется:

— Сталин в сердце моем навсегда;

Он — садовник, взрастил он свободу мою,

И в пустыне былой я сады создаю!

Белоруссия вольная нынче клянется:

— Сталин в сердце моем навсегда;

Он во взорах моих синеглазых детей,

Он в колосьях моих урожайных полей!

И Прибалтика наша сегодня клянется:

— Сталин в сердце моем навсегда;

Он живет на заводах моих, на полях,

На зеленых лугах, на морских кораблях!

И клянутся сегодня Корея, Китай,

И Балканские горы, и вольный Дунай —

Защищать молодую свободу,

Новой жизни весенние всходы.

Держит Партия алое знамя свободы;

Поведет она к новым победам народы.

Монолитна она, и крепка, и сильна,

И любые преграды разрушит она!

Баллада о двух друзьях

Март месяц.
Но все еще лютая вьюга
Ночную порой по Москве колобродит.
Два юных товарища,
Верных два друга
Опять
У стены Мавзолея проходят.

Их головы
Снежным порывам открыты,
В руках
Запущенные шапки белеют...
Морозец скрипит.
А на мраморных плитах
Цветы отраженных огней пламенеют.

Один
После смены приехал с завода.
Другой
Из вечернего вуза приехал.
Ни позднее время, ни злая погода —
Тому, что задумано,
Не помеха...

И против фронтона,
Где с именем Ленин
Товарища Сталина имя слилося,
Два друга
К земле преклоняют колени
И клятвы слова,
Как один, произносят.
Они говорят
От лица молодежи,
Обязанной партии ясной судьбою.
Друзья
В этот час на гвардейцев похожи,
Встающих
Под знамя свое боевое...

Шаги часовых

В тишине раздаются.
Потоком пурги
Мавзолей опоясан.
Быть верными делу народа
Клянутся
Два юных гвардейца рабочего класса.
Встают они...
Мысли друзей — об Отчизне.
В безмолвии полном взволнованно дышат.
Сквозь вьюгу
Дыханье весны коммунизма
Два друга
Сердцами горячими слышат.

Быть с партией вместе
Нет счастья дороже!
И видят друзья
Среди ночи ненастной,
Что тысячи тысяч пришли сюда тоже,
Стоят рядом с ними
На площади Красной.

Школьница

Когда к маю снега растаяли,
когда площадь цвела от солнца,
видел я,
 как с букетом
 к Сталину —
с ноготок — подбежала школьница.

Обнял Сталин ее,
 и поднял,
и поставил на теплый камень.
И всю площадь
 рекой заполнил
шум счастливых рукоплесканий...

...В день прощанья страны
 со Сталиным
шла со школой своей,
 с венком она,
и в душе ее след оставила
всенародная
 боль огромная.

Только завтра ты снова склонись
над тетрадкой своей
 на парте.
Скоро Первое мая,
 школьница,
тебя к солнцу поднимет
 Партия.

И наследство тебе оставлено,
как и всей
 трудовой Отчизне:
ты раскрыла
 страницы
 Сталина,
говорящие нам
 о жизни!

Минуты эти

В полдень
 девятого марта
вышли на площадь мы.

С залпом
 тридцатикратным
остановился мир...

С болью в душе
 ткачихи
ткать перестали шелк.

В кузнице
 стало тихо,
горный комбайн умолк.

И за минуты эти
каждый
 сказал себе:
быть
 за страну в ответе,
первым — в ее борьбе.

Клятвой
 гремели залпы
в строгий, прощальный час.

Каждый
 ему сказал бы:
— Встань и живи за нас!

Будем мы строить
 то, что
ты завещал создать,
преданно,
 верно,
 точно,
в сторону — ни на пядь!

Остановился
 будто
самой земли полет...

Но —
 после пятой минуты
жизнь понеслась вперед:

На знаменах — красный цвет борьбы

Партия!
В единстве не слабы,
Чувствовали мы и различали:
На знаменах — черный цвет печали,
На знаменах — красный цвет борьбы.

Путь широкий — не окинуть глазом —
Завещал отец пройти сынам,
И свое бесстрашье, силу, разум
Сталин, уходя, оставил нам.

Вкладывая в труд неутомимый
Волю, что воспитана вождем,
Мы идем за партией любимой
Ленина и Сталина путем.

Партия,
В делах твоих нетленен
Образ тех, кто спит, глаза смежив, —
Вечно жив в тебе
Великий Ленин,
И великий Сталин
Вечно жив!

Мысли их — в делах людей навеки,
Имена — на знамени твоём.
Партия,
Как будто к морю реки,
Мы к тебе —
Нам нет числа —
Идем.

И не только в стенах Пантеона,
Сколько будет жизни впереди, —
В памяти и в сердце миллионов
Будут жить
Великие вожди.

Люди мира пять минут молчали,
Был им виден свет большой судьбы.
Превратились в силу
Дни печали,
На знаменах — красный цвет борьбы!

Он указал нам на века дорогу

Мы видели его под Сталинградом,
В осенний холод,
В лютую пургу...
Иль под Москвой,
С панфиловцами рядом,
Где он к Москве отрезал путь врагу.

Деревня неизвестная Чернушки,
Февральская метельная пора.
В глазах:
Зола сожженной деревушки,
Голодная, босая детвора.

А впереди — конца не видно бедам.
Матросову не спится до зари...
В землянку входит вождь
Бойцов проведать
И говорит, что близок час победы,
О мирной жизни людям говорит.

И верю я,
В весеннем шуме леса
На стройках, что мы создаем сейчас,
Подаст сигнал он ленту перерезать
И с коммунизмом сам поздравит нас.

Мы вместе с ним
В бетон оденем Волгу,
Каналы, реки проведем в песках.
Он указал нам на века дорогу,
И нас ведет по ней его ЦК.

Голубые огни

Роман

Глава 1

Кому не ведомо чувство, которое охватывает человека, если впереди трудный участок работы! Хочется поскорее испытать силы, увидеть новых людей и найти среди них друзей и помощников. Но не только это волновало Александра Макаровича Колыхалова, когда он сидел в приемной секретаря Обкома. Была к тому и другая причина.

Еще утром ему вспомнилась Зоя Николаевна и так явственно, живо, что он, казалось, отчетливо услышал ее окающий говорок, увидел горделиво откинутую назад голову — всю в черных, как уголь, причудливых завитушках. Первый раз он встретился с ней в доме охотника-шорца Кусургашева год назад во время каникул.

Возвратясь с охоты на диких коз, усталые Александр Макарович и Кусургашев молча чистили ружья. Колыхалову сильно хотелось спать. Болели натруженные ноги, утомленно клонилась голова, и как только дрема смежала ресницы — сразу возникали картины, увиденные на охоте. Отголоском дошли слова Кусургашева: «Зойка идет». А Колыхалову в тот момент виделась цветущая падь у подножья обрывистой сопки, на самом гребне которой стояла дикая коза, словно высеченная искусным мастером из серого с розоватой прожилкой камня. «Послушай, Кусургашев, ведь это не Зойка, а коза», — мысленно не соглашался Александр Макарович. «Однако, Зойка», — повторил охотник, и она вошла в дом.

«Так и есть, коза», — Колыхалов усмехнулся. Зойка горделиво посмотрела на него, еле заметно кивнула головой в знак приветствия. Затем Кусургашев и она долго сидели безмолвно. Охотник курил свою длинную трубку, замысловато сделанную из кости сохатого, Зойка настороженно и недоверчиво поглядывала на Колыхалова. Казалось, сделай он хоть одно движение, и Зойка, как дикая коза, метнется в цветущую падь.

— Моя племянница, — охотник указал на нее трубкой. — Зоя Николаевна.

Александр Макарович и она встретились взглядами. О том, что Зоя Николаевна — шорка, говорил лишь немного раскосый разрез светлокарих глаз да смуглый цвет лица, черты которого поражали своей правильностью. Колыхалов рассматривал ее сначала просто с любопытством, как редкую по исполнению вещь — холодную, бескровную. Потом появилось желание потрогать ее девичьи стройные руки, лежавшие на коленях, поправить черное колечко волос, как-то нескладно спадающее над маленьким розовым ухом; наконец, сказать: «Зоя, для чего хмуришь брови? Ведь эти две складочки между ними только портят умный высокий лоб!..»

Может быть, по каким-то особым, присущим ей одной свойствам Зоя разгадала мысли Колыхалова, или просто ей надоело сидеть неподвижно, только Александр Макарович заметил, как дрогнули ее губы, и она, повернувшись к нему вполоборота, обратилась к охотнику на шорском

языке. Из всей фразы Колыхалов понял лишь одно слово, произнесенное по-русски: «беда».

Кусургашев в ответ сокрушенно покачал головой, выпустил изо рта облако зеленого дыма, кивнул Александру Макаровичу:

— Сказывает, медведи повадились. Беда с ними. Зойка там, у Актыш-горы, двумя псеками заведует. Шибко далеко, паря... Собсем глухой тайга. Э-э-э, шибко глухой...

У двери стояло новое двуствольное ружье, которое сняла с плеча Зоя Николаевна. Колыхалов посмотрел в ту сторону, и охотник понял его по-своему:

— Один медведь Зойка стрелял. Крабрый девчонка. Другой медведь ходил псека... другой медведь — другой псека. Зойка — туда, Зойка — сюда. Собсем беда.

— И вы не боитесь? — искренне удивился Колыхалов, обратясь к Зое Николаевне.

Она не ответила. И без того румяные ее щеки зарделись.

— Одна!.. У Актыш-горы!.. — продолжал удивляться Александр Макарович.

На этот раз Зоя Николаевна улыбнулась. Колыхалов порывисто поднялся с намерением подойти поближе, но путь ему преградила собака. Блеснули ее острые крючковатые клыки.

— Кукла!.. На место!.. — властно остановила собаку Зоя Николаевна. — Видите, не одна, — полушутя произнесла она на чисто русском языке и снова взглянула на Колыхалова. Удивленный и взглядом, и услышанным, и волчьей пастью собаки, он вернулся на прежнее место и все смотрел и смотрел на чудесную шорку...

«А Зоя Николаевна не пользуется губной помадой, — размышлял теперь Колыхалов, наблюдая за быстрыми пальцами машинистки в приемной секретаря Обкома. — Она носит серенькое ситцевое платье с рюшкой на рукавах и груди. От вас, гражданочка, догадываюсь, «Белой сиренью» пахнет. А от Зои — медом, всеми цветами тайги... Эх, чорт возьми, тайга-матушка!..»

— Товарищ Колыхалов, вас просят войти.

Мысли вспорхнули, перепутались. Все заслонила шахта «Первая». Кедровый рудник Колыхалов знает неплохо: перед уходом в областную партийную школу довелось поработать главным инженером на шахте «Бис», он участвовал в нескольких комиссиях, создававшихся трестом, по всевозможным проверкам состояния горных работ, механизации. Что же касается «Первой» — она для него темный лес. Побывать на ней не пришлось. Нередко характеризовали ее отрицательно, называли кратко «Гроб» и длинно — «Первая» от заду». Там часто менялись начальники и партийные руководители. Как-то не уживались, не срабатывались. «На этой шахте многие погорели, — не соглашайся», — советовал Колыхалову один из слушателей-выпускников партийной школы.

«Нет, нет! Только туда. На «Первую». Ведь там Зоя».

— Прекрасно, — попыток разговора секретарь Обкома, открывая сейф, — мы учли ваше желание и решили рекомендовать вас на «Первую». Кстати, знаете, как там обстоят дела с планом угледобычи?

— Не выполняют. — Колыхалов воспользовался не совсем точной информацией. — Впрочем...

— Впрочем, не знаете... — Секретарь Обкома, приблизительно одних лет с Колыхаловым, сутуловатый, со светлыми, почти белыми глазами, по-детски розовощекий, нашел в папке нужный документ, заложил целлулоидной линейкой. — Оказывается, — продолжал он, — шахта план выполняет. Более того, перевыполняет. Но там, как и на многих шахтах, имеются недостатки: неупорядочен труд горняков. Вам предстоит разобраться, в чем там дело. Плохо выполняется вот этот документ. — Секре-

тарь Обкома раскрыл папку и подал ее Колыхалову. — Надеюсь, вы с ним знакомы?

— Указание Центрального Комитета о партийно-политической работе? Конечно, знаком!

Секретарь Обкома обстоятельно изложил ближайшие задачи партийной организации шахты. Колыхалов подумал: «К чему такие подробности!» Наконец тот сказал: «Все». Колыхалов понял, что беседа окончена, поднялся:

— Можно итти?

— Да... А знаете, кто начальником шахты «Первая»?

— Горюнов... Иван, кажется, Владимирович...

— Он. Вы лично знакомы?

— Нет... Слышал...

— Так вот... Этот самый Иван Владимирович — человек, надо сказать, дельный... Но... впрочем, не будем забегать вперед. Присмотритесь — сами дадите характеристику... Он вам понравится.— Секретарь Обкома сказал все это с оттенком юмора, озадачив Колыхалова.

— Можно итти? — вновь спросил он.

— Вы нетерпеливы! — с улыбкой заметил секретарь Обкома.— У меня к вам еще есть вопрос: мне известно, что во время войны у вас без вести пропала жена. Неужели до сих пор ничего не знаете?

Колыхалов вздохнул:

— Погибла она... — И опять в сознании встала Зоя Николаевна.

— Печально.— Секретарь Обкома постучал указательным пальцем правой руки по толстому настольному стеклу.

По совету секретаря Обкома Колыхалов должен был встретиться с Горюновым во Дворце труда, где заканчивалось совещание руководителей шахт и стахановцев Кузбасса по вопросу комплексной механизации угледобычи, и, послушав выступление заместителя министра, вместе с Иваном Владимировичем выехать в Кедровое.

Туда, на совещание он и направился из Обкома партии.

Близился вечер. Морозило. Зима еще время от времени давала о себе знать. Ни с того, ни с сего из-за крутого поворота реки Томи в каменистый высокий берег ударят холодные порывы ветра, и над городом поплывут низкие клочковатые тучи, и все побелеет вокруг от сильного снегопада. Но все равно по обочинам мостовых и тротуаров бегут и бегут ручьи в помрачневшую перед ледоходом Томь.

Колыхалов шел и все прислушивался к журчанию невидимого ручья. Солнце сегодня поработало усердно. В воздухе струился тот горьковатый запах пригретых рябин, по которому угадываешь, что где-то недалеко весна — с цветами, с птичьим гомоном.

«...Душе настало пробужденье, и вот опять явилась ты...». — одними губами произнес Александр Макарович.

И если бы его спросили, к чему это относится — к весне или к Зое Николаевне, он не смог бы ответить...

Глава 2

За трибуной стоял молодой человек лет двадцати двух. Говорил приятным тенорком, спокойно и просто, сопровождая речь уверенными, широкими жестами. Во всей его фигуре чувствовалось здоровье сибиряка, каким немногих награждает природа.

Выслушав реплику из зала, он обернулся к президиуму, кивком головы поправляя волосы:

— Вот я и говорю, товарищ заместитель министра... Наша молодежь, несправедливо названная здесь «горняками без пяти минут», всей душой любит технику. Машина не только облегчает труд,— она вызывает у мо-

лодежи интерес к нему. Я помню, будучи ребенком, не любил, когда мать штопала носки, и часами с интересом наблюдал работу швейной машины.

— Правильно, товарищ Смыслов! — басовито подтвердил заместитель министра. — А некоторые наши старые горняки все еще штопкой занимаются в угледобыче... Поэтому у них и прорехи всюду... Я вас перебил, извините.

Выждав, пока утихнет движение в зале, Смыслов продолжал:

— Справедливость моих слов легко проверить. Спросите любого парня, который вырос на руднике. Любит ли он шахту? Ответит: люблю. Пойдешь работать люкогрузчиком? Не хочу, скажет. А машинистом комбайна или электровоза? С удовольствием. Видите, что получается!

Послышались редкие аплодисменты. Смыслов взглянул на часы и стал собирать разложенные перед собой листки из блокнота:

— Я хотел бы сказать: сила и сноровка — вещи нужные. Во всем этом молодежь не может сравниться с опытными горняками. Но мы не кулачный бой собираемся проводить, а соревноваться в труде, который у нас стал делом чести, доблести и геройства, как сказал товарищ Сталин. Мы обещаем овладеть передовой техникой угледобычи, а старички пусть помогут нам, передадут свой опыт...

Смыслов пошел со сцены, но заместитель министра остановил его:

— У меня к вам вопрос, товарищ Смыслов. А что все же мешает молодежи овладевать техникой?

Смыслов чуть помедлил, обдумывая ответ, и громко произнес:

— Дни высокой дезорганизации труда.

В зале раздались аплодисменты и кто-то весело крикнул: «Правильно!» Заместитель министра развел руками, недоумевая:

— Вы оговорились, товарищ Смыслов?

— Нет, товарищ заместитель министра, я назвал эти дни по-горняцки.

Зал еще более оживленно поддержал реплику Смылова. Сопровождаемый аплодисментами, он прошел на свое место.

Александр Макарович захотелось узнать, с какого рудника этот молодой человек. Фамилию «Смыслов» он где-то слышал, но где, не мог вспомнить. Может быть, даже встречал в газетах. Сосед по креслу слева ответил: «Кажись, с Киселевского»; сосед справа: «Вроде бы, с Кедровского». Тут слова попросил заместитель министра, и Колыхалов не стал больше никого спрашивать...

«Конечно, было бы очень хорошо иметь таких на шахте «Первая», — подумал он. «Первая» для него теперь приобрела особый смысл. Там должна начаться его партийная работа. «На ней многие погорели». Что же ожидает его? Не скажет ли со временем кто-нибудь: «И Колыхалов погорел! Я предупреждал». А совет секретаря Обкома разгонял мрачные мысли: «К народу поближе. В нем мудрость-то вся».

На совещании Иван Владимирович вел себя заносчиво. В перерывы посмеивался над знакомыми начальниками, получившими «взбучку».

— Эй, Власов, где ты? — заходя в курительную комнату, звал Иван Владимирович. — Ха-ха, наддали, брат, тебе ловко! — и обращался к окружающим: — Гляжу, Власов-то сидел все — нос кверху и вдруг сползть стал с кресла. Что такое? Ба! Силкин на трибуну поднимается. Ха-ха, как же он его раскладывал!.. — И советовал нарочито серьезно: — Пойди-ка, Власов, в буфет да пива выпей. Смотри, от тебя, ей-богу, пар валит! Ха-ха!..

Но, слушая речь заместителя министра, Иван Владимирович почувствовал недоброе. «Сейчас до меня доберется, — размышлял он. — Скажет: Горюнов самоуспокоился, прикрывает недостатки выполнением плана. На шахте отстают подготовительные работы, не видно роста производительности, комбайны «Донбасс» лежат на складах, заморожены огромные капиталы...

Знаю, все знаю. И дисциплина слабовата, и выработки запущены, и зольность процент в процент к стандарту. Но не лучше моего и на других шахтах рудника. Разве я один всячески выкручиваюсь в конце месяца? Везде помаленьку допускают эту самую штурмовщину. Зато я план перевыполняю и перекрываю грешки других шахт. Вон Линьков, управляющий нашим трестом, в президиуме сидит, делает вид, будто его не касается, о чем заместитель министра говорит. Хитрая бестия!..»

Заместитель министра отпил из стакана глоток воды, сказал:

— Посмотрим, что скрывается за мнимым благополучием на шахте «Первая» Кедровского рудника. Начальник шахты товарищ Горюнов...

Кто-то тихо шепнул: «Поздравляю, Иван Владимирович», кто-то тронул сзади: «Каково самочувствие?»; сидевший впереди начальник шахты «Капитальная» Власов обернулся, многозначительно подмигнул.

От волнения, от броских, косых взглядов в его сторону Горюнов не сразу сосредоточился. Опершись на спинку кресла, в котором сидел Власов, он смотрел на заместителя министра с грустным укором. «Я же ему все сам доложил. Просил помощи, а он меня же и раскладывает! Несправедливо, несправедливо...»

Горюнов в состоянии был воспринимать лишь отдельные фразы:

— Мы Горюнова предупреждали... У него были возможности выправить положение... Он обещал...

Иван Владимирович ждал чего-то страшного. Что стоит заместителю министра сказать: «Хватит нянчиться с Горюновым. Мы решили...» Никто же не знает, как трудно приходится ему одному. У других начальников дельные партийные работники, у Горюнова же длительное время никого нет. Почему ни Обком, ни Горком не подобрали подходящего человека?

Видимо, заместитель министра собирался заканчивать свое выступление. Он обратился к председателю и попросил еще две-три минуты. Горюнов ждал выводов, и заместитель министра подытожил:

— Иван Владимирович — старый горняк. Я не сомневаюсь, что он понимает, какие требования мы предъявляем к нему, как к опытному руководителю. Никто не собирается умалять его заслуги. Обеспечить выполнение государственного плана — уже успех. Горюнов план перевыполняет. Вместе с этим ни с него, ни с других начальников шахт не снимаются обязанности смотреть вперед, наращивать производственные мощности. Ключ к этому — прочный фронт, дальнейшая механизация, умелая организация труда и высокая культура производства...

Не то чтобы не любил Иван Владимирович критики. Он попросту боялся ее, как боится кнута молодая, необъезженная лошадь, кидаясь с дороги в сторону, ломая оглобли, надсажая себя. Горюнов не сидел сложа руки, нет! Принимая всю ответственность на себя, он метался по участкам шахты, как одержимый, не спал ночами, до хрипоты ругался с горным надзором. Схватится сразу за все: за механизацию, за дисциплину, подтянет немного подготовительные работы, — бах! — звонок из треста: «Горюнов! Почему снижаешь темпы добычи?»

— Так ведь, товарищ Линьков...

— Ничего не знаю. Мне нужен уголь. На меня нажимает комбинат. Твои объяснения я не буду грузить в эшелоны. Изволь сегодня-завтра ликвидировать задолженность.

— Товарищ Линьков, какая же у меня задолженность?! Ежедневно я даю сверхплановый уголь!..

— Когда сядешь на мое место, тогда будешь командовать. Приучи себя уважать распоряжения треста!..

Все знает Иван Владимирович, знает, для чего Линькову нужен сверхплановый уголек шахты «Первая». Во-первых, покрыть невыполнение плана шахтами «Четвертая» и «Пятая», подать благополучную сводку в комбинат — 101,9 процента по руднику в целом. Во-вторых, «Первая» дает

коксующийся уголь высокой марки,—стало быть, и с этой стороны выгодно поднажать на «Первую» и выйти по тресту с перевыполнением плана добычи кокса. Что остается делать? Остается объявлять аврал, увеличивать суточные задания участкам, дезорганизовывать работу ремонтных смен и подготовительных участков, требовать от них добычи угля,— одним словом, штурмовать в ущерб благополучию шахты, в угоду Линькову. Вот бы о чем следовало рассказать заместителю министра. И собирался ведь, да не решился. Свыкся Иван Владимирович с недостатками, не желает портить отношения с управляющим треста. Все думает выйти в конце концов из этого заколдованного круга: и шахту поставить на прочные ноги и с Линьковым не поссориться.

Подсмеиваются над Горюновым знакомые начальники шахт, разбирая пальто в гардеробе. А это кто такой руку протягивает? Поздравить хочет! Мол, с выволочкой вас, Иван Владимирович!

— Да ну вас! — Горюнов отмахнулся.

— Почему?! Знакомиться не хочешь?! Я Колыхалов.

— Ну?

— Разве не известно, что меня на вашу шахту рекомендуют?

— Кем?

— Парторгом Цека.

— А-а! Колыхалов? Здорово, здорово!

Перед Горюновым стоял человек с веселым лицом, улыбочными серыми глазами. Он был чисто выбрит, подтянут, словно собирался на первомайский парад. Горюнову не понравилось всё: скрипучие, до блеска начищенные сапоги Колыхалова, черный с иголки костюм, русская полотняная рубашка, расшитая на груди,— ничего не понравилось.

«Щеголь какой-то. За бабами будет бегать! Наверно, думает: тяп-ляп, и план выполнен. Взять тебя, такого напмаженного, по участкам провести. О-го-го-о!»

— Слышал, о чем заместитель министра толковал? — спросил Горюнов, одеваясь.

— Слышал.

— Учти. Тебя тоже касается!..

Они расстались, договорившись встретиться утром на вокзале. Горюнов побежал в дежурный магазин купить подарки Саньке и Лидке. Жена, Ольга Дмитриевна, наказывала привезти мясорубку, да где найдешь ночью?! «Вечно эти жены придумают чорт те что!..» — пожаловался он Колыхалову.

«Эх, Горюнов, Горюнов! Не замечаешь даже, какой-ты счастливый. Жена... дети...» — размышлял Александр Макарович по дороге к трамвайной остановке.

* * *

В областном драматическом театре ставили «Испанского священника». Александр Макарович пришел задолго до начала спектакля и, чтобы скоротать время, решил посидеть в читальном зале библиотеки. Там встретил Смыслова. Молодой человек бегло просматривал подшивку журнала «Уголь» и о чем-то досадовал про себя. Колыхалов, желая узнать, с какого он рудника, сел к тому же столу. Смыслов заговорил первым:

— Простите, не можете ли вы сказать мне, в каком номере напечатана статья о цикличной организации труда?

— Таковую статью я читал в «Правде», — ответил Колыхалов. — В этом журнале не встречал. Она вас интересует?

— Очень! — оживился Смыслов. — На днях я поспорил с начальником шахты и хочу ему доказать, что штурмовщина нарушает образ жизни советского человека. А он мне...

— Граждане, потише! — предупредила библиотекарь. — Вы мешаете другим.

Смыслов перешел на шопот.

— А он говорит, будто я не знаю, вернее, не понимаю специфических условий работы угольной промышленности. Горняки, говорит, передовой отряд трудящихся, поэтому должны думать только о том, как бы больше давать угля Родине.

Библиотекарь посмотрела в их сторону, покачала головой. Смыслов умолк.

Колыхалов подождал, пока Смыслов прочитает статью в «Правде», чтобы вместе выйти из зала. Спускаясь по лестнице со второго этажа, познакомились. Василий Смыслов оказался навалотбойщиком шахты «Первая», куда не так давно перешел с «Десятой», чтобы в скором времени принять молодое пополнение — стать бригадиром комсомольско-молодежной бригады из выпускников горного училища.

Бродили по скверу. Василий был возбужден.

— Нет, я все же прав, — начал он, возвращаясь к прерванному разговору. — И в «Правде» об этом пишут...

— О чем? — спросил Колыхалов.

— О механизации, о цикличной работе. — Василий помолчал, раздумывая. — Я не согласен с Иваном Владимировичем — с начальником нашей шахты. При таких условиях труда горняки не могут быть передовым отрядом...

— Серьезно? — удивился Колыхалов.

— Вполне.

— Почему это не могут быть, когда товарищ Сталин дал такое определение горнякам?!

Смыслов остановился, подумал.

— Вы согласны с Горюновым?

— Нет, с товарищем Сталиным, с его определением роли горняка.

— Вот ведь... и вы тоже!.. — произнес Смыслов. — Вертится у меня в голове хорошая мысль, а высказать не могу. Получается: я против того, чтобы больше добывать угля. Так — по-вашему? Нет. Я за это! Если горняки — передовой отряд, так почему же они должны последними притти в коммунистическое общество? А?!

Колыхалов улыбнулся, подумал: «Молодец! Очень жаль, что ты не высказал этого заместителю министра».

— У тебя какое образование, товарищ Смыслов? — обратился он, беря под руку молодого горняка.

— Среднее. А что?

— В комсомоле давно?

— Прямо из пионеров, а мне уже двадцать три. Почему улыбаетесь?

— Радуюсь, Василий Смыслов. Радуюсь! — Александр Макарович еще крепче прижал к себе локоть Смылова. — Продолжай, Вася!

— О чем?

— Да о том же, почему горняки последними могут притти в коммунистическое общество?

— Опять поймаете на чем-нибудь! — потупился Смыслов. — А вот не знаете, как трудно и на работе быть передовым и учиться. Политзанятия без конца пропускаю. Стыдно прямо, хвалят: «Смыслов — стахановец! Берите с него пример!» Какой пример, если у меня очень часто сутки делятся только на две неравные части: шестнадцать часов штурма в шахте, восемь часов на сон и все остальное. Справедливо это?

— Нет.

— Видите, а подсмеиваетесь, что я слабоват теоретически! — Василий вновь загорелся. — Понимаете, ведь я обязательно буду жить в коммунистическом обществе. А что я принесу в него? Доброе имя? Трудовую славу? Этого мало! Я должен подготовить себя изнутри.

— Правильно! — одобрил Колыхалов.

Послышался звонок. Василий встрепенулся:

— Не опоздаем на спектакль?

— Нет. Это трамвай...

Повернули к зданию театра. Несколько шагов шли молча. Прошлого-годние сухие листья сирени шуруша перебежали асфальтированную дорожку, шумели голые прутья акации.

— Не нужна мне, товарищ Колыхалов, слава, добытая только горбом, — продолжал в раздумье Смыслов. — Я хочу во-время подниматься на-гора, после душа пойти в комбинат рабочего образования, послушать лекцию, хочу читать книги, спорить с товарищами, мечтать. А разве мне это доступно сейчас?..

Колыхалов сосредоточенно думал, опережая мысли, высказанные Василием Смысловым. — «Не горячится ли парень?»

Даже в антракты, бродя по фойе, Василий продолжал жаловаться Колыхалову. А когда расставались, Александр Макарович искренно пожалел, что Смыслов выезжает из Кемерово на один день позже.

Они стояли у парадного гостиницы, и Смыслов досадовал:

— Завтра мне в обком комсомола нужно. Жаль, не вместе едем, я бы вам порассказал...

Из-под крутого берега, из темноты, где собирала весенние ручьи Томь, что-то ухало и потрескивало. Река готовилась к ледоходу...

Глава 3

За дорогу переговорили о многом. Горюнов интересовался подробностями жизни Колыхалова. Иначе нельзя: надо знать человека, с которым предстоит бок о бок выправлять положение на шахте. Интересовался биографией начальника и Колыхалов. Так они незаметно, за разговорами, доехали до Кедрового. На узловой станции ходили в буфет. Иван Владимирович заказал водки, Колыхалов — кофе. «За знакомство, за успех в работе» — за что только не предлагал Горюнов выпить. «Манерничает, овятоша, марку держит!» — размышлял он.

— Совсем не пьешь?

— Почти.

— И ни-ни?

— Что это?

— В отношении прекрасного пола?..

— Как все нормальные люди.

— Рассказывай! — произнес, подмигнув, Горюнов, начавший хмелеть от выпитого натошак. — Прожить холостяком тридцать шесть лет!..

— Видите, что вино делает? — полушутя заметил Колыхалов, хотя было желание более резко оборвать начальника. — Говорили о деле, о высоких материях...

— Безделье, по-твоему? А не кажется тебе — мы отдаем этому безделью полжизни?

— Чему?

— Любви... Семье...

— Поэтому... и о том и о другом следует говорить более сдержанно... иным языком.

— Где нам! Мы — горняки... сверху и изнутри пропитались угольной пылью... Чернота одна. «Дон Жуан! Ромео! Ленский несчастный! Посмотрю, посмотрю... Потом вспомню!..»

Теперь Горюнову нарочно хотелось противоречить Колыхалову, не соглашаться с явно неоспоримыми доводами.

Не очень верилось и в то, что рассказал о себе Александр Макарович. «Сочинителем тебе быть, а не парторгом на шахте!.. Ну ничего, за-коптишься со временем...»

О Колыхалове он узнал, что тот восьми лет лишился отца и матери. Они умерли в один год, друг за другом, оставив нетопленную избу, а в ней маленького Сашеньку. Пришли люди и по-своему решили судьбу мальчика. Устроили его в детский дом. По окончании десятилетки Александр поступил в горный институт. Там встретил Валю. Завязалась дружба. Пожились. Но жить вместе не пришлось: нагрязнула война...

На рудник Колыхалов приехал в субботу, а в воскресенье просто не знал, куда себя деть. Близких знакомых на руднике не осталось: их перевели на шахты других трестов. Кусургашев ушел на охоту. Приглашал Горюнов, но не настойчиво: «Если найдет скука — приходи, поболтаем». К тому же, вдоволь обо всем наговорились с ним за вчерашнюю дорогу.

Из-за отсутствия в Кедровом гостиницы Александра Макаровича поселили пока в молодежном общежитии-интернате. Спозаранку кто-то заиграл на баяне, кто-то запел чистым, высоким, но еще не оформившимся голосом. Донеслась частая плясовая дробь, задорный смех. Начинался шумный, веселый день. По коридорам сновали молодые люди с полотенцами. Каждый считал нужным бросить шуточную реплику другому, дружески поздороваться, подтолкнуть, хлестнуть по голой спине полотенцем и тут же получить сдачи.

Так продолжалось, пока не послышался старческий кашель и сердитое ворчание. Александр Макарович услышал приглушенную речь:

— Голову с меня снять хотите? А? Вы что расшумелись? Знаете, кто у нас живет? А?

— Степан Гордеевич, кто, кто живет?

— Кто, кто! Партийный секретарь нашей шахты. Вот кто!..

— Степан Гордеевич, а мы ничего, мы тихо. Степан Гордеевич, а как его фамилия?

— В паспорте тут написано. Без очков-то я не разберу. Они там у меня, в конторке.

— Разрешите мне, Степан Гордеевич! Я прочту.

— Тише! Что ты неаккуратно так? Документ испортишь!.. На, читай!..

— Колыхалов. Александр Макарович. Интересно!

— Видели? — сказал Степан Гордеевич, как будто фамилия, имя и отчество секретаря сами по себе выражали что-то значительное.

Комендант ушел, а молодые горняки еще продолжали «шикать» друг на друга.

Наступила непривычная тишина. Александр Макарович представил скучающие лица молодых людей, и ему стало жалко их. «Ну что старик наделал? Пусть бы ничего не знали».

Умывшись, Колыхалов прошелся по общежитию, заглянул в красный уголок.

Музыкальные инструменты покоились на своих обычных местах — в футлярах и чехлах. Пианино было закрыто на ключ. Молодые горняки занимались так называемыми тихими развлечениями: сидели за шахматными и шашечными досками, осторожно, без стука подставляли костяшки домино, читали газеты и журналы. Паренек, стоявший спиной к двери и не заметивший, как вошел Александр Макарович, сделал руками несколько гимнастических упражнений, подосадовав:

— Скука... И что за птица такая важная к нам залетела. Что нам теперь, умирать со скуки? Возьму вот, да... дам гопака!..

Ему уже многие показывали жестами: оглянись, мол. Прикусывали пальцы. Паренек не понимал, отмахивался:

— Отстаньте! До тех пор, пока Степан Гордеевич не объявит приказа...

— Не волнуйтесь, товарищи, в вашем общежитии я долго не задержусь. Всего несколько дней. Кроме того, мне больше по сердцу веселая музыка, громкие песни.— Колыхалов приблизился к смутившемуся пареньку.— Ну, будем знакомиться! Колыхалов.

— Жариков... Георгий... вы, пожалуйста... извините, товарищ Колыхалов

Посидели, побеседовали, Александр Макарович с удовольствием послушал музыку. Степан Гордеевич встретил его внизу при выходе:

— Шумно?! Беспокійно?! Вон ведь какое дело — молодежь!.. Что делать, сами были...

— Не беспокойтесь, Степан Гордеевич, мне у вас приглянулось. Люблю я молодежь.

— Ишь ты, и я люблю! Стеша! — окликнул он проходившую мимо свою помощницу. — Скажи ребятам, пусть веселятся, засиделись, наконец...

* * *

Колыхалов прошелся по главной улице рудника, заглянул в книжный магазин, познакомился с продавщицей. Она обещала ему звонить по телефону, как только поступит новая партия книг. У городского клуба, который одновременно был кинотеатром и местом выступления приезжих артистов, привлекла внимание галерея портретов лучших горняков рудника. Александр Макарович поймал себя на том, что интересуется только горняками шахты «Первая». «Парторг изучает людей! — усмехнулся он про себя. — Танец от печки».

Правофланговым из шахтеров «Первой» был Савелий Никитович Бабашкин. Он взглянул на будущего парторга иронически; казалось, дрогнули его усы, похожие на два новых березовых венка: что, мол, не узнаешь Савелия Никитовича? Да меня здесь каждая собака знает! Василий Смыслов очень мало походил на того, который выступал на всекузбасском совещании. Художник придал его лицу несвойственную суровость, неумело подвязал пестрый галстук. Виктор Сергеевич Авдеев чем-то напоминал Илью Муромца, Ефанов — Алешу Поповича. Горюнов красовался в центре, самодовольно опершись о край письменного стола. «Попроще бы, попроще, Иван Владимирович, а главное — поскромнее!» — мысленно посоветовал Колыхалов начальнику шахты.

Захотелось есть. Один из прохожих посоветовал пойти в кафе с многообещающим названием «Отдых». Он так и сказал: «Идите в «Отдых». Я оттуда. Никого нет, а бочку только открыли». Колыхалов понимающе улыбнулся. В кафе было пусто, лишь за одним из столиков сидели два старика перед полными кружками пива, спорили. Один из стариков был Степан Гордеевич, комендант общежития, уже знакомый Колыхалову. Александр Макарович сел поодаль, заказал обед. Степан Гордеевич приподнялся и пригласил:

— Милости прошу, как говорится, к нашему шалашу.

Но официантка уже принесла суп, и Александр Макарович поблагодарил за приглашение.

— Это новый парторг на нашу шахту! — шопотом пояснил комендант собеседнику.— Колыхалов.

— Как, как?

— Колыхалов.

— Вроде слышал где-то. Ну, а собой-то как?

— Кажись, башковитый, протестский.

Колыхалов посмотрел в их сторону, и старик с лысой головой, такой же бородатый, как и Степан Гордеевич, только покрупнее его и спокойнее в движениях, поспешил начать прерванный с появлением Колыхалова спор.

— А я тебе говорю, Степан Гордеевич, что из всякой рыбы, сваренной в воде, получается уха, и твоя стерляжья ничем не отличается от той, которую готовит моя старуха из карасей.

— Э-э-э, Калистрат Кондратьевич! Да если ты хочешь знать, уху-то есть и то умеючи надо. Настоящий рыбак не станет кушать уху в избе. Ему подавай под открытым небом, у реки, на песочке! Вот когда истинно поймешь ее. Я уж не говорю о том, если перед ней еще пропустишь косушечку — у-у-у! — Степан Гордеевич шлепнул себя ладонью по крутому лбу, покачал головой. — Ты вот говоришь про домашнюю уху из карасей. Да разве это уха? Это же, прости господи, помой! Рыбацкая уха варится так. Над огнем на развилках вешаешь котел с водой. Воду бери непременно из той реки или озера, где поймана рыба. Раз! Теперь, братец мой, частеньким бредешком налови в ведро мальков. Не чисти их, не потроши, а кувырни в котел живых прямо. Два! Дальше, смотри, не зевай. Вода начнет нагреваться, а рыба-малек будет из себя суть выпускать. И как только это, братец мой, вода вроде туманом сверху подернется — долой котел с огня, выгребай и выбрасывай мальков на песок. Они теперь ни к чему. Суть-то из них, я говорю, вышла. Два! То бишь, три! И вот в эту самую суть клади соль, там лук и прочую петрушку и запускай целеньких чищенных стерлядок. Котел снова на огонь и держи до кипения.

— Может, еще по кружечке? — перебил его Калистрат Кондратьевич.

— Можно и еще. По которой уж мы: по пятой аль по шестой?

— Ты, дочка, записывай, — не ответив ему, крикнул Калистрат Кондратьевич буфетчице. Он отодвинул кружку, положил на стол свои морщинистые руки. Степан Гордеевич, оглянувшись по сторонам, отпустил ремешок, продолжал:

— Слушай дальше...

В кафе вошла шумная компания. Колыхалову пришлось подсесть к старикам, которые тотчас умолкли. Секретарь! Всякое может подумать, — дескать, пустяками занимаются. Невдомек ему, что дружки больше недели не виделись, соскучились. Конечно, у кого-нибудь дома бы собраться, да старухи уборку затеяли. Так размышляли оба старика.

— Оно, конечно, да... если... которая... — начал было Калистрат Кондратьевич, соображая, о чем бы важном поговорить в присутствии секретаря. Степану Гордеевичу показалось, что дружок опять об ухе, и он поспешил перебить:

— Весна-то нынче ранняя, кажись, — ишь, палит! — он загородился ладонью от ярких солнечных лучей.

— По всем приметам... — добавил Дубов и тут же осекся. «Хороши коммунисты, подумает секретарь, если в приметы верят. Что же он молчит да шурится? Сказал бы что-нибудь!»

— На террикониках, Калистрат, деревьев следует насадить. Озеленить надо, — заговорил Степан Гордеевич.

— В Кислове обсадили...

— А может быть, не следует озеленять? — включился Колыхалов.

— В честь чего же? — степенно спросил Дубов.

— На некоторых рудниках используют породу на строительные нужды. Шлакоблоки изготовляют. Дома красивые ставят.

— Из горелой-то породы? — притворно удивился Степан Гордеевич, слышавший о шлакоблоках раньше.

— Из горелой породы.

— Додумались! А ты, Калистрат, — озеленить...

— Не мне — тебе взбрело в голову! — Калистрата Кондратьевича рассердила хитрая уловка Степана Гордеевича. Вот так всегда: выпалит что-нибудь несуразное и на меня сваливает. — Он у нас с фантазией! — сообщил Дубов, чтобы отплатить дружку. — Помешался на зелени. Один раз такое изобрел, что все ахнули!..

— Что еще? — всполошился комендант.

— Как что? А подземные сады. Чья выдумка? Беда с ним, — засмеялся Калистрат Кондратьевич. — Задумал озеленить выработки, чтобы электровозы по откаточным штрекам меж тополей ходили. Теперь вот искусственные облака придумывает, подземный дождик...

— Мелешь, Калистрат! — оборвал его Степан Гордеевич. — Не слушайте его, Александр Макарович. Про подземные сады я прочитал у одного нашего кузбасского поэта. Горячая, видно, голова! Так-то... Прочитал, подумал: написано складно, а бестолково. На земле, под солнышком сады разбивать надо: время-то идет к тому, чтобы шахтера долой из забоя. Машины на его место пойдут. Это так же один ученый блоху дойную выводил, да, слава богу, не вывел... А сады нам нужны! У каждого дома чтобы по весне белым-бело было. Общественный сад — твое, Калистрат, дело... Так-то!..

— Почему мое?

— Специалист ты, мичуринец.

— А ты?

— Я работаю, помогаю государству горняков выращивать. А ты на шее у него. Тыщи по случаю пенсии гребешь!

Александр Макарович не предполагал, что подобная перебранка была обычной между старыми приятелями. Он поспешил примирить их:

— Как же все-таки уху следует варить? — весело спросил он.

— Мы так... пустое болтали... — «Подслушал, значит», — огорченно подумал Дубов и с сожалением посмотрел на Степана Гордеевича: опростоволосились, мол!

— Почему? Я тоже рыбак и охотник. Мне интересно! — Колыхалов догадался, что поставил стариков в неудобное положение. — Знаете охотника Кусургашева? Это мой приятель. Мы с ним всю тайгу в округе исходили, во всех речках удить пробовали!..

Впрочем, старики не поверили в то, как отрекомендовал себя Колыхалов.

— Охотник! Рыбак!.. — восклицал по дороге домой Калистрат Кондратьевич. — Посмотреть бы, наверно, ружье-то возьмет в руки задом наперед. Всегда околицей начинают, обиняком таким. Так оно и получилось. Начал с ухи, а потом: «Как шахта? Как работа? Чем коммунисты занимаются?» А чего? Шахта наша передовая на руднике, — стало быть, и мы действуем. Ты тоже хорош! — упрекал он Степана Гордеевича. — Рыбака встретил! Размяк: тр-рр-р-р! Выпалил.

— Чего выпалил?

— Про шахту, говорю... Работают! План перевыполняют. Но что-то замечаем! А чего заметил, когда день и ночь торчишь в своем интернате?! Болтлив ты, Степа, прямо скажу — фантазер!..

— Для того он и руководитель партийный, чтобы народ выслушивать. Беспорядки есть, нечего глаза закрывать, — горячился Степан Гордеевич. — Ужо я ему подскажу по квартирам походить, да с горнячками побеседовать.

— И то — дело, — согласился Калистрат Кондратьевич. — Только смотри, Горюнов не прижал бы тебя... Вот я про что, Степа.

* * *

Под вечер Колыхалов вновь заглянул к Кусургашеву в надежде что-нибудь узнать об Зое Николаевне. Тот еще не вернулся с охоты. Жена его, Екатерина Карповна, пожилая шорка, встретила Колыхалова радушно:

— Был, был. Вчерась Зойка был, — сказала она про Зою Николаевну. — С парнем был Зойка. Белый такой, однако, русский. Собсем хорошо! — засмеялась Екатерина Карповна. — Наш Зойка стар стал, замуж пора. Двадцать шесть... Много, шибко много!..

— Жениха нашла? — как можно спокойнее спросил Колыхалов.

— О-о-о! — шорка кому-то погрозила пальцем.— Я понял маленько. Однако, жених! — Екатерина Карповна зацокала языком, подражая звуку, который издает рассерженная белка.— Жених, жених! Она тут сидел, Зойка — тут. Она глядит на Зойку, Зойка — на нее. Я все понял, жених!..

Колыхалов откасался от чая, от рябчика, его любимого кушанья, приготовленного по-шорски. Он поспешил поскорее вернуться в общежитие — поближе к шуму, к веселым, радостным лицам молодых горняков.

Глава 4

Георгий Жариков вспоминал родное село. В сумерках представилась узкая тропа, а в конце ее — замшелый плетень и прикипшая к нему старая рябина. По тропе с визгом и лаем бежит Тузик на кривых, коротеньких ножках. Бежит Тузик, словно колобок катится.

Хорошо бы залезть на рябину и покачаться на гибких ее ветвях, закрыть глаза да представить себя птицей между небом и землей, как делал когда-то Гошка в детстве..

От нахлынувших воспоминаний затосковалось. Там, в селе Высоком, дом Жариковых стоит на берегу тихой речки. По весне ее отлогие берега покрываются желтыми цветами. Они напоминают первые выходы на рыбалку, первых пескарей, пойманных на самодельный крючок..

Вот и речка — Аленин ручей. Вот и Гошка сидит у тихой заводи..

И вдруг, словно от легкого дуновения ветра, дрогнет поплавок, и пойдут от него во все стороны радужные круги, и запляшут среди них солнечные зайчики. Кровь стукнет в виски, побелеют пальцы, сжимая удилище. Взмах руки, струнный звон волосяной леси, и что-то, поблескивающее на фоне небесной синевы, шлепается в золотой прибрежный песок..

Беспокойно ведет себя плотва. Извиваясь, она высоко подпрыгивает, и долго приходится ползать за ней на коленях. Пескарь — другое дело. Тот опомнится, когда уже опустишь его в жестяную бадейку. А хуже нет — снимать с крючка большеротого ерша. Сам мал, а идет из воды тяжело, как старый, намокший лапоть. Встанут дыбом на нем все колючки, неживым прикинется, онемееет и, наверно с натуги, удивленно выпучит и без того огромные глаза. Попробуй возьми его тогда голыми руками!..

Все бы отдал Гошка за то, чтобы хоть одним глазом взглянуть на родное село, посидеть дома у окна, заставленного крынками с парным молоком..

Вечереет. На выгоне показалось стадо. Рыжая корова, горделиво вскинув рога, идет впереди, широко расставляя задние ноги, распертые тугим выменем.

«День-то ведренный завтра будет,— умиленно говорит бабушка, поглаживая Гошку по голове.— Я червей накопила тебе на грядках. Чай, опять удить соберешься утри, соколик?..»

Из окна виден песчаный плес Алениного ручья. Спокойно до самого горизонта расстилаются зеленые луга. Там Гошка собирал щавель и сладкий «турляк».

Ляжет, бывало, в теплую высокую траву и смотрит в небо. Белыми лебедями плывут облака. И хочется попросить их: «Лебедята вы, лебедята, возьмите меня на крылья, унесите с собой в неведомые страны...»

Вспоминается детство: тихий уют комнаты, устланной домотканными половиками, бабушкины, ни с чем не сравнимые слова: «блезный», «кровный», «сахарный».

А здесь — в Кедровом — горы и горы: ближние поросли колючей бояркой, на дальних — молчаливый пихтач, непролазные таежные чащи

Нет, не таким он представлял себе рудник. Слово «Кузбасс», еще с школьной скамьи возбуждавшее интерес, утратило обширность, стало ма

леньким-маленьким, как этот нарождающийся город с высокими копрами и угрюмыми пирамидами-террикониками. Даже в названии города теперь угадывался хитрый смысл. В самом деле, для чего назвали его Кедровым? Хорошего-то в нем ничего нет! Да, очевидно, для того, чтобы заманивать сюда таких, как Жариков, наивных, веривших в ласковое слово. Мечтал о кедровых орехах, а оно вот как повернулось... Тоска...

Кажется, еще вчера Гошка был ребенком. Для него жила бабушка — защитница при всех обидах. Он рос без отца. Мать училась сначала в Иванове, потом в Ленинграде. Приезжая на каникулы, она зачем-то спорила с бабушкой по поводу воспитания Гошеньки. Ни с того, ни с сего вводился новый распорядок дня — нудный, тоскливый. Но как только уезжала мать, бабушка восстанавливала привычные Гошке порядки. Она по-своему знала, когда и что нужно Гоше-соколику кушать, когда ложиться спать. Первое яичко, первый огурец, первая ягода — ему. Придет курочка-молодка с обновкой — с первым яичком, бабушка зовет: «Поди-ка сюда, родненький, поворожу я на твоей головке!» Водит теплым яичком по волосам, а сама приговаривает: «Сколько у Гошеньки на голове волосинок — столько, курочка, принеси нам яичек»...

Стоило умереть бабушке, и все пошло кувырком. Мать зачем-то посоветовала поехать в Кузбасс, стать горняком. Эх, мама, мама!..

К горлу подступает горький комок. Боязно вздохнуть, чтобы не расплакаться.

* * *

Сегодня выпускной вечер. В общежитии переполох: все прихорашиваются, чистятся, никто не замечает Жарикова.

«И чему радуются,— думает он, поглядывая на товарищей.— Неужели им не надоел рудник, строгий взгляд коменданта общежития Степана Гордеевича, беспокойного, придирчивого старика?! Ну, кончили горное училище, ну, станут теперь горняками. А потом? Что же потом?!»

— Мамед, которое нынче число? — спрашивает Жариков, ложась на свою помятую койку.

— Вчера было число пятое,— с акцентом отвечает Хазиров,— нынче шестое. Не трудно запомнить, Гоша. Это делается просто: пять плюс один, вот и шесть.

Хазиров откусил нитку, подергал пришитую пуговицу, вскинул смеющиеся раскосые глаза на Жарикова:

— Ты что?

— Так.

— Значит, так?

— Так.

— Совсем и не так, Гоша. Культуры в тебе маловато.— Хазиров склонил набок большую бритую голову, с упреком проговорил, глядя на Георгия: — Ты помнишь, как Степан Гордеевич сказал: «Зная получит та бригада, тот участок, которые будут культурно и работать и жить!»

— Ну?!

— А ты, как заплатка на новом костюме, вид портишь. В лаве — гостем, в общежитии от тебя беспорядок. Настоящий горняк, знаешь, каким должен быть!

— Тоже мне, настоящий!

— До настоящего и мне далеко. Тебе же еще дальше. Опять же Степан Гордеевич говорит: шаженцы вы, хлопцы, дички пока в нашем горняцком деле. Вот мы, старички, сделаем вам прививочку, и зацветете со временем, плоды дадите.

— Не знаю, что может уродиться путное на таком чурбане, как ты.

— Бывает... Случается...

— Чего?

— У умных родителей глупые дети рождаются.
— Старо!..
— В двадцать лет, Гоша, надо серьезнее быть.
— Очередное заседание участников Атлантического пакта! — вмешался Алексей Ткачев, односельчанин Жарикова, раскрывая футляр баяна. — Поторапливайтесь! На собрание овоздаем!

Блеснула перламутровая оправа инструмента, задорно блеснули глаза у Алексея. Он прильнул головой к инструменту — и бодряя мелодия наполнила комнату. Хазиров запел:

Прощайте, скалистые горы,
Отчизна на подвиг зовет.
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход...

Песня показалась Жарикову невыносимо грустной. Со вздохом он мысленно повторил слова: «А волны бушуют, и стонут, и бьются о борт корабля...» Отвернулся к стене, стиснув зубы.

Хазиров озадаченно посмотрел на товарища, перестал петь.

— Не сердись, Гоша!

Жариков дернулся:

— Убирайся!

— Ну, как хочешь, тебе виднее.

Алексей и Мамед ушли, напебая. Наступила гнетущая тишина, лишь время от времени из коридора доносились шаги Степана Гордеевича.

Жариков нащупал под подушкой полученное сегодня письмо из дому, посмотрел на синий конверт. Кто лучше родной матери может понять сыновнюю грусть? Сейчас восемь часов вечера, значит в Высоком еще только четыре часа пополудни. Мать, наверно, склонилась над столом, проверяет ученические тетради, а сама думает о Гошеньке. Вот она берет чистый лист и начинает писать письмо: «Дорогой сынок...»

Но чем дальше, тем холоднее строки. Уж не забыла ли мать, что Гошенька у нее единственный. В письме она говорит с ним, как со всяким другим учеником своей школы. Она радуется, что Гоша на передовой линии мирного труда.

«...Когда я рассказываю ученикам про сталинский Кузбасс, я горжусь, что там, среди тысяч борцов за уголь, ты, Гоша, мой сын... Ты вместе с ними стоишь на вахте мира...»

Гордится! Да еще после того, как Гошка подробно описал ей свою беспросветную жизнь, намекнув на скорую встречу. Не жалея темных красок, он нарисовал, как ему казалось, потрясающую картину...

Да, Георгий Жариков ошибся. Окончил специальное горняцкое училище. Но разве поздно уже исправить ошибку? Нет, не поздно. Он пойдет завтра к начальнику шахты и все-все расскажет ему. Георгий Жариков любит живое дело, чтобы каждый день что-то новое делали его беспокойные руки, чтоб радоваться, глядя на плоды своего труда. Вот, к примеру, токарь: он вытачивает детали, осязательные, блестящие. Или строитель — построит светлооконный дом! Отойдет, полюбуется: вот он, красавец, стоит! А уголь, добытый Жариковым, сгорит — и все. И никто не скажет, что именно этот кусок угля добыл Георгий. Кто-то бросит его с лопаты в топку, ни о чем не подумав.

С охапкой тюлевых занавесок в комнату грузно ввалился Степан Гордеевич. Конечно, комендант сразу догадался, что Жариков не спит, а всего лишь притворился. Он положил на стол занавески, сел против Жарикова, нахмурил седые брови.

Жариков деланно зевнул, потянулся.

— Это вы, Степан Гордеевич? А я... я думал... Эх, и уснул крепко!..

Старик резко встряхнул головой.

— Да, совершенно верно, я-с, ваша светлость... Степан Гордеевич... Ваш покорный слуга. Ну, что прикажете?!

Жариков попытался отвести взгляд в сторону.

— Нездоровится мне,— сказал он с жалобой, предчувствуя недобрый разговор.— Вот даже в клуб не пошел. Что, не верите?!

— Нет, почему же, верю. Больше скажу: ты этой болезнью давненько страдаешь. И лекарства какие прописать тебе, тоже знаю! Только вот... название забыл лекарствам тем.— Старик нахмурился еще больше.— Бывалышные они, правда, а гоже бы их на тебе испробовать.

— Травы какие-нибудь, верно?

— Да нет. Не из травы... Видишь ли, из тоненьких ремешков они плетутся. Толстым концом к палке прикрепляются. У большого сымают штаны... голову между ног зажимают, и пошла писать. Да чтоб дымом запахло!..

Жариков хохотнул:

— Отошли те времена, Степан Гордеевич!

— То-то отошли,— пробормотал старик,— а то бы в самый раз!..

Жариков поднялся с койки и стал бесцельно шагать по комнате, не обращая внимания на коменданта.

— Не сегодня-завтра комиссия ко мне нагрянет,— ворчливо говорил между тем Степан Гордеевич, развешивая занавески,— краснеть за тебя старику придется. За барские повадки твои. Человек ты что ни на есть советский, а людей за холопов принимаешь. Ну-ка, подай гвоздик!

Подавая гвозди, Жариков заглянул в лицо коменданта. Поперек старческого, с прожилками носа — синий шрам. Много таких мет на руках. Следы долголетнего горняцкого труда! А у Жарикова пока ни одной царапины: до вчерашнего дня он учился. Завтра — первая смена в новой бригаде, самостоятельная работа в лаве. Неужели это и есть его жизненная профессия? Нет! Ему стало жалко этого старого человека, который больше чем полжизни провел в шахте, выдал на-гора много эшелонов угля, но где его уголь? Разве только эти синие шрамы и напоминают нелегкую трудовую жизнь.

— Плохо все-таки быть шахтером,— грустно сказал он.— Чего хорошего уголь добывать?..

Степан Гордеевич, приготовясь забить гвоздь, задержал молоток над головой, недружелюбно посмотрел на Жарикова:

— О каких шахтерах толкуешь?

— О себе... о других.

— О себе-то верно будет, пожалуй, а других не замай, парень.— Степан Гордеевич погрозил молотком.— Тот, кто шахтером стал, так не скажет! Худо быть не горняком, а не по годам сопляком!

Гардина выпала из рук. Старик всердцах махнул рукой.

— Что стоишь?! — прикрикнул он на Жарикова.— Аль не видишь, что подать надо!..

Жариков поднял гардину, подал. Степан Гордеевич опять погрозил ему:

— Не суди о том, в чем не смыслишь. Если почета да уважения в жизни заслужить хочешь — любая работа по плечу и по сердцу. И ты думаешь, я только по старости здесь, или шахтерского ремесла испугался? Нет! Я общественное дело вершу, смену из вас готовить нужно достойную. Которые помоложе — в забое вас в люди выводят, а здесь я не сплешаю.

Жариков решил поспорить:

— Хорошо. Скажите вот, Степан Гордеевич, сколько вы угля добыли за свою жизнь?

— Не считал.

— А все же?

— Много. Как-нибудь займусь, подсчитаю. О чем речь?

— Об угле, добытом вами. Где он, дайте мне кусочек! Хотя бы вот такой, с ноготок! Нет его. Не найдешь. Выходит, вы ничего не сделали. Художник напишет картину, рабочий сделает машину, построит корабль. А вы? Будто не было вас на свете!

Слова Жарикова передернули старика. Обида обожгла сердце. Степан Гордеевич в поспешности чуть не упал с подмостков, сооруженных им из стола и двух стульев, заговорил волнуясь:

— Ты что сказал? А?! Что сказал, голова три уха, а?! Это я, Степан Гордеев, почетный шахтер, ничего не сделал! Будто не было меня на свете?

Старик растерянно, в нерешительности остановился, умолк. Его худые старческие ноги дрожали. «Не правду ли сказал Георгий? Что он, Степан Гордеев, исчезнет, как дым, бесследно, бесплодно?.. Ведь в самом деле, они с Аграфеной Григорьевной на старости лет одни-одинешеньки. Где дети? Где внучата? Кто назовется Гордеевым и скажет с гордостью: мой делушка Степан зачинал рудник в Кедровом! Никто не назовется... Уголь сгорел. Детей война отняла...»

— Э-э-э, врешь! Врешь, разбойник! — Комендант воодушевился вдруг, повеселел. Ноги его перестали дрожать, он выпрямился. — Врешь, говорю! Степан Гордеев переживет себя. Не сгорел его уголек! Что?!

Таким Жариков никогда еще не видел коменданта. Старик помолодел, энергично отдернул портьеру:

— Видишь, сколько их, огней-то? А! Это все капельки горняцкого поту. Не уголь он, не сгорает! И художник скажет спасибо мне и писателю. Степан Гордеев помогал им! Я не скоро помру, а памятник мне поставлен. Где, спросишь? Отвечу! На Дону, на Цимлянском море, вот где. Мало? Изволь — все сталинские стройки коммунизма... Сгорел?. Накось!.. И внучата будут у Степана Гордеева! Будут, доживу!

Кипела, бурлила душа у старого горняка. В жизни Степан Гордеевич твердо стоял на своем. Гнула она его порой, низко-низко пригубала долу, точно буря рябину тонкую, а он изловчится, опять поднимется. Кто сказал, что нет детей и внучат у Степана Гордеева? Эвна, в каждой комнате по трое, а комнат — сорок в общежитии. Подождите, не то узнаете! Есть заветная мечта у стариков Гордеевых. Давно приглянулась им скромная девушка Маша, что ламповщицей на шахте работает. Сиротой она круглой после войны осталась. Согласится ли? Вот в чем загвоздка!..

Уходя, Степан Гордеевич задержался на двери. Прикинул, хорошо ли пришлись новые занавески. Подмигнул Жарикову:

— Вот как надо, голова три уха! Изволь получить новое белье на койку... Шахгер!..

Жариков попытался настроиться на прежний грустный лад, но ничего не получилось. Письмо от матери и необыкновенный разговор с комендантом расстроили начавшие складываться в голове планы поездки домой. Что же делать? Оставаться на руднике и навсегда стать горняком? Нет! Надо бежать? Когда? Не сейчас. Нужны деньги. А для того, чтобы больше скопить, можно поднажать на работу.

С этой мыслью Жариков вышел на улицу Ленина и медленно пошел к клубу. В высоком-высоком небе белели крупные звезды. А немного пониже молодой луны, где полыхал отблеск доменных печей Сталинска, на бледнорозовом фоне горела над шахтой «Бис» пятиконечная звезда. Разве не улыбнулся бы ей Гошка Жариков, если б был настоящим горняком!..

Глава 5

Официальная часть явно затянулась. Но, казалось, никто не замечал этого. Приветствовать выпускников собрались лучшие люди рудника. Блистая орденами, в парадных мундирах в первом ряду президиума сидели Герои Социалистического Труда, почетные шахтеры.

Пора бы и закрывать торжественное заседание. Но председательствующий — старейший горняк, пенсионер Калистрат Кондратьевич Дубов улыбается неспроста. Важно разгладив бороду, он сообщает, что пришли пионеры. Тут же погас в зале свет. По зову горна в проходах вспыхнуло множество шахтерских аккумуляторных лампочек. Ручейками потекли на сцену знакомые призывные огоньки. Рефлекторы лампочек все разом освещают большой портрет товарища Сталина.

— Лучшему другу шахтеров — слава! — дружно кричат пионеры.

— Да здравствует!.. — отвечают из зала, и многоголосое «ура» и аплодисменты гремят под сводами клуба.

Жариков еле протиснулся в дверь. Больно стукнулся о косяк. Пока тер лоб, людской поток вынес его обратно из зала в фойе, и он очутился лицом к лицу с земляком Алексеем Ткачевым.

— Гошка, чорт, где ты сидел, я тебя найти не мог! Пойдем, с нашим бригадиром познакомлю. Ты не знаешь его? Нет! Ну, как же Василия Смыслова не знаешь? Он на «Десятой» лучшим бригадиром молодежной был. Два года назад школу окончил, а уже медаль на груди. Вот это парень! Пойдем!..

По обширному фойе оркестровая медь разливала «Дунайские волны». Возбужденный Алексей Ткачев вел Жарикова за руку. Тот немного упирался и был похож на капризного ребенка. Путь преградили танцующие пары. Их было так много, что пришлось дожидаться окончания вальса.

— Ну, как? — спросил Ткачев, крепче сжимая руку Жарикова. — Весело? А? Ты посмотри, как Мамед отплясывает! С кем он, не с Машей Морозовой?

— С ней!.. — Жариков, вспомнив, как часто Мамед восхищался ламповщицей Машей в кругу друзей, грубо сострил. По лицу Ткачева пробежала тень огорчения.

— Напрасно, — укоризненно покачал он головой, — Мамед любит ее по-настоящему.

Собственно, внимание Жарикова Алексей Ткачев обратил на Мамеда и Машу лишь для того, чтобы удобней было перейти к разговору о Тане. Ведь у него тоже есть любовь, и хочется высказать другу сокровенные думы.

С Таней Алексей познакомился в поезде еще в первый день приезда на рудник. Он тогда отстал от группы молодежи и ехал один. Она села на полустанке перед Ленинск-Кузнецком. Свободных мест не было. Таня сняла пальто, поставила у ног чемоданчик в сером полосатом чехле и прислонилась к боковой стенке вагона.

Как обычно бывает в дороге, какой-то миг новый пассажир подвергается молчаливому изучению со стороны успевших свыкнуться пассажиров. Этот неловкий миг показался Тане слишком длительным. Особенно пристально ее рассматривал Алексей. А она в спешке не успела как следует причесаться, да и платье, кажется, надела коротковатое.

Словно осенняя золотая березка стояла Таня, стройная, гибкая. Рыжевато-золотистые волосы, заплетенные в две косы, спускались до пояса.

— А ты бы местечко уступил, паренек, — шепнула Алексею старушка, сидевшая рядом.

Он не сразу сообразил, что от него хотят, громко спросил:

— Кому уступить?

Старушка, улыбаясь, повела глазами в сторону Тани, и этого было достаточно, чтобы окончательно смутить девушку. Будто от солнышка. от покрасневшегося лица Тани зарумянилось и лицо Алексея. Он поспешно поднялся и неловким жестом указал ей на скамейку. Она стала отказываться, уверять, что не устала, что ей хорошо стоять здесь, а Алексей не находил слов, чтобы убедить ее. Так и стояли они друг против друга, не зная, как прервать охватившее обоих смущение.

Выручила та же старушка: сунула в руку Алексея белую эмалированную кружку и легонько подтолкнула в спину, сказав:

— Принеси-ка водицы, сынок, уморилась я. Там у проводницы есть, — она разгладила на коленях цветистый фартук, — ступай!

С кружкой Алексей вышел почему-то в тамбур и постоял на ветру, врывающемся в приоткрытую наружную дверь. Ему было жарко, горели щеки. Когда-нибудь он признается Тане, как стоял и глядел на бегущие мимо сосны в ожидании станции, чтобы принести напиток старушке. Вот чудак! Совершенно забыл, что воды можно попросить у проводницы.

Из разговоров Тани со старушкой Алексей узнал, что девушка едет в южный Кузбасс на комсомольскую стройку электростанции по путевке Обкома комсомола. Это в трех километрах от Кедрового.

Сошли вместе на глухой станции Сар-Бала и некоторое время шли молча. Вокруг горбились пологие горы. С гривами пихтача на хребтах, горы походили на сказочных притихших животных. Тайга только еще начинала просыпаться от зимнего сна. От шумливого горного ручья, преградившего путь, пахло хвоей. Нивесть где он петлял по тайге и вдруг чистым голубым песком выскочил к ногам спутников.

Таня горстью зачерпнула воду, попила.

— Ой, какая холодная!

— Какое красивое! — в тон ответил Ткачев, оглядывая каменистый берег.

— Что красивое?

— Место красивое...

— Да... очень... — задумчиво согласилась девушка.

Отовсюду доносились весенние перелёвки птиц: скороговоркой звал подругу глухарь, тонко посвистывали рябчики, в зарослях, окаймляющих ручей, нестройным хором трещала без умолку пернатая мелочь. Алексей и Таня постояли, послушали и, не сказав друг другу ни слова, миновали звонкоголосое прибрежное мелколесье.

Ткачев шел, боясь задеть рукой девушку, каким-нибудь неосторожным движением обидеть ее. Он предусмотрительно отводил в сторону ветки. Первым ступил на шаткую жердь, брошенную через протоку. Таня досадовала: «Чего старается? Будто я маленькая?»

Две не совсем торные тропы рассекали падь. Одна тропа шла прямо, другая резко поворачивала влево.

— До свидания, товарищ Ткачев, — сказала Таня и подала руку.

— До свидания.

Они быстро пошли друг от друга. Но через несколько минут Алексей вернулся и догнал Таню.

— Я провожу, — сказал он несмело. — Наверно, боитесь, тайга ведь!

— Вот еще глупости! — Девушка вспыхнула. — Пожалуйста, не выдумывайте...

— Как хотите... Я думал... извините тогда... — пролепетал он, смутившись, и уныло побрел назад...

Сейчас, вспоминая первую встречу с Таней, Алексей искал ее глазами среди танцующих.

— Ты, может быть, отпустишь мою руку. — Жариков недовольно поморщился. — Ведь мы не в детском садике.

— Ну-ну, только не убегай! Сейчас кончится танец...

Василий Смыслов стоял у буфета с почетным шахтером Савелием Бабашкиным и отказывался от предлагаемого пива.

— Ты, Василий, этим напитком не брезгуй, — обтирая усы широкой узловатой ладонью, хриловато басил Савелий Бабашкин, — тут, брат, витаминов этих — ой-ой сколько! Водку, правда, не все уважают. А от пива малое дитё не откажется.

— Не могу, Савелий Никитич, не могу, — отстранялся Смыслов. —

Ничего я такого отродясь в рот не брал, даже курить не привык. — Он улыбался, показывая ровные белые зубы.

— То-то и румян! Что девка красная. А я, признаться, уважаю напитки.

Савелий действительно пил много, но никогда никто не видел его пьяным. Он пил дома по выходным дням. Захмелев, жаловался жене:

— Вот ведь как испортила меня прежняя-то шахтерская жизнь. Ты, послушай, Марья, я тебе расскажу, с чего пить-то начал. А?

— Знаю. Сто раз слыхала твою притчу, — отмахивалась жена.

— Нет, ты послушай, мне легче будет.

— Ну-ну! Ладно уж, рассказывай.

— Так вот. Был у меня в те поры Петька друг, тоже саночником работал. Сила лошадиная, земля ему пухом...

Несмотря на тяжелый рассказ мужа о гибели Петьки-саночника, Мария Прохоровна слушала его без особого волнения, потому что много раз переживала эту историю. Но как только Савелий кончал свой рассказ и, шумно вздохнув, запевал старинную шахтерскую песню, ее начинали давить слезы.

Грозно вставала перед ней дореволюционная шахта. Видела Мария Прохоровна не копер, не надшахтное здание, не сырые выработки, а черную раскрытую пасть дракона. Вместо зубов пасть распирала деревянные стойки. Там ходили на четвереньках, ползали люди. Часто дракон закрывал свою пасть, и тогда хрустели, ломались стойки, и многих навечно погребала тьма.

— ...А коногона молодова несут с ра-а-збитой го-о-оло-овой... — тоскливо тянул Савелий.

— Да будет тебе,— просила она, всхлипывая,— иди спать, что ты душу-то режешь...

Вот и сейчас Савелию захотелось посидеть за кружкой пива с молодым горняком Василием Смысловым, чем-то напоминающим друга Петра. Савелий размягчил бы воспоминаниями сердце Василия, и, может быть, тот рассказал бы, как удалось ему обставить старого шахтера по всем пунктам договора. Два месяца подряд идет впереди.

По старинке Бабашкин верил в «секреты», и, конечно, Василий не такой растяпа, чтобы вдруг проболтаться.

— Говоришь, в лаве у тебя, Вася, ничего не изменилось?

— Нет, не изменилось. Только разве кровля слабже пошла.

— Угу, значит, не изменилось? Интересно. У меня тоже никаких перемен. Так в чем же секрет твоего успеха?

— В молодости, наверное, Савелий Никитич,— шутя ответил Смыслов.— Мне двадцать три, а вам чуть не три раза постольку.

— Не скажи, брат! — хитро подмигнул Савелий.— На руднике половина твоего возраста, да из всех один ты, Вася, старику ножку подставил.

— А вы не горюйте, Савелий Никитич! Придет время, еще кто-нибудь подставит.

— Мне-тс?!

— А что?

— Не родились еще!

Когда подошел Ткачев с Жариковым, Савелий Никитович счел неудобным продолжать начатый разговор о «секрете», с достоинством поприветствовал молодежь. Знакомясь с Жариковым, Смыслов оглядел новичка круглыми черными глазами. На белом румянном лице они блестели, как спелые сливы.

— Это — мое пополнение! — весело сказал он Бабашкину. — Берегитесь, Савелий Никитич. К Первому мая пятьсот тонн сверх плана дадим!

— Значит, на каждого сто двадцать пять процентов? — удивился Бабашкин.— Не многовато ли, Вася? Ведь новички!..

— Нет. Все рассчитано.

«Ну, ясно, секрет какой-то имеет,— подумал Савелий, — а то бы, небось, не загнул на новичков по сто двадцать пять процентов».

Ткачева восхищал уверенный тон молодого бригадира. Сильный, плечистый Смыслов, заложив руки за спину, твердо стоял на ногах. На упрямый лоб падала прядь темных волос. Но Бабашкин все же был выше его на целую голову. Хорошо сшитый мундир почетного шахтера выделял могучую грудь Савелия с двумя высшими правительственными наградами. Такого победить в соревновании нелегко. Но Василий разговаривал с ним, как равный с равным.

— Не нравится мне, Савелий Никитич, в нашем с вами соревновании одно: семь месяцев мы, можно сказать, топчемся на месте.

— Как на месте?! — Слова Смылова огорошили Савелия, он даже изменился в лице.— Как на месте? А, почитай, каждый месяц по две нормы на брата даем. Пусть другие попробуют.

— Это вопрос завтрашнего дня. Нас догонят, Савелий Никитич, если мы замешкаемся. Ведь жизнь идет, значит, и мы не должны останавливаться...

— За сотки будем драться.

— Вот я про это и говорю, что мы с вами вроде как на весах качаемся: то вы выше, то я, а в сущности, на месте. Показатель хороший, а роста не видно.

— Самоуспокоились — так, что ли?

— Конечно. А все потому, что технику не уважаем.

— Ты, это самое, Вася, вроде парторга нашего, как его... Колыхало-ва рассуждаешь. Он на днях митинг нам устраивал. На технику нажимает. Хотел я сказать ему словечко, да пусть... метла новая...

— А мне он нравится.

— И я не хаю! Только народ понимать надо...

Доводы Василия Смылова как будто подействовали на Бабашкина. «Вот ведь я не задумался над тем, что мы «топчемся на месте». А он... Ишь ты какой...» — подумал Савелий, поняв, что Смылова нелегко обогнать в труде. В этот вечер Савелий не отходил от буфета. Сосредоточенно пил пиво. Сердце его тосковало...

* * *

Ткачеву нетрудно было заметить равнодушие Жарикова к предстоящей работе. Георгий безучастно слушал разговор Смылова с Бабашкиным, рассеянно озирался по сторонам. Да и самого Алексея тянуло к Тане.

— Ну, хватит, — сказал он, — раз музыка играет, надо плясать или петь. Пошли девушек приглашать! — Он положил руки на плечи Смылову и Жарикову, и так пошли они через зал к группе молодежи, приехавшей на вечер с комсомольской стройки. Там в кругу подруг сидела Таня.

Его «березонька» стала стройнее, кудрявее.

После первой их встречи прошло много времени. А что касается их отношений, то они почти не изменились. Тане иногда казалось, что Алексей сторонится ее, а ему — что она не стремится к встрече с ним. Приближаясь к Тане, Алексей мысленно произносил: «Здравствуй, березонька, я так о тебе соскучился, так давно хотелось увидеть тебя». А язык говорил попрежнему:

— Здравствуй, Таня. Ну, как дела?

— Ничего, спасибо.

На этом разговор обрывался.

Отчаянно напрягая мысль, Ткачев искал нужное слово, чтобы продолжить разговор. Но слов не было. И пока он размышлял, как бы договориться с Таней о встречах, чтобы не были они случайными, ненавистная грузовая машина, оборудованная для перевозки пассажиров, увозила Таню в шумной компании комсомольцев-строителей.

Вот и сейчас Алексей не нашелся.

— Ну, как работа? — глуховатым голосом обратился он.

— Ничего, — смущенно ответила Таня, — а у тебя?

— Тоже ничего...

И оба краснели, напряженно вглядываясь в зал. Словно то самое важное, что волновало обоих, находилось там...

«Неужели и сегодня не сумею? — думал Алексей. — Горняком ведь стал! Начинай с того, что ты настоящий рабочий».

Алексей обрадовался пришедшей на ум мысли.

— Смешно получается! — произнес он, когда оркестр играл особенно громко.

— Ты о чем, Алеша? — встrepенулась Таня.

— Смешно, говорю. Наш комендант Степан Гордеевич сказал: отныне вы, хлопцы, рабочим классом называетесь!.. Не верится...

— Кем будешь теперь, Алеша?

— Врубмашинистом... Стоящее дело...

— Интересно...

— Еще бы!.. А ты была в шахте?

— Понятия не имею.

— У-у-у!.. Это так интересно!.. Кузнечная котловина...кхэ... представляет из себя большую тарелку, накрытую другой тарелкой... «Не то, не то, Алеша, про любовь давай!»... Кхэ... одним словом, в тарелке лежит слоеный пирог... «Ну, прямо как в книжке!» ...Знаешь пирожное «наполеон»? Так и кузнечные угли расположены: слой породы, пласт угля. Начинка — это и будет уголь...

— Послушаем, что тут шеф-повар толкует? — Подошли Хазиров, Жариков и Смыслов. — Алеша у нас в кулинарии собаку съел! — продолжал шутить повеселевший Георгий Жариков. — В одном ему не везет...

Девушка смутилась, поняв намек.

— Мне пора. Наши уезжать собираются...

Она ушла. Но, поднимаясь, как бы случайно дотронулась своей рукой до руки Алексея. Этого никто из друзей не заметил. Да и Жариков не догадался, почему не рассердился на него Алексей...

Глава 6

Конечно, Степан Гордеевич не предполагал, что почти весь состав президиума, оставив молодежь веселиться, нагрянет в общежитие и застанет его врасплох. А причиной тому — старый дружок Калистрат Кондратьевич. Когда-то вместе они партизанили в Сибири, вместе вернулись на шахту, да и теперь их дома стоят рядом.

— Не плохо бы старика наведать, Петр Васильевич, — шепнул Дубов секретарю горкома партии Ширяеву еще во время собрания. — Лучше той комиссии, которая здесь, в президиуме, не сыщешь.

Ширяев посмотрел на часы, что-то прикинул и утвердительно кивнул головой.

«То-то будет тебе на орехи, непропеченный», — подумал Дубов, представляя, как засуетится Степан Гордеевич, встречая неожиданных гостей. Между ними существовала необыкновенная дружба. Казалось, они все время искали друг в друге только плохое. Часто до ругани спорили. Но вот уже в течение трех десятков лет никто из них не выпил друг без друга рюмки вина.

Накануне праздника Дубов обычно говорил жене:

— Пельменей побольше делай. Непропеченный придет. Он любит их.

— Смотри, мать, не распечатывай эту бутылку, — предупреждал в свою очередь Степан Гордеевич жену, — эта бутылка для Калистратушки заготовлена. Поднесешь кому по ошибке, неприятности могут выйти: дыхание перехватить может. Вон она как пузырится, дьявол!..

Настойки для Калистратушки Степан Гордеевич готовил сам на чистом спирте, добавлял туда каких-то, только ему известных трав. На бутылку наклеивал самодельную этикетку с надписью вроде: «Разлюли-малина» или «Гром и молния».

Распив бутылку такой настойки, они добрели. Садись рядом, смотрели друг другу в глаза, почти касались бородами.

— Споем, Калистратушка.

— Начинай, Степа.

И они пели. Из гостей в это время никто не подпевал, и не потому, что хозяйка тихонько предупреждала каждого — Степушка рассердится, но и потому, что всякий иной помешал бы им. Степан Гордеевич тянул звенящим тенорком, закрыв глаза, весь костеня. У Дубова был густой, бархатный бас. Сливаясь вместе, их голоса образовывали своеобразный, неповторимый напев. В нем слышались и зимний буранный день, и осенняя тоскливая непогода, и бурная августовская гроза...

* * *

Поправляя койку Жарикова и по-стариковски ворча на него, Степан Гордеевич под подушкой нашел письмо. Заглянув в конец, прочел подпись: «Целую, твоя мама». Старик старался и не мог понять Жарикова. Может быть, здесь, в письме, он найдет объяснение его поведению? Очевидно, только потому и мелькнуло в сознании: «Прочтешь». И тут же другое: «Не хорошо вроде?.. Как это... чужие письма читать!»

Старик посидел, подумал. Взял письмо вновь. Начал читать с тягостным чувством обиды на себя. Но скоро увлекся письмом, оно понравилось ему.

«Вот ты какая баба, оказывается,— подумал Степан Гордеевич, убирая письмо на место.— Стоящая, оказывается. А я, признаться, все родителей винил. Ну, давай теперь вместе думать над твоим Гошенькой. А то с прямой-то дороги да в сторону сшибется парень».

Он крякнул, почесал в раздумье затылок.

— Накатаю-ка я тебе письмо! — садясь к столу в своей маленькой конторке, сам с собой рассуждал старик. Четким почерком он написал четыре тетрадные странички, рассказал о жизни молодых горняков. Кого поругал, кого похвалил. «Ты учительница, ты скажи, куда ключик спрятала от сыновнего сердца?» — спрашивал он в конце письма. — Ищем мы и не найдем. Все прочие на шахтеров походить стали, а твой все зеленеется...»

Степан Гордеевич вложил письмо в конверт, написал адрес и уже собирался выйти к парадному и опустить его в почтовый ящик, но тут, как снег на голову, нагрянула комиссия. Пока Ширяев разговаривал с комендантом, Калистрат Кондратьевич стоял в сторонке, подтрунивал:

— Не слушай его, Петр Васильевич! Я Степу тридцать лет знаю: набрехать может. Пойдем-ка сами посмотрим.

— Не мели, Калистрат, попусту! — сердился комендант. — Что ты вертишься на одной ноге? Я за это самое молодых ругаю. Пример показывать должен. Тыфу, бесстыдник!

Сердить друга Дубов перестал только тогда, когда Ширяев высказал свое полнейшее удовлетворение порядком в общежитии.

Степан Гордеевич торжествовал. В душе радовался за дружка и Дубов.

— Слышь, Степа,— сказал он на прощанье, задерживаясь после всех,— завидую я тебе.

— Чему? — насторожился Степан Гордеевич.

— При деле ты...

— Завидовала ворона чижу, что тот в клетке, а предложили самой, говорит: погожу... Тебе дорога не заказана. Возьми другое общежитие, чем завидовать...

— Не справлюсь. Способностей таких нет.
— Каких?
— Чтоб в душу к человеку заглядывать. Знать, чего она хочет.
— Эка хитрость! Самому прежде человеком быть надо. Свою раскрой — чужая перед тобой раскроется!
— В грамоте к тому же не силен.
— И я не грамотей. Чутьем больше дохожу.
— Нюхом, значит. Поди ты!.. — вдруг засмеялся Дубов. — Вроде моего Шарика?!

От обиды у Степана Гордеевича на носу выступила испарина.

— Твое счастье! — показал он на проходивших мимо молодых горняков. — А то.. покатился бы шариком!..

— Бывай здоров, Степан Гордеевич, — чинно раскланялся Дубов, сдерживая смех.

— Всего хорошего, Калистрат Кондратьевич! — так же ответил комендант, хотя на языке вертелись самые обидные для друга слова..

* * *

После ухода комиссии Степан Гордеевич вышел на улицу с намерением опустить письмо в ящик. На скамейке против общежития сидел Жариков.

— Я думал, ты спишь? — подсаживаясь, спросил его старик.

— Нет, в клубе был.

В голосе Жарикова звучали нотки огорчения. Он казался усталым.

— Непонятный ты человек, Гоша, — помолчав, сказал Степан Гордеевич, — с тобой вроде с патефоном разговариваешь. Или ты умен шибко или пуст совсем. Душа не слышится в тебе!

Гошка только ниже опустил голову.

Из балки, где между двух гор струилась речка Большой Канделеп, подул сырой ветерок. Он перебрал на голове Жарикова белесые кудрявые волосы, спутал их и затих. Где-то резко свистнул паровоз. Донеслась далекая песня.

«Чего со мной все о какой-то душе говорят?» — подумал Жариков. И в это время рука коменданта легла на его плечо.

— Не горишь ты, парень, и совсем не гаснешь, так, дымишь помаленьку, что пень трухлявый. Сказал бы что-нибудь мне. Глядишь, вместе скорее сообразим!

— Рассказал бы я вам, Степан Гордеевич, про эту самую душу, да нет у меня ее. И у вас ее нет, как у каждого человека.

— Не ври про людей, парень. Без души никто не живет. Человек — не животное. Без нее стыдно человеком называться. На что вот жестокий старик Калистрат Кондратьевич, и то у него душа имеется. Э-э, брат... Да хорошая притом. Большая!..

Жариков озорно посмотрел на коменданта.

— Нет, говорю, в человеке никакой души. Это предрассудки.

— Есть, Гоша, есть! — возразил комендант. — Я говорю не про ту, что попы выдумали. Я толкую про душу, которая с нами на земле живет и помогает нам.

— Не встречал. Не видел.

— Про нее словом не выскажешь. Она в жизни вся, в человеке, как золото в песке, рассыпана. Ты видел, какой клуб на шахте Ильича построили?

— Видел. Очень хороший.

— То-то, хороший, говоришь! А вот там, на Тайжинке?

— Хуже.

— Хуже! А почему?

— Не старались.

— Почему не старались?

— Ну, не хотели!

— Опять, почему же не хотели?

— Ленились, не думали. Так, наверно?

— Так, да не так. Я скажу, тут одна причина: душу забыли вложить в свое дело. Оно и получилось однобоко. Клуб как клуб, а сердце не радуется. Вот что значит душа-то! Больше скажу: один работает — смену отбывает. «Отработаю,— думает,— месяц, деньги получу». Поэтому и топчется на одном месте. А что из труда получится, что сделает он для народа? Ему все равно. Этот, значит, без души работает. В тягость такому человеку работа, не радуется она его...

Допоздна засиделись вдвоем Жариков и Степан Гордеевич. Временами старику казалось, что он вот-вот поймет Жарикова. Но Георгий вдруг закрывался, как ракушка от прикосновения, молча сидел, сжимая голову руками.

— Попробуй-ка реши такую задачу,— говорил задушевно Степан Гордеевич.— Какую бы тебе задать? Да, к примеру, такую: видишь тот терриконик?

— Ну, вижу,— угрюмо отвечал Жариков, не поднимая головы.

— Нет, ты погляди на него! Видишь?

— Вижу.

— Хорошо... Скажем так... Перенеси-ка, Георгий, этот терриконик во-о-он туда, в гору, подальше. Сроку тебе даем неделю. Перенесешь?

— Кто перенесет его?

— Решай. Тебе задача!

— Странно...

— Помозгуй!

— Мозговать нечего. Не под силу человеку!..

Старик запальчиво наступал:

— Что ж, по-твоему, не человеческая — нечистая сила гору породы из-под земли выдала?.. По шучьему велению она там очутилась?

Волей-неволей Жарикову приходилось думать, отвечать на вопросы:

— Люди это сделали, а не один человек!

— О! Люди, стало быть. Или как сказать?.. Коллектив! — Степан Гордеевич от удовольствия притопнул ногой.— Как же следует решать задачу? Выходит, народ позвать, если одному не под силу?

Жариков не догадывался, к чему клонит старик.

— При чем тут я, Степан Гордеевич? Почему мне вы задаете задачу?

— Не хочу, чтобы ты от коллектива прятался. Придавит тебя жизнь одного-то. В народ верь. С ним советуйся. Радостью и горем делись. Народ тебя и поднять может и отвергнуть, если мешать будешь!..

От того, что говорил комендант, Георгию не стало легче. Он ушел спать с тем же тягостным чувством.

Степан Гордеевич сделал свой обычный обход комнат, записал фамилии горняков, с которыми на завтра собирался поговорить по поводу аккуратности.

В коридоре он постоял, прислушался. Потом еще раз зашел в комнату, где жил Георгий Жариков. Не зажигая света, старик поправил сбившееся на нем одеяло, подумал: «Угомонился парень!»

Но Жариков не спал...

Глава 7

Из клуба молодые горняки возвращались возбужденными, повзрослевшими. Завтра начинается их настоящая трудовая жизнь. Уголь, добытый ими, вместе с углем сотен других горняков заполнит эшелоны, помчится к жарким топкам заводов и фабрик. И, может быть, от того, что Ткачев и Хазиров стали горняками, где-нибудь в далеком колхозе ярче загорится лампочка Ильича.

Проводив Машу Морозову до женского общежития, они шли рука об руку, не спеша, мечтая... Они, наравне со всеми, хозяева рудника, Кузбасса, всей бескрайней родной земли. Их цель — трудом возвеличить страну, в труде вырастить себя и стать достойными гражданами светлого будущего. Оно принадлежит всем, оно принадлежит им.

— Алеша, ты о чем? — спросил Хазиров, заметив улыбку на лице товарища.

— Я!.. Я думаю...

— О чем?

— Про нас с тобой... про Смыслова, про Жарикова думаю...

— Говори же!

— Представляешь, на Доске почета, рядом с такими знатными горняками, как Ефанов, Бабашкин, появляется твой портрет: Мамед Хазиров — скуластый, с приплюснутым носом, с оттопыренными ушами. Почет!..

— Без тебя не хочу. Только с тобой!

— Почему?

— Чтобы резче подчеркивать твою красоту!

— В таком случае справа не хватает Смыслова.

— Принимаю. А Жарикова?

— Жарикова?

— Жарикова — с обратной!..

Ночью Алексею Ткачеву приснилось. Он сопровождает в Москву эшелон угля, добытого сверх плана в честь Первого мая. Улицы столицы заполнены демонстрантами. Среди бесконечного множества знамен Ткачев ведет паровоз прямо на Красную площадь. Со всех сторон несутся возгласы приветствий: «Ура! Сталинскому Кузбассу — слава!» А вот и Иосиф Виссарионович. Он приветливо машет рукой, говорит:

— Хорош уголек, товарищ Ткачев, спасибо! Но маловато. Ты посмотри, что мы хотим сделать...

Сталин развертывает перед Ткачевым огромную географическую карту Родины. Колышутся необозримые цветущие сады и поля, звонко шумят лесозащитные полосы. Моря соединились каналами. Ни пустынь, ни голых степей. Заводы, фабрики и города утопают в зелени.

— Товарищ Сталин! А где же наша деревня? — волнуется Ткачев. — Где колхоз наш?!

— Вот он, — отвечает Сталин, — не узнаешь?

— Не узнаю!

— То-то! Понял, для чего нам нужен кузбасский уголек?

Как и у каждого молодого человека, вступающего в жизнь, у Ткачева много пытливых вопросов. А главный из них: где приложить силы? Почему бы не спросить об этом Иосифа Виссарионовича, раз выпало счастье стоять с ним рядом на трибуне гранитного Мавзолея.

— Товарищ Сталин, что мне сделать, чтобы стать хорошим горняком?

— Учиться, Алеша!..

— Чтобы исполнились все, все желания и мечты?

— Учиться, Алеша!..

— А чтобы красиво, с пользой для Родины, прожить жизнь?

— Еще раз учиться, быть честным и правдивым... не бояться трудностей, Алеша!

И вот уже не Иосиф Виссарионович, а отец Андрей Андреевич стоит перед Алексеем. По Красной площади все идет и идет народ, неся красные знамена.

— Ты понял меня, Алеша? — спрашивает отец.

— Понял, папа. Я все понял!..

— Ну, что ты понял, Алеша? — садясь на койку к Ткачеву, спросил Мамед Хазиров. — С кем ты?

— Он сказал, надо больше угля добывать,— серьезно ответил Ткачев, открывая глаза, и вдруг смутился.

— Кто сказал?

— Товарищ Сталин!

— Тогда торопись, а то на смену опоздаешь! — Мамед перекинул через плечо полотенце и, сдернув с Ткачева одеяло, насвистывая, вышел...

* * *

Перед уходом на шахту молодые горняки, по предложению Степана Гордеевича, собрались в красном уголке общежития. В горняцком парадном мундире, при орденах и медалях, с тщательно расчесанной бордой и подкрученными усами комендант стоял при входе и с достоинством отвечал на приветствия. Слово бы он встречал не своих питомцев, еще по-мальчишески озорных, а дорогих, почетных гостей.

И молодые горняки, входя в красный уголок и глядя на Степана Гордеевича, приосанивались. Он попросил их собраться в кружок вокруг него и, спрятав пальцы правой руки за борт мундира, а левую руку выбросив вперед, заговорил торжественно:

— Приветствую вас, мои дорогие!

Но рука дрогнула, голос сорвался:

— Приветствую... рабочий класс... Марку нашу... горняцкую... держите, дорогие мои!.. Чтоб... вот как... У!.. Как учит товарищ Сталин... Присядем, сынки...

Все сели. В торжественной тишине были слышны шахтовые гудки. Они звали на труд.

— В добрый час! — сказал комендант, поднимаясь первым.

Шумно, напоминая взлет стаи птиц, покинули молодые горняки общежитие. Степан Гордеевич по привычке взглянул на часы, чтобы проверить их, но не видел ни цифр, ни стрелок...

«Ишь ты, очки забыл!» Схватился, а они на носу...

Глава 8

На раскомандировку бригада пришла рано. Но сам Смыслов уже сидел за столом рядом с начальником участка Виктором Сергеевичем Авдеевым. Небольшого роста, с крупными чертами лица, Авдеев потирал бритую голову широкой ладонью с короткими толстыми пальцами, что-то соображал. Смыслов записывал в блокнот цифры, делил их.

— Вот задачу задал товарищ Колыхалов. Н-да-а... И все-таки он прав! — Авдеев энергично опустил с головы руку на стол. — Прав, говорю! — Чернильница подпрыгнула, крышечка от нее упала на пол, тонко зазвенела. Поднимая ее, Ткачев подумал: «Видно, силен, чорт. И злой не в меру».

— Прав, говорю,— еще раз повторил Авдеев, глядя на притихших молодых горняков,— уголек мы добываем дорогой. Проценты, проценты, копейку не экономим. Не уменьем, а силой берем. Так ли, хлопцы?

Все заулыбались, переглядываясь. Авдеев вылез из-за стола, хлопнул Смыслова по плечу.

— Ну, давай знакомь с орлами своими. Экономией после займемся. Подумаем денек-другой, решим.— Его круглое лицо просветлело. Выпятив заметное брюшко, он встал, широко расставив обутые в резиновые сапоги ноги.

С краю от стола сидел Мамед. Авдеев намеренно резко поймал протянутую руку Мамеда и сжал ее словно клешнями. Мамед не покачнулся и в свою очередь ответил не менее сильным рукопожатием.

— Ого! — Авдеев округлил припухшие глаза, густые брови дрогнули.— Силен, ничего не скажешь. А ну-ка, ты,— кивнул он на Жарикова. Тот подошел, флегматично, нехотя произнес:

— Жариков.

— Да ты что, не выпался, парень? Фамилия у тебя сковородку с карасями напоминает, а сам холодный. Жизни больше, жизни!

Знакомясь с остальными, начальник шутил, для каждого находил ободряющее слово.

— А тебя, хлопец, знаю,— пристально вглядываясь в лицо Ткачева, сказал Авдеев.— Ты неплохо выступал на выпускном вечере. Комсомолец?

— Комсомолец.

— У нас, товарищ начальник, все комсомольцы! — вставил Хазиров.

— Нет, не все,— возразил кто-то.— Жариков у нас несоюзной молодежью называется.

— То есть как несоюзной? — удивился начальник.— В Советском Союзе — вдруг несоюзный? Очевидно, просто не подготовился еще? У нашей молодежи дорога одна — пионер, комсомолец, коммунист. Что касается Жарикова, то он, наверное, и октябренок успел побывать. Был, наверное, а?

— Был.

— То-то! А пионером?

— Когда учился в школе, тоже был...

— Почему же ты этот, как его, «несоюзный»?

Жариков смутился. Он не знал, что ответить. Сейчас ему действительно показалось странным, почему он не в комсомоле. Раньше он над этим не задумывался, поэтому не вдруг ответил:

— Готовлюсь, товарищ начальник. Устав изучаю.

— Вот, видите, оказывается, союзный.— Авдеев улыбнулся.— Чтобы не портить общую картину, будем считать товарища Жарикова завтрашним комсомольцем, — сказал он. — Кто против? Нет? Принимается. — Он посмотрел на часы.— На повестке дня еще один вопрос: лава, уголек. Начинаем!

Авдеев решил лично сопровождать бригаду и на месте дать необходимые указания. Поэтому разговор в нарядной был непродолжительным, он касался характеристики рабочего места, горно-геологических условий, техники безопасности. Знакомство с шахтой во время учебы, практику Виктор Сергеевич назвал «экскурсией». Не скупясь на краски, он ярко нарисовал картины «плюсов» и «минусов», предупредил, к чему ведет ротозейство, бездумность, ухарство.

— Уголек на ура не возьмешь! Так же, как стену лбом не прошибешь! — говорил в рифму Авдеев и поглядывал на новичков пылливо. — Думать! Соображать! И снова думать!..

Он брал мел, стирая с доски ежесуточные показатели, рисовал шахту:

— Кажется, чего проще добывать уголь? Вот ствол... Спускаемся. Идем в забой... Так... Здесь штрек. Здесь ходок. Спусковая печь. Там бремсберг, там уклон и так далее. Пришли... Вот фронт. Пускаем врубовую машину, подрубаем пласт... Вот он, метр пятьдесят сантиметров... Обуриваем, закладываем шпур, палим, проветриваем, приступаем к разборке забоя. Тот уголек, который при отпалке не угадал на транспортер, подбираем лопатой, и пошел уголек в вагончики и на-гора. Все? Всел..

Авдеев выжидал и потом продолжал более энергично:

— Нет, не все! Главного нет... Человека! Почему я пришел в лаву? Да потому, что человек туда дорогу проложил до меня, закрепил как следует выработанное пространство... Врубмашинист хорошо подрубил пласт. Правильно обурили забой. Запальщик прочистил шпур и отпалил по всем правилам. Люди старались, думали, как лучше!..

После наряда Жариков спускался в шахту с чувством отрешенности. Кусок чистого неба, еще голую ветку тополя, увиденные в окне рас-

командировочной комнаты, он унес с собой в забой, как подарок наступающей весны, и изо всех сил старался не утратить из поля зрения это светлое видение жизни. Авдеев сравнивал профессию горняка с профессией пилота, мореплавателя. Почему же, думал Жариков, пугает его шахта? Ведь он мечтал когда-то о путешествиях по морю. Пренебрегая штормом, открывал неведомые страны, необитаемые острова. Терпел страшные кораблекрушения. Правда, каждый раз дело кончалось благополучно. Но разве этого мало, чтобы не струсить под землей? Откуда берется робость?..

«Не знаю, не знаю!» — отбивался Георгий от назойливой мысли, и опять ему виделись ветка тополя и кусочек чистого неба. Неуместными казались шутки Ткачева и Смылова, невыносимым — смех начальника участка, такой громкий, будто от этого смеха сотрясается крепь и сыплется из-за перетяжки мелкая порода.

К счастью, предыдущая смена, отыскивая пути к экономии времени на производство цикла, сделала часть работы, положенной бригаде Смылова, и поэтому пришлось начать с разборки забоя и погрузки угля на транспортер. За работой Жариков на какое-то время забылся. Пока убирали уголь в первой половине лавы, вторая врубмашина доводила вруб до конца лавы — готовила фронт.

Авдеев торопил. Ему хотелось поскорее управиться здесь и перейти во вторую половину лавы, начать новый цикл. Он неожиданно появлялся то там, то тут, подбадривая горняков. В одном месте начальнику не понравилась крепь, и он заставил Жарикова сменить стойки. Подбивая основную стойку, липкую от смолы, пахучую, Георгий представил, как когда-то этот обрубок был деревом — высоким, с раскидистой кроной. Пред глазами возникла знакомая роща.

«Сколько леса губить приходится?!»

Так до конца смены он и мечтал о сосновой роще в жаркий августовский полдень...

Глава 9

Работа захлестнула Колыхалова с первых дней. Горюнов созывал совещание за совещанием, «подкручивал гайки», добивался от командного состава шахты какой-то «неусыпности»; тем не менее, под конец этих длинных и нудных совещаний из задних рядов нередко раздавался храп. Начальники участков, горные мастера, весь инженерно-технический персонал валился с ног от усталости. Шахта шла с перевыполнением плана, но как-то рывками, неровно.

Было не до книг. Отобранные в библиотеке две недели назад, они лежали стопкой на столе справа и успели запылиться. То и дело тараторил телефонный звонок: «Товарищ Колыхалов, главный инженер собирает народ»... «Совещание у начальника»... «Бюро горкома»... «Собрание партийно-хозяйственного актива»...

Профсоюзная организация заседала по своим «неотложным вопросам», комсомольская — по своим. Колыхалов с ужасом думал, что и в плане партийного комитета немало заседательской суетни.

«Трест требует от меня принятия оперативных мер», — говорил Горюнов. Бледнолицый, издерганный главный инженер, облизывая сухие губы, ссылаясь на Горюнова: «Душу выматывает начальник шахты». «Главный инженер требует!» — заявляли начальники участков на раскомандировках. «Задание мы должны вырвать во что бы то ни стало», — подражая своим начальникам, настаивали бригадиры перед рядовыми горняками, и те «рвали».

Казалось, останови эту руководящую карусель, и замрет трудовая жизнь шахты, не пойдет на-гора уголь.

— Ты знаешь, я в кино перестал ходить,— признался Колыхалов Горюнову, зашедшему в партком. Иван Владимирович частенько заглядывал к Колыхалову — не всегда по делу, а больше из-за того, чтобы посмотреть, чем занят секретарь, понимает ли он наконец, какой работа эта Горюнов.

— Э-э-э, батенька! Я даже не помню, когда был там.

— Сплю ненормально.

— А ты как думал? План перевыполнять — не семечки лузгать. Впрягайся, впрягайся, батенька! Я — с одного боку, ты — с другого жми...

— Не много ли мы ждем?

— Ничего, кашу маслом не испортишь. План-то собираются нам еще увеличить...

Колыхалов недоумевал: неужели министерство ошибается, не учитывает реальных возможностей? Ясно, чтобы выполнить план, необходимо приложить определенные усилия. Но ведь так, как мы, — ошале-ло — работать нельзя. Получается, горняки якобы не проявляют никакой инициативы, не соревнуются, все лодыри, несознательные, не государственные люди?

«Скис! — Горюнов злорадствовал. — Месяц-другой, и в горьком побежишь: «ослобоните». Не выдавши горы, гужи запачкал, форсун...»

Он говорил Колыхалову с иронией:

— Сапоги у тебя, Александр Макарович, блеснуть перестали что-то, да и на лицо сдавать стал. Ты в баню-то ходишь? — И тут же запальчиво: — А?.. Что?.. Теперь мне поверишь, каково руководить?

Колыхалов закурил, упер локти в крышку стола, положил подбородок на сжатые кулаки и сказал в раздумье:

— Плохие мы с тобой руководители, Иван Владимирович, обижаются на нас и горняки и их жены.

— Мы-ы-ы? — Горюнов не без умысла протянул: «мы пахали» — хотелось сказать.

— Да, мы, — спокойно повторил Колыхалов.

--- О нас, руководителях, судят по результатам. На шахте, которая перевыполняет план...

— Да, которая перевыполняет план, могут до поры до времени быть плохие руководители, — угадал Колыхалов мысли начальника шахты. Он говорил, твердо произнося каждое слово: — Могут, Иван Владимирович.

— Это как, до поры? — Горюнов с усилием сдерживал себя.

— Пока они сами не поймут порочности своих методов руководства или пока не поставят этих руководителей перед фактом необходимости сложить полномочия по несоответствию сегодняшнему дню.

— Знаешь что... — Иван Владимирович укоризненно потряс круглой бритой головой. — Рано тебе, товарищ Колыхалов, судить о моем руководстве. Со мной считаются, слава богу!

Иван Владимирович нервно искал в карманах спички.

— Руководить — не значит подгонять, — продолжал Колыхалов. — Надо помогать, направлять, совершенствовать методы руководства, учитывать обстановку, смотреть вперед. Руководителям и рабочим положено нормально отдыхать, ходить в театр, иметь время на личные нужды.

— А ты достаточно имеешь времени?

— Нет.

— Найди.

— Ищу и не нахожу.

— Почему?

— Не научился руководить. Плыву по течению.

Не зная, что ответить, Горюнов отмахнулся в раздражении:

— Не время мне заниматься дискуссией: работать надо, товарищ Колыхалов! — и стремительно вышел.

— Везет мне, товарищ Линьков, как утопленнику! — сообщил Иван Владимирович управляющему трестом после разговора с Колыхаловым. — Я о Колыхалове. Понимаешь, Никодимов, бывший парторг, хоть собрания во-время проводил, решения сочинял бойко. А этот все принимает, приглядывается. То по участкам рыщет, то в поселке по квартирам ходит. Жены к нему гужом валят...

Размышляя над поведением начальника шахты, критикуя себя, Колыхалов считал, что для него наступила пора действовать, вступить в борьбу с установившимися порочными традициями — не выполнять, а «вырывать» план угледобычи. Он видел, что горюновская «военщина» так въелась, что инженеров, механиков, десятников и бригадиров называли не иначе, как старшим и младшим командным составом. Побудешь на раскомандировке иного участка, и сразу вспомнишь воинское подразделение: «Сегодня нам предстоит атаковать лаву, выровнять фронтную линию, вырваться вперед и закрепиться на 130—140 вагончиках...»

В обеденный перерыв забежал Кусургашев. Отработав в первую смену, он уже мыслями был на охоте.

— Однако, опять занят, Макарыч? — спросил он, увидев Колыхалова, сосредоточенно склонившегося над бумагами. — А я думал, тайга ходить будет.

— Подожди, Кусургашев, посиди... Одну минуточку!..

Александр Макарович набрасывал тезисы своего выступления на комсомольском собрании, которое должно было состояться в понедельник.

«Мы располагаем прекрасной горной техникой, — писал он пункт третий, — необходимо добиться механизации всех процессов работы, повсеместно ввести дистанционное управление. Тяжелые врубные машины, скребковые транспортеры, мощные электровозы, породопогрузочные машины загрузить до отказа».

Колыхалов мысленно обращался к комсомольцам:

«Во многих забоях пущены в эксплуатацию прекрасные машины — угольные комбайны «Донбасс».

Он в раздумье обмакнул перо в чернила, написал цифру «два» и тезис: «Берите пример с лучших, учитесь у них, изучайте людей и машины». Этот тезис он дважды подчеркнул жирно. Опять задумался: «Знатный машинист комбайна Афанасий Павлович Ефанов на последнем партийном собрании поднял вопрос о культуре производства, о четкой организации труда. Он говорил о введении строгого графика цикличности».

Парторг вновь написал и подчеркнул:

«Цикл в сутки — это твердая гарантия перевыполнения государственного плана».

Колыхалову вспомнилась беседа с Савелием Бабашкиным и его слова: «В моей бригаде все на подбор. Ты меня, парторг, не попрекай в неуважении к технике. На доску показателей загляни. Пусть сперва догонят меня комбайнеры». «Надо покритиковать Савелия», — решил Колыхалов.

В общезнании приходилось слышать нарекания со стороны молодых горняков, окончивших училище. Они приходили с работы унылыми. Вруб-машинисты, электрослесари и водители электровозов обижались, что в шахте их используют не по специальности. В дни повышенной добычи, как правило, их заставляют подносить крепежный лес, грузить уголь лопатами, выполнять разные подсобные работы. Обещал принять меры. Неплохо поднять бы на это дело комсомольцев.

В ожидании «одной минуточки» Кусургашев размышлял. Ему предстояло сбежать на базар в палатку, купить вошину для Зойки. Она еще

наказывала принести ее новое платье и туфли на тоненьком длинном каблукке. Зачем ей это в тайге? Закрутила, небось, с практикантом-пчеловодом! В добрый час, выходи Зойка замуж. Кусургашев с Колыхаловым хоть на свадьбе попляшут! Отчего же это не нравится Макарычу? Или он не желает добра Зойке? Рано, говорит, выходить ей замуж. Как же рано?

— Однако, поклон тебе, Макарыч, от Зойки,— вспомнил Кусургашев.

— Спасибо! — Колыхалов оживился, и перо в его руке быстрее забегало по листу бумаги.

— Женить ее скоро будем, однако.

— Что?!

— Жениха нашла.

— Неужели?!

— Зойка сказал: туда неси, Кусургашев, поклон Макарычу, оттуда неси платье и туфли. Зачем? «Медмедю нравится хочу»,— сказал Зойка. Хитрый, лиса!..

— Жених-то кто?

— Практикант, однако.

«Ничегошеньки ты, таежный мой друг, не знаешь!» В туяске, который передал практикант Колыхалову в подарок от Зои, мед прикрывала березовая кожурка, а на кожурке — химическим карандашом: «Я начну сердиться на вас, если в ближайшие дни не дадите о себе знать! Вы совсем забыли нас...»

«Нас!» Почему же «нас»? Ведь вначале было написано «меня»? Жирно и тщательно затушевала. Какое же другое слово можно поставить в эту фразу, как только не «меня»? Впрочем, можно. Ну, хотя бы такие слова: «охоту», «тайгу», «пасеку», «отдых». Кто же в таком случае этот медведь, которому хочет понравиться Зоя?

Мысли человека не угадаешь. На той неделе, когда Колыхалов уходил домой, его до торной дороги провожали Зоя Николаевна и этот добродушный увалень Вася, которого Кусургашев называет «практикантом». Оставив Александра Макаровича, они миновали балку и скрылись в пихтаче. Зоя Николаевна что-то напевала, а Вася плелся за ней, сшибая пружиком бутоны нераспустившихся цветов. Парня ничто, казалось, не трогало. Близость девушки, цветы, узкая таежная тропа были для него обычными. А может быть, и нет. Кто знает, что держал на уме Вася, наблюдая мелькавшие впереди Зоины загоревшие ноги. «Зачем, дурень, губит цветы? А еще пчеловод!» Колыхалову было жаль почему-то Зою, цветы и воздух, который Вася глотал посапывая, не ошущая в нем ни привкуса хмеля, ни березового сока. Как назло, в той стороне особенно радостно распевала какая-то голосистая птичка. Тайга умеет хранить тайны, она ничего не расскажет Александру Макаровичу, где бродили, что делали парень и девушка в этот день. Пускай догадывается сам! Он волен думать всякое. Пусть замирает, горит огнем и холодеет его сердце!

«Нет, нет, если что — я сразу узнаю. Стоит мне только взглянуть на нее,— ходя по кабинету, думал Александр Макарович и просил Зою Николаевну: — Береги, пожалуйста, береги и себя, и меня, и нашу любовь!» Какую любовь? Откуда взбрело это в голову?

— Когда же тайга ходить будем? — перебил Кусургашев размышление Колыхалова.

— Я тебя извешу. Понимаешь, работа...

— Она тайга не ходит. Работа не зверь, однако,— по-своему высказал половицу охотник.

Александр Макарович засмеялся:

— Она, конечно, в лес не убежит, а Колыхалов — с удовольствием бы...

Прощаясь с Кусургашевым, Александр Макарович мысленно позавидовал, что тот сегодня увидит Зою. Хотел было передать с ним записку, но раздумал: «Пусть Кусургашев пока ничего не знает».

Глава 10

Позвонил телефон. В трубку кто-то порывисто дышал. Абонент, видимо, сильно волновался или был пьян. Он выкрикивал несвязно, голос срывался:

— Саша!.. Дружище!.. Жив! Елеха-воха!..

— Позвольте, что вы хотите? — строго спросил Александр Макарович.

— Подь ты к чорту... Саша... дорогой... не будь бюрократом!..

— Кто говорит?

— Угадай.

«Кто-нибудь из курсантов партийной школы дурачится», — подумал Колыхалов и стал, ища сходство в голосе, называть фамилии.

— Петров? Миша?

— Не угадал. Миша, да не тот.

— Нет у меня больше Миш.

— Есть.

— Был один Миша, но погиб на фронте.

— А фамилия его?

— Что вы, собственно, привязались?

— Нет, скажи.

— Ну, Пухарев...

— Говоришь... по-о-о-гиб? Вот и не...

Голос пропал. Александр Макарович слышал порывистое дыхание, затем донеслись звуки, похожие на приглушенный смех.

— По-о-о-дождите... с-с-ей-ча-с... Я это...

— Кто?

— Да, Пу-у-ухарев же...

— Родной... Миша! Ты откуда?

— С почты.

— Иди же скорее!

Колыхалов распахнул дверь и торопливо пошел по весенним лужам к почте, разбрызгивая жидкую грязь на себя, на аккуратно вычищенные сапоги.

Припадая на правую ногу, к нему навстречу спешил старый друг Михаил Пухарев.

Вечер и всю ночь они просидели в неудобной холостяцкой квартире Александра Макаровича за воспоминаниями, смеялись и грустили.

Военная дорога свела их в Донбассе, когда к нему подходил враг.

Колыхалов попал в подчинение к Пухареву.

Тянулись томительные дни догадок, предположений. Фронт приближался. Тревога росла. Колыхалов оброс, похудел.

Как-то раз Пухарев сделал ему выговор:

— Зимнину отращиваете, товарищ Колыхалов. Извольте пойти и немедленно побриться.— И он провел с Колыхаловым «политбеседу». Она благоприятно подействовала на Александра Макаровича, начавшего терять душевное равновесие, укрепила его.

Чисто выбритый Колыхалов сидел на бугре и смотрел в сторону города, скрытого в темноте ночи.

— Сегодня опять прилетят. Будут жертвы, кровь,— сказал он Михаилу.— Может, убьют сегодня.

— Трусишь?! — произнес, нахмурившись, Пухарев.

— Нет. Жить хочется, чорт возьми!

Как-то получалось так, что сигнал воздушной тревоги для Колыхалова был всегда неожиданным, хотя вражеская авиация прилетала почти по расписанию, каждый день в одно и то же время.

Надрывный голос сирены, доносившийся из города, Колыхалову казался живым, — будто человек, очутившийся в крайней беде, звал: «Помогите, помогите, помогите!» Это был голос даже не одного — сирена кричала за всех ищущих убежищ мирных жителей, охваченных страхом.

Предыдущие бомбежки не были длительными. Сейчас самолеты шли волна за волной.

Колыхалов бегал от одной установки к другой, командовал. Сердце билось ровно, в голове — абсолютная ясность. Вот он припал к орудию сам. Над вершиной огромного зарева, клубами черного дыма, освещенный стрелой прожектора, в пике пошел вражеский самолет. Колыхалов гнался за ним черным стволом орудия. Очередь... Вторая...

Несмотря на грохот, вой, свист, Александру Макаровичу показалось, что он отчетливо услышал треск разломившегося самолета, быстро поглощенного пламенем. Радость объяла сердце.

— Больше выдержки! Бить без промаха! — кричал Колыхалов, рукавом отирая лицо. Он прыгнул через ров. Не рассчитал, повалился. В этот миг последовал сильный взрыв, и комья сырой глины придавили к земле. Теряя сознание, Колыхалов успел подумать: «Вот она, оказывается, какая простая, только страшная по названию — смерть!..»

Наступало утро, а вместе с ним Колыхалов возвращался к жизни. Ночью его, почти полностью заваленного мокрой глиной, не могли найти. Он приподнял голову, в глаза ослепительно ударили яркие лучи солнца.

С трудом высвободился из своей «могилы». В глине отчетливо были видны отпечатки ног, головы и левой руки, откинутой в сторону. Сел рядом на насыпи, образовавшейся от взрыва бомбы. Кружилась голова, тошнило, и, как первый проблеск сознания, явилась мысль:

«Наверное, люди не умирают совсем. Точно так же полежат-полежат в родной земле, а потом встанут и снова пойдут своей дорогой. И не кончается жизнь. Только понятней становится она, как вода, которую пьешь каждый день, как воздух, которым постоянно дышишь».

Колыхалов посмотрел в сторону города, но ничего не увидел. Показалось странным, невероятным, что вместо красивого поселка, названного «Соцгородом», вместо клуба и Дворца пионеров лежали бесформенные груды развалин. А из-под них тонкими струйками в голубое небо поднимался дымок. И вдруг Колыхалов все вспомнил и понял.

— Зачем? — простонал он и, крепко сжав голову руками, пригнул ее к коленям. — Зачем?

Он заплакал так же, как плакал в детстве от самой горькой обиды, навзрыд, неудержимо.

— Сюда, сюда! — кричал Михаил Пухарев. Падая и поднимаясь, он бежал к Колыхалову. — Сюда, сюда! Вот он, товарищи, жив! Жив!

На голове Михаила была повязка. На воротах и рукавах гимнастерки — следы запекшейся крови.

— Ух! Жив! Елеха-воха! Нашелся! — С разгона плюхнулся рядом, положил руку на вздрагивающие плечи Колыхалова.

— Может, болит что, Саша?

— Болит, Миша.

— Заживет как-нибудь. Меня тоже малость поцарапало. Сгоряча-то не чувствовал, а сейчас...

— Не то, Миша. Сердце болит. Ух, лучше бы мне голову оторвало, нежели это! — Колыхалов указал на развалины города. — Ты посмотри, что наделали!

— Ничего, Саша, — Пухарев вздохнул. — Ничего, выстоим. Народище-то наш какой, людищи-то у нас какие!

В этот момент вдали послышалась оркестровая медь. Из улицы Ильича, на которой догорал последний угловой дом, показалась головная часть народного ополчения. Поблескивая на солнце, ровно качались штывки, пестрела одежда.

По обеим сторонам ополченцев бежали дети, нивесть как уцелевшие после этой смертоносной ночи. Они провожали своих отцов и братьев.

Когда колонна поровнялась с парком, где при входе стоял монумент Ленина с поднятой рукой, зазвучала давнишняя революционная песня:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

Пухарев и Колыхалов встали. Они некоторое время молча смотрели на ополченцев. Обращаясь к Пухареву, Колыхалов сказал:

— Давай руку... Чтобы как братья... На всю жизнь...

Так они поклялись в этот день навек в нерушимой дружбе.

С появлением Михаила у Колыхалова умножились силы. Теперь рядом с ним постоянно будет находиться друг. Пухарев прислан в распоряжение шахты «Первая» и рекомендуется на должность районного инженера.

— Придется сначала начинать жизнь! — шутил Александр Макарович. — Как в институте — любимым подруг, поженимся!

— Нет, в семейном вопросе я дальше ушел.

— Женился?!

— Давно.

— На ком же, кто она?

— Фронтовичка. Помнишь, худенькая, курносенькая?

— Зенитчица, которую кнопкой звали?

— Хороша кнопка! Посмотришь, удивисься... Мотенька подросла, раздобрела. А ты что не женишься? О Валентине все думаешь? Жалей не жалей, монах из тебя не получится.

— В том-то и дело — влюбляться начинаю.

Мирно, любовно беседовали друзья-однополчане.

Колыхалов видел в Михаиле того же балагура-весельчака. Несколько раз был ранен Пухарев. Шрам на лбу, рубцы на шее, на правом боку, одна нога короче другой. Лишь сердце осталось нетронутым — горячее, молодое.

— Не поиграть нам, Миша, в футбол с тобой! — погоревал Александр Макарович.

— Отчего ж?

— Нога...

— Полно. Этой клюкой я еще... будь здоров!

Стали собираться на шахту. Обував искалеченную ногу в специально сшитый ботинок, Михаил мурлыкал под нос:

Уж как жил мудрец великий,
Не любил он горевать...
И пришлось ему в сраженьи где-то ногу потерять...
И вернулся превеселый...
Где ж нога-то? Наплевать...

В парткоме Колыхалов спросил:

— Ну, а с комбайном как? Ты еще, помню, в институте начал работать над ним.

— К чорту, не хочу о нем слышать! — Шрам на лбу Михаила побагровел. — Будет время — подумаю, но не раньше чем через год.

Но Колыхалов не отступал. Когда за час до наряда начальник участка Виктор Сергеевич Авдеев и Василий Смыслов пришли в партком, они застали Пухарева с Колыхаловым за крупным разговором о комбайне.

Пухарев поминутно вскакивал с дивана, горячился. На бледном лице лихорадочно горели глаза.

— Да ты сиди, пожалуйста,— спокойно говорил Колыхалов.— Я тебе охотно верю.

— Издергали меня, понимаешь? Теперь у меня одно желание — спокойно углубиться в работу. К чорту все чертежи, не могу больше!

Парторг что-то записал, покрутил перед глазами карандаш, кивком головы пригласил Авдеева и Смылова сесть поближе. Обратился к Пухареву:

— Так я покамест недостаточно уяснил себе, за что все-таки тебя из комбината перевели к нам, понизив по должности?

Пухарев дернулся правым плечом, будто сбросил с него тяжесть. Опять поднялся.

— Меня наказали,— начал он с расстановкой,— за «новшество», за «эксперименты», за этот самый комбайн.

Колыхалов улыбнулся одними глазами. Вокруг них, запавших и серых, собралось множество морщинок. Шевельнулись седые виски. Он заглянул в документы Пухарева, лежавшие перед ним.

— Послушай, ты говоришь: за новшество, за эксперименты. А здесь написано нечто другое: за допущение аварии в лаве, повлекшей за собой несчастный случай. Чему верить?

— И то и другое верно,— Пухарев безнадежно махнул рукой.— Это писал инженер комбината Дубинин, а я ему вот — нож острый,— он резанул себя по горлу ладонью.— Не пойму этого человека: или зависть его берет, или он антимеханизатор? Беседа со мной перед отъездом и сочиняя этот документ, он мне говорил: эксперименты не доведут тебя до добра, твоя, говорит, идея абсурдна, советую заняться делом.— Пухарев опять махнул рукой.— И.. да что там! Я говорю тебе,— начал он, помолчав,— у меня желание спокойно поработать среди шахтерского коллектива. А комбайн — потом.

— Ты член партии? — спросил Колыхалов и, выйдя из-за стола, пошел вдоль кабинета.

— Кандидат с просроченным стажем. Ведь это дело с прошлого года тянется. До сих пор воздерживались принимать меня в члены партии.

— Почему?

— А все из-за этой аварии. Горяч, несдержан, несерьезен! Таков отзыв о Пухареве.

Колыхалов взял от стены венский стул, сел против Пухарева, обе ладони положил на его колени.

— Горячность не порок, если она проявляется в деле, милый! Да где в тебе удалой фронтовик?! Я обвиняю тебя в малодушии. Ты талантливый инженер. Ты попытался решить одну из важнейших задач угледобычи, создал умную машину, а до конца задуманное не довел.

Парторг встал, взглянул на часы. Взял со стола лист бумаги с черновыми записями:

— Я не знаю, завистник ли этот Дубинин, но антимеханизатор, вероятно, законченный и, стало быть, опаснейший человек. А ты, товарищ Пухарев, поверил ему, поверил в то, что надо отказаться от новшества, от экспериментов. Угольный комбайн, работающий без обычного крепления, да ведь это, чорт возьми, замечательно! Не веришь мне, их спроси! — Парторг показал на Авдеева и Смылова.

Горячность Михаила, с какой он все время разговаривал с парторгом, сменилась раздумьем. На бледных щеках выступил румянец. Он стал рассказывать Авдееву и Смылову о преимуществах своего комбайна, изображая его на чистом листе бумаги.

— Здорово! Очень здорово может получиться! — восторженно произнес Авдеев.

— Видишь, что горняк-то толкует?! — Глаза парторга вновь заулыбались, вновь побежали мелкие морщинки к седым вискам.

— Не веришь в успех машины, выходит, ты, товарищ Пухарев, хотя являешься изобретателем ее. Мы не позволим тебе бросать чертежи. Не обещаем ни отдыха, ни покоя до тех пор, пока комбайн не будет работать. Иди, оформляйся! — закончил парторг.

С уходом Пухарева в отдел кадров Александр Макарович сел на диван между Смысловым и Авдеевым.

— Что ж, займемся, товарищи! — произнес он.

— Крепко вы на него навалились, товарищ Колыхалов! — сочувственно сказал Авдеев.

— Ничего. Это мой друг! — ответил Александр Макарович и добавил более оживленно: — Огнистый парень, изобретатель. Побольше бы нам таких!..

Авдеев вынул из кармана и развернул большой лист бумаги, разграфленный синим и красным карандашами:

— Вот наш план экономии и коллективного стахановского труда, товарищ Колыхалов. Полночи сидели над ним со Смысловым.

— Вдвоем?!

— Вдвоем, Александр Макарович!

— Ну и плохо! Назвали коллективным, а составили единолично.

Авдеев начал было читать план, но Колыхалов остановил его:

— Такие дела в кабинетах не решаются. Через несколько минут наряд, вот пойдете и все вместе посоветуемся с горняками. Послушаем, что они скажут.

На пути в раскомандировочный зал Колыхалов спросил Смылова:

— Ну, как трудится твоя молодежная?

— Растем понемножку. Осваиваемся.

— А этот как себя чувствует, остряк-то?

— Жариков, что ли?

— Ну да, Георгий Жариков.

— Представьте себе, работает не хуже других.

— А ты сомневался, Василий!

Александр Макарович обратил внимание на доску показателей. У нее, ухмыляясь в усы, стоял Савелий Бабашкин. Он поздоровался с парторгом и горняками, пробасил:

— Отстаешь, Вася. Может, на буксир взять?

Смыслов промолчал. Он пока не знал, что ответить старому горняку. Молодежная бригада еще осваивалась с работой, имелись кое-какие неполадки...

Глава 11

Воскресный день выдался на редкость ясным. Утро начиналось золотистой зарей. Степан Гордеевич видел, как намеком она появилась над черной лентой тайги, потом все разгоралась и разгоралась большим костром. Сперва зарозовели макушки террикоников, высоких котиров шахт «Бис» и «Четвертой», потом — купол шахтерского клуба, крыши больших серых домов поселка.

В скворешне, сделанной на манер коттеджа, завозилось, зашеборшило. На приступок выскользнул скворец; он темными бусинками глаз взглянул на коменданта, сидевшего внизу на скамейке, покрутил шеей, как бы удивляясь: мол, раненько поднялся старик, и несколько раз цокнул, пробуя голос.

— Ну, начинай, начинай, — Степан Гордеевич усмехнулся, — опоздал ведь нынче? Непропеченный!..

Скворец опять покрутил шеей. Его крылышки приспустились, ослабли. Он дрогнул. Навстречу заре, уже разлившейся по всему руднику, понеслась весенняя трель. В это время из-за дальнего терриконика выглянуло солнце и его животворная теплынь хлынула в широкую улицу Ленина, бросив четкие узорчатые тени от тополей.

Степан Гордеевич поднялся на второй этаж, стараясь не шуметь. Осторожно прошелся по коридору. В комендантской, положив голову на стол, сладко спала его помощница — тетя Стеша. Он тихонько растолкал ее, но спросил строго:

— Спишь, девка?

— Нет, думаю.

— То-то! — ухмыльнулся Степан Гордеевич. — Так вот что, я домой ухожу, а ты смотри тут в оба. У меня чтоб без происшествий! — И добавил мягче: — Старуха, должно, уже сердится на меня. Почти всю неделю дома не ночую.

Он дал необходимые указания и вышел. Теперь у птичьего домика сидели рядышком друг против друга два скворца. Они наперебой славили утро. «Вот она, природа!» Ему припомнились молодые годы — тяжелые, почти без проблесков радости. «Вот с этого бы дня жить начинать надо...»

Особняки Степана Гордеевича и Дубова стояли рядом. У обоих — фруктовые сады. Только у Дубова сад был в два раза больше, и как-то особенно быстро прививались в его саду ягодники, редкие мичуринские сорта яблонь.

— Я слово такое знаю, — говорил Дубов, — а тебе ни о чем не скажу. Бейся не бейся, меня все равно не догонишь.

— Нам со старухой и того хватит.

— Мало чего хватит. Надо, чтоб и народу досталось.

— То-то все для народа стараешься, чорт непрощенный! Нет бы общественный сад разводить, — к своему дому тянешь. Подожди, я тебе задам хлопот.

У Степана Гордеевича давно зародилась мысль об общественном фруктовом саде и индивидуальных садах вокруг жилищ горняков. Сейчас, видя, как Дубов расхаживает по саду с большими ножницами, Степан Гордеевич хитро прищурился: «Непрременно выступлю на сессии исполкома. Расхвалю тебя, чорта. Поручат тебе общественную работу, бездельник».

— Эй, соседка, погодь-ка! — крикнул Калистрат Кондратьевич, подходя к зеленому палисаду. — Ну, как здоровышко?

— Ничего, слава богу.

Здоровались они всегда за руку. Из сада тянуло прелым листом и отогревающейся на солнце землей — жирно, обещающе. Дубов успел произвести новые посадки, высадить семенники овощей. Степан Гордеевич позавидовал: «И, правда, за ним не угонишься. Ишь, как прибрался».

— Хорош у тебя садик, Калистрат, — откровенно сказал он.

— В хозяина, — намекнул Дубов, — каков поп, таков и приход. Мы здесь с Аграфеной подумали, уж не женился ли старый форсун. Дом забросил совсем...

Степан Гордеевич рассердился:

— Пустомеля! — Он отпрянул от ограды и быстро зашагал к своему дому, крикнув на ходу: — Кулак ты бывалышный, вот кто!

В его саду оказалось также чисто. Мертвые побеги лежали в кучке в стороне. Стволы яблонь побелены, срезы загрунтованы, покрашены суриком.

— Аграфена, кто тут командовал? — спросил он у показавшейся на крыльчке жены.

— Я командовала, а что? — Полная, еще крепкая Аграфена Григорьевна стояла, подперев руками бока.

— Не ври, не твой почерк. Кто, спрашиваю?

Она качнула головой в сторону Дубова, заулыбалась.

Степан Гордеевич для вида придирчиво колунул ногтем забинтованную ранку на яблоне, обломил сухой, незамеченный прутик и, уже не в состоянии больше сердиться, довольный оглянулся на соседа.

Между тем Дубов крикнул:

— Плати за работу!

— Заходи.

— А что у тебя там?

— Настоячка на яблонево́й почке.

— Дельно. А назвал как?

— «Весенние грезы», как раз по сезону...

Пока Аграфена Григорьевна готовила закуску, друзья стояли рядом и смотрели на рудник. Им чудилось, как просыпается земля, как прошлогодние сухие листья шуршат оттого, что их тревожит молодая поросль — острая, упрямая.

— А ведь если подумать,— мечтательно говорил Степан Гордеевич,— у меня теперь, Калистратушка, два сада: один здесь, а другой там, в общезитии, да поважнее этого будет. Хоть фруктовое дерево — и нежная штука, а человек — подавно. К нему привить наше горняцкое ремесло — это тебе, Калистратушка, не «белый налив» к дичку. Мозгами поворочаешь.

— Понятное дело,— согласился Дубов.— Люди...

— Люди-то они люди, а в люди еще не вышли. Вот опять задача: выводить надо. Слышал, о чем Колыхалов-то на собрании толковал: раз, говорит, наше производство социалистическое, — значит, и в быту социализм должен быть. Человек все должен переделать: и природу и самого себя. Вот какого ему человека подавай.

— Как он за дела-то берется, цепко?

— А я про что?.. Дотошный, мол, парень. Во все стороны глядит. Как увидит человека с головой, так к себе его поближе. А для чего? Чтобы опора была прочная. Горюнов-то уже нос воротит, не нравится!

Степан Гордеевич снял фуражку, в задумчивости чуть склонил седую голову. Увидел: трудолюб-муравей волочит за собой былинку. Видно, ноша ему не под силу, а старается, тянет...

— Я хочу, чтобы после нас тут цвело все,— сказал он, вновь устремляя взгляд на рудник.

— И будет цвести,— отозвался Дубов.

— А помянут ли нас словом добрым?

— Помянут, помянут, Степа...

— Нет, сдается мне — не всем такая честь. К примеру, тебе, Калистрат, рассчитывать на поминки не приходится,— сказал Степан Гордеевич и по-мальчишески озорно дернул книзу козырек фуражки Калистрата Кондратьевича, нахлбучив ее до самого носа.

Будь на месте Дубова Степан Гордеевич, непременно бы рассердился и не кланялся бы неделю с дружкой за такую шутку. А Калистрат Кондратьевич только крикнул с досады.

— Не блажи, Степа,— отмахнулся он. Больше встревожила мысль: почему же его не помянут потомки добрым словом? — Что ж, выходит, понапрасну Калистрат на свете живет? Вроде крапивы под забором? — огорчился Дубов.

— Крапива. Ею, брат, поросят кормят. Она пользу приносит.

— А я?

— А ты, Калистратушка, живешь — цветешь, а толку — грош.

— Спасибо, соседка! — Дубов низко поклонился и пошел к своему дому, недоумевая, почему обижает его Степан Гордеевич.

— Калистрат Кондратьевич! Куда же ты? — крикнула с крыльца Аграфена Григорьевна.— Слышь, Степа, закуска готова. Куда он? Идите...

— Сад, видишь ли, ему плохо прибрал,— отозвался Дубов, перелезая через плетень.

— Что? Что? — заторопился Степан Гордеевич, петухом налетая на Дубова.— Что сказал?

— Не угодил, говорю.

Степан Гордеевич приготовил было для друга обидное слово, но заговорил сдержанно:

— Эх, Калистрат! Да разве я про то хотел?.. Иди сюда. Видишь, места вокруг сколько?

— Вижу.

— Так поставь себе там памятник при жизни. Сделай городской сад. Вот о чем я тебе намекал. Оставь, Калистратушка, метку о себе...

— Лыко да мочало — начинай сначала. Слышал.

— Не дело, скажешь?

— Дело.

Через полчаса из дома Степана Гордеевича вырвался в сад сиротливый мотив про одинокую рябину и побежал, пригибаясь, стыдливо прячась от солнца и весны. Некстати он был в это утро. Потому что все вокруг согласованно пело об исполнении желаний, ничто не склоняло долу головы.

Все жило, росло, сияло.

* * *

«Вот сюда и зайду я сейчас», — размышлял Александр Макарович, любуясь с дороги небольшим особнячком под шиферной крышей, с верандой, с множеством комнатных цветов на окнах. Обтерев ноги о половичок, он поднялся по крашеным ступенькам, прошел веранду, сени. Всюду чистота, каждая вещь на своем месте. Навстречу выбежала молодая женщина с восторженным лицом, с какими-то по-особенному лучистыми темными глазами. Очевидно, она кого-то ждала и, увидев незнакомого человека, помрачнела. Откинув косу с груди назад, спросила почти строго:

— Вам кого?

— Хотя бы вас.

— Чо вдруг я вам понадобилась? — Женщина стояла, загораживая собой открытую дверь в комнату.

— Разговор есть.

— Интересно! Проходите, пожалуйста, коли разговор. — Она повернулась, блеснув крупными золотыми серьгами, направляясь в комнату. — Вы с шахты? — спросила на ходу.

— Да. Я парторг Колыхалов.

Женщина оглянулась через плечо, иронически улыбнулась.

— Интересно...

— Что же в этом интересного? — Колыхалов присел на диван, положил рядом фуражку. Женщина была явно недовольна его визитом. Она взяла пальцы и устроилась напротив в кресле. Не дожидаясь и как бы совершенно не интересуясь предстоящим разговором, принялась за рукоделье.

Александр Макарович окинул взглядом комнату, обратился вновь:

— К чему же относится это «интересно»?

— К тому, что одни разгуливают, а другие и выходного дня не имеют.

— Вы о ком?

— Хотя бы о вас. Почему мужа по неделе из шахты не выпускаете?

— Простите, а кто ваш муж?

— Все Калмыков же.

— Стало быть, вы Лидия Арсентьевна.

— Двадцать четыре года как Лидия Арсентьевна...

— Мне Калмыков о вас говорил...

— А он всем расхваливает меня. «Расторопная да домовитая»!

— Он сказал еще, что вы, Лидия Арсентьевна, окончили геолого-разведывательное отделение техникума и хотите устроиться на работу.

Лидия Арсентьевна встряхнула головой.

— Чо, и пойду, и брошу все, и шут с ним, пусть он день и ночь в шахте киснет. Добрые люди по воскресеньям в гости, в театры ходят, а тут вот сиди,— жена знаменитого стахановца! — Лидия Арсентьевна с трудом удерживала слезы.— Опять дурака на рекорд уговорили пойти! — Она швырнула на стол пяльцы и поспешно вышла в смежную комнату. Оттуда вернулась с охапкой денег.

— Зачем мне это? Скажите, зачем? — Она заплакала по-детски, с обидой. — Горюнов ваш смеется: «Твой муж за десятерых деньги гребет!» А почему всем десятерым не даст поровну заработать?.. Со своими порядками людей сумасшедшими делаете. Прибежит мой и не поест как следует: все бегом, «скорее, скорее!» Сегодня штурмуют, завтра штурмуют. Да когда же это кончится?! Когда же порядок будет и в семье и в шахте?!

Она вытерла передником слезы, села на прежнее место и как-то сразу перешла на веселый тон:

— Смотрите. Соберемся жены. Придем к вам. Да такую выволочку устроим!..

— А это, пожалуй, неплохо,— в раздумье проговорил Александр Макарович.

— Чо, выволочка? — засмеялась Лидия Арсентьевна.

— Неплохо бы собрание жен горняков устроить, послушать, что они скажут.

— Ни одна не похвалит, не думайте.

— Вот и хорошо!

— Чой-то вдруг хорошо?

— Хорошо вышиваете.

Александр Макарович поднялся, собираясь уходить. Горнячка спохватилась:

— Да чой-то я! Чайком вас не угостила! Нет, нет, извините, пожалуйста, только я вас не пущу без чая! — Она взяла из рук Колыхалова фуражку и повесила, засуетилась по комнате, размахивая длинными черными косами, приговаривая: — На тебе, обругала человека, чайком не угостила. Да чо мне муж-то скажет?..

Александр Макарович поблагодарил молодую хозяйку и ушел, обещав зайти, когда Калмыков будет дома.

Глава 12

Вновь избранный комсоргом участка Мамед Хазиров еще накануне предупредил Алексея Ткачева о поездке молодых горняков в выходной день на комсомольскую стройку. Кружок самодеятельности подготовил большую концертную программу. Предполагалось взять с собой духовой оркестр и оркестр народных инструментов. Вечером Алексей с радостным волнением проиграл на баяне весь свой репертуар, с которым обычно выступал на концертах. Он даже разучил новую песенку «Горнячка».

Ночь прошла беспокойно. Ткачев поднялся до света, открыл окно и стал вглядываться в голубую темень. Весенние хмельные запахи оживающей природы волнами катили в комнату. Весна звала в поле. Хотелось итти в простор, к алой полоске зари, где вот-вот затокует глухарь и его нехитрая, но несказанно сильная песнь разбудит тайгу.

Ткачев думал о том, как на этот рубеж пришли люди, потеснили тайгу. Они трудились, любили, и у них народились дети, которые пойдут дальше, глубже вроятся в недра, откроют невиданные богатства Кузбасса.

Он видел, как вышел из общежития Степан Гордеевич, погрозил пальцем на скворечник, постоял улыбаясь. От нахлынувших чувств Ткачеву хотелось окликнуть старика и поговорить с ним.

Проснулся Мамед Хазиров, заговорил о Маше. Она тоже собиралась поехать на стройку.

— Ведь вот какая она девушка, Маша,— говорил Хазиров,— всю ночь она снилась мне. Поманит пальчиком, а сама куда-то спрячется. Я ищу ее. Найду... Нет, не поймать. Эх, Маша!..

Алексей взял баян, тихонько заиграл лирическую горняцкую. Мамед лег на спину, положив под голову руки, запел:

Не ходи берегами Томи,
Тополиной аллеей широкой,
Свое сердце, горняк, не томи
Ожиданьем ее, синеокой...

Песня говорила о том, как хороши на ветру тополя и необъятен Кузбасский край, как от вечерней зари до утра не гаснут на копрах звезды...

Жариков натянул на голову одеяло, что-то проворчал. Потом резко поднялся, злой, раздраженный.

Мамед подошел к нему, дружески обнял.

— Скажи, Гоша, чего ты хочешь, и я для тебя сделаю все. Только не сердись сегодня. Я буду серым волком, найду тебе...

— Да отвяжись ты, оставь меня в покое! — закричал, отстраняясь, Жариков. — Что за телячий восторг? Чему ты радуешься, Мамед? — И выпалил: — Уж не тому ли, что Машку твою вчера увезла «скорая помощь»?

— Эх, Гоша! Шутишь ты всегда по-дурацки.

— А что мне шутить? Я еще вчера вечером слышал об этом. Не веришь?

— У-у-у, порода! — Мамед не верил Жарикову, привыкнув к его странностям. У него напряглись все мускулы, словно он приготовился к смертельному прыжку на обидчика.

— Такими вещами не шутят! — строго сказал Ткачев, предчувствуя недоброе.

Жариков пожал плечами:

— А я думал, что вам это уже известно. Если не верите, позвоните на шахту. Мне что!..

Мамед сразу расслаб. Он медленно убрал койку, не вдруг оделся. Подошел к Жарикову.

— Гоша, скажи, Гоша... Лжешь, да?

— По-твоему, я не человек? — обиделся Жариков. — Ничего не понимаю? Меня ничто не тревожит? Ошибаешься.

Позвонили по телефону в больницу, оттуда ответили невнятно. Больше интересовались тем, кто звонит и в каком родстве состоит с больной.

По улице по-праздничному разодетые горнячки шли на базар, шурясь от такого же яркого солнца. Они разговаривали громко и весело.

У общежития стояли две машины. Хазиров сообразил, что одной из них можно воспользоваться. Шофер, к которому он обратился, лежал на сиденье, высунув наружу одну ногу, обутую в кирзовый растоптанный сапог.

— Бензину мало, — не открывая глаз, безучастно ответил шофер, — и вообще у меня нынче выходной. Послали каких-то горняков на прогулку везти. Эх, жисть! Кому гулянки, а кому выспаться некогда!..

— А у твоей совести тоже выходной?!

Шофер приподнял одним пальцем козырек фуражки:

— Ты насчет совести поосторожней.

Мамед поднял его за борт кожанки, притянул к себе.

— Будь человеком, ведь там несчастье! — И это, очевидно, подействовало на парня.

— Какое несчастье? — спросил он, тараща серые глаза, опущенные белыми ресницами.

— Несчастье на шахте случилось, с девушкой. Узнать надо.

— С твоей?

— Не все ли равно тебе? Заводи!..

Машина взвыла и, круто развернувшись, помчалась по грунтовой дороге.

* * *

Когда Хазиров вернулся из больницы, все было готово к отъезду на строительство. Алексей с музыкантами сидел на передней машине.

— Плохо, Мамед? — участливо спросил он.

— Не знаю.

— Разве не видел ее?

— Видел.

— Так что с ней?

— Обожгло ее. Руку и лицо. Забинтованная лежит, говорить не может.

— Как же?

— Вот так. Замыкание произошло в ламповой. А она рубильник выключать кинулась... Ну и...

— Остаться бы тебе с ней надо, — осторожно заметил Алексей, удивляясь тому, что Мамед, несмотря на несчастье с любимой девушкой, хочет ехать на стройку.

— Не разрешила. Написала: не мучай меня и себя. Уходи..

— Садись. Быть может, немного рассеешься с нами, — сказал Алексей и постучал в кабину:

— Поехали!

Почти всю дорогу молчали. Слева бежали сосны, справа, широким разливом припертая к скалистому берегу, лежала река Конда.

Кое-где по обочине дороги мелькали подснежники и фиолетовые колокольчики кандыков. Над сопками, еще голыми и рыжими от прошлогодней увядшей травы, дрожало сизое море. Тарахтели грузовые машины. Но они не в силах были заглушить пения жаворонков. Хазиров сидел с опущенной головой.

* * *

Строительная площадка открывалась за поворотом. Каждый раз, приезжая сюда, Ткачев удивлялся тому, как быстро растут дома, служебные постройки. Сейчас уже обозначалась центральная улица города. На месте гидростанции закладывался фундамент. Всюду — траншеи, котлованы.

Несмотря на общий выходной день, на стройке былолюдно.

— Отдыхаете? — обратился к приехавшим горнякам паренек с комсомольским значком на тужурке.

— Загораем! — шутливо ответил Алексей Ткачев.

— А субботник? — удивился паренек.

— Какой?

— Какой? Комсомольский! А, да вы не здешние. Тогда загорайте. Через два часа кончаем.

Горняки возбужденно зашумели. Послышались голоса:

— Чего же загорать? Помочь можем. Пойдемте!

Паренек провел гостей на строительную площадку. Ткачев и Хазиров взялись подносить гравий.

Орудую у бетономешалки, Таня видела, как Алексей посмотрел в ее сторону, но, очевидно, не узнал. Да и трудно было узнать ее, серую от цемента. Три часа подряд она выполняла тяжелую работу. Натруженные руки деревенели, сильно болела спина.

Забутовка фундамента под кинотеатр закончилась в двенадцать часов дня. Разогнув спины, комсомольцы увидели, как много кругом солнца. Золотые блики его играют на поверхности реки, на лицах; сиреневым

дымом чадит тайга. И усталости — как не бывало! Вот кто-то улыбнулся, глядя вдаль, кто-то пошутил, кто-то запел песню, и у песни выросли крылья.

Ткачев пошел навстречу двигающемуся потоку людей, отыскивая глазами Таню. Ему улыбались, приветливо кивали, жали руку.

— Ты Таню ищешь? — поровнявшись, спросил Хазиров.

— Тебя.

— Я понимаю! — Мамед хитро прищурился. — Конечно, ее. Только напрасно... Здесь не увидишь. Она пошла прямо в общежитие. Вот, кажется, она...

Алексей хотел было кинуться вдогонку, но Мамед задержал его:

— Не мешай. Мне кажется, нарочно она не пожелала с тобой встретиться.

— Почему?

— Сам угадай.

— Не знаю, я с ней не ссорился.

— Эх ты, голова! Разве можно ссориться с девушкой, которую любишь? — Он взял Алексея под руку. Тихонько пошли. — Неужели ты не можешь понять ее? Представь: девушка любит и хочет, чтоб ее любили. Подожди, вот умоется, приведет себя в порядок — сама придет к тебе.

Алексей промолчал. В который раз принялся обдумывать предстоящий разговор. Опять вспомнилась первая встреча, приезд на рудник, дорога от станции, ручей, пахнувший хвоей.

— Скажи, Мамед, — начал он. — Маша любит тебя?

— Любит, Алеша.

— Она сама сказала?

— Ничего она мне не говорила.

— Как же узнал?

Мамед положил руку на плечо Алексея.

— Алеша, любовь — это не слово. Это... Я не знаю, я только чувствую.

Мамед нагнулся, сорвал подснежник и воткнул его в нагрудный карман Алексею.

Почти у клуба их догнала Таня. Алексей остановился. Хазиров пошел быстрее, оставив товарища.

На девушке была черная плиссированная юбка и белая кофточка.

— Здравствуй, Алеша, — сказала Таня.

— Здравствуй, Таня, — глуховатым от волнения голосом ответил Ткачев. — Неилохо поработали, правда? — спросил он и подумал: «Опять о работе начинаю».

— Спасибо вам за помощь, Алеша. — Таня притронулась к его руке, и, как тот раз, на вечере, Алексей вздрогнул.

— Таня!..

— Ну что?

— Березонька!..

Девушка опустила глаза и, смущенная, зашагала быстрее.

— Как хочешь, а я люблю тебя! — услышала она шопот. — Понимаешь, люблю...

«Люблю» сказал придорожный голубой цветок, который осторожно обошла Таня, чтобы не наступить на него, «люблю, люблю» пели жаворонки, «люблю, люблю» стучало в груди сердце...

Концерт затянулся допоздна. Последним выступал Хазиров. Как обычно, ему много аплодировали. Аккомпанируя Мамеду, Ткачев сидел с баяном на середине сцены и видел лишь Таню.

По окончании концерта его окружили девушки и попросили сыграть на прощанье вальс. Подошел белообрый шофер, сказал Ткачеву на ухо, что пора закругляться, машины заведены и вообще у него испорчен весь выходной.

Гости уехали. Таня пошла домой одна. «Как быстро идет время,— думала она,— почему нельзя его остановить по желанию? Когда она снова увидится с Алексеем?»

В той стороне, куда ушли машины, над темными сопками простиралась бледная синь. На ее фоне причудливо рисовались кедры. Присмотревшись к ним, можно увидеть все, что захочет воображение. И нивесть что представили девушке уснувшие кедры, только она произнесла вслух: — Хорошо!..

И не удивилась, увидев перед собой запыхавшегося Алексея, сама взяла его под руку, и они пошли по косогору к пяти соснам.

В ясный день сосны видны издали. Они стоят, словно пять всадников, над крутым склоном сопки в задумчивом ожидании. Под ними не раз проводил время Ткачев, слушал невнятное их шушуканье, любовался буйным цветением черемух, сгрудившихся в логу.

Минуя повороты, тропинки, шли напрямик. Таня опередила Алексея. Она остановилась у сосны, выдавшейся немного вперед, как бы сделавшей лишний шаг к склону, чтобы заглянуть в черемуховый дол, закрыла глаза и приложила голову к шершавой коре дерева.

Алексей также прислонился к сосне. Повяло тонким ароматом хвои. Прядь таниных волос трепетнула на ветру и коснулась его лица. Девушка продолжала стоять с закрытыми глазами, и ничего не стоило Алексею приблизиться к ее влажным губам. Но от пришедшей на ум мысли по спине пробежал холодок, а дышать стало труднее.

— Слышишь? — тихо спросила Таня.

— Слышу,— шепнул Ткачев и, закрыв для смелости глаза, потянулся к губам девушки. Таня отстранилась так тихо, что он не заметил этого и продолжал клониться, плотнее смежая ресницы.

— Я знаю, что сказала тебе сосна! — услышал он с другой стороны.

— Нет, не знаешь! — Алексей приблизился к девушке.— Не знаешь!..

— Знаю!..

— Ну, скажи?!

— Не знаю.

— Она сказала вот что... Хочешь, на ушко?

— Говори.— Таня убрала прядку волос, доверчиво прильнула к Алексею. Он запрокинул ее голову и звонко, по-детски поцеловал.

— Вот что сказала сосна! — И Алексей опрометью кинулся вниз по склону.

— Алеша, Алеша! Что ты наделал!.. — прошептала Таня.

В оцепенении она осталась на месте с запрокинутой головой. Увидела на темном небе длинный светящийся росчерк падающего метеорита.

В логу трещали сухие сучья кустарника. Там Алексей бежал на рудник, счастливый, взволнованный...

Глава 13

Каждый день после смены Мамед навещал Машу. А если случалось, что задерживали его на шахте комсомольские дела, в больницу шел Алексей. Часто друзья ходили туда вдвоем.

Сегодня Степан Гордеевич раздобыл лошадь и ждал возвращения Хазирсва с работы, чтобы вместе с ним поехать в больницу. Об отношениях Маши и Мамеда он узнал не вдруг. Началось с того, что комендант заметил перемену в Хазирове. Тот стал молчалив, часто грустный засиживался на скамейке у общежития, отложив в сторону книгу. Как-то Степан Гордеевич пригласил его к себе в комендантскую, закрылся и начал издали:

— В жизни, сынок, много дорог всяких. Все они разные. Какую изберешь — таких людей на ней встретишь. Дорогу надо выбирать трудную: она ближе к цели. А выбрав, не плошай, не сбивайся с нее.

— Зачем вы говорите мне это, Степан Гордеевич? — спросил Мамед, недоумевая.

— А так просто. Сидел, скучно стало. Дай, думаю, с Хазировым поговорю. Да и ты, вижу, не занят, кстати, ничем.

— Нет, Степан Гордеевич, я сейчас занят. Очень занят,— грустно ответил Хазиров.

— Чем это?

— Думой.

— Думы разные бывают. Одна душу веселит, другая сушит... Какая у тебя?

— Наверное, та, которая сушит.

Старик насторожился.

— Ишь ты! Значит, долой ее, думу такую, чтоб не сушила,— из головы вон.

— Нельзя ее выбросить, Степан Гордеевич.

— Нельзя, говоришь? Ну, раз нельзя, тогда промеж товарищей подели ее: легче станет.

— Не делится.

— А может, попробуем?

— Не стоит.

— Ну, как знаешь.— Комендант помолчал.— Да, о чем было я начал?

— Про дороги жизни,— напомнил, улыбаясь, Мамед.

— Правда, про них. Помню я, в Москву приехал из деревни. Не в Кедровое, а в Москву! Помоложе тебя был. Большая Москва, а людей не видно. В сущности, их много, да они не замечают. Ходил-ходил по ней, матушке; крепился. Потом сел на мостовую и завыл волком. Опять никто не замечает меня. Как из лесу, насилу выбрался.— Старик изучающе посмотрел на Мамеда, соображая, не пойти ли в атаку, между тем, продолжал: — Теперь Москва несравненно больше стала, людней и просторней в то же время и не заблудишься в ней. В давние времена говорилось: Москва слезам не верит. Она не верила, когда всяк в своей норе жил. Всяк по-своему старался из нужды выйти, втихомолку, тайком. А нынче на нашей земле живут другие люди — советские, друг до друга дотошные. А ты, говоришь, думку твою разделить нельзя!..

Молодые горняки всегда с уважением смотрели на коменданта. Для них старик был отцом и советчиком.

Хазиров рассказал ему о том, что любит Машу. На это комендант многозначительно ответил:

— Горняк, братец мой, должен быть человеком редкой породы. Вот ты и покажи себя...

Сейчас, поправляя сбрую на лошади, Степан Гордеевич припомнил свой разговор с Хазировым и готовился к более трудной беседе.

Беседа началась неожиданно просто. Увидев запряженную лошадь и коменданта около нее, Хазиров спросил:

— Далеко ли собрались, Степан Гордеевич?

— В больницу, Машу навестить хочу,— ответил он так, как будто это не касалось Хазирова.

— Тогда и меня возьмите!

«Не плошай, старик»,— подумал Степан Гордеевич и промолчал. Мамед снова спросил:

— Значит, вместе?

— Я поеду, а тебе, пожалуй, незачем.

— То есть как незачем? — Мамед поразил безучастный тон старика. Степан Гордеевич посоветовал рассудительно:

— Незачем девушку лишний раз тревожить. Пока в больнице — навещаешь, а выйдет — отвернешься.

Мамед насилу проглотил подступивший к горлу соленый ком.

— Эх, Степан Гордеевич!..

Комендант украдкой улыбнулся, крикнул на спокойно стоявшую лошадь:

— Не брыкайся, чертовка! Ни мушки, ни комара, а она бесится. Стой, говорю! — И пригласил Мамеда сесть в бричку. А уже когда выехали из поселка, старик, как ни в чем не бывало, заговорил совершенно о другом. Бричка кренилась то вправо, то влево, то, словно лодка на высокой волне, поднималась и проваливалась вниз.

— Ничего, доживем и до хороших дорог. Сядем вот так с тобой, Мамедушка, на свою машину, да и — ж-ж-ж-и — по асфальту. Так, что ли?

* * *

Из больницы, передав Маше гостинцы, Степан Гордеевич уехал раньше, унося с собой беспокойное чувство. С одной стороны, нельзя было не радоваться трогательной дружбе и любви молодых людей, с другой — одолевала отцовская ревность. Он давным-давно поверил в свою мечту пригласить к себе в дом Машу на правах родной дочери и построил планы, как это сделать. Мамед Хазиров мог разрушить и планы, и мечты. Женится на Маше, отнимет у старика последнюю надежду.

Хазиров возвращался пешком — решил побродить по окраинам рудника.

По неровной улочке он поднялся на пригорок, поросший бояркой и мелким осинником. Здесь начиналась тайга. Огромные свежие пни, невывезенные кряжи говорили о том, что только вчера с пилой и топором прошли люди, расчищая путь к углю. По сравнению с бесконечными просторами тайги рудник выглядел пятнышком среди зеленого океана. Лесистые сопки волнами разбегались в разные стороны, и где-то, у самого горизонта, все голубело, и трудно было отличить, где кончается видимая глазом тайга и где начинается небо.

«Надо написать брату, пусть приезжает сюда, — подумал Мамед. — Так и напишу, что остаюсь в Кедровом навсегда». Глядя на рудник, он стал мечтать о том, как где-то там, на берегу горного ручья, он выстроит себе дом. Маша будет провожать его на работу. На зеленом берегу ручья будут играть его дети. Их будет много, и все такие же красивые, как она, Маша!..

Совсем близко твякнула собака. Вслед за ней сквозь кустарники протиснулся пожилой шорец с ружьем. Он поздоровался, встал рядом с Мамедом и стал набивать трубку. Бронзовое, загорелое лицо шорца улыбалось.

— Бери бумага, кури, хозяин, — предложил охотник. — Табак первый сорт.

— Не курю, спасибо.

— Русский баба не курит — пусть. Русский мужук не курит — плохо. Наш шор любит табак. Нет табаку — тайга не ходил.

— Ты что, на шахте работаешь? — спросил Хазиров.

— Работаю! Давно работаю. Руду находил, уголь находил. Самому Курако показывал. Вот лежит Курако, могилка там. Хороший был щеловек Курако.

— Видно, ты не настрелял ничего? — Мамед обратил внимание на пустой ягдташ.

— Плохо дело, хозяин, плохо! — Шорец сокрушенно покачал головой. — Человек пришел — зверь ушел. Работать в шахте надо, охотиться надо. Плохо дело, хозяин. Шахта не был — медмедь стрелял Кусургашев. Пелка, пурундук домой ушел. Туда надо ходить. Черный Калтан, Елбань. — Охотник затянулся едким дымом. — Сэнный щеловек был

Курако. Зверя любил, как наш Макарыч. Большой охотник Макарыч, душа-щеловек. Шибко храбрый, однако. Медведь к нему ходил, близко ходил, он лыжи терял — медведь не стрелял. Я кричал: «Стреляй, Макарыч, стреляй!» Медведь близко ходил. Я глядел — медведь шапка берет. Пропал Макарыч, собсем уж пропал. Он стрелял — медведь пал. Шибко храбрый мужук!..

С шахты «Первая» по вечерней росе отчетливо донесся гудок. Охотник подхватил ружье, засуетился.

— Прощай, хозяин. Шахта зовет — работать надо. Зверь стрелять в воскресенье будем.

— Шахта зовет,— вслух повторил Хазиров, провожая взглядом горняка-шорца.— Меня вот тоже позвала...

В этот вечер в общежитии читали книгу о Михаиле Константиновиче Курако — прославленном русском металлурге-доменщике. Какая-то кровная нить протянулась от шахты «Первой», от могилы Курако с врытыми на ней железными полосами первого кузнечного проката к сердцу Мамеда Хазирова. Понятней стал смысл жизни, понятней и легче — дорога в будущее.

— Да, шахта зовет,— засыпая, повторял Мамед.

Глава 14

Стычки между Колыхаловым и начальником шахты следовали одна за другой. Часто перепалка шла намеками. Горюнов попрежнему считал парторга «книжником», «белоручкой» и «старым холостяком». Ивана Владимировича особенно возмущала переписка секретаря парткома с женщинами, проживающими во многих городах страны. Заходя в экспедицию за свежим номером газеты, часто видел письма, адресованные Колыхалову. Возможно, он не придавал бы этому значения, если бы не надоумил его комендант Кудашкин, которого горняки называли обычно «комбинацией из трех пальцев». Он имел способность рассказывать всякие «тайные тайны», перестраивал их по-своему и преподносил собеседнику под страшным секретом, заклиная его словом «могила». Случалось, что память его подводила, и «новинку» Кудашкин сообщал одному и тому же лицу дважды. Уличенный, усмехался: «Это я тебя проверить!»

— Вчера я с одним прокурором разговаривал,— начинал он, угодливо передавая начальнику шахты газеты.— Да-а-а... Интересно... Анечка, отнеси товарищу Колыхалову почту. Опять пачка писем! Да-а-а... Прокурор спрашивает меня: Кудашкин, не работает ли у вас на шахте... А что? Блудно разыскиваем, многожена. Как ни город — так жена...

Этим Кудашкин не ограничился. Учюял своим крысиным носом лазейку между Горюновым и Колыхаловым и юркнул туда, чтобы царапать помаленьку обоих. Для начала Горюнову подсунил список с адресами «абоненток Колыхалова» (он так и озаглавил его). Колыхалову нажаловался на Горюнова: «Груб с рабочими», «Приказал отвезти на квартиру угольный ящик, не заплатив за него ни копейки».

Создав версию о многоженстве Колыхалова и поверив в нее, Кудашкин «толкнулся» в народный суд первого участка. В суде ему порекомендовали обратиться в милицию, где он вручил сержанту Павлову пространное заявление, которое начиналось так: «На кануни вступления в эпоху бесклассового опчества, Я как честный беспартийный таварисч принимаю вращает ситуацию капитала...» А заканчивалось заявление «прозбай»: «Прашу в строжайшей тайни хранить мое фамилья. Да бы не мог я попаст в ганиния со стороны выши упомянутова таварисча. С уваженьем к нашему стражду мелицен

И. Куд».

Чаще всего корреспонденцию Колыхалову Кудашкин носил сам.

— На сей раз вам одно письмишко,— хихикал Кудашкин,— так сказать, забывать стали... Не зря в театре поют: «склонен к измене им первый я...»

— Спасибо и за одно! — Александр Макарович вскрыл конверт, приговаривая: «Так, так... От кого же это?»

— Разве упомнишь всех! — хихикнул Кудашкин.

— Вы о чем? — спросил, насторожившись, Александр Макарович.

— Та, промежду прочим. В молодости я тоже любил пошалить.

И, встретив строгий вопросительный взгляд, заторопился:

— Маменька родная! Та мне в милицию бежать... по одному делу...

Перед отъездом из Кемерово Колыхалов всем, с кем вел переписку, сообщил новый адрес. Ему не хотелось порывать связи, установившиеся по окончании войны. Началось с того, что он обратился в адресные столы нескольких городов, где, предполагал, могла находиться его потерявшаяся жена Валентина Осиповна Колыхалова или она же под девичьей фамилией Алифанова. Вскоре получил несколько адресов Колыхаловых и Алифановых из разных городов. Те и другие его заинтересовали. Если среди Колыхаловых не найдется Валентина Осиповна, то, возможно, он разыщет таким образом каких-нибудь своих родственников. Александр Макарович знал, что его тесть умер в начале войны. Но среди Алифановых могли оказаться родственники жены.

В конце концов все оказались однофамильцами. Но письма их были дружеские, теплые. Колыхалову сочувствовали, как бывшему детдомовцу, не имеющему родственников, сожалели по поводу потери жены. Не ответить на такие письма было нельзя, и он ответил. Установилась переписка.

Дочитать вновь полученное письмо Колыхалову помешал телефонный звонок. Срывающимся голосом молодого петушка Горюнов запел в трубку:

— Александр Макарович, займись, пожалуйста, с новым инженером района, с этим, как его?

— Пухаревым?

— Да-да, с Пухаревым. Он, кажется, коммунист?

— Нет. Кандидат партии.

— Все равно. Он уже успел со мной поругаться!

— Ну?! — Колыхалов представил, как беспокойно ерзает сейчас и кидается из стороны в сторону в большом кресле маленький Горюнов.

— Он срывает ремонт машин. Захламил какими-то деталями механический цех и ссылается при этом на тебя.

— Ну?

— Я дело говорю, не нукай! Ты слышал, какую он аварию на «Красной горе» закатил? И нам, гляди, свинью подложит.

Колыхалов устало откинулся на спинку кресла, ладонью прикрыл глаза. Разговаривая, он держал телефонную трубку на расстоянии от уха, но прекрасно слышал. «Заварили с Михаилом кашу без ведома начальника», — подсадовал Александр Макарович.

— За самоуправство извини,— сказал он, когда Горюнов наконец умолк.— Я тебе все объясню, как получилось. Мы задумали стоящее дело.

— У нас готовые комбайны некуда ставить. На район ему нужно сесть как следует, людей раскачивать, а не безделушками заниматься. А ты потакаешь!

— Ты-то знаешь, о каком комбайне речь идет?

— Знаю, знаю. Если у него что и получится, то все равно такой комбайн нам не нужен. В Кузбассе своеобразные горно-геологические условия.

— А в Донбассе?

— Так я ему и говорю, этому Пухареву, что для Донбасса, а не для нас.

Колыхалов улыбнулся, вообразив перепалку Горюнова с Михаилом. «Отнеси, ветер, солому от огня!»

— Иван Владимирович, ты не забыл географию?

— Что еще?

— Не кажется ли тебе, что Донбасс находится в пределах Советского Союза?

— Знаешь... товарищ политик! У меня шахта — производство, а не научно-исследовательский институт!

— Жаль.

— Что жаль?

— Жаль, не далеко смотришь.

Колыхалов пожалел брошенной фразы, потому что Горюнов окончательно потерял самообладание и наговорил грубостей.

Колыхалову стоило больших трудов остановить бурный поток нелицезнаний по своему адресу.

— Чем кричать и грозить горкомом, ты пришел бы ко мне и сказал: мол, так и так. Неужели мы не найдем с тобой общего языка? — говорил Колыхалов спокойно. — Ты прекрасно знаешь, я молодой работник, с радостью приму дельный совет.

Эти слова Горюнов не мог толковать для себя иначе, как трюк со стороны парторга, хотя подействовали они на него охлаждающе. «Опять он поймал меня. Ловкач, умеет вывернуться!».

— Теперь разреши спросить тебя, товарищ начальник, отчего не здороваешься? — начал Колыхалов, когда Иван Владимирович изменил тон разговора.

— Мы не виделись?

— Нет.

— Как же, а на участке Авдеева?

— То было ночью, до двенадцати часов. Сейчас наступил новый день.

— Неужели? Я, брат, и шторы не поднимал, думаю — ночь. Э-э-э, вижу! Вижу вон в дырочку, синеет!..

— Ты все в дырочки смотришь?! Пойдем на охоту? Уток, говорят, тьма!..

— Нет, не могу! — категорически отказался он. — Времени нет. Надо еще составить график перевода лав на цикличную работу. Комбинат срочно требует.

— Вот и отлично! В таком случае ты можешь составить мне компанию.

— Какую?

— Через несколько минут на смену пойдет бригада Ефанова. Будет брать цикл. Ты разве забыл?

— Эх, чорт! Позабудешь в такой суматохе!.. А график?..

— Отложи. Потом легче пойдет..

Пока переодевались, Иван Владимирович наблюдал за Колыхаловым и удивлялся его расторопности.

— По твоему характеру, Александр Макарович, два сердца надо иметь, чтобы одно всегда в резерве было.

— Согласен, идея заманчивая! Но я бы ни одного не держал в резерве. Оба работать заставил бы!..

Они спустились в шахту. На участке только что закончили подготовку к смене. За работой ремонтной бригады наблюдал начальник участка. При раскачке лавы решили присутствовать многие шахтеры. Осмотревшись, Колыхалов заметил, что посадка лавы произведена отлично. Опробована оросительная сеть, механизмы. Крепежный лес для удобства разложен вдоль забоя.

Из этой лавы брали уголь по трехсменному суточному графику. Производственный цикл включал в себя труд ремонтной смены и двух добычных смен. Бригаде Ефанова предстояло подрубить половину лавы, взять полцикла и полностью убрать уголь. Другую половину цикла должна была подрубить следующая добычная бригада.

— Такого порядка в лаве еще не было, — похвалил Горюнов и, осветив лицо Ефанова, добавил: — Если сегодня не дадите полцикла — грош вам цена.

— Подожди, Иван Владимирович. Вот сам посмотрю, что за порядок, — ответил машинист комбайна.

Комбайн на положенном месте. Дорожка прямая и чистая. Осмотрев машину, Ефанов дал советы своим помощникам, чтобы лишний раз не останавливать комбайн. Крепильщики на своих местах. Можно начинать.

— Включай!

Заработал скребковый транспортер. Врезаясь режущей частью в пласт, двинулся вперед комбайн. Мощным потоком уголь пошел на основной штрек.

Колыхалов, наблюдая, как легко режет пласт комбайн, оставляя за собой чистое поле, крикнул Горюнову:

— Вот она, силушка! Сколько бы понадобилось навалотбойщиков, если бы этот уголек брать вручную? — восторгался он.

Ефанов не первый день работает машинистом. По звуку научился понимать комбайн в работе. Вот он угадывает, что грузчик не успевает грузить подрубленный уголь. Он дает машине меньшую нагрузку, и на какое-то время сокращается поток угля, а затем снова — полная мощность.

Сильная приземистая машина, чем-то напоминающая жнейку, передвигала сама себя посредством стального троса, один конец которого был прикреплен к стойке в противоположном конце лавы, другой наматывался на барабан машины. Зубчатый бар вгрызался в уголь, дробя и кромсая его; грузчик собирал подрубленный уголь и отсылал на конвейер. Может быть, поэтому горняки и называли эту машину комбайном: она сама производит всю тяжелую работу. А от человека требуется лишь умение управлять ею.

С живейшим интересом Колыхалов наблюдал согласованный труд бригады, состоящей всего из пяти человек: машиниста, его помощника и трех крепильщиков.

При выходе с территории шахты Александр Макарович загляделся на косяк уток. Птицы летели ровным треугольником в сторону заречных озер. Он мысленно представил, как утки будут садиться на тихую гладь воды. Вслед за тонким свистом быстрых крыл послышится всплеск, и вдруг грянет выстрел охотника, затаившегося в скрадке.

Глава 15

На охоту уходили в субботу под вечер, обычно с ночевкой. Колыхалов, не заходя домой, прошел прямо к Кусургашеву, который к этому времени должен был, как условились, приготовить боеприпасы.

Дом Кусургашева стоял среди молодых тополей и высокими окнами смотрел на тайгу. Он весь был свежевыбелен и, обнесенный аккуратной оградкой, напоминал лебедя в клетке.

Пятяро похожих друг на друга детей Кусургашева сидели у крыльца в утлой лодке и, наклоняясь то вправо, то влево, что-то выкрикивали. Лодка отчаянно раскачивалась из стороны в сторону и хлюпала разошедшимися досками. Дети разногласо и громко поздоровались с Колыхаловым.

— Ну, паря, а чего этак поздно? — Кусургашев встретил Александра Макаровича в полном охотничьем облачении.— Моя немного не ушел.

— Ты правду говоришь, что мог уйти без меня? — спросил Колыхалов шутя.

— Без тебя? А Горденч?

— Степан Гордеевич с нами!

— Он самый! — крикнул комендант молодежного общежития, выходя на крыльцо.— Возможно, не желаете? Останусь!

— Нет, что вы, Степан Гордеевич!

Кусургашев всегда спешил, на какой бы час ни назначалась охота. Он провел Колыхалова в дом, что-то по-шорски сказал Екатерине Карповне. Та быстро принялась накрывать на стол.

На столе появилась жареная утка, сотовый мед.

Александр Макарович шутил, аппетитно ел. Кусургашев был доволен, что в его доме находится такой гость. Покойно и тепло было у него на сердце. Простая человеческая радость лучилась из узких глаз. Она видна была в том, как он смотрел на жену, на детишек, прибежавших с улицы и тоже усевшихся за широкий стол. Может быть, сейчас он вспомнил свое детство. Вспомнить прошлое не так уж трудно. Стоит только на миг прикрыть глаза, и оно увидится божницей в углу ветхой хатенки. Со стены погрозит сучками больших рогов сохатый. То волком завоет в трубе вьюга, то играющим белым песцом окрест взбродит снега, и тайга — горношорская мать — зашумит тревожно...

В логу, где приютились приплюснутые снегом домишки, ошалело замечется ветер, и покажется: нет и не может быть здесь ничего живого...

* * *

Кусургашев предложил Александру Макаровичу и коменданту пойти от заречных озер в тайгу по веселой безыменной речке к Лебединому озеру, расположенному у подножья горы Венец. Там неподалеку находятся и пасеки Зои Николаевны. Шумливая речка, огибая сопки, прорезая ущелья, выбегает на простор ложины. Замигнув и отдохнув здесь, она устремляется снова в горы, прыгает с круч, гремит гладко отшлифованными камнями и вдруг опять образует тихую заводь, обрамленную частым кустарником с набухшими почками. У таких заводей с болотистыми отлогими берегами, в кочкарнике и гнездятся утки.

В первые минуты охоты Колыхалов обычно теряется. Он забывает, для чего пришел в тайгу, торопится и торопится вперед, не снимая с плеча ружья. Он хватается за ветки молодых березок, кедрача, за все, что попадает под руку, сцеживает хвою, клейкие, с ноготок листочки, комкает их, нюхает и, бросив, срывает вновь.

Вот он смотрит на Кусургашева, как тот осторожно крадется к заводи с противоположной стороны и предупреждающе грозит пальцем. А Колыхалов и не понимает, зачем все это. Радостно и смешно ему.

Страхивая с крыльев мелкие капли воды на лицо Александра Макаровича, косяк уток проходит над самой головой. Колыхалов поворачивается и провожает их зачарованным взглядом.

— Стреляй! — что есть мочи кричит Кусургашев.— Стреляй! — И за что-то запнувшись, падает в мелкую воду. В стороне подымается еще косяк уток. Степан Гордеевич вскидывает ружье. Видно, как ведущая крякуха на лету кружит длинной шеей, манит за собой друзей и подруг. Ее и настигает выстрел. На фоне бирюзовой, еще реденькой листвы Александр Макарович видит, как, дрогнув, падает птица.

— Э-э, паря, этак нельзя,— укоризненно качает головой Кусургашев.— Почто не стрелял?

— Подожди, Кусургашев, подожди, дружок. Жизни-то сколько! Эх, силушка! Посидим. Послушаем.— Колыхалов садится на сухую прошло-

годнюю траву, крепко обхватывает руками колени. Степан Гордеевич только молчит да улыбается. А Кусургашев сердится:

— Однако, другой раз моя один ходить тайга будет.

— Ну, ладно, не сердись. Пойдемте стрелять уток,— примиряюще говорит Колыхалов.

И опять воркует на перекатах речка, из тихих плесов ее перепуганно шарахаются утки. Уже вечерет, уже плохо угадывается тропинка, но тайга и ее обитатели не хотят засыпать. Великая сила жизни и любви правит весенней тайгой.

Только после ужина, когда Кусургашев и Степан Гордеевич прикорнули на постели из хвои, Колыхалов, сидя у костра, ощутил тишину, но и она была волнующей и живой. Искры костра, блуждая, высоко поднимались к потемневшим кронам; в каком-то веселом танце они гонялись друг за дружкой, казалось, совсем не гасли, а роились золотыми пчелами.

Колыхалов отошел от костра, чтобы не слышать трескотни углей. Искры стали больше походить на золотых пчел. Почудилось их сердитое жужжание. Потом он попытался услышать, как лопаются набухшие почки кустарника. Может быть, муравей тревожил у ног сухие листья, может быть, проросла саранка — благородный цветок Сибири.

— И сердце бьется в упоенье...— проговорил в туманную даль Колыхалов. Оттуда ответил протяжный крик ночной птицы. Крик напомнил детский плач. Стало жутко, и Колыхалов вернулся к костру.

— Э-э, паря. Тайгу не знаешь. Разве можно этак? — Кусургашев подбросил в огонь сучьев, тревожно взглянул на парторга. — Чего с тайгой говоришь, Макарыч?

— Я так...— ответил Александр Макарович.

— Плохо, паря! Кого звал, шайтана?

— Ее звал...— Колыхалов прилег у костра, положив голову на ладони. Охотник робко тронул его за плечо:

— А почто звал?

— Скучаю о ней. Должно быть, люблю.

— Померла?

— Жива. Здорова.— Колыхалов помолчал, сорвал прутик. Покусал его, затем бросил в огонь.

— Э-э, паря...— Охотник озадаченно почесал макушку.

Была минута, когда все молчали. Даже не лопотало пламя костра, безропотно плавилось в нем, умирая, угли. И в это время на пасеке Зои Николаевны блеснул ответный огонек. Громко и, как показалось Колыхалову, некстати в той стороне хохотнул мужчина. «Дуралей ты, Вася»,— донеслись слова Зои Николаевны, затем: «Отвяжись, говорю!», и вновь: «Не хочешь, не надо!» Вася ответил: «Ладно»...

Зоя запела, и тайга отозвалась, умножила песнь, добавила к ней свои воркующие звуки и понесла их над дремавшими сопками, над непонятной и волнующей лесной теменью.

Пришел Вася за узелком для Зои Николаевны. В глазах парня странная смесь наглости и простодушия. Он небрежно взял у Кусургашева узелок и ушел, сопровождаемый шатким светом костра. «Ревность? — поймал себя Колыхалов на мысли — Да, это ревность!»

Молчание прервал Степан Гордеевич.

— Любишь, стало быть, Александр Макарович? — участливо спросил он и продолжал в раздумье: — Любовь-то, она бывает на всю жизнь, а то и больше...

Какой-то запоздалый ветерок спустился с горы Венец, легонько качнул языки пламени, отбросил в густую хвою тайги золотые искры, принес с собой запах тины с Лебединого озера.

Старик придвинулся к Колыхалову, кивнул туда, в сторону сопки:

— Ты бывал там, на Венце?

Александр Макарович не раз поднимался на сопку, на вершине которой растет небольшая кедровая роща. Деревья стоят ровными кругами. На самой вершине — обнесенная оградой могила с черным большим камнем на ней. На камне высечен крест.

— Бывал,— отозвался Колыхалов.— А что?

— И могилу видел?

— Видел. Только загадочно много. Неизвестно, кто заботится о могиле, кто каждый год по весне обновляет ограду вокруг нее.

— Так, так...— неопределенно протянул старик.

— Зойка идет,— сказал, прислушавшись, Кусургашев.

Зоя Николаевна поздоровалась и встала между двумя замшелыми стволами пихт. У ног ее легла Кукла, недоверчиво поглядывая на охотников. Кусургашев поудивлялся:

— Ай-ай, Зойка какой! В театр пошел Зойка!.. Садись, что встал!..

Она, чтобы не помять платье, аккуратно села рядом с Кусургашевым, предварительно разостлав на ветки хвои кошму, принесенную с собой. Колыхалов не заметил в Зое ни пугливости, ни настороженности, горделивая осанка ее показалась доброй, зовущей к себе.

Нагибаясь, чтобы погладить собаку, Зоя Николаевна взглянула на Александра Макаровича.

— Пропаший! — Она потеснилась, уступив подле себя место, и, когда Колыхалов сел, пристально посмотрела ему в глаза, ничего не сказала, но он понял: Зоя ждала. Для него надела новое цветистое платье и модные туфли. Обоим хотелось, чтобы погас костер, чтобы темней стала тайга и бледноглубое небо.

— Зоя! — тихо произнес Александр Макарович и взял зонну руку в свою.

— Аиньки?— так же тихо отозвалась она, не пытаясь высвободить руку.

— Я спросить хочу...

— О чем?

— О Васе, об этом...

— Вася глупый!..

Степан Гордеевич сосредоточенно глядел в костер, думая о чем-то своем. Как ни тихо говорили Зоя и Колыхалов, но Кусургашев слышал их. С застывшим от изумления лицом, с трубкой во рту, он казался бронзовым, неживым.

— Зоя!..

— Аиньки?

— Я, кажется...

Степан Гордеевич, снимая котелок, растревожил костер. Он вспыхнул, весело потрескивая. Зоя откочнулась от Колыхалова так резко, что Кукла, не поняв, в чем дело, зарычала, ошетинилась.

— Однако, почуял кого-то,— ответил Кусургашев на вопросительный взгляд Степана Гордеевича.

— Не должно бы?

— Тайга все может...

— Показалось, наверно?

— Вот именно! — смеясь, подтвердила Зоя догадку коменданта.— Плохо, когда лишь кажется!..

Степан Гордеевич повернулся к Колыхалову. Лицо старика было прекрасным, как бы изнутри освещалось светом-разума и доброты.

— Загадочного-то там, на Венце, ничего и нет,— заговорил он, возвращаясь к прерванному разговору.— А не поведать ли вам историю ту...

В костре потрескивали угли. Вокруг между деревьям прыгали, плясали, шаркались тени. Свет пламени вырывал из темноты то причудливый пень, похожий на зверя, то словно сама выбегала на освещенное место молодая сосенка и, поюлив, пряталась вновь.

Все с удивлением глядели на старика.

— «А случилось это, почитай, годов пятьдесят назад, — певуче начал Степан Гордеевич.— Вон там, у сосны, из этого озера вытекала речушка, звали ее «Чортов рукав». Не было ее, как говорил мой покойный батюшка, до моего рождения. В этот год, как родиться мне, вода в озере поднялась, из берегов вышла, вспучила ее какая-то сила, и пошла вода хлестать из этого «Чортова рукава». Год хлещет, два хлещет, а там, гляди, и десять прошло, а она все не унимается. Нашла себе ходы-выходы и покатила по лесу нивесь в какие края.

А в тот год, как задрал моего батюшку медведь, в наших краях человек объявился. На вид хиленький, плевый, а башковитый — по всем правилам мужик. Сперва, говорят, все ходил вокруг «Чортова рукава», воду мерил, а потом и топориком застучал, деревья вокруг валить начал.

Пойдут, бывало, охотники в лес, только и слышат: тюк да тюк, тюк да тюк...

Была у него жена красивая, как русалка. Да две дочери: Аграфена — моя, да постарше Аксинья.

Колдуном его наши прозвали; смеются, бывало:

— Эй, Григорий! Уж не из озера ли тебя выперло?.. А он только рукой махнет: «Слава тебе, господи, земля терпит, значит, господом сотворен...»

Год прошел аль два с тех пор, как он объявился, не помню, врать не буду, только вдруг приходит он в наш улус деготь продавать. Со смехом приняли его сперва, потом — ахнули. Глядят и глазам не верят: мельница не мельница стоит и дымом чадит. На берегу поблизости домик об три окна, а вокруг огород, в нем зелень всякая.

Тут зависть которых обуяла, говорят: «По какому, мол, такому праву ты дегтярню срубил тут? Покажи, мол, указ от генерала аль от царя какого».

Спорить он не стал, да и хорошо сделал. А он, говорю, хоть и плюгавенький был, да головастый: «Право, мужики, не дело я затеял, отвечает. Ни от царя, ни от генерала указа я никакого не имею. Делал я это дело по указу господа нашего бога всевышнего, во искупление грехов великих своих. Ломайте, мужики, избу мою и дегтярню, отрекаюсь я от всего, что сделали мои руки, и приму на себя великий грех».

Взял он этак слегу, подсовывает ее под угол избенки своей и норовит спихнуть ее в «Чортов рукав».

Тут, хошь верьте, хошь не верьте, мужиков наших слезы прошибли. А которые и прощенья просить стали: «Григорьюшка, мол, прости, нечистый попутал...»

Вот оно, дело-то, как повернулось...

Хоть и без отца, а ходко рос я. Работы было много, потому и силы скоро набрался. А тут, гляжу, и полюбилась мне старшая-то, Аксинья. Да как полюбилась, что я покоя и сна лишился. Куда, бывало, ни собираюсь, а все норовлю на Лебединое озеро. Работа из рук валится.

Молодой-то я был исправный, ну, понятное дело, и ей приглянулся. Стал я к ней по ночам навывдываться. Бывало, сяду на лошадь — да к ней. Матушка-покойница говорит: «Ты бы, Степа, армячок взял, простынешь на росе-то». А я куда там армячок — рубаху белую с петухами надену, пояском с кистями подпояшусь, сапоги на мне — кожанки, после покойника отца. Под венец впору.

Гоню я туда на своем мерине пуще ветра, а она меня, гляди, уж и ждет. Пустим лошадь на лужок, а сами — в ботничек. Заплывем под кустики, чтобы месяц на нас не светил, чтоб отец с матерью ее не увидели, да и ну целоваться. Дух, бывало, от этого перехватывает. Опущу я с ботника голову в воду, чтобы остудить ее малость, а Ксюша-то смеется, на меня гляючи. Опомнюсь маленько, а она возьмет меня этак за шею, обнимет и молвит: «Хорошо тебе, Степа, на свете жить?»

Неторопливо лилась речь старика, его внимательно слушали все, даже тайга притихла, задумалась, словно вспоминала давнишнюю быль.

— Помню, весна в тот год была ранняя. Лето стояло погожее. А осень — лучше того. Уж, поди, и с поля убрались, хлеб помолотили, картошку вырыли, а время стои́т — лучше не надо. Солнышко так и палит, по полю паутина серебром отливает. Чудо, листа желтого не видать. Тайга стоит зеленым-зелена.

Случилось как-то так, что не видался я со своей Ксюшей неделю. Потом собрался.

Дорогой-то не пошел, — далече, думаю, — а все напрямик чашугой, как медведь, да все вприпрыжку. Не знаю, какая сила меня несла, только что-то скоро я вышел вон на тот пригорок. Утро только что начиналось, нигде травинка не шелохнется, лес словно на картине стоит, голубизной отдает, небо в озеро опрокинулось, а оно, озеро-то, по краям белесоватое, росистое и солнышком успело зарумяниться, и вижу я в нем, братец мой, как в зеркале, и камыши, и самого себя, и избушку мельника, и дымок из трубы ее — весь свет вижу.

Стою и думаю: «Уж до чего же все хорошо устроено на свете!»

Живи, человек, веки вечные, и помыслы другие не придут в твою голову. Да и не скажешь, право, и не вымолвишь, — не знаю я, как это все по-вашему, по-ученому называется.

Ну вот, стою я это, и вдруг, братец мой, меня вроде как бы громом ошарашило. Вижу, сидит моя Ксюша неподалеку. Сидит, как сейчас вижу, подле куста рябинового, а он красный весь, в ягоде, ровно костер горит. Платице беленькое на ней. Грустная такая, и смотрит она на тропу, что в наш улус ведет. И слышу я голос ее, а он у нее был словно у жаворонка полевого — певучий такой. Разговаривает она с кем-то. Слышу я и тот голос: незнакомый и на простой не походит.

Подобрался поближе и гляжу: круг Ксюши чужой человек похаживает. Ломается он этак, кривляется, глаза на Ксюшу пялит. Волосы, видно, маслом приглажены на пробор, портки в клеточку и жилетка такая же, рубашка белая, а у воротника синей тряпочкой подвязана. Говорит он, а сам все губы этак свои облизывает, — ну, ни дать ни взять, мой кот Хомка, ей богу, не вру...

Мало-помалу я стал приходить в себя. Прислушиваться начал, о чем промеж их речь идет. А речь-то шла вроде о свадьбе ихней...

Тошно мне сделалось, да он еще, дохлый, целоваться полез к ней. Ну, Ксюша, понятно, его оттолкнула, поднялась с земли, утерла слезы платочком и говорит: «Не бывать тому. Люблю я, говорит, другого, и буду любить его до гробовой доски!»

Степан Гордеевич часто-часто заморгал глазами, передохнул:

— И так она это громко сказала, что над озером и по тайге эхо прокатилось, а у меня, верите ли, огонь по телу прошел, и чудно мне стало, что сижу я тут в камышах, как зайчишка.

А он, окаянный, не унимается: «Напрасно вы, говорит, Аксинья Григорьевна, такие слова сказываете. Дело решенное. Плачьте не плачьте — воля вашего батюшки».

Ксюша тут посмотрела на дорогу да и молвила: «Степа, хоть бы ты услышал меня! И где ты затерялся?»

«Слышу, Ксюшенька! Здесь я!» — закричал я тогда не своим голосом...

А он, как на грех, встал передо мной подбоченясь: «Кто ты таков? Убирайся отсюда...»

Чудно мне стало смотреть на него, на дохлого. Взял я его легонько под пазухи, приподнял — да бултых в озеро. Думал охолодить его малость, а он, гляди, плавать не умел. Забулькал сразу. Ну, понятное дело, не хотел я греха на душу принимать — выволок его за волосы на бережок.

Как сейчас помню: сидит он у ног моих мокрый весь, посинел и дрожит, как бесенок перед грозой. Зуб на зуб с перепугу не попадает.

Оставили мы его тут, а сами — к ее батюшке, к Григорию Алексеевичу. Пришли, в ножки поклонились. Так уж быть греху. Батюшка ее от- казал мне, со слезами, а отказал. Как я после узнал, ведь Григорий-то Алексеевич был беглый каторжник. А этот-то, Евстигней Трофимыч, кого я в озере искупал, доподлинно знал все.

Целый день я тогда по тайге зверем ходил, а к вечеру вышел на тропу и думаю: «Пойду, попытаю еще счастья. Все равно мне не жить без Ксюши. Может, уговорю Григория». Пошел...

Прихожу я туда, а он, Григорий Алексеевич, сидит на берегу озера, ровно помешанный, волосы на голове теребит, «Ксюша», «Ксюша» кричит...

А Ксюша-то, оказывается... утопилась...

— Ой... зачем... — Зоя всплеснула руками, припала к плечу Колыхалова, — зачем она так?!

— Однако, ты глупый. Зойка. — Кусургашев покачал головой.

— Да... Целую ночь я искал ее в озере. Хоть и светлая ночь была, а на дне, как в подполье — ни зги, да и место нехорошее было там: колдобина. Ни страху я не чуял, ни устали, ровно во сне все делал. Полежу-полежу на берегу, да и опять в воду. Рассвело уж, когда я нашел ее.

Сидит она, вроде на корягу облокотилась, и глазами глядит. Совсем живая, только сказать не может.

Отудобел я, чай, день на третий, когда схоронили ее... Здесь, на Венце схоронили. И память ко мне вернулась, и соображение, и я, грешно сказать, тоже захотел утопиться.

И как только я это решил, так мне вроде легче стало. С неделю я так-то ходил, делать кое-что по двору начал. Матушка моя рада-радешенька, мол, стал забывать. Попа она призвала ко мне, а он, отец Иннокентий, притчу мне рассказал о какой-то блудной девице и праведном сыне, не помню уж. Только от этого мне лучше не стало, а тоска обуяла пуще прежнего.

Недолго думая, тем же днем я и подался на озеро.

Вроде я как бы и не топиться пришел, а что по хозяйству обдумаю: как сподручней, да как вернее. Стою у воды, размышляю. Приглядел камень поувесистей, веревкой его этак обвязал, а другой конец веревки петлей сделал, на шею накинул.

Совсем уж к краешку подошел и решил бы, да смотрю, вдруг из осочки сбоку утки дикие выплывают. Рябенькие, проворные. Не видят меня. Эко, диво... «Подожди, говорю, повремени, Степа, живностью перед кончиной полюбуйся».

Присел я на бережок, а он, бережок-то, в цвету, в ромашке весь, пчелы жужжат — мед собирают...

И жить мне тут захотелось, что и не выскажешь.

Через год я женился на Аграфене. Мать ихняя, то есть теща моя, скоро умерла, а батюшка помешался. Он сжег дегтярню и домик свой и куда-то сгиб.

Прожил я со своей Аграфеной много годов, а все, грешным делом, по Ксюше тоскую...

Старик умолк. Все сидели в задумчивости. Только тайга доносила какие-то шорохи, словно деревья шептались, бредя рассказом о Ксюше.

После ужина Колыхалов и Зоя с двумя котелками сходили на озеро по воду. Глядя на Венец, на его черное отражение в воде, девушка призналась:

— Уж больно таинственно там. Меня угнетает то, чего я не понимаю.

— А со мной пошла бы? — спросил Александр.

— И ты непонятный... Чего-то не договариваешь... Надвое ворожишь...

— Зоя!..

— Ну что Зоя?! Вот давеча сказал... «Я, кажется, люблю тебя». Я где-то читала эту фразу... Она чужая...

— Но ведь это правда! — Колыхалов стоял перед ней ошеломленный.

— А почему же «кажется»?

Он не нашелся, что ответить.

Зоя побежала, расплескивая воду. Она ловко взобралась на крутой берег, подала руку Колыхалову:

— Давай помогу, а то котелок опрокинешь.

Раздумывая над сказанным Зоей, Александр не заметил, что она, отойдя от костра, пропала. Он искал ее, звал, бродил возле берега. Не нашел ее и на пасеке.

Зоя не отзывалась. Хотелось побыть одной, подумать. С некоторых пор ей почему-то стало тесно в тайге. Особенно она это почувствовала, когда приехала из Кемерова после второй встречи с Александром. Они вместе смотрели «Грозу», а потом долго бродили по набережной голубой Томи.

Стоял сентябрь, но погода была на редкость теплой. Аллея кудрявых, густых тополей звенела, опадающие листья в ярком электрическом свете кружились медно-красными птицами и тихо опускались на асфальт.

Над городом полыхали зарницы коксовых батарей, освещая высокие башенные краны, доносились глухие шумы, металлический ляг экскаваторов, берущих на берегу гравий, перекликались гудки паровозов. И ночью город жил трудовой, напряженной жизнью.

Привыкшее к таежной тишине, сердце Зои робело.

После окончания пчеловодческого техникума она не была в Кемерове три года. Непостижимым казалось, что произошло за этот короткий срок. Все было новым, волнующим. Даже Колыхалов казался другим, не похожим на того, которого она видела в доме дяди. Здесь он хозяин большого индустриального города, так же как там она хозяйка тайги. Он с увлечением говорил ей о будущем Сталинского Кузбасса, а ее родную горную Шорию, где она родилась и выросла, называл страной сказочных богатств. «Вы подождите, Зоя. То ли еще создаст человек!» — запомнились ей слова.

Тогда Зоя уехала из Кемерова с непонятным, беспокойным чувством. Вечерами ей грезилась широкая улица, высокие, с колоннами дома, гранитная набережная и розовые дымы Коксохима.

С тех пор, что бы она ни делала: занималась ли с пчелами, вышивала или читала письмо от Александра, сидя у горного ручья, — она все прислушивалась и прислушивалась к чему-то в самой себе.

Теперь Зоя уже не вспомнит, когда и за что она полюбила Александра Макаровича.

Перебирая в памяти встречи, Зоя видела его то в плаще и шляпе в Кемерове, то в стеганке и старой солдатской фуражке на пасеке, но всегда бодро, жизнерадостно. Однажды, придя с охоты, он умывался ключевой водой и все шутил, смеялся. Она подала ему полотенце и ушла накрывать стол. Ушла, а сама думала: «Веселый, сильный, с ним хорошо». В грубых охотничьих сапогах, он не решился войти в ее комнату, а присел на пороге и стал рассказывать, как сердился на него Кусургашев за неудачные выстрелы. «Понимаете, Зоя, у меня уж такой характер: я должен все знать, все видеть...»

«Видеть! А вот своей любви не увидел...» — с обидой думала Зоя.

Она вернулась с зарей, когда уже стало светлеть небо. Пробуждалась тайга, наполняясь шумливой, разноголосой жизнью.

Колыхалов в задумчивости сидел у потухшего костра.

Глава 16

Затемно Кусургашев ушел к Лебединому озеру и засел там в скрад-ке, чтобы застать заревой перелет птиц. Незаметно скрылся и Степан Гордеевич. Колыхалову хотелось побыть с Зоей.

Побродив по пасеке, и напившись чаю с медом весеннего сбора, они поднялись на Венец. Ограда вокруг аксининой могилы была свежо выкрашена.

— Вот так бы любить каждому! — произнес Александр Макарович.

— В тайге всюду любовь, — отозвалась Зоя. Она стояла возле черного надгробного камня, вся в солнечном свете, с горделиво вскинутой головой. — Слышишь, что рябчик говорит? — спросила она, подойдя к Колыхалову ближе. — Он подругу к себе зовет.

Зоя ответила рябчику, и тот радостно засвистал, вплетая в свой свист чарующую трель. Девушка потянула Александра Макаровича за руку, приглашая сесть рядом.

— Ты не пробовал зайцам подражать? Нет? А я пробовала. И чудно, и забавно. Знаешь, у зайца врагов много. Лиса любит зайчатину, у совы когтищи острые. День — прячешься, ночью — надо ковылять на капустник, кочерыжку погрызть, поискать осинку молодую, да и в сад тянет к яблоньке. Везде след оставляешь, дорожка за тобой тянется. А чтобы запутать ее, приходится петли да скидки делать. У каждой зверушки — свои завитушки, у куропатки — свои повадки.

Зоя поправила седеющую прядку волос над виском Александра.

— Эх, если бы ты знал, как пчелы живут! А научилась я их понимать по-настоящему здесь, в тайге...

Колыхалов слушал ее с закрытыми глазами, хмелея от запахов тайги, от близости любимой, от ее ручейком журчащей речи.

Зоя умолкла. Ей почему-то показалось, что Александр Макарович грустит.

— Не любишь, видно? — произнесла она.

— Кого? — Колыхалов улыбнулся.

— Чего, а не кого... я про тайгу рассказываю...

— Люблю, Зоя... и тебя, и тайгу, все-все на свете люблю.

— Тогда слушай. Приходит ко мне на пасеку один человек. Два ружья у него, мешок с провизией, да мешок для дичи. «Я, — говорит, — птицу и зверя у вас промышлять буду». «Ну что ж, ни пуха, ни пера», — отвечаю. У меня на пасеке остановился. От зари до зари только и слышно: бах да бах. А придет ни с чем. То ружье плохо стреляет, то дробь не кругла.

Александр Макарович оживился, заулыбался.

— Вот я и говорю ему: «А ты бы без ружья попробовал». «Как это?» — удивляется. «Да так... слышала я, что зайца можно добыть без ружья. Возьми табаку помельче, а лучше всего — нюхательного, рассыпь его по пенькам с вечера, а сам спать на всю ночь ложись. Заяц все норовит понюхать, а если понюхает — тут ему и смерть. Не успеет от пенька отпрыгнуть — чихнет, головой тряхнет, о пенек лбом стукнется. Опять чихнет — опять стукнется. После пяти таких поклонов любой заяц за-мертво падает. Остается пойти утром и собрать их...» И что ты думаешь, поверил! Но после этого на пасеку уже не заходил.

Насмеявшись вволю, Колыхалов вдруг с напускной серьезностью спросил:

— Зоя, а он только... охотиться приходил?

— Нет. — Зоя улыбнулась. — Говорил еще...

— Что?

— Ну... глупости разные...

— Какие?

- Лютиком меня называл... будто красивая я...
- Зоя!
- Аиньки?
- Не нравятся мне... такие охотники...
- А мне нравятся. — Зоя хитровато прищурилась.
- Он? — удивился Колыхалов.
- Нет... слова его...

Пришел Степан Гордеевич и внимательно осмотрел могилу.

— Погодите меня,— сказал он глухо, когда Колыхалов и Зоя собрались уходить.

Старик снял кепку и преклонил голову. Минуты две он окаменело стоял перед черным камнем. Потом низко поклонился в пояс...

Уже был день. Далеко в тайге грохотали выстрелы Кусургашева.

Глава 17

Яблони зацвели как-то неожиданно. Еще вчера, осматривая сад, Степан Гордеевич видел лишь надтреснутые бутоны. Они висели на ветвях зелеными крупными сережками с розовыми глазками. И тихо было в саду. Сегодня над белыми кронами стоит неумолчный пчелиный гуд. Щедрая весна пригласила веселых тружениц на свой славный пир и льет неустанно в фарфоровые чашечки теплый мед из золотого кувшина — солнышка...

По междурядью, осторожно отводя от лица цветущие ветки яблони, идет Степан Гордеевич. Над грядкой, над острыми стрелами лука склонилась Аграфена Григорьевна. К ней и идет старик, идет и терзается. «Как объяснить Аграфене свое решение? Откликнется ли ее сердце? Откликнется!» — решает он. А если не примет она его предложения, тогда что? Нет! Быть не может, чтобы так поступила Аграфена. Отвергнуть это — значит поставить черный крест на все хорошее. Была же она матерью! Он помнит, как оплакивала Аграфена Григорьевна первенца Филиппа, рожденного в партизанском стане и умершего от простуды, когда пришлось два дня сидеть в болоте. Потом выросли Дмитрий и Юрий, такие статные, приглядистые. Перед самой войной старшего, Дмитрия, хотели женить. Мечтали о большой семье, о внучатах... Неужели не согласится?..

— Благодать погода-то! — Аграфена Григорьевна поправляет белый платок, растрепавшиеся волосы.— От дома отбился, Степан, ничего-ничего ты мне не поможешь. Погляди, что земли подняла!..

От грядок струится пар. Влажная теплынь играет над ними маревом. Покачивая головой, с песней идет по бороздке курица, склонив набок красный гребень. За ней, приспустив крылья, торопится черный петух.

— Кши, окаянные! — взмахивает порожним ведром Аграфена Григорьевна.— Почини изгородь, Степан, ведь все разгребут. Труды пропадут даром.

— Сердце ни к чему не лежит, Аграфенушка,— жалуется Степан Гордеевич. — Для кого стараться-то? Живем бобыли-бобылями. Умрем — и конец на том нашему роду...

— Что с тобой?! — пугается Аграфена Григорьевна и роняет из рук ведро.

Степан Гордеевич присаживается на край бочки с водой, собираясь с мыслями.

— Помнишь, я говорил тебе про девушку, что в больницу навестить ездил? — Старик глядит в сторону, поэтому и не видит, как вдруг побледнело лицо жены.

— Что с ней?

— Жива, здорова. Завтра совсем выпишут.

— Слава тебе, господи! А я-то перепугалась.

— Пойдем-ка в беседку, поговорим. У меня к тебе слово есть.

Теряясь в догадках, Аграфена Григорьевна спешит за мужем. В беседке, обвитой прошлогодними стеблями хмеля, — небольшой столик и две скамейки, покрашенные зеленой краской. Кругом теснятся яблони, распространяя легкий запах цветения. Каждый год, начиная с первого мая, старики почти совсем покидали дом: спали на веранде, столовались в беседке. Беседка же была и любимым местом их задушевных разговоров. Теплыми звездными вечерами они просиживали в ней допоздна. Вспоминали прошлое, избегали разговоров о будущем, потому что для спокойной старости не хватало главного — детей.

— Зависть берет, на людей посмотришь. Живут, радуются. Вон пчела, и та цель имеет... — заговорил Степан Гордеевич, присаживаясь на скамейку.

— Ты же про Машу хотел, — нетерпеливо перебивает Аграфена Григорьевна, а у самой мелко начинает дрожать верхняя губа, — может, случилось что?..

— Конечно, случилось! — он говорит укоризненным тоном, косясь на жену, будто она в чем-то виновата.

— Не тревожь сердце, Степан, говори сразу. Что случилось-то?

— Что, что! Сирота она круглая — вот что! Несчастье, к тому же, навалилось: лицо испортила.

— А еще-то что? — У Аграфены Григорьевны уже текут слезы по щекам. Крупные, они падают на синий передник.

— Аль, по-твоему, мало этих бед на девчонкину голову, старая ко-черга, что кличешь еще?!

— Говори же, нечистый дух, говори! — уже кричит Аграфена Григорьевна, наступая на мужа.

— Говорю: жива, здорова. Завтра выпишется, — сразу обмяк Степан Гордеевич. — Пригласить бы ее в гости к нам — вот что! А ты ни с того ни с сего в ругань...

— Эх, Степан, Степан! Огурец ты мозглый. Нет бы прямо сказать, — объясняешься, ровно влюбленный. Пригласила уж я, вчера пригласила ее!

— Что?! — изумляется Степан Гордеевич. На лбу выступает испарина. — Говоришь, пригласила?..

— Да не как-нибудь, а совсем пригласила. Теперь она вместо дочери у нас жить будет!

* * *

Всю ночь проговорили старики о неожиданно пришедшем счастье. Наутро Степан Гордеевич изменил своему правилу — не вышел на работу, а только позвонил в общежитие по телефону и сделал необходимые указания. В то время, пока Аграфена Григорьевна собиралась в больницу, увязывала узел с машиной одеждой и одевалась сама, он не мог найти себе места. Ходил из угла в угол, заложив за спину руки. В который раз умиленно обращался к жене с одним и тем же:

— Согласилась она?

— Спасибо, говорит, вам, Аграфена Григорьевна, только подумать мне нужно, завтра ответ дам. И про тебя спросила. А желает ли Степан Гордеевич?

— Ишь ты! — Степан Гордеевич гладил свою щеку, ухмылялся. — Вот как, про меня спросила? Ишь ты!..

Скрепя сердце он согласился остаться дома стеречь огород от назойливых кур. Ходил с лозой и не видел, как те, расшвыряв ногами грядку мака, спокойно переселились на грядки, засеянные редиской. Скоро он совсем забыл про огород и ушел в дом. Там он несколько раз принимался подметать пол, перекладывал с места на место вещи, переставлял горшки с цветами. Потом сел в передний угол и пытался представить, как Маша войдет в дом, что скажет, как назовет его. Прежде всего она ска-

жет: «Здравствуйте, Степан Гордеевич!» А он ответит: «Здравствуй, дочка!». Но как, право, назвать ее: просто Машей или по имени и отчеству? Нет, все-таки лучше назвать Машей. «Здравствуй, Маша, здравствуй, дочка!» — скажет Степан Гордеевич.

Совсем близко слышатся шаги. Они доносятся уже из сеней...

— Теплынь какая, а ты дверь закрыл, — говорит Аграфена Григорьевна. — Недогадливый ты, Степушка, самовар бы вскипятить надо.

— Не согласилась? — глухо спрашивает Степан Гордеевич, не видя Маши.

— Кур из огорода выгоняет она, — спокойно отвечает Аграфена Григорьевна. — Проглядел ты их, Степа!

— Я их сейчас! — Старик заторопился. Он шлепнул по земле лозой, от чего петух, закудахтав, поднялся на крылья и ошалело взлетел на яблоню. Маша всплеснула руками.

— Ой-ой! Что вы, папа, так перепугали его! — просто сказала она, словно всю жизнь они прожили вместе.

И тут старика покинули силы. Тяжело дыша, он опустил на землю. Перед глазами покачнулся сад, растворился в весеннем мареве. Подошла Маша, озабоченно спросила:

— Что с вами?

Степан Гордеевич ответил не вдруг:

— Ослаб, дочка.

— Отчего же, папа?

— От слова... Слова-то какие бывают... а? Смотри-ка, оно... с ног сбило!

— Какое же это слово?

— Вот это самое, что ты сказала, — Степан Гордеевич благодарно взглянул на Машу. Она стояла перед ним немного растерявшаяся, смущенная, не понимая до конца Степана Гордеевича.

— Спасибо тебе, дочка, за это слово. Оно для меня вот как дорого! Давно меня отцом не называли, а ты вот не постеснялась. Так и зови меня, я уж постараюсь. Ты только живи у нас для радости...

— И вам спасибо, — тихо проговорила девушка. Лицо ее заулыбалось, что-то близкое, родное вдруг родилось в ее сердце к старикам. Может быть, не было войны, может быть, она видела лишь во сне страшные картины бомбежек, может быть, неправда, что она вместе с матерью много дней и ночей бежала по пыльной, казалось, бесконечной дороге на восток и не над ними коршунами кружились вражеские самолеты. Может быть, ничего не случилось с ее родителями. Они только постарели. А Маша почему-то долго не была дома. И вот наконец она вернулась в родной дом...

Чай пили в доме, а не в беседке, в нарушение установившихся правил. На том настоял Степан Гордеевич.

— Беседка никуда не денется. Дом новому человеку обжить прежде надо, — шепнул он жене, начавшей было накрывать стол под яблонями.

Пел самовар, пела душа старика. Маша и Аграфена Григорьевна переглядывались между собой, улыбались.

— Никак, Хазиров идет, — сказал Степан Гордеевич, заглянув в раскрытое окно. — О-о! Да целая компания! К нам повернули. Ну-ка, Машенька, спрячься! За ширму. И сиди, покуда сигнал не подам.

— Что ты, Степа, придумываешь? — вмешалась было Аграфена Григорьевна.

— Сейчас Мамеду всенародный экзамен устроим. Смотри, Аграфена, виду не показывай, а то рассержусь.

— Молчу, молчу, выдумщик! — Она махнула рукой.

В бригаде Смыслова все знали, что Маша выписывается из больницы. Еще во время наряда Ткачев посматривал на Хазирова и хорошо понимал его душевное состояние. Он и сам не мог скрыть своей личной радости. По случаю встречи Маши решили устроить пикник за рекой. К компании охотно присоединилась Таня. Смыслов пригласил Надю Дубову, внучку Калистрата Кондратьевича.

В вестибюле больницы одиноко сидел редактор шахтовой многотиражной газеты Новиков. На шумно вошедшую молодежь он посмотрел своим печально-укоризненным взглядом: «Вам хорошо, вам весело». В дверь выглянула пожилая женщина в белом халате, с белой марлевой повязкой на голове.

— Ожидайте, скоро, — коротко сказала она Новикову и обратилась к Хазирову, поднявшемуся к ней навстречу: — А вы к кому?

— Маша тут у вас, девушка, выписывается. Маша Морозова.

— Морозова? Позвольте, она уже несколько часов, как ушла домой. За ней еще мать приходила.

Помрачневший было Хазиров оживился вновь:

— Вы ошибаетесь, сестра. Маша Морозова — круглая сирота. У нее никого из родных нет.

— Нет, не ошибаюсь, молодой человек. Своих больных я наперечет знаю. У Маши мы лечили ожог лица и рук. Маша ушла домой с матерью. — Сестра обратилась к остальным: — Вам кого?

— Мы все за Машей пришли, — ответила Таня растерянно.

— Не понимаю, — удивилась сестра. — Сегодня, в ожидании оформления больничного листа, она с матерью сидела на вашем же месте. Я проводила их до парадного. — Сестра вынула из кармана очки и, не надевая, как через лорнет, взглянула сквозь них на Хазирова. — Ну что вы мне говорите! Та самая Машенька, которую вы, молодой человек, навещали частенько, выписалась, и, пожалуйста, не пугайте меня.

Она уехала с собой Новикова, оставив в недоумении Хазирова с друзьями.

— Да-а-а, из пикника — да в пиковое положение! — Смыслов потрепал по плечу Хазирова. — Упущение с твоей стороны, Мамед: с девушкой знаком давно, а в отношении тещи не осведомился. Упущение!

Всей компанией пошли в женское общежитие. Машина койка оказалась не накрытой. Девушки ответили:

— Машину постель кто-то унес домой.

В конце концов приняли решение обратиться к Степану Гордеевичу. Рассказать ему все, попросить совета.

Гостей усадили за стол. Хазирову достался тот стул, на котором только что сидела Маша, и если бы Мамед не был так сильно расстроен, то мог бы обратить внимание на косточки от вишневого варенья, лежавшие перед ним на блюдечке, на недопитый стакан чая и надкусанный кусочек домашнего печенья. Все говорило о том, что стол накрыт на троих и на этом месте только что сидел тот, третий.

Степан Гордеевич, хитро подмигнув Аграфене Григорьевне, обратился к Хазирову, угрюмо смотрящему на недопитый стакан чая:

— Видно, нездоровится?

В ответ Мамед только руками развел и привычно крутнул головой.

— Машу потеряли! — заговорил с жаром: — Вы понимаете? У Маши Морозовой — вдруг родители... А?..

— Чего ж тут особенного? — нарочито спокойно заметил Степан Гордеевич. — Вы слышали когда-нибудь сказку о том, как жили-были старик со старухой и не было у них ни детей, ни внучат. Помните, старуха блины пекла да все приговаривала: тебе, дедушка, блинок, и мне блинок, был бы Иванушка-сын, и...

— И мне блинок,— раздался из-за ширмы голос Маши.

Все удивленно переглянулись. Степан Гордеевич придвинулся к Маме, потрепал рукой его волосы.

— Голова три уха, девушку потерял! В нашем, брат, отечестве человеку потеряться невозможно. Потому что он самый дорогой капитал. Выходи, Маша!..

Старики ушли в сад, в свою любимую беседку. Впервые за много лет их дом огласился веселой молодежной песней.

Глава 18

Май в бригаде Смыслова был особенно напряженным. Бригада Бабашкина далеко ушла вперед. На коротких совещаниях, подводя итоги работы за смену, Смыслов требовал:

— Думайте, ищите новые пути повышения производительности, иначе и башкинцев не догоним и обязательства не выполним.

Все понимали, что если в чем-нибудь произойдет даже маленькая заминка, бригада не сдержит своего слова.

Стахановский план экономии требовал от бригады высокой ответственности, чтобы бережно расходовалась смазка, извлекался из завала и повторно использовался крепежный лес, чтобы оплошность одного не медленно замечалась другими и быстро устранялась.

Горняки участка Виктора Сергеевича Авдеева, в который входила бригада Смыслова, добились хороших успехов.

Савелий Бабашкин шел впереди, он сумел довести выработку по бригаде до 150 процентов. Смыслов решил вновь откровенно поговорить со старым горняком.

Когда Смыслов и Хазиров вошли в квартиру Бабашкина, между супругами шел непонятный спор. Усадив гостей, Мария Прохоровна, нисколько не смущаясь, продолжала упрекать мужа:

— Что канитель затеял? Добро бы, к празднику приурочил — ко Дню Победы, скажем.

— Какая разница в том, когда я дарить буду? Пусть знают Савела Бабашкина! Еще подожди, вот узнаю, как это сделать, начну такие подарки отправлять в Корею да в Индию.

— Суешься, Савелий, не в свое дело. Соберу совет жен, обойдем вместе все адреса и решим сами, кому что подарить.

— Нет, не согласен! Я это все на свои деньги купил и сам, стало быть, вручать буду,— не унимался Бабашкин.— Ну-ка, рассудите, горнячки,— обратился он к Смыслову и Хазирову.— Все, что вы видите здесь, я купил как подарки детям погибших фронтовиков. А она со своим советом жен-общественниц мне ходу не дает! Пусть другие сами покупают и распоряжаются как хотят. Правильно?

— Купят, купят. Небось, не беднее тебя.— Мария Прохоровна прибрала подарки и вдруг ласково обратилась к гостям: — Вы уж не взывайте, мы по-стариковски поспорили малость. Хозяин-то мой убухал тысяч пять и не узнал наперед, кому что подарить нужно. Понесет ребенку куклу, а может, ему велосипед нужен.

Смыслов начал было объяснять, зачем они пришли, но Бабашкин перебил:

— У меня в доме такой порядок заведен, Вася, как в ассамблее,— за круглым столом деловые разговоры ведутся. Ну-ка, Марьюшка, обед соберай!

Действительно, стол у Бабашкина был круглый, с фигурными точечными ножками. Полумягкие стулья, застекленный буфет с множеством разной посуды, две кровати, этажерка блестящих лаком. Все у него в доме казалось только что привезенным из магазина. Лишь в самом хозяине дома угадывалось что-то старое.

— Вот начинать с чего надо! — сказал Савелий, громыхнув по столу бутылкой.— Она, матушка, язык развяжет, дорогу к решению вопроса покажет.

Смыслов только сейчас заметил, что Бабашкин уже навеселе. Это подтвердила и Мария Прохоровна:

— С утра нынче забурился.— У нее мягкий, певучий голос. Говорит она не зло, но с какой-то особенной иронией.— Молодежь-то работе учить надо, а не этому зелью...

— Твое, Марьюшка, дело такое: сиди да помалкивай.— Савелий ловко вышиб из бутылки пробку, начал разливать по рюмкам водку, приговаривая: — Сие зелье человек создал для веселья. Не употребляют его только трое: моя Марьюшка, святой мученик Кудим да в Риме один, только забыл, как он прозывается!..

Но Прохоровна не обиделась на грубоватый тон мужа. Села рядом с Хазировым и, легонько подтолкнув его, пошутила не хуже Бабашкина:

— Как на Кедровом руднике горняк Савел живет, он досмерти работает, до полусмерти пьет.

Все рассмеялись. Рассмеялся и Бабашкин.

— Видали, какова моя Марьюшка? Стихами говорит! Ну, ладно, нагорá!— скомандовал он, поднимая рюмку.— Хоть лоб краснейся, а, выпив, смейся, — и кувыркнул в рот большую рюмку, так, словно бросил зернышко подсолнуха.

Выпив, Савелий помрачнел. Исподлобья поглядел на нетронутую рюмку Смыслова.

— Форс держишь?!

— Да ведь не пью я, Савелий Никитич!

— Слышал, знаю. Выходит, один Савелий пристрастие имеет?! А мне, думаешь, легко к ней привыкнуть было? Нужда заставила! Вот послушайте, расскажу...

— Ты, Савелий, видно, совсем пьян?— вмешалась Мария Прохоровна.

— А что?!

— Никак, про Петьку-саночника рассказывать собираешься?

— А что? И расскажу! Пусть знают, как мы в люди выходили. Я понимаю, зачем они пришли ко мне. Не ладится у них, на волоске держатся. А Савелий весь участок на своих плечах несет. Не кого-нибудь, а меня вчера сам начальник шахты Горюнов вызвал. Я, говорит, товарищ Бабашкин, на тебя надеюсь. Если, говорит, обставим шахту «Бис», месячным заработком премирую. Так-то! Только не нужны мне деньги. Хочу, чтобы слава про меня гремела по всему руднику. Денежки — воробушки, прилетят и улетят, а Савелия Бабашкина помнить будут. У кого грудь в орденах? У Савелия Бабашкина! Кто за двоих уголек дает? Савелий! Кто детям погибших фронтовиков подарки покупает? Савелий Никитич Бабашкин.

— О подарках не хвастай. То я посоветовала.

— Ишь ты, она посоветовала! А деньги кто заработал?!

Бабашкин выпил еще рюмку и начал рассказывать про гибель друга Петьки-саночника.

— Теперь его ничем не остановишь. Пусть выскажется, добрее будет, — предупредила Мария Прохоровна гостей.

О чем бы ни говорил Бабашкин, у него получалось грубовато, но о Петьке-саночнике рассказ был всегда душевным, жалостным. Савелий повел молодых горняков по мрачным подземельям дореволюционной шахты, прицепил к поясу тяжелые санки, заставил по-лошадиному, на четвереньках везти эти санки сквозь узкую нору, выбиваться из сил и падать лицом в черную жидкую грязь...

— Нашел я его прижатым породой вместе с санками, — повествовал Бабашкин,— все кости раздавлены, только голова немножко живая. Си-

жу подле него и плачу: «Петя, Петрунчик, Петушок мой!» — Савелий Бабашкин всхлипнул. Лицо болезненно перекошилось...

— Ну вот, теперь петь будет, — сказала Мария Прохоровна, поднося к глазам передник. Ей самой с детских лет пришлось выполнять трудную горячую работу, испытать горе. — Петь будет, — глухо повторила она, поднимаясь.

И верно, мотнув головой, Бабашкин запел:

Скажи, зачем ты торопился,
Зачем вагоны быстро гнал,
Али ты штейгера боялся,
Аль ты в контору задолжал...

— Помочь? — спросил Мамед, обращаясь к Смыслову. Тот утвердительно кивнул. Мамед подхватил следующий куплет. Бабашкин удивленно метнул на него взгляд и перестал петь, показывая жестаами, чтоб Мамед продолжал один.

Из-за перегородки вышла Мария Прохоровна, села на прежнее место. По ее морщинистым щекам текли слезы, хотя лицо не было печальным. Казалось, плачет она не от горя, а от радости.

Хазиров поет о том, как прощается молодой коногон с шахтой, со своей возлюбленной, как несут его с разбитой головой.

Вот песня кончилась. Какое-то время царит тишина. Похоронной процессией удаляются образы прошлого. Бабашкин разливает водку, рука его дрожит, бьет горлышком бутылки по рюмке:

— Уважил. Эх, как уважил, сынок!

— Люблю и я эту песню, соколик, и поешь ты ее хорошо, — обнимая за плечи Хазирова, говорит Мария Прохоровна, — только стара она больно. А разве нынешней песни про нас, горячков, нет?

— Как же, есть! Я вам, Мария Прохоровна, сейчас спою совсем новую. Ее сочинил наш кузбасский поэт. Вот, послушайте. — Мамед встал, взялся руками за спинку стула и запел:

Нам по силам заданье любое...

— По силам?! — перебил Бабашкин.

...Сквозь любые преграды пройдем, —

пропел Хазиров. Савелий воспринял это как вызов.

— Мы пройдем! — выкрикнул он. — А вы за нами, если поспеете!

На полях, у станков и в забоях
Мы Кузбасс прославляем трудом, —

неуверенно, упавшим голосом закончил Мамед. Он сел огорченный. Стало грустно. Только Мария Прохоровна была внешне спокойна. Она очень ласково сказала мужу:

— Пойдем спать, Савелушка. Пойдем, я тебе помогу.

Из-за перегородки, куда увела она Савелия, до слуха друзей донесся неразборчивый строгий шопот. Что-то сильно грохнулось, загремело. Потом — просящий голос Савелия: «Марьюшка, Марьюшка! Ангел мой! Что ты?!»

— Уложила! — весело проговорила Мария Прохоровна, возвращаясь. — А теперь рассказывайте, молодые люди, зачем припожаловали?

— Да мы насчет работы хотели... — не вдруг начал Смыслов.

— Не ладится у нас, — помог Мамед. — Неудобно как-то получилось все. Вы уж извините. Мы пойдем...

— Куда же вы пойдете, если по делу пришли? Выкладывайте мне все по порядку.

Друзья удивленно переглянулись.

— Ничего, ничего! Я тоже горячка. Шахту знаю не меньше Савелия. В свое время ему помогала. Какая у вас лава?

— Такая же, как у Савелия Никитича, — неопределенно ответил Василий Смыслов.

— Такая. Угу... — Мария Прохоровна зачем-то переставила рюмки, положила перед собой вилку, повторила: — Такая. Угу... Значит, по простиранию — восемьдесят пять метров. Мощностъ — один метр двадцать сантиметров. Хорошо. Берете в отпалку? Качаете скребковыми транспортерами? Так я говорю?

— Так, так! — подтвердил Мамед, которому отчего-то вновь стало весело.

— Хорошо. Кто у вас бригадир?

— Я, — улыбнулся Смыслов.

— Значит, ты. Теперь скажи, Вася, как шпурьы располагаете?

— В шахматном порядке.

— Прямо бурите?

— Нет. По методу Мартынова.

— Так. Савелий тоже им пользуется. А шпурьы прочищаете, прежде чем взрывчатку закладывать?

— Прочищаем.

— Так. В чем же тогда загвоздка-то? — Мария Прохоровна задумалась, прищутив левый глаз, целясь на вилку, лежащую перед ней. — Вот задача!..

— Мы все делаем так, как Савелий Никитич, — сказал Мамед. — Почему-то у нас получается не то.

— Нет. Савелий мой — со старой закалкой шахтер. Таит он что-то от вас. Не все вы знаете. — Она опять стала задавать вопросы. И когда Смыслов ответил, что они бурят на глубину одного метра, старая горнячка рассмеялась:

— Вот и секрет открыли! А вы знаете, в бригаде Савелия на метр двадцать сантиметров шпурьы закладывают? То-то, не знаете!

Мамед и Василий зачарованно смотрели на нее. Мамед хлопнул в ладоши:

— Так это мы завтра же...

— Постой, постой! — Мария Прохоровна остановила его жестом руки. — Не горячись. Постой! А крепка ли у вас кровля?

— Кровля у нас, можно сказать, чугунная. На фальшивках — две смены работай.

— Ой, удал ты, видно! — Она опять погрозила Хазирову. — С любой кровлей шутить нельзя!

— Это я к слову. Ведь мы не шутим.

— То-то. Если кровля у вас, говорите, крепкая, то Савелия вам обставить можно в два счета. Попробуйте закладывать шпурьы поглубже, чем Савелий, на пять сантиметров. Попробуйте...

В дом Марии Прохоровны стали собираться домохозяйки — члены шахтового совета жен-общественниц. Немного помедлив для приличия, друзья распрощались с доброй хозяйкой, вышли на широкую улицу, залитую солнцем.

— Ты что думаешь делать сегодня? — спросил Смыслов.

— Я? Не знаю. Наверно, к Маше пойду. Скорее бы кончился выходной день! У меня сейчас такое чувство... Ну, понимаешь, сердце поет. Если удастся применить удлиненные шпурьы, это, знаешь, какая победа! Эх, скорее бы в шахту!..

Глава 19

С некоторых пор Степан Гордеевич стал замечать, что в характере Жарикова произошли перемены. О нем хорошо отзывались на работе, он стал аккуратным в быту, общительным. По сравнению с другими молодыми горняками Жариков экономно расходовал деньги, приобретал ценные вещи.

Сберкнижку хранил у Степана Гордеевича в нестеряемом шкафу. Однажды старик посоветовал:

— Пошли-ка, Гоша, матери деньжонок. Четыре тысячи накопил!..

— Она у меня не нуждается. Даже сама недавно сто пятьдесят прислала.

— А ты ей обратно отошли. Да не сто пятьдесят, а с полтыщи: мол, горняки у нас, мать, рубли по колесу зарабатывают. Подарочек пошли. Приятно ей будет от сына получить.

— В отпуск прошусь, Степан Гордеевич. Вот разрешат, накоплю подарков ей.

— Непременно!

Но комендант не знал мыслей Жарикова. Тот хорошо работал только с одной целью: заработать побольше денег, добиться отпуска и навсегда распрощаться с шахтой. Только эта мечта и волновала его теперь.

Бригадиру Смыслову, как и всем членам бригады, не хотелось, чтобы Жариков покинул их в самое трудное время. Со дня на день бригада должна была приступить к испытанию комбайна «Кузбасс», но чем ближе подходил этот день, тем настойчивее Жариков добивался отпуска. Он знал, что испытание нового комбайна не пойдет гладко, снизится заработок. В крайнем случае он решил добиться отпуска по больничному листу, и, когда вдруг неожиданно «заболел» и не вышел на работу, бригада помогла ему получить отпуск.

На вокзал его проводили Степан Гордеевич, Ткачев и Хазиров. Весь обратный путь старик досадовал на свою оплошность: «Дернул же меня чорт написать письмо матери Жарикова! В болтунах оказался теперь, — думал он. — Посмотрит на сына и скажет: «Ну, старый тетерев, где же правда, твоя? Ключи от сердца искал, а оно, пожалуйста, и не закрывалось. Был Гоша хорошим парнем, а стал еще лучше».

Комендант признался Хазирову и Ткачеву, что в свое время послал письмо матери Жарикова и шибко раскритиковал Гошку.

— Тогда он заслуживал, — ответил Хазиров.

— Заслуживал ли? — усомнился Степан Гордеевич. — Может, сами виноваты в том были? Ты вот скажи, — обратился он к Ткачеву, — вы с ним из одного колхоза, росли вместе. Каков он в ребятишках-то был?

— А он всегда сторонился, — ответил Ткачев, — и на речку и в лес мы ватагой, а он один. Всегда больше нашего набирал грибов и ягод. Места знал хорошие.

Алексей Ткачев вспомнил случай, когда, разыскивая стадо, он заблудился в лесу. Долго бродил по болотам, плакал, звал на помощь. А выйдя наконец на дорогу, увидел Гошку, который сидел и сортировал грибы.

— «Я слышал, как ты волком выл», — смеясь, сказал тогда Гошка. Мне же не до смеху было: ноги осокой изрезал, лицо и руки исколол, а боли с перепугу не чувствовал, — грустно заключил Ткачев.

— А почему же не отозвался, разбойник? — насторожился Степан Гордеевич. — Ведь слышал же он, как ты на помощь зовешь?

— Говорит, на грибное место напал, не хотел, чтобы я узнал это место.

— Ишь ты, — ворчливо произнес комендант. — Натура!..

Воспоминания о детстве и отъезд Жарикова настроили Ткачева на грустный лад. Его тоже потянуло к родным местам. Захотелось, как бывало, встать пораньше и уйти на рыбалку. Он представил себя на берегу Алениного ручья, около толстой ольхи, изогнутой седловиной. Под шершавыми листьями дерева прячутся ночные бабочки. Притихших, глупых, их можно свободно брать и нацеплять на крючок. У самого берега, изумрудно-зеленовато-поблескивая, трется о коряжник красноперая плотва. Нет, нет, да и выпрыгнет в погоне за бабочкой на тихую поверхность речки лобастый голавль. А то щука завозится в камышах, и от неожиданности по телу побегут мурашки.

В овсяном поле неугомонно толкует перепел: «Спать пора, спать пора». А утро только еще начинается. Где-то в зарослях ивняка мелодично спрашивает птичка-невеличка: «Дядя, тетю видел? Дядя, тетю видел?»

В синее небо дымят трубы изб. По росистому лугу далеко разносится голос отца: «Алеша! Иди чай пить!» А в роще отзывается эхо: «Ай пить». И тонкоголосым повтором звучит алешкин ответ: «А-ас, ду-у-у...»

* * *

Вечером Ткачев пришел в общежитие помрачневшим, осунувшимся. Сел к столу, подперев руками взлохмаченную голову.

— Мы виноваты. Мы. Проглядели, проворонили. А он... Эх, Гошка, Гошка! — твердил Ткачев.

— Что случилось, Алеша? Что проворонили? — с участием спросил Хазиров, подойдя и положив на плечо Алексея руку.

— Эх!.. Ничего ты не знаешь! На, прочти.— Алексей достал небольшую записку. — Прочти...

Записка была от Жарикова на имя Ткачева. Мамед прочитал: «...Я уехал навсегда. Надеюсь, что и ты скоро убежишь в наше Высокое...»

На столе лежал свежий номер многотиражной газеты. Под заголовком «Дружный коллектив» сообщалось об успехах бригады Смыслова, о том, что Георгий Жариков сказал корреспонденту: «Я полюбил шахту. В ближайшее время обещаю выполнить двойную норму».

— Трус! Предатель! — закричал Ткачев, комкая газету.

У Мамеда пересохло в горле. Он налил из графина полный стакан воды, залпом выпил.

— Ну, что ж, погрустим, — сказал Мамед, подавая Алексею баян. — Играй!

На громкие песни не замедлил явиться Степан Гордеевич. Он увидел: молодые горняки сидели, обнявшись, и пели о дружбе...

Глава 20

Колыхалов давно собирался поговорить с Горюновым о проведении планерки. Ему не нравилось, что это важное короткое совещание всегда превращалось в «накачку» работников добычных участков, транспорта и лесоснабжения. Давно уже между собой надзор называл планерку «гонялкой», а комнату, где она проводилась, — «парной».

— Кто сегодня гонялку проводит? — спрашивали они.

— Сам папа.

— Тогда пару будет!

Да и странно было видеть, как Горюнов принимал воинственную позу, занимая председательское место за длинным столом, неестественно горбился, ухватисто клал на стол руки. Глядя исподлобья, говорил нарочито хрипловатым голосом.

— Опять старая история повторяется?.. — Молчание тянулось с полминуты: присутствующие соображали, о какой истории собирается говорить начальник.

— Я спрашиваю, до каких пор будем переливать из пустого в порожнее? — следовал второй вопрос, и опять молчание.

«Скорее всего, ты, товарищ Горюнов, и сам еще не собрался с мыслями, не знаешь, о чем тебе нужно говорить», — думал Колыхалов. Так и есть! Горюнов силится что-то вспомнить, стараясь сохранить воинственную позу, строгое выражение лица. Ночь для него прошла бестолково. Скоро сутки, как он не смыкал глаз. Туманятся мысли, очень хочется спать. Помолчи еще минутку — и задремлешь, уснешь у всех на виду.

В ночной смене не ладилось с работой подземного транспорта: кроме мелких неполадок, два забура. На втором участке сильное давление кровли на забой. На пятом — порвался транспортер. С шестого — идет уголь с высокой зольностью, там породное включение в пласт, рушится ложная кровля. Всю ночь пришлось кочевать с участка на участок. Видал много беспорядков: запущены горные выработки, искривлены лавы, имеются отступления от паспорта крепления — не обращают должного внимания на управление кровлей.

На участке Авдеева застал целую бригаду за мирной беседой вместо работы. Запомнился дерзкий паренек с нерусским акцентом, по фамилии Хазиров.

— Почему сидите? — сдерживая бешенство, спросил Горюнов Хазирова. Тот не узнал начальника, язвительно ответил за всех:

— Почему не посидеть, если начальник шахты не хочет, чтобы мы переутомлялись.

У Горюнова перехватило дыхание, поэтому окрик получился со свистом:

— Фамилия?

— Моя? Хазиров. А ваша?

— Моя?! Моя... Горюнов! — выкрикнул он. — Вижу, что тебе действительно вредно переутомляться. Изволь итти на-горá, и чтоб я тебя больше не видел на шахте!

Приняв Хазирова за бригадира, он осветил остальных членов бригады, сказал подчеркнуто спокойно:

— А вы — по местам!

— Порожняка не дают, Иван Владимирович! Зло берет. Стараемся, стараемся, а все впустую! — загудели горняки. — Бригадир за порожняком ушел, вот и сидим, от безделия сказки рассказываем...

Продолжая думать о ночных приключениях, Горюнов встретился взглядом с начальником подземного транспорта. Как показалось Горюнову, начальник транспорта не чувствовал за собой вины: сидел на видном месте, смотрел открыто.

«Хорошо, с тебя-то с первого я сейчас и сниму стружку, — мелькнуло у Горюнова. — Странно, почему у начальника транспорта такое неприятное лицо с желтыми навывкате глазами, с носом, переломленным в седловине, и вывернутыми ноздрями. Будто он только что сильно бежал и старался как можно больше затянуть в себя воздуха...»

— Когда прекратятся безобразия?.. — в третий раз задал вопрос Горюнов. Теперь он глядел в упор только на начальника транспорта. — Не юли, не юли! Тебя спрашиваю!..

— Меня? — поднялся Недосолько.

— Да-да, тебя! — И, оставив в недоумении Недосолько, перевел взгляд на Авдеева: — Сколько накачали?

Авдеев тоже поднялся. (Горюнов, хотя никогда не служил в армии, завел порядок, чтоб докладывали ему обязательно стоя и очень коротко. «Приучайтесь к дисциплине и лаконичности, — говорил он, — по-военному».)

— Накачали сто двадцать, задание — девяносто, — отрапортовал Авдеев хрипловатым голосом (речь шла о вагончиках).

— Ну, слышал?! — по привычке, ехидно вновь обратился Горюнов к Недосолько.

Авдеев и Недосолько переглянулись, чему-то улыбнулись. Уж не скрывает ли Авдеев грехи начальника транспорта? Горюнов перехватил взгляд Авдеева:

— Повтори!

— Задание — девяносто, накачали сто двадцать.

— А ты не пьян случайно? — Горюнов обернулся к Колыхалову, добавил: — Как рыба на солышке, дортится наш народ. Я у него на участ-

ке бездельников разгонял ночью, а он мне сказки рассказывает.— И опять к Авдееву: — Пьян, я спрашиваю?!

— Пьян, Иван Владимирович! — Авдеев улыбнулся всем широким лицом, от удовольствия покраснела даже бритая голова.

— Ну, пожалуйста! — Горюнов выбросил руку в сторону улыбающегося Авдеева, посувел. — Мы тут не в бирюльки собрались играть, товарищ Авдеев!

— Я действительно пьян, Иван Владимирович, — повторил тот, — но не от вина, — от радости. У меня там хлопцы такое придумали, что обещают по сто двадцать каждую смену качать.

«Неужели я участки перепутал?» — мелькнуло у начальника шахты.

— Есть у тебя Хазиров?

— Есть.

— А бригадир Смыслов?

— Он.

— Так как же ты мне докладываешь какую-то фантазию, когда они нынче сидели из-за порожняка?

— Сидели потому, что им сперва подали только девяносто вагончиков. Потом Смыслов раздобыл еще тридцать, и все нагрузили.

«Вот почему этот Хазиров съязвил, почему Недосолько и Авдеев смотрят именинниками. Наверно, опять не обошлось без участия Колыхалова. Кто будет спорить, что неплохо накачать лишних тридцать вагончиков, но что там еще придумано на участке? А главное — без ведома Горюнова». Горюнов покосился на Колыхалова и продолжал планерку в особенно быстром темпе, думая серьезно поговорить с ним.

Если он не делал отступлений на «накачку», на «снятие стружки», то планерка выглядела таким образом:

— Третий!

— Иванов.

— Накачали?

— Шестьдесят.

— Задание?

— Пятьдесят пять.

— Хорошо. Девятый!

— Данилов.

— Задание?

— Семьдесят.

— Накачали?

— Шестьдесят.

— Бездельники! Кто в шахту?

— Горный мастер.

— Нет, сам пойдешь! Всё. По местам!..

Горюнов отчаянно трет виски, делает страдальческое лицо...

— Ну, что еще придумали? — обратился он, не глядя на Колыхалова, когда они остались вдвоем.

— Ты о чем? — рассматривая плакат правильной настилки путей и разминовок, осведомился Колыхалов, хотя и догадался, о чем спрашивает Горюнов.

— Откуда тридцать лишних вагончиков?

— Ах, вот о чем.

Колыхалов отошел от плаката, сел, положив руки на спинку стула, сказал незлобно:

— Спорить с тобой хочу, Иван Владимирович.

— Почему? — встрепенулся Горюнов.

— Сил нет терпеть дальше.

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Ну что ж, начинай...

— Давай делать шахту шахтой коллективного стахановского труда, а производство наше — высококультурным.

По лицу Горюнова пробежала снисходительная улыбка. Подумал: «Через край хватил парторг, как обычно. Рвется от земли в облака». А сказал другое:

— Рано, Александр Макарович. Ты смотри, сколько еще бездельников. Лихорадит шахту. Вот уладим, тогда и...

— Переведем шахту на стахановский труд? — вмешался Колыхалов. — Ты не понимаешь меня. Я не перевожу предлагаю, потому что из этого все равно ничего не получится, а делать немедленно!

— Что это значит?

— Это значит: привести в порядок горные выработки, организовать труд так, чтобы во всех лавах создать возможность для циклической работы. Пора от экспериментов переходить к делу. Жизнь требует сотрудничества труда и технической мысли. Качественных показателей по всем направлениям.

— А ты без предисловий! — перебил Горюнов.

— Изволь. Мне кажется, что шахта теряет силу. Недалек тот день, когда лопнут, что называется, все обручи и она развалится, как старая бочка. Ответь мне на такой вопрос: что ты будешь делать, если нам вдруг увеличат план?

— Станный вопрос! Очевидно, выполнять придется.

— Как? Чем?

У Горюнова лицо стало болезненным, хрустнул зажатый в зубах мундштук папиросы.

— Послушай, Колыхалов, почему ты каждый раз делаешь из меня дурака? Разве я не понимаю, что нужно форсировать вскрытие горизонта, механизировать добычу. Я понимаю: без фронта мы задохнемся. Но подумай, могу ли я сократить действующий фронт, чтобы за счет этого ускорить подготовительные работы? Могу ли я сразу приступить к освоению всех комбайнов и снизить добычу, точнее — давать семьдесят — восемьдесят процентов плана? А?

— Нет, этого делать нельзя.

— Видишь! Тогда скажи: чего ты от меня хочешь?!

— Чтобы было то и другое.

— Как? Чем?

— Теми же силами, которыми мы располагаем.

— Сказка про белого бычка, — грустно заметил Горюнов. — Ты ответь мне: как, не срываясь с плана, мы можем на нашу бочку набить крепкие обручи? Какими мы располагаем резервами?

— Большими.

— Перекомплект, скажешь?

— Это второе, хотя и немаловажное. Первое — надо добиться выполнения плана шахты в целом не двенадцатью участками, а всеми двадцатью. Создать нормальные условия работы отстающим участкам, начать по-серьезному выполнять решение Центрального Комитета о партийно-политической работе.

— Партийно-политическая работа — твоя стихия. Или парторг Цека вроде ревизора поставлен?!

— Мое дело, согласен. Но ты также не имеешь права, Иван Владимирович, снимать с себя ответственность за идейное воспитание горняков.

— В чем дело?

— В том, что окрик — вредный стиль руководства. Попробуй поговорить с народом по-партийному, и у тебя найдутся помощники. Ты поймешь, что на шахте нет ни одного человека или почти нет, который бы не болел за успех коллектива. Главное — увидишь силу, которая способна решить настоящее и будущее шахты.

— Я требую от народа неуклонного выполнения распоряжений треста. Некогда мне рассусоливать с каждым. Понял? — Горюнов злобно бросил в пепельницу окурок.

— Очень жаль, — в раздумье проговорил Колыхалов.

— Что? — выкрикнул Горюнов, перекладывая на столе бумаги.

— То, что ты идешь на поводу у треста, слепо идешь за Линьковым и Боковым. Не дорожишь своим партийным билетом.

Горюнов побагровел, у него задержались губы.

— Угроза?..

— Нет, просто совет. Нельзя забывать, что мы коммунисты, Иван Владимирович.

— Совет!.. Коммунисты!.. — Горюнов поднялся, голос его зазвенел. — Знаешь, что я скажу тебе, Колыхалов... Я хозяин на шахте. А каждый сверчок должен знать свой шесток...

Глава 21

Для того чтобы поболтать с домработницей Дементьевной и кое-что выведать у нее, Кудашкин под разными предлогами зачастил на квартиру к Колыхалову. В отсутствие Александра Макаровича он отрекомендовался Дементьевне настолько важным лицом на шахте, что она на первых порах угощала чайком, потчевала домашней сдобой. Распивая чай, Кудашкин расстилал перед собой чистый лист бумаги и составлял «смету ремонта жилья парторга» и «список прочих потребностей», а главное — ни в чем не отказывал он Дементьевне.

— Запиши-ка, любезный, насчет ванной. Сверчит что-то в ней. Греется плохо, — просила она, подставляя ему клубничное варенье.

— Сверчит, говорите? Хорошо!

— Чего же хорошего?

— Варенье хорошее у вас.

— Кушайте, кушайте.

— Так, значит, и запишем: в ванной сверчит.

— Сверчит, сударик, сверчит.

Кудашкин не трудился разламывать пирожки с луком или откусывать от них, — он целиком отправлял их в рот и в это время басил что-то непонятное.

— Ты о чем, сударик?

— Гав-а-рю, духовку записать?

— Запиши, запиши. То запечет, то недопечет, неладная! Еще пол покрасить, стайку поставить.

— Какой кубатуры?

— Чего?

— Стайку в каких масштабах поставить?

— Не знаю я этих масштабов.

— Масштаб, мамаша, зависит от солидности лица и его потребностей, — важно пояснил Кудашкин. — Например, лично у меня большие масштабы.

— Ишь ты, а у нас они коровниками называются. А здесь, в Сибири, — стайками! Ладно, записывай масштаб.

Кушанье исчезало с поразительной быстротой. Дементьевна не скупилась: «Бог с ним, пускай кушает на здоровье, добром оплатит!»

— Козочку купить думаю, — выдавала Дементьевна свою тайну. — Худеет Макарыч-то, заработался. Доктора говорят, козье молоко полезное. Не догадается, что козье, пить станет, поправится...

Мало-помалу Дементьевна стала убеждаться, что Кудашкин — человек не серьезный: стайки нет, ванная не греет, духовка совсем продырявилась.

— Кем у вас Кудашкин работает? — спросила она Александра Макаровича.

— Комендантом шахты.

— Неужто правда?

— Работает. Почему вы удивляетесь?

— Болтун, штрикулист такой — комендантом?! Что у вас, на затылке глаза-то?..

У Дементьевны разболелись зубы, и непременно выпроводила бы она нынче Кудашкина в три шеи, да разговорилась про болезнь свою. А он и тут знатоком оказался. «Вылечу, говорит, как рукой сниму», — а сам на стол глазами ширяет.

— Кончилось варенье! — сообщает Дементьевна. — Ягода уродится — к новому пожалуйста, уважаемый, рады будем. А зубки-то мне полечите, Христа ради!

— Могим, мамаша!

— Видно, видно! Бедовая головушка!

— Только я наговором лечу. Ты веришь в него?

— Что ж, поверю, коли толк окажется.

— Наговор — наука обширная. Черной мантией называется.

— Так-так... — Дементьевна убрала с дивана портсигар Колыхалова, спрятала в стол чайные серебряные ложки, осмотрелась: «Нет ли чего поблизости от этого жулика». — Так-так, говоришь, наука-то черная?

— Черная мантия. Посредством ее мой приятель по фамилии Чемуткин не только камни в печени вывел, — даже директором орса заделался. Ты, Дементьевна, слушай, тебе полезно.

— Слушаю, слушаю, мил человек. «Окаянная сила!»

— Вылечила от печени его одна старуха. А потом спрашивает: «Кем работаешь?» «Истопником», — отвечает. «Кем быть желаешь?» «Хоша бы баней заведовать». «А к торговой части не тянет?» «Тянет, бабуся». «Должность какую требуешь?» «Нельзя ли начальником орса?» «Можно и начальником орса. Повторяй за мной... и начала причитать:

Чикирики-микирики,
По хрусту — по насту,
по ели — по берести,
коска — хруп
Изанов зуб.

— А почему Иванов, да потому — Чемуткина Иваном зовут. Вот он наизусть заучил присказку. Старуха опять спрашивает: «Есть у тебя деньги?» «Есть маленько». «Сколько?» «А зачем деньги?» «Говори-говори. Ни копейки твоих денег не надо мне!» Он сказал: «Две сотни». «Хватит. Теперь ступай в магазин, на сотню покупай конфет, на другую — орехов». «Мать ты моя! Разорение!» «Ништо, — успокаивает старуха, — если вороватый — больше вернешь. Вот с гостинцами иди к дому начальника и подстерегай детей его и жену. Как выйдут они, так ты им по горсти конфет, по горсти орехов. А про себя тверди в уме: «Чикирики-микирики...» И что ты думаешь, Дементьевна: через три дня, как предсказала бабка, Чемуткин уже чай пил у начальника шахты. Детишки вокруг него: «Дядя Ваня, дядя Ваня!» А жена мужа — в бок: «Что Осочкин за начальник орса?! Вот бы кого ты поставил, товарища Чемуткина!»

— Эка сволота несчастная! — не выдержала Дементьевна.

— Ты что?

— Да с зубом я. Ноет и ноет...

— Поняла черную мантию?

— Кто ее не поймет, — поняла. Как ни на есть черная! В милицию бы заявить надо. Макарыч придет — ему расскажу.

— Не вздумай, Дементьевна! Голову с меня снимешь. Я только тебе.

По секрету. Ни-ни! Могила.

Кудашкин заторопился. Выходя из дому, он сильно перепугался, приняв Васю-пчеловода за Колыхалова. Но как только овладел собой, так сразу спросил солидно:

— В чем дело, молодой человек?

Вася добродушно заулыбался:

— Письмо передать.

— Кому?

— Колыхалову.

— Дай-ка сюда.

— А вы передадите?

— Немедленно. У нас с ним сейчас совещание состоится. Как раз к стати.

Для того чтобы прочесть письмо, Кудашкину пришлось закрыться в одну из кабин шахтовой мойки и долго разогревать смоченный конверт на горячей трубе водопровода. Вручая письмо Колыхалову, он извинялся:

— Как выронил из рук в лужу — не пойму! Вы уж извините, товарищ парторг!

— Ничего, прочесть можно! — обрадовался Колыхалов, узнав почерк Зои.

Она писала о том, что цветет тайга, невиданный медосбор. Два раза одна ходила на Венец и убрала Аксиньину могилу цветами. «С Васей хотела послать букет. Раздумала. Он, дуралей, все равно где-нибудь бросит. Если не приедешь в субботу, — в воскресенье сама навещу. А какие ночи!.. Помнишь ту, на озере?.. Зоя».

Ночь, о которой писала Зоя Николаевна, была особенно теплой и лунной. Недалеко от берега, где сидели Александр Макарович и Зоя, дремала на воде стая диких гусей, спрятав головы под крылья. Только один, самый крупный и осанистый, настороженно и грациозно озирался по сторонам. Небо и поверхность Лебединого озера были одного и того же бледнозеленоватого цвета. Зоя отошла в сторону, разделась и бесшумно погрузилась в воду. Колыхалов считал секунды. Прошло, как ему казалось, около двух минут, а Зоя все еще была под водой, спокойно плавали гуси. Колыхалов начал волноваться, застучало сердце, сделалось невыносимо тягостно. И когда он уже готов был кинуться в воду на помощь, стая гусей с пронзительным криком поднялась с озера. В брызгах воды, в вихре от крыльев птиц Александр Макарович увидел ее. Выйдя на берег и одевшись, она подошла к Александру.

— Напрасно боишься за меня. Ведь я русалка!

Сидели рядом на теплой земле, глядя, как вновь засыпает озеро.

— Еще вчера я ждала тебя, — тихо сказала Зоя.

— Трудно мне, — не поворачивая головы, отозвался Колыхалов. Он глядел, как, оттолкнувшись от берега, волна покатила к середине озера. — Работа не ладится.

— Хочешь, я помогу тебе?

Александр заглянул в лицо девушки. Оно было вкрадчивое, веселое

— Ты не сможешь, Зоя.

— Помогу.

— Пойдешь в шахту? Будешь за меня спорить с Горюновым?!

— Нет.

— Организуешь рабочих на борьбу за цикличность?!

— Нет.

— Прочтешь лекцию?!

— Нет. Ты все, все будешь делать сам, а я... я только... я буду... и тебе станет легче... Любить буду...

В субботу с утра Колыхалов планировал работу так, чтобы хоть на несколько часов вырваться на пасеку Зои. И на тебе: неприятный разговор с Ширяевым.

Секретарь горкома Ширяев прочитал анонимное заявление. Колыхалов обвинялся в многоженстве, в непартийном отношении — и к кому? К Зое Николаевне!

— Да ты понимаешь, Петр Васильевич, я люблю ее... и только ее... мы любим друг друга... А тут: «Сворачивает с пути»... Гнусно!

Ширяев сложил анонимку вдвое, разорвал, потом опять сложил и опять разорвал. Мелкие лоскутья бросил в корзинку.

— Присмотрись, Александр Макарович. Нечестные около тебя есть люди, — посоветовал он в заключение.

В воскресенье Зоя Николаевна не навестила. Среди дня зашел Кусургашев и, переминаясь с ноги на ногу, передал конверт, в котором была почти копия анонимного заявления, присланного в горком партии, с припиской: «Больше не хочу тебя видеть. Зоя».

— Дурной человек, однако! — угрюмо сказал Кусургашев, набивая трубку.

От этих слов Колыхалова покорило.

— Кто?!

— Что письмо прислал Зойке. Зойка нынче сказал: Макарычу пойду. Я сказал: тебе письмо, Зойка. Зойка письмо взял и шибко злой стал. Александр Макарович, зажав в кулаке записку, ходил от письменного стола к дивану.

— А ты, Кусургашев, где взял эту пакость?

— Какую? — спросил охотник, вынимая изо рта трубку.

— Письмо.

— Почтарь передал, однако. — Кусургашев зацокал языком, покрутил головой. — Не знал Кусургашев — в печку бы бросил. Один раз не сказал, другой раз сказал, — дурак Кусургашев.

Александр Макарович приподнялся с дивана, на который только что сел.

— Ты о чем не сказал, говоришь?

— Плохое не сказал Зойке.

— Какое плохое?

— Макарыч плохой, сказал он.

— Кто сказал?

— Та, Кудахашкин этот.

— Кудашкин способен... — в раздумье проговорил Колыхалов. — Где теперь Зоя Николаевна?

— Однако, на пасеку ушел Зойка...

Дементьевна вошла с кипящим самоваром, спросила: — Накрывать, или ждать гостью будем?

— Накрывайте, пейте. Я не хочу! — недовольно ответил Колыхалов.

— Ишь, расходился, а про что?

— Неприятности есть, Дементьевна. Вы, пожалуйста, угощайтесь. Кусургашева приглашайте. Мне недосуг. — И ушел на шахту.

Вскоре прибежала расстроенная Зоя Николаевна. Несвязно пыталась объяснить Дементьевне:

— Я поступила очень глупо. Я знаю, кто написал это, — твердила она.

Кусургашев слушал их разговор, покуривая свою трубку, потом сказал:

— Однако, дурак ты, Зойка. Шибко большой дурак.

Глава 22

«Ты — домой, ты — домой, ты — домой! — гремели на стыках колеса. — Поскорей, поскорей, поскорей!..»

Жариков одиноко сидел у окна, видел, как занималась, лиловела зорька, как над Кузнецкой землей играло красками небо. Шахты,

заводы, поселки! Пашни, горы, леса! Не успеет промелькнуть последний огонек окраины одного рудника, как начинается окраина нового, и опять — огни, огни, рассыпанные по лощинам, по взгорьям.

Кроме Жарикова, в купе находились два пожилых горняка и молодой металлург. Они оживленно беседовали о делах Кузбасса. Скоростные проходки, скоростные плавки, коксующийся уголь... Они спорили, гордились, курили и опять спорили или восхищались.

На какой-то небольшой станции шумной ватагой в вагон ввалилась группа студентов-практикантов. Рассовав по полкам рюкзаки, чемоданы, они обступили беседующих горняков и металлурга, оттеснив Жарикова в самый угол, и сразу же включились в разговор, щеголяя знаниями о горных машинах, о передовых методах добычи.

— Профессора! Слышь, Кузьмич, прямо в управляющие годятся, — громко заметил седоволосый горняк, обращаясь к усатому соседу. — Как ты думаешь?

— Что там в управляющие! Вот побудут на практике, посмотрят, на чем уголь растет, покормит их бабка-домна чугунными блинами, тогда хоть министрами ставь!

— Да-а, — притворно вздыхал седоголовый. — А ну, кто из вас в шахте был?

— Все были! — ответили несколько голосов.

— Все?! И уголек рубали?

— Нет, на экскурсии, — ответил уже один.

— Тогда, конечно, настоящие горняки! — шахтер громко рассмеялся. — Вы вот его спросите, — этот, кажется нюхал горняцкого порошу. — Седоволосый показал на Жарикова. — Скажи им, сынок, как случается: теория от практики бегают!

— Бывает, — понимающе заметил Жариков. На него оглянулись все студенты, а тот, который сидел рядом и бесцеремонно в споре толкал Жарикова, почтительно отодвинулся.

Среди студентов нашелся, что называется, зубастый. Веснушчатый, с широким носом, с круглыми смелыми глазами.

— По-вашему, тот хороший горняк, кто прямо из зыбки — в забой? А если я окончу сначала техникум, то это плохо?

— Старички любят потомственных, — вмешался другой студент, — чтобы горняцкий род от прадеда начинался, чтоб в плечах косая сажень, кулачище — двухпудовая гиря!

— Вот именно! — подтвердил веснушчатый. — Дед мой — владимирский богомаз, отец — лапотник. А я хочу горняком быть. Только не горбом уголь добывать, а машиной. Мне не мешает в этом моя родословная!

Этого было достаточно, чтобы вновь загудели все притихшие было студенты. Разговор на шахтерские темы не интересовал Жарикова, однако он не стерпел, ему захотелось припугнуть бойких «теоретиков».

— Тоже мне, расчиркались, ученые цыплята. Мы вас по осени посчитаем!

— Так, так их, горнячок! — закричал усатый. — Мы привыкли с маху рубать, прямо, открыто: мол, отходов много получается из учебного брата.

— Кто в шахте не работал, тот горя не видел! — сгустил краски ободренный Жариков и тут же сообразил, что попал впросак. Студенты недоверчиво оглядели его новенькое горняцкое обмундирование. Старые шахтеры переглянулись. Седоволосый удивленно приподнял густые черные брови:

— Что?!

— Трудно, не каждому нравится, — пролепетал Жариков.

— А ну-ка, покажь расчетную книжку.

— Зачем? — криво улыбнулся Жариков.

— Покажь, покажь!

Он заглянул в расчетную книжку Жарикова, пожал плечами:

— Совсем не понимаю! Если по заработку судить — ты, можно сказать, совсем передовой, а говоришь глупости. Позоришь нас, стариков.— Он повернулся к соседу: — Выходит, мы с тобой, Кузьмич, самые несчастные люди. Ай, сколько горя мы видали, по тридцать лет проработав в шахте! Ну, сынок, руки у тебя золотые, а язык, как бы тебя не обидеть...

Он вернул Жарикову книжку и уже без иронии, серьезно обратился к студентам:

— Шахта, конечно, не футбольное поле — там не играют, а работают. Первое время покажется трудновато, трусовато даже некоторым, но почет-то какой нам, горнякам, от народа, а! Приедете на места — старайтесь с первого дня полюбить шахту. Понять ее, матушку, и она вас полюбит.

«Дернул же меня чорт, — думал Жариков, досадуя на себя. — Сидел бы, смотрел в окно. Вот оно, солнышко, словно золотое яблоко, выкатывается из-за розовых гор».

Жариков юркнул на верхнюю полку, натянул на голову горняцкую шинель. «Скорее, скорее, скорее!» Наверно, все догадались, что он дезертир. У усатого горняка острые, пронизательные глаза, как у коменданта Степана Гордеевича. Студенты похожи на придиричивого Мамеда Хазирова. Вот они все смеются, — наверно, над Жариковым. «Скорее, скорее, скорее!»

С думой о своем будущем Жариков заснул, и когда проснулся, был день. Вагон пронизывали солнечные лучи. Вместе с пылинками в них, кудрявясь, плавал зеленоватый дымок. Единственный попутчик, старик, до глаз заросший желтоватой бородой, попыхивал самокруткой.

Жариков с облегчением подумал, что поезд пересек границы Кузбасса. Здесь не будут надоедать ему разговорами об угле, о плавках. Он легко спрыгнул с полки, поздоровался с бородатым попутчиком.

— Здорово, здорово, горнячок! — приветствовал тот Жарикова. — На побывку, чай?

— Да, в отпуск.

— То-то, вижу, из наших! Далече ли?

— В Пензенскую область.

— Совсем хорошо. А я к сыну, в Куйбышевскую.

На душе Жарикова снова сделалось тоскливо. Теперь всю дорогу будет донимать его вопросами неприятный старик.

Оно так и случилось. Под конец пути Жариков прятался от попутчика по всем купе вагона. Но старик находил его, подмигивал пассажирам, кивал на Жарикова:

— Вот они, кузбассовские наши... Сила! А-а-а?..

* * *

Такого всеобъемлющего чувства бурной радости Жариков не испытывал никогда. Последний перегон. Теперь Жариков был готов даже на безрассудный поступок. Ничего не составляло кинуться в открытую дверь навстречу бегущим зеленым лугам, легкокрылому ветру.

Два года разлуки с родными местами, два года то тихой, то болезненно ноющей тоски в далекой Сибири!

Не оглядываясь, не заходя в вокзал, Жариков вышел на дорогу, ведущую в Высокое. Он не сразу заметил, что дорога, когда-то ухабистая, петлистая, теперь лежит ровной асфальтированной лентой. По обе стороны от нее шагают столбы электрической и телефонной сети.

— Эй, товарищ! Что случилось? Что бежишь? — придержав на обгоне лошадь, спросил кряжистый парень Жарикова.

— Я-то?.

— Ну да.

— Домой иду.

— Как же идешь, когда на лошади тебя не догонишь! Садись, подвезу!

— Мне в Высокое.

— И я не в Америку, туда же еду!

Принимая из рук Жарикова чемодан, парень так громко и неожиданно воскликнул, что перепуганная лошадь шарахнулась в сторону.

— Гошка?!

— Володька?! — У Жарикова перехватило дыхание. Он узнал соседа — одноклассника Вовку по прозвищу «хомяк». — Вот неожиданность! Эх, и здоров же ты стал!

— И ты не отстал, вижу. — Он оглядел одежду Жарикова. — Это что, форма горняцкая?

— Да, горняцкая...

— Хороша. Держись, високовские девушки! А может, горнячку себе подыскал?

— Нет, а ты не женился?

— Считаю, холостой. Жениться буду, когда сельскохозяйственную академию окончу.

— Ты же учился?

— Считаю, недоучился. Пока техникум окончил и агрономом в Высоком работаю.

— Так тебе агронома мало?!

— Агроном агроному рознь. Для одного нашего колхоза хватало, а теперь три колхоза объединились. Без академии не повезешь.

Повстречалась легковая машина и остановилась. Приоткрыв дверцу, человек в гимнастерке защитного цвета обратился к агроному:

— Привет, Владимир Владимирович! Со станции?

— Здравствуй, Михаил Ильич! Оттуда, удобрение принимал.

— Поступило?

— Все. Согласно фактуре.

Человек энергично потер лоб сухой, костлявой рукой.

— Вспомнил! Вот что, Владимир Владимирович, сейчас я заезжал на опытный участок. Кажется, не мешало бы подкормить пшеницу. Как ты думаешь?

— Считаю, нужно, — уверенно ответил агроном.

— Вот-вот. Загляни-ка туда, пожалуйста. Да не забывай: в субботу свои соображения на бюро докладываешь. До свиданья!

Жариков проводил взглядом машину, спросил:

— Кто это?

— Секретарь райкома, Михаил Ильич! — с особенной теплотой ответил агроном и шугнул лошадь. По-хозяйски стал озираться вокруг. Справа и слева пошли високовские поля озимого. Виделось далеко. Зеленые волны от дороги катились к самому горизонту, и в этом море хлебов — ни одного пятнышка, ни одного островка. Должно быть, к дождю или просто играя, над хлебами носились быстрокрылые ласточки.

«Как все хорошо, — думал Жариков: — и поля, и дорога, и Володька-хомяк, и его лошадь. Но чего ж все-таки не хватает, что же тревожит сердце? Откуда появились сомнения, остужающие буйную радость возвращения в родные края? Володька-хомяк! Нет, это не тот Володька — незаметный, тихий парнишка. У Владимира Владимировича орлиный, далеко видящий взгляд. Не пассажиром, а капитаном плывет он среди зеленого океана хлебов, ему не страшны бури, он уве-

рен, что достигнет того ясного берега, который называется: победа. А Георгий Жариков? Георгий Иванович! Нет, он еще Гошка! Кто же его обманул? Кто же задержал его рост и до сих пор оставил ребенком?»

Не полуразрушенной церковью, не старым поповским домом выглянуло из-за рощи село Высокое. Красным флагом оно приветствовало гостя.

— Что это? — удивился Жариков.

— Ничего особенного считай, Дом культуры имени Михаила Ивановича Калинина. Эх, Гоша, из виду выпустил: ведь ты еще ничего не знаешь, что станет с нашим Высоким в ближайшее время.— Он положил на плечо Жарикова руку.— Ты говоришь, техникума хватит? Нет, не хватит!

Словно на строительную площадку, въехал Жариков в село Высокое. Неузнаваемо обновилось оно, а стройка продолжалась. Вокруг нового здания Дома культуры колхозники расчищали площадь. Аленин ручей перегородила плотина и образовала большое озеро. На месте дома, в котором родился и вырос Жариков, в широком разливе купались белые утки.

— А где же теперь дом наш? — почти с горечью спросил Георгий.

— Что, без провожатога заблудился бы? — засмеялся агроном.— Серафима Андреевна теперь при школе живет. Там твоей мамаше такой особняк закатали. хоромы прямо!

От новизны села у Жарикова голова пошла кругом. Большое объявление около школы сообщает, что в семь часов состоится торжественное собрание по поводу открытия Дома культуры. Танцы, играет духовой оркестр, драмкружок ставит «Свадьбу в Малиновке»..

По высоким ступенькам крыльца Жариков вбежал в дом.

— Мама!

Никто не ответил. Нивесть откуда с заливыстым лаем под ноги выкатился Тузик — неизменный спутник Георгия во всех походах на рыбалку, в лес по ягоды.

— Тузик! Тузик! Ты что, меня не узнал? Тузик!..

Но собака продолжала лаять, преграждая дорогу.

— Тузик, это я! Тузик!..

Загораживаясь от собаки чемоданом, Жариков прошел в комнату и лег на диван, бездумно уставившись в потолок... Незаметно заснул.

Он проснулся под вечер. Около него на стуле сидела мать. Между ними не произошло сентиментальной встречи со слезами, с поцелуями, как всю дорогу думалось Георгию. Он взял ее руку и, приложив к своей щеке, сказал:

— Здравствуй, мама.

— Здравствуй, Гоша,— ответила она.

— Я, мама, в отпуск приехал.

— Знаю. Вчера телеграмму получила.

— От кого? — удивился Георгий.

— От твоих товарищей. Сначала письмо от комеданта общежития, а вчера — телеграмму от Ткачева и какого-то Хазирова...

«Вот и объяснение состоялось,— мелькнуло в сознании,— теперь она все знает. Но к лучшему это или к худшему — не поймешь по лицу матери. Она, несомненно, рада его возвращению».

— А что пишут в телеграмме? — спросил, но хотелось, чтобы она промолчала, не ответила. «Неужели так и пишут, что Жариков дезертир, обманщик?»

— Сообщают, что ты не успел телеграмму послать и поручил им. В каком вагоне едешь и каким поездом — больше ничего.

— Мама, покажи телеграмму!

— А она там, в спальне, на столике. Ступай посмотри сам...

В спальне на столике — ни клочка бумаги.

— Мама! Ее нет здесь...

— Тогда в школе, должно быть, оставила...

— А почему на станцию не приехала?..

— Ученик заболел. Его навещать ходила и опоздала. Потом Владимира Владимировича увидела. Он сказал, что привез тебя...

Ну какая хорошая мать! Вот когда хочется Георгию обнять ее и расцеловать. Он открывает чемодан, выкладывает на стол подарки, купленные по совету Степана Гордеевича. Распорол зашитый Степаном Гордеевичем внутренний карман — в нем большая стопа сторублевок.

Зашел Владимир Владимирович, похвалил подарки и увел Жарикова в Дом культуры на торжественное собрание. Серафима Андреевна, проводив их, тоже пошла на собрание.

* * *

Несмотря на общее веселье, настроение падало. Сколько приветствий, сколько дружеских рукопожатий — и все: «Здорово, горнячок!», «Наше почтение, Георгий Иванович!»

Объявили о начале торжественного собрания. Людской поток из фойе хлынул в просторный зал. Ссылаясь на головную боль, Жариков сел в последнем ряду, поближе к выходу. Его окружили сверстники. В президиум выбрали лучших людей колхоза. Сначала выдвигались старички, потом помоложе, потом самые молодые. Владимир Владимирович объявлял заслуги каждого — Золотые Звезды Героев, ордена и медали. Стоя, торжественно слушали колхозники гимн Родины.

От середины по рукам пошла записка. Председатель собрания Герой Социалистического Труда Наташа Соколова прочитала ее, остановила начавшего было речь бригадира строительства Дома культуры.

— Простите, Дмитрий Романович,— сказала она,— слово для предложения имеет Корней Лазаревич.

Древнему старичку помогают подняться на трибуну. Белым инеем серебрится его голова.

— Товарищи, я про электричество,— начинает он.— Про наше колхозное солнышко. А его говорят, из каменного угля производят. Правильно я говорю?

— Правильно, правильно! — слышатся голоса.

— Стало быть, из каменного угля? Так вот, а каменный уголь из земли шахтеры добывают. А в зале у нас шахтер сидит, стало быть, Георгий Иванович Жариков. Его отца-то я помню, колхоз у нас зачинал. Хороший был человек. А каменный уголь из бассейна Сталинского привозят. Стало быть, я и предлагаю добавить в президиум Георгия Ивановича, как от шахтеров Сталинского бассейна. Спасибо им от всех нас передаю. Вот так, стало быть, спасибо, Георгий Иванович!

Старик низко поклонился в рукоплещущий зал.

На лице Жарикова выступил холодный пот. Смущенный и растерянный, он шел через зал к сцене.

Он не слышит, о чем говорят выступающие, ничего не видит в зале, кроме печальных глаз матери. В новой шерстяной кофте, привезенной им, она сидит в первом ряду.

«Ничего, мама, ничего. Прости меня. Ведь я в самом деле приехал в отпуск. У меня есть удостоверение — покажу. Я хорошо работал. Я оправдаю...»

С чувством отвращения к самому себе Георгий Жариков до рассвета бродил по селу. Над Лениным ручьем поднимался белесый туман, оттуда неслись знакомые запахи, что-то напоминало Кедровый рудник.

Видно, и мать не спала в эту ночь. Она открыла Георгию дверь, не удивилась, ни о чем не спросила.

- Мама, мне необходимо поговорить.
- После.
- Нет, сейчас!
- Подожди, Гоша. Давай сначала подумаем оба хорошенько.
- Почему?
- Потому, что мы оба виноваты в том, что случилось...

Глава 23

«Рождение нового всегда связано с борьбой. Разрушая старое, отжившее, опирайся на новое и тогда победишь», — так думал Пухарев, вспоминая последний разговор с Колыхаловым. «Трудно, слов нет, трудно. Но ведь рядом со словом «борьба» слово «победа» крылатое, как знамя, зовущее всегда вперед...»

Вспомнил картину «Утро на Куликовом поле». Вспомнил воина на переднем плане, с мечом и щитом. Битва еще не началась, а он уже видит победу... «А каким же образом это касается инженера Пухарева? Он, Пухарев, — рядовой боец, неплохо вел себя на поле боя. А теперь растерялся. Не верит в победу».

Слесари монтировали последнюю секцию комбайна. Мощными гидравлическими аппаратами комбайн выстроился в прямую линию во дворе механического цеха. Пухарев машиной доволен, и все-таки есть что-то в ней недодуманное.

Подожли Колыхалов и Смыслов. У парторга живой взгляд. Смыслов угрюм и сосредоточен. Парторг обошел комбайн, сел на одну из секций, что-то прикинул в уме.

— Ну-с, Михаил, можно считать — половина задачи решена?

— Почему половина? — удивился инженер. — Через несколько минут можно начать испытание.

Парторг взглянул на Смыслова, потом на Пухарева.

— А вот Смыслов считает, что с машиной еще много будет мороки. — Колыхалов сделал ударение на слове «морока». — Кажется, так ты сказал, товарищ Смыслов?

— Так, — подтвердил Василий.

— Ты догадываешься, о чем речь, Пухарев? — Александр Макарович встал. — Нет? На поверхности испытать машину нетрудно. Но ты думал, где и кто будет испытывать ее по углу?

— Ведь я не отказываюсь, Александр Макарович, — перебил Смыслов, — поймите, что...

— Прекрасно понимаю: сначала твоей бригаде необходимо победить бригаду Бабашкина. После этого ты мог бы взяться за испытание, но согласятся ли твои товарищи на низкий заработок? Вместо трех тысяч в месяц они будут получать гораздо меньше, кроме того, лишатся премиальных, да и начальнику участка Авдееву это невыгодно: придется потерять первенство по району.

Колыхалов выжидающе помолчал и затем добавил:

— Вот что, Смыслов. Или сейчас соглашайся, или будем искать другую бригаду...

Оставив Пухарева и Смыслова вдвоем, Колыхалов пошел вдоль лесного склада. Надо было проверить разделку крепежа. За последнее время много жалоб навалотбойщиков на нестандартный лес. Надо разобраться. У пилорамы встретился с Горюновым.

— Порадовать тебя, Александр Макарович? — невесело обратился начальник шахты.

— Сделай одолжение, Иван Владимирович, пораду!

— На шахту поступило еще пять комбайнов «Донбасс»! — не сказал, а выкрикнул Горюнов.

— Не плохо, — заметил Колыхалов.

— Я тоже сказал бы «не плохо», если бы их придержать на складе. А заставляют осваивать. Немедленно спустить в лавы! Ты понимаешь, чем это пахнет?

— Понимаю. Повышением производительности, снижением себестоимости, дальнейшим облегчением труда забойщиков — вот чем пахнет,— сказал Колыхалов и подумал: «Когда же мы пойдем друг друга?»

Горюнов сокрушенно покачал головой.

— Ну да. Ты ведь механизатор. Тебе никакого дела до плана. Для тебя шахта — экспериментальная лаборатория.

— Не совсем точно,— заметил парторг.— План мы обязаны выполнять. Но не за счет штурма.

Горюнов рассердился.

— Ты брось свою привычку причислять меня к каким-то антимеханизаторам. Дай мне машину, которая бы рубала. Нет такой машины! А разговоров о механизации — эшелон.

— А комбайн «Донбасс»?

Горюнов перекошил рот, махнул рукой.

— Ты в учетник заглядываешь?

— Бывает.

— Сколько у нас комбайнов «Донбасс» работает?

— Три.

— Что они в январе дали?

— Пять с половиной тысяч.

— А сейчас?

— Четыре.

— А норма какая?

— Шесть тысяч.

— Почему же у нас такая производительность?

— В Донбассе они дают до пятнадцати тысяч. Все зависит от людей, от их отношения к технике.

— Не говори глупостей, парторг. Кузбасс — не Донбасс! Для их комбайна наш климат кузбасский суров, вот в чем дело. Почему у нас остается в полметра присуха за комбайном? Потому, что низок бар по нашим пластам. Почему комбайн через каждые три метра останавливается? Слабы боковые породы. А ты попрекаешь меня.

— Ну, что ж, напиши в комбинат, в министерство. Пусть освободят нас от этой необходимости: осваивать.

Спокойный тон Колыхалова окончательно вывел Горюнова из терпения.

— Нет. Это тебе так не пройдет! — Он плюнул под ноги и хотел уйти.— Я поставлю вопрос на бюро. Ты не помогаешь — ты дезорганизуешь работу!

— Не работу,— уточнил Колыхалов,— а штурмовщину, порочную практику треста, перед которым ты раболепствуешь. А в отношении горкома я тебя опередил: нас будет слушать бюро.

— Вот ты каков! — опешил Иван Владимирович.— Не глубоко ли пашешь? Не думаешь ли, что у тебя, парторга, в два раза прав больше?

— Не горячись! — Колыхалов крепко сжал локоть Горюнова.— Ты считаешь: начальник шахты — удельный князь? Ты — хозяин, а комбайнер Акатов — работник?

— При чем тут Акатов? — выкрикнул Горюнов.— При чем он?

— При том, что в твоем столе давно лежит его предложение об изготовлении раздвижного бара к комбайну, чтоб не оставалось этой несчастной присухи, которой ты козыряешь. Вот о чем тебе стоит рассказать на бюро горкома. Главная-то «присуха», оказывается, у тебя, товарищ Горюнов. Не в лаве!

— Не тебе судить, где «присуха»! — прокричал Горюнов.— Бюро разберется, да и трест в обиду меня не даст.

Глава 24

Пока решался вопрос, какая бригада будет испытывать комбайн «Кузбасс», Степан Гордеевич помогал бригаде Смыслова осваивать «секрет» Савелия Бабашкина, состоявший в применении удлиненных буров. Степан Гордеевич нашел новый способ расположения шпуров, позволяющий бурить не на один метр шестьдесят пять сантиметров, а на пять сантиметров больше.

— Попробуем нынче еще удлинить шпуры,— сказал он Смыслову.

— Кровля посыплется, Степан Гордеевич.

— Подхватывать будем перед разборкой временной крепью.

— Много! Это же на один метр семьдесят пять сантиметров получается.

— Попытки не убытки,— сказал старик.

С этой целью они решили выйти в ремонтную смену, чтобы проверить качество подготовки рабочего места для двух добычных смен, из которых первой выходила бригада Смыслова. В лаве встретили Авдеева. Он всегда лично руководил ремонтной сменой.

— Товарищи, это же открытие! — весело встретил их Авдеев. — Я еще не подсчитал, во что выльется ваша затея. Но удлиненные шпуры ускорят продвижение забоя, сэкономят много леса, взрывчатки, а главное — увеличат выход угля и снизят его стоимость. Здорово получается! Это я включу в стахановский план экономии...

Ремонтная смена работала организованно. Одни производили спуск врубовки, а бурщик тем временем обуривал забой. Часть бригады пробивала вспомогательный комплект; перестановщики переносили транспортер. Степан Гордеевич проверил направление и глубину шпуров, заставил запальщика прочистить их перед закладкой патронов.

Подготовительные работы закончились рано — за тридцать минут до прихода добычной смены. Степан Гордеевич и Смыслов сели у выхода к вентиляционному штреку.

— Как это у вас называется, Вася,— заговорил Степан Гордеевич,— когда в беге соревнуются, один другому палочку передает?

— Эстафета.

Смыслов направил луч аккумулятора в лицо старого горняка. Старик словно помолодел: усы и борода от угольной пыли сделались черными.

— А что вам эстафета, Степан Гордеевич?

— С жизнью сравниваю. Добежал я, Вася, до положенного места. Теперь вот тебе палочку передаю...

Где-то упал кусочек породы, треснула стойка, и звук, похожий на дребезжание лопнувшей струны, тревожно отдался в сердце.

— Вот я тоже потрескивать стал,— промолвил старик. — А ты беги, так старайся, чтобы с почетом встретили... Нам путь достался нелегкий: бежали мы через горы да буераки. А вам дорожка расчищена. И в какую сторону — тоже известно. И фронт нарезан, и направление задано...

— Понимаю, Степан Гордеевич,— благодарно ответил Смыслов.

Оба помолчали. Потом старик спросил:

— Ты знаешь, для чего мы с тобой под землей?

— Уголь добываем.

— Не угадал, Вася. Для того чтобы на земле светло и тепло людям жилось, отдаем свою долю света и солнца. Горняк, брат, особенный человек, с большой душой!

— А зачем отдавать? Не согласен.

Луч лампочки скользнул по стойкам и остановился на лице Смыслова.

— Стало быть, всем на-гора?

— Совсем не так! — Смыслов заговорил, волнуясь. — Я люблю

шахту, Степан Гордеевич, не меньше, чем вы, но не такую, не вашу. Хочу переделать ее по-своему. Когда я думаю о своей профессии, то вижу горняка не в темном забое, а на поляне, залитой солнцем. Он в помещении, сделанном из стекла, у пульта управления. Машины рубят уголь на самых глубоких горизонтах, рекой он течет на-гора, прямо на фабрику, где получают из него могучую энергию...

— А как же теперь быть?

— Больше рубать угля и машинами и руками, чтобы скорее пришло то время.

— Про что же я тебе и говорил, голова три уха,— оживился Степан Гордеевич.— Значит, понимаешь задачу?!

Василий Смыслов — из семьи потомственных горняков. Слово «шахта» с самого детства было для него одним из первых, которое он научился произносить. Полюбил он шахту, еще когда слушал рассказы отца.

Особенно хороша она в часы пересменки.

Приближается время смены. Горняки надевают спецовки, получают аккумуляторные лампочки и тогда становятся словно фантастическими. Что-то воинственное угадывается в их движениях. А смотрят они уже яркими рефлекторами, укрепленными на шлемах-черепашках.

Смыслов осветил темное пространство вдали линии забоя, сказал мечтательно:

— Если бы горняк не ставил перед собой цель добывать уголь, то он был бы смелым путешественником в недра земли. Каждый день мы бываем первыми людьми, сделавшими следующий шаг в джунгли, из которых образовался каменный уголь.

Он сполз с куска породы, присел на корточки против Степана Гордеевича:

— Вы знаете, о чем я всегда думаю? О том, что когда-то, взяв ленту угля, вдруг увижу за ней ту жизнь, которая была миллионы лет до нас. Увижу ее начало, и тогда легко станет нам по-своему переделывать природу. Вот за что я люблю шахту.

— Все у нас эту загадку разгадывают. Ты — в шахте, а вон мой дружок Калистрат Кондратьевич — в саду. Думает, что его «калистратово яблоко» Сибирь украсит.

Помолчали. В темноте замерцали огоньки. Степан Гордеевич засмеялся:

— Кажись, наши идут. Встречай своих путешественников!..

* * *

Вечером Степан Гордеевич долго сумерничал один в своем саду, в заветной беседке. Думал он о том, что Кедровый — маленькая частичка Кузбасса, а Кузбасс — частица великой советской земли.

Он пытался мысленно окинуть взором пространства Родины.

Он слышал бой часов Кремлевской башни, видел человека, склонившегося над рабочим столом, того, который показывает путь в грядущее. Он слышал гул под землей. Это шахтеры добывали черное золото.

— Легко ли строить это великое «завтра»? Ведь материалом для него служит не только бетон и железо. Нужен пламень сердца и свет разума.

«Из искры возгорится пламя!» — говорил Ленин, и оно вспыхнуло, всепобеждающее, несущее счастье и вселяющее надежды в сердца.

Кто зажег это солнце? Ленин и Сталин.

Старик думал о том, что сегодня надо сделать больше, чем вчера, а завтра — еще больше.

Сквозь трудовые будни виделось великое «завтра». Там, где десяткам шахтеров трудно было стоять грудь в грудь с забоем, уже грохочут машины, послушные человеку.

Давно ли здесь шумела тайга! Теперь есть рудник Кедровый — новый город Сталинского Кузбасса. В нем живут шахтеры.

Два брата — Донбасс и Кузбасс соревнуются между собой. Не так давно механизаторы комбайновых лав Донбасса обратились с призывом к механизаторам комбайновых лав Кузбасса начать соревнование на лучшее использование горных машин.

С обеих сторон сходится трудовая гвардия, вооруженная передовой горной техникой. Одна у нас позиция, одна общая линия фронта труда.

Степан Гордеевич мечтал. Пока ночь рассыпала звезды и догорал малиновый июньский закат тысяча девятьсот пятьдесят второго года, старик ушел далеко в грядущее, и мало ему было одной человеческой жизни...

Глава 25

Полдня Колыхалов провел в тресте. Побеседовал с начальниками отделов, крупно поговорил с управляющим Линьковым. На шахту вернулся расстроенным, утомленным. И, чтобы немного развлечься, решил побродить по таежным окраинам, прилегающим к самому руднику. Он не взял с собой ничего, кроме ружья и патронташа. Нещадно припекало солнце. Шел по расщелинам между сопок, в надежде укрыться от зноя в тени осинника. Почти в каждой расщелине струится небольшой прохладный ручеек — веселый, игривый. А вдоль него, или справа, или слева, вьется тропинка. В этих небольших рощах, обрамленных сопками, часто можно встретить рудничных ребятишек. Они играют там в партизан, ловят руками в ручье гальянов — маленьких рыбок. Пойманного гальяна немедленно накалывают на прутик и жарят над костром. Обуглившаяся рыбка поедается юными следопытами, как несказанное лакомство.

По такой расщелине и шел Александр Макарович, досадуя на управляющего трестом.

У каждого свои неприятности, свои беды. Сегодня, например, беда нагрянула и на Саньку Горюнова — девятилетнего шустрого мальчика, с упрямым белым вихорьком, с тонким носиком, с вдумчивым, смелым взглядом синих глаз.

Судя по обстановке, сообразно местности и историческому периоду, он может принять на себя любую устраивающую его роль. То он ловкий Иванушка, и конь у него Горбунок, то, если дело происходит в тайге, он Дерсу-Узала. В воздухе — Чкалов. На море — Нахимов. Он все может и страшно не любит слов: «нет», «нельзя», «не шали», «оставь в покое» — тех, которые сдерживают, не дают простору.

В дождь, в непогоду мать загоняет Саньку в дом и не выпускает гулять, пока не рассеются тучи, не просохнет земля. Поэтому он был очень доволен тем, что сегодня она сама выпроводила его и велела приходить только к обеду. А поскольку до обеда еще далеко, то он успеет хорошенько набегаться по лесу и за все это не получит выговора. Мама сама виновата!

Хоть и сильно любит ее Санька, но она у него трусиха. Она боится грома, не ест недозревшие яблоки, а когда он наловил в пруду целую бескозырку маленьких лягушат и принес их домой, то мать страшно закричала и убежала к соседке — тете Стеше, что работает помощником у Степана Гордеевича. И когда уже лягушат съели тети Стешины утки, мама продолжала охать и прикладывать к голове мокрое полотенце. Хорошо бы мама была тетей Стешей! Она умеет управлять лодкой и прыгает с нее в воду на самой середине Конды. Она всегда веселая. А по-маминому получается — хоть на свете не живи. Корова может забодать, свинья — съесть, гром убьет, собаки все бешеные, чужие дяденки пьяные. Ну, на ночь мыть ноги — не плохо, только

для чего же пить этот противный рыбий жир, да еще на кончик ложки мать кладет кусочек сахара и уверяет, что так будет очень вкусно. Правильно папа говорит: «Прежде чем пичкать ребенка, ты сама выпей». Санька запомнил совет отца. Он ни за что не «примет» рыбий жир, если столько же не «примет» сначала мать. Когда мать проглотит рыбий жир, то вся даже передернется, по рукам побегут мурашки. Тогда Саньке делается ее жалко. Он молодецки пьет вонючую жидкость и даже оближет ложку. Ему сделать это нетрудно, если маме так нравится.

А сейчас Санька попал в беду. Высоко на дереве, между толстых сучьев, он положил доску и сказал сам себе: «Здесь будет КП». Хороший КП! Рядом галстук красный вместо флага к ветке привязан. Доска качнулась, полетела вниз, а вместе с ней и Санька.

Доске хорошо. Она лежит себе на земле. А вот Санька не долетел. Он зацепился рубашкой за сучок и висит теперь между землей и небом — ни туда, ни сюда!

Сначала сильно перепугался, немного поплакал, затем обвыкся. В конце концов, ему даже понравилось смотреть на землю с птичьего полета. Сучок крепкий, рубашка новая — не порвется. Он начал фантазировать. Почему вдруг он висит на суку? Нет, он не висит на суку, у него выросли крылья, он парит над землей, как сокол. Стоит только захотеть, и крылья поднимут его в облака. А куда полететь? В Корею — фашистов бить. Он набирает полные карманы камней, незаметно появляется над расположением поджигателей, хорошо прицеливается и пускает камни в голову рыжему фашисту. По-санькиному, все рыжие — плохие. Об этом он узнал еще прошлый год, когда пытался погладить беглую рыжую собаку, а она его укусила.

Побить камнями всех американских оккупантов не представилось возможности. Они выпустили на него огромные черные самолеты, и ему волей-неволей пришлось принимать бой. Неведомо каким образом, у Саньки в руках появилась палка. Он пикирует то на один, то на другой вражеский самолет и с такой силой бьет их, что они рассыпаются в песок, падают. Потом Санька опускается на землю, его окружают толпы людей, спрашивают:

— Ты чей?

— Советский, — гордо отвечает он.

— Сколько тебе лет?

— Девять.

— Герой Санька Горюнов! — восхищаются они. — Только мать не поверит. Узнает, что на дереве вишу, — разохается: бедненький, родненький!

И до чего же он не любит этих причитаний!

Бывало, набедокурит Санька — мать зовет Степана Гордеевича. Санька его хорошо знает как судью. «Вот подожди, я позову деда Гордеевича, — грозит мать, — он тебя судить будет». Странная все-таки мать! Пугает тоже Гордеевичем, — да он ни капельки не страшный, весело даже с ним. Он однажды судил Саньку за то, что тот полбанки варенья съел.

Саньку поставили на стул. При фартуке, в больших рукавицах, с метлой, пришел Степан Гордеевич. Бородища — ежом! Усищи — кверху! Над глазами длинные-предлинные бровищи. Тут Санька, надо признаться, перетрусил: ему на первых порах показалось, что это тот дед, которого Черномором зовут. Дед задрал подол у Санькиной рубашки, взял в горсть бороду и пощекотал ею голый живот. Санька рассмеялся.

— Касторкой накажите его, Ольга Дмитриевна, — решил судья.

И только?! Для Саньки выпить касторку — плевое дело. Мать так

часто поит его этой пакостью, что он стал плохо отличать ее от рыбьего жира.

— А вы поругайте его, Степан Гордеевич,— просила мать.— Отца-то нашего дома не бывает. Построжитесь некому. Пусть скажет, что он без разрешения ничего делать не будет.

— Эх, Ольга Дмитриевна, теперешних детей разве напугаешь чем? Это не бывальшное время! Мы росли в нужде да в страхе, а они вон ныне что делают.

Дед Гордеевич начал маршировать по комнате, размахивая метлой, напевая:

Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как сталь!

Уходя, он щелкнул Саньку по животу, тихонько шепнул:

— Приходи. Я белку поймал. Покажу...

«Не Степан ли Гордеевич идет по тропинке с ружьем,— думает Санька, прислушиваясь к шороху.— Нет, незнакомый кто-то. Вот он прямо под деревом».

— Дяденька, снимите меня!

И дяденька даже отпрянул в сторону от неожиданности. Снял. Познакомились. Дядя Колыхалов дал слово, что никогда-никогда не расскажет Санькиной матери про этот случай. «Хороший дядька, только грустный что-то!..»

Александр Макарович еще раз оглянулся на Санькин КП, на его красный пионерский галстук, забытый на ветке дерева. В раздумье постоял. Тянуло на пасеку, мысли его были заняты Зоей. Он любит. Любит смуглую кареглазую девушку из тайги,— туда и ведет его сердце.

На пасеке были Вася-практикант и Кукла. Собака хотя тьякнула поначалу, потом стала ласкаться. Вася же удостоил Александра Макаровича молчаливым взглядом. Приподняв сонную голову, он опустил ее между рук, сложенных ухватом, уткнув нос в землю.

Растолкать его стоило больших трудов.

— Вздремнул малость...— Он причмокнул, отирая мокрые губы ладонью.— Вам Зою Николаевну?— Потянулся, зевнул.— Кто ее знает!— Опять позевал.— Может, в тайге, может, в городе. Скорее, на тех пасеках у Ахтыш-горы...

Жужжали пчелы. Густо пахнул медом застывший воздух. Молчаливо стояла тайга, накрытая серовато-голубым колпаком неба.

Редко в тайге встречаются торные тропы, а если встречается такая, то непременно куда-то приведет: на дальнюю охотничью заимку, к звериному водопою, к озеру, к горному ручью. Но Колыхалова привела в бурелом. Широкой полосой в беспорядке лежали, скрестясь, огромные стволы, поникшие ветвистыми кронами. Можно подумать, что ураган, прошедший здесь, не просто валил деревья, а сначала вырывал их с корнем, поднимал, подбрасывал в воздух и, наигравшись таким образом, бросал как попало одно на другое.

Александр Макарович решил отдохнуть, устроившись в тени желтых акаций. Он закурил. В коробке не осталось ни одной спички. Плохо! До пасеки у Ахтыш-горы курить не придется. Без табаку курящему и без огня каждому очутиться в таежной глуши — почти несчастье. Об этом и подумал Колыхалов, держа в руках пустой коробок. Кукла, устав от бесполезной охоты за бурундуками и стремительными рябчиками, легла рядом, остужая розовый язык запальчивым дыханием. «А охотник ты никудышный! — говорил взгляд ее черных умных глаз, устремленных на Колыхалова.— Бродили, бродили, и ни разу не выстрелил. Почему? — Она склоняла по-собачьи красивую голову

набок, приспускала кончики всегда торчавших ушей.— Напрасно старалась я!..»

А может быть, собака хотела сказать другое: «Кури-кури, да поторапливайся. Посмотри, солнце уже собралось на покой, густеют и темнеют тени. Чует и мое собачье сердце какие-то неприятности, от которых хочется валяться на спине, задрав вверх ноги. Дождя бы не было!»

Ранний весенний дождь, осенняя знобкая изморозь захватят в лесной глуши — не беда; страшны и опасны в тайге летние вихревые грозы. Они подкрадываются незаметно, прячась за сопками, за непроглядной зеленью. Не предупреждает далекий раскат грома, не увидишь золотой змейки — молнии. Все обрушится вдруг, все смешается, загудит, затрещит, заушает! От черной тучи оторвутся бесформенные клочья облаков и с размаху врежутся в густой тенистый покой.

Где приютишься? Где найдешь укромное место? Которая сухая осина не упадет на тебя? Который кедр не придавит стволом к кипящей от дождя земле? По листьям и хвое, по ветвям и сучьям крестнакрест, вкривь и вкось хлещет огненный бич, а туча истошно хохочет, и тербит, и рвет свою кудлатую бороду.

Александр Макарович кинулся было по тропе назад, но почти у самых ног угрожающе рухнуло сухостойное дерево. Оно сбило несколько молодых березок. Березки жалобно пискнули, поникли, уронив свои бирюзовые платочки к мшистому комлю кедра. Могучий в борьбе за жизнь, кедр уже придерживал несколько склонившихся к нему деревьев. Скривилась, дрогнула голенастая пихта, повернулась вокруг, словно ища опоры, и, не найдя ее, кувыркнулась под откос тропы.

«Туда, в бурелом!» — мелькнуло в сознании Колыхалова. Мертвые деревья спокойно лежат на кладбище. Они повержены, они ничем не угрожают человеку.

После теплой и сухой конуры под стогом прошлогодней ячменной соломы не понравилось Кукле сырое, неуютное убежище, куда они заползли с Александром Макаровичем. Ни лечь, ни сесть: кругом вода, скользко! А гроза и не думает утихать. С прежней силой бушует шторм зеленого таежного океана. Кукла даже не кинулась на забежавшую в их укрытие белку. Мокрый зверек потряс передними лапками, потом протер ими глаза, как бы удивляясь неожиданной встрече с человеком и собакой. Кукла лишь скалила зубы, а Александру Макаровичу казалось, что она просто смеется над мокрым зверьком.

Буйны и опасны таежные грозы! Чиста и прекрасна послегрозовая тайга! Усталая, но непокоренная, она стоит, тяжело дыша. Не беда, что много повержено ее зеленых братьев, — ведь пали слабые, подгнившие, плохо укоренившиеся. Зато вот она — несчетная лесная рать — цела-целехонька. На месте поверженных поднимутся новые, молодые. Они выдержат, они выстоят.

Александр Макарович не увидел последнего луча солнца, на минуту осыпавшего макушки деревьев изумрудной россыпью. В то время, когда луч прорезал серую толщу облаков, дождь продолжался. Как нередко бывает в природе, грозовая туча вдруг вернется назад, осыпаясь на землю кротко-печальной мелкой слезой, по-осеннему надоедливой. Так случилось и на этот раз.

Была ночь, когда Александр Макарович и Кукла, окончательно продрогшие, покинули свое убежище. Кукла не понимала, зачем человек взял ее на ремешок и повел не туда, откуда пришли, не в сторону Актыш-горы, а в неизвестном направлении. Новая тропа не понравилась еще и тем, что от нее пахло большим зверем, которого не однажды видела Кукла в тайге, и каждый раз у нее не хватало смелости напасть на этого зверя. Колыхалову думалось, что тропа слишком долго

спускается под уклон и не такая торная, по какой шли. На первых порах он объяснил это себе грозой, намывшей на тропу всякий лесной мусор и пригнувшей к ней кустарник и мелкие деревья. Обманывало его и направление ветра.

Кукла отставала, натягивала поводок, но стоило Колыхалову предоставить ей выбор пути,— она, по его мнению, совершенно не ориентировалась, вела в глубь леса. Итти за Куклой — значит пробираться сквозь заросли, где трава выше человеческого роста, где каждый шаг сопряжен с трудностями и неприятностями. В то же время еще более безрассудно не положиться на собаку, на ее инстинкт и прекрасное чутье. Какое дело ей было до того, что облака движутся с юго-востока, что справа предполагаемый север. Ей надоело мокнуть под дождем, по прихоти незадачливого охотника, не убившего никакой зверюшки, не покормившего даже лапкой бурундука!

На фронте говорили: где пройдет зверь — там должен пройти солдат. Но знает ли Кукла, как тяжело Колыхалову итти за ней в абсолютной темноте, запинаться за скользкие стволы полусгнивших деревьев, наткнуться лицом на кусты шиповника!

Устал. Присесть бы закурить. Нет спичек! Трава и деревья окочивают холодной водой. Любимая, ласковая тайга стала злым недругом. Колыхалов не мог предполагать раньше, что она так коварна и беспощадна к заблудившемуся в ней человеку, да еще ночью в такую непогоду. Она мстит! За что? Так, ни за что, ни про что. Она — тайга, у нее суровые законы. Не знаешь их, не умеешь жить в тайге — не отваживайся вступать в нее.

Колыхалову показалось: он слишком долго падал в какую-то пропасть, кувыркался, ранил острыми камнями лицо и руки, зашиб правое бедро. На самом деле это произошло молниеносно. Нога поскользнулась по размокшей на дожде осиновой коре, и вот он один на дне глубокой ямы.

Слышны удаляющиеся шаги собаки.

— Кукла!..

Собака остановилась и, постояв, пошла дальше.

— Кукла!..

Опять остановилась. «Нет, не пойду,— очевидно, думает она.— Заведешь еще куда-нибудь. Ступай за мной. Не видишь, где я? Неважно. Ты разве не умеешь найти по следу, по чутью?.. Иди, иди, я ждать не буду...»

Все смолкло. Только один надоедливый зуммер дождя, будто на большой сковородке жарится что-то в масле.

— Ку-у-у-кла-а-а!..

— А-а-а-а-а,— передразнила тайга.

Яма напомнила фронтовой окоп, ненастную ночь и трудное задание...

Неслышно подползает боец Зеленин, шепчет:

— Прошли трое, совсем близко.

— Зачем прошли? — не вдруг соображает Колыхалов.

— Не знаю, должно, разведка.

— А нас сколько? — И у него рождается мысль захватить разведку. — Сумеем? — спрашивает он Зеленина.

— Надо суметь.

Медленно тянется время. С мокрых листьев кустарника падают крупные капли. Они глухо отсчитывают секунды: тук, тук, тук...

Слух улавливает шаги.

Все на местах. Решено живым из вражеской разведки брать одного, причем первого. Остальных — ножами. Немцы идут гуськом. Вот он, первый. Его облапили Колыхалов с Зелениным, трое других бой-

цов снимают остальных. Так быстро кончается дело, словно во сне. «Язык» лежит связанным, с пилоткой во рту...

И так же, как в ту фронтовую ночь, Колыхалов напряженно прислушивается. Дождь перестал. Над головой чистое небо. Превозмогая боль в бедре, Колыхалов выбрался из ямы. Но тайга так же темна, как яма. Лишь высоко-высоко кусок неба.

В такую ночь хорошо лежать под навесом на свежем сене и думать. Под застрехой пищат мыши, шеборшат соломой. Не поймешь где, не то справа, не то слева, шушукуются сосны. На них грачиные гнезда. Гортанно о чем-то переговариваются птицы. Колыхалов в деревне, в гостях у родителей Михаила Пухарева. Из открытой в избу двери доносится голос старика Пухарева.

— Минька-то где?

— На сене, чай, с товарищем,— отвечает мать.

— По грибы утри буди их.

— А дождик-то?

— Не размокнут, не глиняные.

— Ну-ну, разбужу.

Отец громко позевывает и, наверно, одной рукой крестит рот, другой — почесывает волосатую грудь...

А сейчас — фронт, война... Колыхалов мокр с ног до головы, знобит, в голове жар. Так можно простудиться. Мысль о простуде, пришедшая в голову, кажется смешной. Удастся ли взять «языка»? Возможно, скоро все кончится. Умирать нет никакой разницы простуженному или здоровому. Лучше уйти в далекое. Пусть Михайлова мать разбудит чем свет и пошлет по грибы. Нет своей матери, приятно воркотня чужой...

— Минька! Куда вы запропастились, кроты!

Старуха перекидывает охапку сена, ищет. Саша и Минька зарываются все глубже и глубже в сено.

— Не дури, Минька, вылезай! Мне корову доить. Пастух затрубит скоро. Вылезайте!..

Впереди стада, вместе с пастухом, навстречу солнышку, они идут в синеватый лес. Теплый лесной дух кружит голову. Полежать бы, погреться на солнышке...

«Как глупо,— подумал он.— Придется ждать рассвета». Продул ствол ружья, зарядил пулями, случайно оказавшимися в патронташе. «Кто знает, всякое может случиться!..»

Ночная тайга многоуха. Она слышит «работу» жучка-короеда, кошачью поступь рыси, писк птенца, схваченного колонком. Все слышит, все рассказывает тайга.

Если «ухнет» она и проскачет галопом по окрестным сопкам в разбитой телеге,— это упала осина. Если прошумит крыльями стрижей и вздохнет под конец,— значит, повалилось хвойное дерево, кедр или пихта. Ребенком заплачет заяц, непонятно выругается старик-филин, возмутится медведь, почуяв человека, и какого-то испуганного его рыком зверя понесут быстрые ноги. Тайга живет, рождается и умирает, чтобы родиться вновь в звуках, голосах, шорохах, ревниво оберегаясь от человеческого глаза.

Вот рысь облюбовала полусвалившееся дерево над дорожкой, протоптанной козами. Она забирается на него и, вытянувшись вдоль ствола, замирает. Она не живая, только уши-кисточки чуть-чуть вздрагивают и глаза челночат. Александр Макарович не увидел ее смертельного броска на спину молодой козы, фонтана крови из перекушенного горла. Тайга принесла дробный топот и что-то похожее на «вур-вур».

А почему бы этой кровожадной кошке не померяться силами с человеком? Неподалеку над его головой тоже приклоненное дерево,—

позиция удачная. Тем более, если человек на несколько шагов продвигается вперед.

Ночная тайга причудлива. Она ни с того ни с сего покажет человеку то, чем заняты его мысли. Колода станет медведем. Грибной нарост на стволе — птицей.

Колыхалов во-время обратил внимание на приклоненное дерево и увидел распростершуюся на нем рысь. Не секундами, а мгновениями определяется в таких случаях время. Замешкавшийся становится жертвой. Трудно сказать, целился ли Колыхалов, или выстрел произошел на вскидке ружья.

Тайга тоже многоствольно забухала, где одиночно, где сдуплила, и умолкла в ожидании: «Промазал?!»

Вторым выстрелом Александр Макарович непременно мог бы поразить зверя. Но зверь ли это?

Два, один за другим, выстрела полоснули не более чем в двухстах метрах. Через минуту — еще один. Тайга сказала Колыхалову: «Это человек». По треску сучьев, по шороху нетрудно догадаться: человек идет прямо на выстрел, произведенный Колыхаловым, смело, не опасаясь. «Окрикнуть или ждать?..»

«Идут двое, — предупреждает тайга. — Один прямо, другой левее». Один остановился, другой осторожно продолжает итти.

— Где же он, Кукла?

— Зоя!..

— Ой, как я перепугалась!..

Мокрой головой Зоя Николаевна ткнулась в грудь Александра Макаровича.

— Прости меня!..

— Спасибо... Зоя!..

Холодные мокрые щеки, холодные губы, и рядом — рядом поблескивают карие глаза...

«Я пошутила над вами, — сказала тайга. — Взгляните, какая я кроткая и добрая на рассвете. То, что ты принял за хищника, — обыкновенное утолщение на березе, продырявленное твоей пулей. А главное — я привела к тебе Зою. Доволен?!»

«Тень-тень»... «чувиль-виль»... «тень-тень»... «чувиль-виль».

Все так просто и ясно, и гора Венец в сиреневой дымке, и птичка — розовый комочек — на ветке:

«Тень-тень»... «чувиль-виль»...

(Окончание следует)

Георгий ЛОМИДЗЕ

Сталин и советская литература

Великие корифеи революционной науки Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, создавшие величественную систему пролетарского, социалистического мировоззрения, уделяли огромное внимание вопросам культуры и литературы. В бессмертных творениях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина сформулировано основное содержание социалистической культуры, обоснованы незыблемые принципы, на которых зиждется развитие нового искусства.

В. И. Ленин и И. В. Сталин, открывшие закономерности развития советского общества, пути построения социализма в одной стране и постепенного перехода от социализма к коммунизму, вооружили работников культуры глубоким пониманием новых задач, действенной программой борьбы.

После смерти великого Ленина все победы и достижения нашей культуры неразрывно связаны с именем гениального продолжателя дела Ленина — И. В. Сталина.

Благодаря неустанным заботам и отеческому вниманию И. В. Сталина наливалась могучими силами самая передовая в мире советская культура.

На решающих исторических поворотах в развитии советского общества И. В. Сталин открывал перед работниками культуры ясные перспективы будущего, указывал на ошибки, окрылял мудростью революционной теории. Своими большими успехами советская литература обязана И. В. Сталину, его мудрому, прозорливому гению, его требовательной любви. Благодаря направляющему руководству и неустанной заботе Коммунистической партии, И. В. Сталина советская литература неизменно одерживала успехи на пути развития социалистического реализма.

Не было в истории советской культуры ни одного сколько-нибудь значительного явления, руководителем и организатором которого не выступил бы И. В. Сталин.

Мощный гений великого вождя, его необыкновенно ясный, прозорливый ум направляли дело развития советской культуры, дело развития советской литературы. Гениальные по глубине и значимости вы-

ступления, статьи, доклады, речи, высказывания И. В. Сталина являются золотой книгой, заключающей в себе неисчерпаемый источник для творческого вдохновения писателей. Яркую характеристику И. В. Сталина как вдохновителя советской социалистической культуры, как инициатора всех решений по вопросам идеологической работы дал А. А. Фадеев: «Совершенно исключительна роль Сталина в развитии советского искусства и художественной литературы. Сталин, как никто другой, определил великое гуманистическое значение художественной литературы, как силы воспитания и перевоспитания человека в духе коммунизма, назвав писателей инженерами человеческих душ. Сталин открыл и теоретически обосновал метод социалистического реализма в советской литературе, развил ленинское учение о партийности советской литературы. Сталин был вдохновителем всех решений партии по вопросам литературы. На протяжении трех десятков лет он направлял развитие советской литературы, одухотворяя ее все новыми и новыми идеями и лозунгами, разоблачая ее противников, заботливо выращая кадры писателей, вдохновляя и критикуя их»¹.

* * *

Все высказывания И. В. Сталина по вопросам литературы объединены одной всепроникающей мыслью, одним требованием, которому товарищ Сталин придает непреходящее значение, — требованием правдивого изображения жизни в ее поступательном революционном развитии. Понятие правды товарищ Сталин берет широко, не как бескрылую, эмпирическую привязанность к отдельным, обособленным фактам, не как «обывательский реализм». Суть вопроса состоит в качестве художественно перевоплощенной и отлитой правды, в широте взгляда писателя, в важности тех сторон фактов, которых он коснулся, в глубине проникновения в эти факты, в осмыслении частных явлений и

¹ «Правда», 12 марта 1953 г.

наблюдений с точки зрения общего жизненного начала, с точки зрения изменения действительности. Правда жизни — это страстное, партийное отношение художника к действительности.

— Пишите правду, — говорил товарищ Сталин на вечере у Горького в 1932 году. Товарищ Сталин подчеркивал, что если писатель честно отразит правду жизни, он непременно придет к марксизму.

Но что значит писать правду? Правда — не зрелый плод, который можно сорвать. Ее нужно постичь, заново художественно открыть для себя. Чтобы написать правду, надо уметь ее видеть, различать главное от второстепенного, глубинное течение от поверхностного, случайного, мимолетного, подлинное новое, рождающееся и имеющее перспективы развития от уходящего.

Писать правду, не умея видеть действительность в ее передовом, наиболее полнокровном проявлении, конечно, нельзя. Для познания всей глубины жизни, наглядной и скрытой, огромное значение имеет марксистско-ленинская революционная теория. Марксистско-ленинская теория, подобно светочу, освещает путь писателю, помогает ему яснее, шире, интереснее, содержательнее видеть жизнь, обнаруживать ее великолепную красоту, многогранность, неповторимость. Марксистско-ленинская теория — это огромная интеллектуальная высота, та вершина, откуда хорошо видны прошлое, настоящее и будущее явлений, откуда можно обозреть громадные и заманчивые горизонты, скрытые иногда за внешне простыми, неприятными фактами и событиями. Марксистско-ленинское мировоззрение помогает писателю зорче, требовательнее подходить к накопленному им жизненному опыту, отсеять от него малосущественное, ненужное, выделить то, что с наибольшей силой выражает сущность данного социально-исторического явления.

В типическом изображении действительности неразрывно соединены художественный талант писателя, его многосторонний, непрерывно расширяющийся и обновляемый опыт, его идейность.

Талмудистским является вопрос о том, с чего должен начинать писатель — с освоения ли трудов классиков марксизма-ленинизма или с изучения жизни. Процесс художественного творчества — единый, взаимно перекрещивающийся процесс, и нельзя отделять теоретическую учебу от изучения жизни. Мировоззрение создается двуединым путем: и теоретическим осмыслением основ марксистско-ленинского учения, а также жизнью, длительным трудом осознания действительности и своего места в ней.

Кинорежиссер Г. В. Александров вспоминает слова И. В. Сталина об огром-

ном значении для работников культуры и искусства прочного знания основ марксистско-ленинского мировоззрения: «И. В. Сталин говорил: нельзя выдумывать образы и события, сидя у себя в кабинете. Надо брать их из жизни — изучайте жизнь. Учитесь у жизни.

И. В. Сталин горячо говорил о том, что мастерам советского искусства мало знакомиться с трудами Маркса, надо вчитываться в это гениальное учение.

Для того, чтобы ваши произведения были пропитаны марксизмом, — говорил вождь, — вы сами в первую очередь должны по-настоящему его знать, чувствовать и любить».

В решениях Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам, вдохновителем и инициатором которых был И. В. Сталин, указывалось на огромную ответственность работников советской культуры перед народом, перед его неизмеримо возросшими эстетическими вкусами и требовательностью, на необходимость строгой исторической точности и конкретной жизненной правдивости, глубокого всестороннего знания материала и умения подать этот материал во всей многогранности и полноте.

Кинорежиссер И. Пырьев воспроизводит отдельные положения речи И. В. Сталина на заседании в ЦК ВКП(б), посвященном обсуждению фильмов «Большая жизнь» (вторая серия), «Адмирал Нахимов», «Простые люди», «Иван Грозный» (вторая серия). И. Пырьев пишет: «Иосиф Виссарионович сказал, что в таком деле как искусство — тем более искусство массовое, народное, — совершенно нетерпимо безответственное, торопливое, поверхностное отношение к жизненному материалу.

Подробно анализируя фильм «Большая жизнь», Иосиф Виссарионович с неодобрением отметил фрагментарность, отрывочность сценария, отсутствие последовательной связи между эпизодами картины. В фильме, отметил он, показан незначительный эпизод первого приступа к восстановлению Донбасса. Этот эпизод не дает правильного представления о действительном размахе и значении восстановительных работ в Донецком бассейне. Что же касается образов кинофильма «Большая жизнь», то они не отображают людей славного советского Донбасса, воспитанных годами советской власти и прошедших войну. Советские люди изображены в картине ложно, фальшиво... Заканчивая свою замечательную речь, Иосиф Виссарионович сказал, что иные работники искусства не изучают материала своего творчества, не знают правды нашей жизни в ее передовых тенденциях. Наша страна, наши люди стали другими. Изменились и вкусы советских

людей. Они стали более высокими. Снова подчеркивая огромную ответственность советского художника перед народом, товарищ Сталин указал на недопустимость недобросовестного отношения к творческому труду»¹.

Товарищ Сталин призывает писателей стоять ближе к жизни не только потому, чтобы постоянно черпать из нее неиссякаемый материал для творческого вдохновения. Не только для приобретения свежих впечатлений и наблюдений нужна постоянная связь с действительностью. Эта связь нужна и для проверки уже накопленного, устоявшегося, для постоянного обновления сложившихся представлений, так как жизнь дает все новые и неожиданные решения, казалось бы, уже давно решенных вопросов. Когда режиссеры Г. Александров и С. Эйзенштейн не нашли достаточно убедительного конца для фильма «Старое и новое», И. В. Сталин подсказал им посетить Днепрострой, Сельмашстрой, вновь организованный зерносовхоз «Гигант» и там, у первоисточника жизни, найти искомое решение концовки фильма. И. В. Сталин советовал в этой поездке вплотную подойти к подлинной трудовой жизни, найти иную концовку фильма «Старое и новое», чем ту, которую создали первоначально режиссеры. Г. Александров вспоминает: «В течение двух месяцев мы объездили крупнейшие новостройки страны. Мы увидели грандиозное строительство Ростовского завода сельскохозяйственных машин, бескрайние поля организованного в то время зерносовхоза «Гигант», дома в Днепродзержинске, строительство Днепротэса, познакомились с замечательным поколением людей первой сталинской пятилетки»².

Товарищ Сталин назвал стихотворение Д. Бедного «Тяга» жемчужиной. Эта оценка поучительна во многих отношениях. Она ясно указывает, на каком пути ждет писателя удача, где находятся надежные источники этих удач. Поэт взял материал не из вторых рук, а сам пристально и вдумчиво изучил факты. «Тяга» явилась плодом поездки Демьяна Бедного в Евпаторию, плодом близкого соприкосновения с жизнью народа, с жизнью простых советских людей. В многоводном горячем потоке действительности поэт «откопал» прекрасный образец нового человека.

В образе Емельяна Димитренко Д. Бедный показал неиссякаемую силу любви наших людей к своей стране и партии, их негнбаемую веру, оптимистическую во-

одушевленность. В действиях и поступках Емельяна Димитренко проступают черты патриота социалистической Родины, черты большого, умного человека нашей эпохи.

Димитренко, не сгибая спины, прямо смотрит жизни в глаза. Он рядовой советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства.

Он богат бесспорный,
Любому Ротшильду, Форду
Он плюнет презрительно в морду.

Значение стихотворения заключалось в силе обобщенной в нем идеи, в созвучии мыслей, поступков, жизни Димитренко с мыслями, поступками и жизнью многих тысяч советских людей.

Чтобы создать жемчужинки, подобные «Тяге», товарищ Сталин советует Д. Бедному поехать в Баку, повидать леса нефтяных вышек: «Если Вы не видали еще лесов нефтяных вышек, то Вы «не видали ничего». Уверен, что Баку даст Вам богатейший материал для таких жемчужинок, как «Тяга»³.

И. В. Сталин советовал писателям наблюдать жизнь в ее наиболее полнокровном, мощном, глубоком, передовом проявлении. Наблюдать и изучать там, где осязаемо, выпукло выступает величественный процесс строения нового.

Предисловие И. В. Сталина к книге Е. Микулиной имело в этом отношении принципиальное значение. Предисловие товарища Сталина ставило целью открыть дорогу молодым силам литературы, вместе с тем оно нацеливало всех писателей на активное вторжение в жизнь. Предисловие было предпослано книге молодой писательницы, стремившейся проникнуть в новые, рождающиеся жизненные явления и сумевшей запечатлеть в своей книге отдельные стороны родившегося нового.

Достоинство брошюры Е. Микулиной «Соревнование масс» выразилось в том, что брошюра была первой попыткой дать связанное изложение материалов из практики соревнования, показывающей соревнование как родное, близкое дело самих трудящихся масс. Брошюра популяризировала идею соревнования и заражала читателя духом творческого беспокойства; она рассказывала о том, что переживают миллионы рабочих, осуществляя соревнование. «Достоинство этой брошюры состоит в том, — пишет товарищ Сталин, — что она представляет простой и правдивый рассказ о

¹ И. Пырьев. Вдохновитель советского искусства. «Литературная газета», 21 декабря 1949 г.

² «Советское искусство», 1949 г., № 52.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 275.

тех глубинных процессах великого трудового подъема, которые составляют внутреннюю пружину социалистического соревнования»¹.

В брошюре Е. Микулиной была показана всепроникающая идея социалистического соревнования, могучей волной захватившая массы рабочих, рождение в людях чувства хозяина страны, советский патриотизм человека, осуществляющего соревнование. Идея соревнования становится близкой, родной, органически неотрывной частью существования советского человека, действенной формой выявления его любви к стране, действенной формой помощи Родине. Краткими, впечатляющими штрихами Е. Микулина рисовала маленькие картины, дающие возможность для выяснения больших вопросов.

Давая предисловие к этой сравнительно незначительной брошюре неизвестного в литературном мире автора, товарищ Сталин широко распахивал дверь для входа в литературу новой литературной поросли, тесно связанной с жизнью и могущей принести живые частицы ее в своих произведениях.

Товарищ Сталин учил писателей вращаться в гуще событий своего времени, активно участвовать в творчестве нового, передового, показывать это творчество, эту практику масс так, чтобы эмоционально заражать людей и тем самым приносить «рабочим массам большую пользу».

Призыв товарища Сталина был подхвачен писателями. Спустя месяц после выхода брошюры Е. Микулиной с предисловием И. В. Сталина в «Литературной газете» появилась большая серия производственных очерков, повествующих о буднях соревнования, о том, что переживают рабочие, осуществляя соревнование. В «Литературной газете» (от 25 июня 1929 г.) был обнародован очерк Н. Огнева «Ставка на авторитет», который знакомил читателей с передовыми рабочими фабрики «Парижская Коммуна» и завода «Коса», вступившими в соревнование. Н. Огнев говорил о созидающей энергии рабочих масс, бурном росте производительности труда. Почти одновременно были опубликованы очерки В. Катаева «То, что я видел», П. Павленко «Братья-противники», А. Караваевой «Соревнователи» и другие.

Лучший, талантливейший поэт советской эпохи Владимир Маяковский откликнулся на важнейшие события в народной жизни рядом стихотворений: «Особое мнение», «Марш ударных бригад» и т. д. В своем выступлении в сентябре 1929 г. «О неко-

торых вопросах поэзии» В. Маяковский, исходя из высказываний товарища Сталина, говорил: «Это колоссальной трудности дело — внедрение сегодняшнего писателя в социалистическое соревнование и здесь он должен принимать участие не только как писатель, а должен участвовать в нем, как активный работник в стенгазете, как активный работник во всех лозунгах, во всем, что требует словесного оформления»².

1929 год является началом гигантских свершений по планомерному строительству мощных индустриальных очагов по всей стране. В апреле 1929 года состоялась XVI партконференция, утвердившая знаменитую первую пятилетку по строительству социализма. Конференция также приняла обращение ко всем трудящимся о развертывании социалистического соревнования.

И. В. Сталин так характеризовал величественное строительство, развернувшееся невиданно быстрыми темпами по всей стране, трудовой героизм миллионных масс рабочего класса. И. В. Сталин писал: «По всей стране шло новое гигантское промышленное строительство. Развернулась стройка Днепротгэса. В Донбассе началась стройка Краматорского и Горловского заводов, реконструкция Луганского паровозостроительного завода. Выросли новые шахты и доменные печи. На Урале строились Уралмашстрой, Березниковский и Соликамский химкомбинаты. Началось строительство Магнитогорского металлургического завода. Развернулась стройка больших автомобильных заводов в Москве, Горьком. Строились гигантские тракторные заводы, заводы комбайнов, гигантский завод сельскохозяйственных машин в Ростове-на-Дону. Расширялась вторая угольная база Советского Союза — Кузбасс. Громадный тракторный завод вырос за 11 месяцев в степи, в Сталинграде. На строительстве Днепротгэса и Сталинградского тракторного завода рабочие превысили мировые рекорды производительности труда.

История еще не знала такого гигантского размаха нового промышленного строительства, такого пафоса нового строительства, такого трудового героизма миллионных масс рабочего класса.

Это был подлинный трудовой подъем рабочего класса, развернувшийся на основе социалистического соревнования»³.

Процессы необъятно громадного исторического значения, преобразующие облик нашей страны, зарождение мощного массового трудового подъема народных масс, превращение труда из подневольной и ка-

² В. В. Маяковский. Собрание сочинений, т. 10, стр. 355.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 283—284.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 111.

торжной повинности, каким он был при капитализме, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма вовлекли и не могли не вовлечь в свой стремительный поток и художественную литературу. Многие писатели, став активными участниками социалистической стройки, написали произведения, имеющие переломное, обновляющее значение для всей их последующей литературной деятельности.

В статье «О литературе», написанной в конце 1930 года, М. Горький подводил некоторые предварительные итоги этого тесного сближения мастеров художественного слова с великим народным делом, благотворное и освежающее влияние советской действительности на развитие художественной литературы. На примере романа «Соть» Л. Леонова была доказана та мысль, что когда писатель берет материалом для произведения текущую действительность, внимательно изучив и поняв ее, то получается подлинное творчество. И Горький, исходя из основополагающих высказываний И. В. Сталина о необходимости активного вторжения в жизненные процессы, призвал художников слова проникнуться горячим интересом к жизни, знать действительность так, как будто сам ее делал.

Расцвет жанра «производственного романа» в 30-е годы, появление значительных художественных произведений о людях социалистических новостроек были обусловлены тем, что писатели чутко вняли требованиям товарища Сталина, зачерпнув из недр жизни горсть чудесных жемчужинок для показа их народу. Производственная тема в советской литературе постепенно нарастала и углублялась. Она нарастала и углублялась по мере развертывания социалистической промышленности, по мере приобщения писателей к жизни народа. Романы Л. Леонова «Соть» и М. Шагинян «Гидроцентральный» рассказывали о начальном, отроческом периоде индустриального строительства и о той обострившейся классовой борьбе, которая шла вокруг новостроек.

Роман-хроника В. Катаева «Время, вперед!» знакомил с патристическим порывом советских рабочих, с их стремлением опередить время, убыстричь его течение. Роман Я. Ильина «Большой конвейер» говорил о пафосе освоения завершенных строительством гигантов, в частности, Сталинградского тракторного завода, о появлении в людях шестого чувства — чувства ответственности за все, что делается в стране, на всем земном шаре. В романе Ф. Гладкова «Энергия» утверждалась эстетическая ценность труда как энергии высокого напряжения и большого сознания, как вдохновенного творческого горения. В романе А. Малышкина «Люди из захо-

лустья» затрагивалась тема обретения полноценного счастья в единстве с людьми, создающими новую жизнь.

Но утверждение нового, радостного, прекрасного немислимо без преодоления сил, препятствующих этому утверждению. Жизнь — вечное борение различных сил, беспрестанное движение вперед на основе преодоления противоречий. В жизни есть положительное и отрицательное, развивающееся и отмирающее. В ней всегда что-то исчезает и всегда что-то рождается. Поэтому И. В. Сталин считает, что «не надо бояться вытаскивать кусочки жизни на свет божий, как бы они ни были неприятны»¹. И далее, говоря о самокритическом духе произведений писателей, проникнутых смелой, нелицеприятной мыслью обличения и исправления наших недостатков, товарищ Сталин пишет: «Вот почему я думаю, что здесь надо говорить не о недостатках и не об увлечениях отдельных писателей, вскрывающих изъяны в нашей работе, а об их заслугах»².

Неприятные куски жизни нужно вытаскивать для того, чтобы бороться с ними и расчищать путь к победе нового. Показывая неприятные стороны жизни, писатель сосредоточивает наше внимание на явлениях, подлежащих критике и преодолению.

Именно в этом усматривает И. В. Сталин значение пьес А. Безыменского «Выстрел» и «День нашей жизни». Пафос «Дня нашей жизни», а особенно «Выстрела» состоит в заострении вопроса на недостатках советского аппарата и в глубокой вере в возможность исправления этих недостатков. А. Безыменский показал ростки социализма в быту и в сознании людей. Наряду с этим он обрушился на бюрократов, пролаз, вредителей, на врагов народа, препятствовавших движению советского общества вперед. А. Безыменский показал, как нарастающий творческий напор масс сносит все преграды на своем пути. Наперекор всему косному и рутинному созидательный порыв советских людей, их непреодолимое желание строить и украшать трудом своим социалистическую жизнь одерживают верх. Пьеса наглядно убеждала в том, что советские люди обладают достаточными силами для преодоления трудностей, что враги, несмотря на их отчаянное сопротивление, обречены на неминуемое поражение. Такова центральная творческая идея пьес «Выстрел» и «День нашей жизни». В этом состоит их основная черта, их пафос.

Самокритика была постоянным, неотъемлемым оружием в арсенале большевизма. Она лежит в основе деятельности коммуни-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 22.

² Там же, стр. 23.

стической партии, неразрывными нитями связана с самой природой, сущностью нашей партии, с ее критическим, революционным духом. Самокритика — признак могущества, непобедимой силы нашей партии, имеющей крепкие корни в жизни, идущей вперед и потому не боящейся критики и совета. Только партии уходящие и погибающие страшились критики, укрывались в темных закоулках от яркого света правды.

Критика и самокритика не только метод партийного руководства, но и важнейшая движущая сила жизни всего советского общества, всего советского народа в целом. Поэтому товарищ Сталин писал к М. Горькому: «Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма, похрыв творческого почина рабочего класса»¹.

Искусство социалистического реализма — самое правдивое в мире, нелицеприятное, честное искусство. Оно во весь голос говорит как о светлых началах нашей жизни, так и о трудностях социалистического строительства. Оно не лакирует действительность, не убажкивает людей, а зовет их к завоеванию новых высот, зовет к борьбе с трудностями, недостатками, без преодоления которых нельзя успешно двигаться вперед. Эти коренные принципы социалистического реализма в предельно лаконичной форме выражены в следующих словах приветствия И. В. Сталина работникам советской кинематографии: «...Советская власть ждет от вас новых успехов — новых фильмов, прославляющих подобно «Чапаеву» величие исторических дел борьбы за власть рабочих и крестьян Советского Союза, мобилизующих на выполнение новых задач и напоминающих как о достижениях, так и о трудностях социалистической стройки»².

В докладе на XV съезде ВКП(б) И. В. Сталин дал гениально ясный анализ закономерностей развития советского общества, охарактеризовал особенности этого развития и его движущие силы. И. В. Сталин говорил: «Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело.

Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование.

Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития. Не отмечая и не

выявляя открыто и честно, как это подобает большевикам, недочеты и ошибки в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперед. Ну, а мы хотим двигаться вперед. И именно потому, что мы хотим двигаться вперед, мы должны поставить одной из важнейших задач честную и революционную самокритику. Без этого нет движения вперед. Без этого нет развития»³.

Часть советских писателей и драматургов забыла это мудрое указание вождя, забыла о том, что наше общество продвигается вперед не в порядке плавного покачивания на волнах жизни, а в порядке борьбы, в порядке выявления и ликвидации противоречий.

И. В. Сталин помог разгромить теорию бесконфликтности, основой которой явилось неправильное понимание закономерностей развития нашего общества от социализма к коммунизму, провозглашение вредной, оппортунистической теории затухания классовой борьбы, игнорирование факта капиталистического окружения, слепое забвение того, что у нас хотя ликвидированы антагонистические классы, но остались живые люди — враги народа.

XIX съезд ВПСС призвал советских писателей к смелому изображению глубоких, острых, насыщенных большим идейным содержанием конфликтов, призвал огнем сатиры выжигать из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее — все то, что тормозит наше движение вперед, раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом для подражания.

Наличие положительных и отрицательных сторон объясняется самой природой изменения и движения жизни. И. В. Сталин пишет: «Коль скоро жизнь изменяется и находится в движении, — всякое жизненное явление имеет две тенденции: положительную и отрицательную, из коих первую мы должны защищать, а вторую отвергнуть»⁴.

И. В. Сталин огромное значение придает показу как отрицательных, так и положительных сторон жизни, отмеченных чертами нового быта, новых человеческих взаимоотношений, новой морали. Значение положительных примеров в том, что через них нагляднее видны прекрасные стороны социалистической действительности. Положительные куски жизни преобразующие действуют на сознание и психику людей, возбуждая в них лучшие порывы, желание быть выше, глубже. Таким выхваченным из новой жизни куском жизни товарищ

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 173.

² «Литературная газета», 1949 г., № 102.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 331.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 307.

Сталин признал спектакль «Виринея», поставленный в театре имени Вахтангова (1925 г.) по одноименной повести Л. Сейфуллиной, отметив в книге почетных посетителей театра: «По-моему, пьеса — выхваченный из живой жизни кусок жизни».

Пьеса Л. Сейфуллиной говорила о том, как под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, поднявшей глубочайшие низы человечества, пробуждаются к активной, сознательной деятельности люди, дотопе забытые и подавленные. Простая русская женщина Виринея, вначале поскользнувшись на своем жизненном пути, впоследствии благодаря влиянию большевика Павла Суслова принимает к освежающему источнику нового времени. Она чувствует, как распахивается перед ней жизнь, открываются манящие дали иного, радостно-осмысленного существования. Виринея становится деятелем, борцом, поднимается до героизма. Все лучшее, глубоко похороненное в ней старой, злой жизнью приходит в движение, вспыхивает ярким огнем. Участие в строительстве революционного дела облагораживает Виринею, порождает в ней высокие качества борца. Образ Виринеи был тот «выхваченный из живой жизни кусок жизни», который доказывал великую творческую мощь социалистической революции, ее гуманистический характер, ее преобразующее значение для широчайших слоев людей; это был тот «выхваченный из живой жизни кусок жизни», который красноречиво свидетельствовал о неодолимости новых сил, о неуклонной победе над старым новым человеком, создаваемого революцией.

И. В. Сталин одобрительно отзывался и о тех произведениях, которые по своим внутренним устремлениям не были направлены на возвышение нового, на художественное утверждение ростков социалистической жизни, но в силу правдивого изображения фактов советской действительности, ее исторической логики становились невольными пропагандистами побеждающего социализма. В этом отношении большой теоретический интерес представляет высказывание И. В. Сталина о пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных».

В свое время постановка этой пьесы на сцене МХАТ (1926) вызвала целую бурю. Пьеса была расценена как демонстрация ничем не прикрытых белогвардейских убеждений автора. Основанием для таких суждений послужило и то, что пьеса представляла собой инсценировку романа М. Булгакова «Белая гвардия» (1925), являющегося апологией буржуазно-помещичьей России и белой гвардии, олицетворяющей эту «старую, добрую» Россию.

В первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции,

когда Советская власть не была еще достаточно окрепшей, «Дни Турбиных» своим сочувствием к белой гвардии могли породить у свергнутых революцией классов смутную надежду на возможность победы в будущем, могли вызвать реваншистскую и тем самым враждебную для нас реакцию. А в период осуществления спектакля Советская власть стала прочной, могучей властью, большевизм — неодолимой силой.

В обстановке окончательного утверждения Советской власти иной, более глубокий смысл приобрел и факт капитуляции Турбина перед большевиками в первые годы гражданской войны. Турбин сложил оружие перед неудержимо побеждающим большевизмом, а пьеса шла в условиях победившего большевизма. Обреченность дела Турбиных, таким образом, подтверждалась всем дальнейшим ходом исторических событий. И пьеса объективно несла несвойственную и неорганическую для себя идею — идею о несокрушимой мощи большевистского дела.

Но горячие стычки по поводу «Дней Турбиных» не утихали вплоть до тридцатых годов. Особое возмущение театралных критиков вызывал центральный образ пьесы — Алексей Турбин, который, по их мнению, был чрезмерно идеализирован, так как выглядел человеком сильным, смелым, а враг, дескать, не может быть таким.

Временно, под давлением всполошившихся перестраховщиков, спектакль «Дни Турбиных» был снят с репертуара. Погребалось вмешательство И. В. Сталина, чтобы пьеса вновь увидела свет. Народный артист СССР Л. М. Леонидов, вспоминая об этом, пишет: «Жизненная правда, лежащая в основе творческого метода нашего театра, правдивое изображение событий и человеческих характеров всегда приветствовались товарищем Сталиным. Было время, когда перестраховщики запретили спектакль «Дни Турбиных». На одном из спектаклей, на котором присутствовал И. В. Сталин, руководители театра спросили его — действительно ли нельзя играть сейчас «Турбиных»?

— А почему же нельзя играть? — сказал товарищ Сталин. — Я не вижу ничего плохого в том, что у вас идут «Дни Турбиных». В пьесе показан умный и сильный враг. Это хорошо. Мы должны показывать врага таким, каков он есть.

Спектакль «Дни Турбиных» был снова разрешен к постановке»¹.

Совершенно противоположную оценку дал И. В. Сталин другим пьесам М. Булгакова — «Бег» и «Багровый остров». Если в «Днях Турбиных», помимо субъективной воли и желания автора, прорвалась правда

¹ Сборник «Сталин». ГИХЛ. 1940 г., стр. 286.

жизни, правда о неминуемой гибели враждебных пролетарской революции классов, то «Бег» представлял собой грубое и тенденциозное искажение действительности, истинных исторических причин разгрома белогвардейщины. А «Багровый остров» — пасквиль на революционное движение, немногочисленный намалеванный шарж.

И. В. Сталин писал: «Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, — стало быть, попытка оправдать или полуправдать белогвардейское дело. «Бег», в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление.

Впрочем, я бы не имел ничего против постановки «Бега», если бы Бундучков прибавил к своим восьми снам ещё один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему «честные» Серафимы и всякие приват-доценты оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою «честность»), что большевики, изгоняя вон этих «честных» сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно»¹.

Эти и им подобные спектакли были характерны для Камерного театра, который товарищ Сталин называл «действительно буржуазным театром». Камерный театр был действительно буржуазным театром, потому что принципы, лежавшие в основе его творческой работы, не имели ничего общего с традициями русского классического и советского театра, с принципами реалистического искусства. Правда, руководители театра клялись именем реализма, попеременно выдвигая лозунги то неореализма, то сконцентрированно-конкретного реализма, динамического реализма, а в последние годы щеголяли термином синтетического реализма. Но все это была звучная фраза, прикрывавшая духовную нищету и буржуазные лохмотья.

Для Камерного театра не была также случайной постановка ложной пьесы Д. Бедного «Богатыри», в которой грубо искажалась правда истории. В своем постановлении от 14 ноября 1936 года Комитет по делам искусств при Совнарком СССР отметил, что пьеса огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа, дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси. Комитет постановил снять с репертуара пьесу «Богатыри», как

чуждую советскому искусству. Впоследствии, как известно, Камерный театр был закрыт ввиду его антинародного, антиреалистического направления, возрождающего формалистическое шукачество и грубый натурализм.

Буржуазная сущность Камерного театра сказывалась в его явно выраженном антиреализме, в его желании возродить на советской сцене больные, прогнившие традиции западноевропейской декадентской театральной эстетики. Резко критикую «действительно буржуазный Камерный театр»², товарищ Сталин направлял творческое внимание деятелей советской культуры на борьбу с формалистическим кривлянием и уродством, разрушающим подлинную реалистическую красоту сценического искусства.

Вооруженная гениальными указаниями мудрого и чуткого друга советского искусства великого Сталина, Коммунистическая партия неизменно вела непримиримую борьбу с разного рода идейными извращениями, низкопоклонством перед растленной культурой буржуазного Запада, формалистическими рецидивами, влиянием декаданса, эстетства, против натурализма, отстаивая чистоту реалистических принципов советского искусства.

Вместе с тем товарищ Сталин учит бережно подходить к литературным произведениям, уметь видеть и различать за отдельными частными ошибками, за отдельными недостатками общее направление, идейный пафос произведения.

Сила новой советской культуры в том, что она обеспечивает художественному творчеству подлинную, а не мнимую свободу, исключительную возможность проявления инициативы, выбора разнообразных форм, стилей, жанров.

Товарищ Сталин неоднократно говорил о том, что литература — дело тонкое, что к писателю надо относиться бережно, не администрировать, а учить, помогать. Товарищ Сталин советует не навязывать художнику тему, не органическую, не близкую для него, а всегда учитывать субъективные возможности и интересы писателя, не приказывать, а подсказывать то, к чему внутренне тянется художник, чего он ищет, но не может обрести сразу, что гармонично согласуется с перспективами его творческого развития. Советский литератор не должен писать по обязанности, по так называемому «социальному заказу», о котором так много шумели в одно время некоторые левовские теоретики. Он человек свободный. А. Довженко в своих воспоминаниях приводит слова

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 327.

² Там же, стр. 329.

И. В. Сталина о свободе художника в нашей стране:

«А теперь я вам скажу, для чего я вас вызвал,— сказал мне товарищ Сталин.— Когда я говорил вам в прошлый раз о Щорсе, я это сказал в плане совета. Я просто думал о том, что вы примерно будете делать на Украине. Но ни мои слова, ни газетные статьи ни к чему вас не обязывают. Вы человек свободный. Хотите делать «Щорса» — делайте, но если у вас имеются иные планы — делайте другое. Не стесняйтесь. Я вызвал вас для того, чтобы вы это знали».

Иосиф Виссарионович сказал мне это тихо и уже без улыбки, но с какой-то особенной внимательностью и заботой. Среди трудов огромной государственной важности товарищ Сталин нашел время вспомнить о художнике, проверить его душевное состояние, снять с него чувство хотя бы и воображаемой несвободы и предоставить ему полную свободу выбора»¹.

И. В. Сталин воспитал новый тип писателя — общественного деятеля, тесно и неразрывно связанного с интересами народа, с интересами Коммунистической партии, деятельного творца жизни, участника великой социалистической стройки, смелого новатора и открывателя новых путей в искусстве, с огромной ответственностью относящегося к своему почетному долгу — быть строителем самой благородной, самой красивой души советского человека, борца против всего прогнившего, отрицательного, враждебного.

Новый тип писателя, ярко обрисованный в высказываниях И. В. Сталина, отличается идейной целеустремленностью своего творчества, активным отношением к жизни, сознательной убежденностью.

На первом Всесоюзном съезде советских писателей А. А. Жданов познакомил писателей и работников советской культуры с гениальной формулой И. В. Сталина о писателях, как об инженерах человеческих душ, и глубоко раскрыл ее содержание. Формула И. В. Сталина была определением того пути, по которому должны идти творцы советской литературы, определением морально-духовного облика и нравственного назначения советских литераторов. Вместе с тем она являлась обобщением черт нового писателя, нового деятеля культуры, сложившегося за годы Советской власти.

В уставе Союза советских писателей, в редактировании которого, как известно, непосредственное участие принимал И. В. Сталин, дана четкая, проверенная формула социалистического реализма, гла-

вщая: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма».

Таким образом в требовании правдивого, исторически конкретного изображения действительности дано обоснование формулы реализма, всегда прочно стоявшего на почве реальных, жизнью рожденных и проверенных фактов. В требовании изображать действительность в ее революционном развитии, т. е. в ясно осознанной исторической перспективности и целеустремленности, в борьбе нового со старым,— дано определение социалистического характера, социалистической направленности реализма. В сочетании правдивости и исторической конкретности изображения действительности с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма — выражена действенная, гуманистическая и преобразующая природа советской литературы и советского писателя, как инженера человеческих душ. Кроме того, сочетание правдивости и исторической конкретности художественного изображения действительности с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма означает необходимость раскрыть в положительных художественных образах людей нового типа во всем богатстве и великолепии их человеческого достоинства, выявлять высокие душевные качества и типичные черты характера советского человека, достойные быть примером и предметом подражания, и вместе с тем остро, нелюбезно бичевать пороки, недостатки, болезненные явления с целью искоренения их, с целью идейного воспитания трудящихся.

В сталинском определении писателей, как инженеров человеческих душ, дана характеристика советской литературы как одной из самых действенных, активных форм общественного сознания, как литературы, утверждающей социалистическую действительность, дана характеристика ее великой воспитательной, гуманистической функции. И. В. Сталин не только определил общее содержание творческих устремлений художника советской эпохи, но и с особой отчетливостью обрисовал этот новый тип советского писателя — борца за дело коммунизма — и обозначил тот высокий идеал, к которому должен стремиться каждый «инженер человеческих душ».

В коротком приветствии И. В. Сталина

¹ «Литературная газета», 1949 г., № 102.

А. М. Горькому в связи с сорокалетием литературной и революционной деятельности великого пролетарского писателя дана сжатая по форме, но глубокая и широкая по мысли характеристика творчества А. М. Горького. И. В. Сталин писал:

«Дорогой Алексей Максимович!

От души приветствую Вас и крепко жму Вашу руку. Желаю Вам долгих лет жизни и работы на радость всем трудящимся, на страх врагам рабочего класса»¹.

Горький был певцом трудящихся масс, великим, вдохновенным поэтом, впервые в истории мировой литературы прославившим человека труда, человека революционного дела. Жизнь и литературная работа Горького были радостью для всех трудящихся потому, что Горький был своим, родным писателем, художественно утвердившим великую нравственную, идейную красоту простого рабочего человека.

Любя и возвеличивая трудовой народ, Горький наносил смертельные удары старому, прогнившему капиталистическому миру, презренным остаткам прошлого в настоящем, всем проявлениям подлого мещанства. Горький был воином, неустрашимым борцом. С огромной силой своей ненависти и гнева он наступал на врагов, сокрушая их разящим, метким словом.

Горький художественно открыл и увидел «Человека будущего России» — революционного рабочего, борца за свободу, строителя нового, социалистического общества. Жизнь рабочего класса стала основным содержанием его творчества.

Горький пришел в литературу как провозвестник нового мира, осяянный бодрими лучами революционной зари. Он пришел в литературу как могильщик старого, буржуазного общества, как грозный обличитель и судья, как глашатай тех сил, которые готовили свержение и свергли ненавистный строй эксплуатации человека человеком.

Бессмертные художественные произведения основоположника социалистического реализма были проникнуты тем несокрушимым горьковским духом и великой волей, о которых говорится в письме И. В. Сталина и его соратников к А. М. Горькому по поводу смерти сына писателя — М. А. Пешкова, убитого врагами народа. Письмо И. В. Сталина и его соратников является волнующим человеческим документом, говорящим об исключительно нежной, трогательной любви партии к великому русскому художнику. Письмо в нескольких словах характеризовало облик Горького, выделяя в нем то, что было

главным в творчестве и жизни писателя, — несокрушимый горьковский дух и великую волю. В письме было сказано:

«Дорогой Алексей Максимович!

Вместе с Вами скорбим и переживаем горе, так неожиданно и дико свалившееся на нас всех. Верим, что Ваш несокрушимый, горьковский дух и великая воля поборют это тяжелое испытание»².

В литературной деятельности Горького, лучшего и главного советского писателя, И. В. Сталин выделил те черты, которые придадут произведениям Алексея Максимовича громадную воздействующую силу и воспитательное значение. Оценка И. В. Сталиным творчества Горького одновременно была и призывом, обращенным к другим советским писателям: жить и действовать по-горьковски, учиться у Горького неразрывной связи литературной работы с делом революции, с делом партии, творить так, чтобы каждое произведение приносило радость, уверенность, бодрость, наслаждение трудящемуся человеку, чтобы каждое произведение было ударом по врагам рабочего класса, по хищным империалистам и их прихвостням, алчущим войн и кровопролития между народами.

Новым типом писателя, писателем революционером и преобразователем мира, борцом за дело коммунизма был и Владимир Маяковский. Высказывание И. В. Сталина о Маяковском имеет большое методологическое значение. Товарищ Сталин сказал о Маяковском знаменитые слова, памятные каждому советскому человеку: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»³.

В этом высказывании И. В. Сталина обрисован целостный облик великого поэта революции, определены масштаб и значение его деятельности.

Начало формирования Маяковского как поэта восходит к дореволюционным годам, но полностью его могучий талант раскрылся и утвердился в советское время, при осмыслении тем и проблем советской жизни. Это решающее значение советской эпохи в становлении поэтической личности Маяковского подчеркнуто в высказывании И. В. Сталина («Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»). В. Маяковский был поэтом, художественно разрабатывающим не проблематику того или иного определенного этапа советской жизни; творчество Маяковского остается образцом пролетарского революционного искусства не для короткого отрезка времени, а для целой эпохи. Маяковский был **лучшим**

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 142.

² «Правда», 12 мая 1934 г.

³ «Правда», 17 декабря 1935 г.

поэтом, т. е. поэтом, идущим во главе времени, поэтом, чувствующим острее и глубже других народные стремления и интересы, назревшие и назревающие потребности стремительно движущейся советской эпохи. Он был **талантливейшим** поэтом, т. е. признанным мастером крупного масштаба. Он не только чувствовал то, что нужно и полезно народу, но и умел увиденное, познанное, угаданное передать в художественно совершенной, отточенной, действенной форме, превратить мысль в образ, воздействовать литературным словом на массы в нужном идейном и эмоциональном направлении. В высказывании И. В. Сталина определено не только значение традиций Маяковского («Маяковский был... лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»). И. В. Сталин указывает на животворность, неувядаемость, художественное бессмертие наследства великого поэта («Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»), указывает на то, что грозное литературное оружие Маяковского отнюдь не устарело для наших дней, не утратило своей мобилизующей и организующей силы.

Маяковский — наш современник, борец за построение коммунистического общества, пламенный трибун, сражающийся за прочный мир, за демократию. Учиться у Маяковского максимальной действительности, мобильности художественного слова, идейной остроте и прозорливости, уметь мыслить крупными историческими масштабами, заглядывая в завтрашний день, приближая его к себе, — это требование содержится в высказывании И. В. Сталина, указывающего, что Маяковский не только **был**, но и **остается** лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи, **остается** в силу указанных выше качеств.

* * *

Товарищ Сталин неизменно направлял творческое внимание писателей на главные вопросы жизни советского общества, заботливо учил их пониманию глубинных процессов, протекающих в ней.

В тридцатые годы в обстановке все возрастающей угрозы войны огромное значение приобретало воспитание в народе правильного отношения к войне, к будущим схваткам с врагами социалистической Родины.

Наша страна, руководствуясь учением Ленина — Сталина о возможности мирного сосуществования социалистической и капиталистической хозяйственных систем; неизменно придерживалась мирной политики, политики дружбы и сотрудничества между народами. Но партия трезво оценивала внешнюю обстановку. Она учитывала

факт наличия капиталистического окружения, хищнические вождедения империалистической буржуазии и реакционных правительств, искавших выхода из кризиса капиталистической системы на путях подготовки к новой мировой войне, строивших планы вооруженной интервенции против СССР. Поэтому коммунистическая партия воспитывала народ в духе активной, постоянной мобилизационной готовности.

Марксизм-ленинизм учит рассматривать войну во всей сложности породивших ее причин, выяснять, во имя каких интересов ведется война, какие классы ведут ее, и исследовать те цели, которые преследуют в войне воюющие государства. Марксизм-ленинизм решительно отвергает пацифизм как проявление замаскированной, буржуазной идеологии, имеющей задачей пацифистским облачением, пацифистскими словами скрыть империалистические дела прислужников капитала.

Не все писатели понимали ленинско-сталинскую классификацию войн современной эпохи.

В тридцатые годы на книжном рынке фигурировала масса художественных рассказов, авторы которых размалевывали «ужасы» войны. Товарищ Сталин в письме к Горькому разоблачил вред этих буржуазно-пацифистских рассказов и выдвигал важную мысль по поводу участия выдающихся писателей — художников пера — в написании истории гражданской войны.

Письмо товарища Сталина к А. М. Горькому пролиvalo яркий свет на животрепещущую, важную проблему — на проблему правильного показа войны и отношения к ней со стороны советского народа, советских писателей. Высказывание товарища Сталина означало косвенную одобрителную оценку произведений о гражданской войне, созданных к тому времени лучшими советскими художниками М. Шолоховым, Д. Фурмановым, А. Серафимовичем, А. Фадеевым и другими, произведений, рассматривающих войну с точки зрения победившего пролетариата, с точки зрения марксистско-ленинского понимания характера и движущих сил войн, гражданской войны в частности. Высказывание товарища Сталина имело и имеет громадное значение для литературы социалистического реализма, для определения путей борьбы за мир, за демократию.

И. В. Сталин одобрително отзывался о тех произведениях литературы и драматургии, в которых воссоздано недавнее героическое прошлое нашей страны, прекрасный, полный героической самоотверженности и истинного величия моральный облик новых людей, рожденных в огне революционных битв.

В приветствии к работникам киноискус-

ства в день 15-й годовщины советской кинематографии И. В. Сталин рекомендует брать объектом художественного творчества важнейшие, существенные моменты из истории борьбы за власть рабочих и крестьян Советского Союза, показывать величие и красоту этой борьбы, причем И. В. Сталин советует рисовать величие исторических дел не исключительно с точки зрения прошлого, а увязывать прошлое с сегодняшним днем, вскрывать внутреннюю связь между ними. Прошлое не только должно погружать читателя или зрителя в воспоминания о минувших временах. Прошлое должно помогать в строительстве настоящего, в уяснении новых задач, поставленных временем, тем более, если речь идет не об отдаленном прошлом, а об исторически недавней борьбе рабочих и крестьян за власть Советов.

Известно, что в творческой судьбе Московского Художественного театра имени Горького решающую роль сыграло непосредственное указание И. В. Сталина о целесообразности постановки пьес М. Горького «Враги» и К. Тренева «Любовь Яровая», отобразивших недавнее революционное прошлое русского народа.

В 1937 году В. И. Немирович-Данченко говорил, что из последних постановок, за которые театр собственно и был награжден, две крупнейшие постановки были подсказаны товарищем Сталиным. Это были «Враги» и «Любовь Яровая».

Между пьесами «Враги» М. Горького (1906) и «Любовь Яровая» К. Тренева (1926) лежит двадцатилетний период, насыщенный событиями величайшего политического значения. Пьеса Горького озарена светом революции 1905 года. Она пронизана революционной страстью, предчувствием приближающейся освежающей грозы. Представители буржуазного мира и рабочего класса сталкиваются в острой, непримиримой борьбе. Их размежевание идет не только по абсолютно противоположным устремлениям, но и по социально-психологическим мотивам. Мысль одной из героинь горьковской пьесы, Татьяны, высказанная ею о рабочих: «Эти люди победят» как бы находит дальнейшее воплощение в пьесе К. Тренева «Любовь Яровая».

Здесь также сошлись на смертный бой два мира, здесь также показана обреченность тех, кто защищает разрушаемый строй гнета и насилия. В пьесе К. Тренева «эти люди» уже одержали славную победу, правда, трудную, кровавую.

В центре пьес М. Горького и К. Тренева стоят решающие события эпохи, и между пьесами прослеживается внутренняя преемственная связь. Это пьесы о побежда-

ющем и победившем народе, о всеокрушающей силе идее большевизма.

Во «Врагах» Горького показаны превосходные моральные качества новых людей, их непреклонная решимость идти за дело народа до конца, кипение их революционных страстей. А в «Любови Яровой» новые люди стоят в центре всех событий времени, они диктуют жизни свою волю, направляя ее движение по желаемому руслу. Великая, смертельная схватка классов происходит не только на большой общественной арене; она вторгается и в личную жизнь людей, четко размежевывая их по основному признаку: по отношению к революции, к судьбам будущей России.

Герои «Любови Яровой» являются как бы развитыми во времени героями горьковской пьесы.

Постановка «Врагов» и «Любови Яровой» — крупных, эпических масштабных пьес, воссоздающих славные страницы недалекого исторического прошлого, — имела для МХАТ большое значение. Она имела значение не только в идейном насыщении репертуара, но и в еще более властном утверждении реалистического стиля, реалистических принципов сценического искусства.

Руководствуясь указаниями товарища Сталина, советские писатели создали ряд выдающихся литературных произведений о ратной доблести наших людей, об их героических подвигах в Великой Отечественной войне. Правильное понимание характера освободительной, антиимпериалистической войны позволило им нарисовать величественный образ участника этой освободительной, антиимпериалистической войны, его превосходные человеческие качества, высокую идейность и патриотическую осознанность действий советского солдата.

Самое демократическое и справедливое советское общество, ведшее справедливую, антиимпериалистическую войну во имя мира и торжества жизни, выдвинуло из своих рядов бесчисленную когорту воистину эпических богатырей. Это молодоговардейцы, большие, чистые молодые люди изумительной душевной силы из романа А. Фадеева «Молодая гвардия». Это славный русский боец за жизнь и победу, подлинно сказочный витязь и вместе с тем простой советский гражданин Василий Теркин из одноименной поэмы А. Твардовского. Это Андрей Лопухов — великий маленький человек огромного духовного обаяния и нравственной силы из романа М. Бубеннова «Белая береза». Это историк по профессии, воин по долгу капитан Сабуров — герой романа К. Симонова «Дни и ночи», неуемный, жизнедеятельный Хома Хаецкий из романа А. Гончара «Знаменосцы», несущий свет своей большой со-

ветской души за наши рубежи, знаменосец счастья и правды, и другие богатыри земли советской.

И. В. Сталин учит, что для партии большевиков освобождение народа, благополучие его являются первейшим делом. Освобождение же личности партия большевиков рассматривает как составную часть этой главной задачи. Без освобождения народа, без развития его духовных и материальных сил нельзя освободить личность, дать широкую дорогу ее таланту и способностям. Почвой для расцвета и преуспеяния личности является народ, дающий ей силу, духовную прочность, раскрывающий исторически осознанный смысл ее деятельности. Заботясь об освобождении народа, партия большевиков тем самым заботится о раскрепощении и расцвете личности, так как только освобождением массы можно было освободить человека, создать для него подлинные **общественные** условия свободы, способствующие неуклонному росту его возможностей. Анархисты же, внешне ратуя за освобождение личности, на самом деле проявляли глубокое безразличие и пренебрежение к судьбе человека, так как личность, оторванная от ее животворной, питательной почвы — народа, — быстро чахнет и вырождается.

Об этих двух противоположных путях борьбы за освобождение человека говорил И. В. Сталин в своей классической работе «Анархизм или социализм?». И. В. Сталин писал: «Дело в том, что марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба они выступают на арене борьбы под социалистическим флагом. Краеугольный камень анархизма — **личность**, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: «Все для личности». Краеугольным же камнем марксизма является **масса**, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: «Все для массы»¹.

Советская художественная литература с этих позиций показала судьбу личности в революционной борьбе и в строительстве советского социалистического общества. В «Железном потоке» А. Серафимовича, в «Разгроме» А. Фадеева, в «Чапаеве» Д. Фурманова, в «Таньере «Дербенте» Ю. Крымсва, в «Первых радостях» и «Не-

обыкновенном лете» К. Федина и других произведениях воплощена эта сталинская мысль: обретение личностью подлинной свободы в свободе, добываемой для массы самой массой, гармоничное сочетание роста отдельного человека и коллектива.

В своих работах товарищ Сталин дает исчерпывающую характеристику облика героя нашего времени, обрисовывает новый тип человека, рожденного и воспитанного революцией. Исходной точкой зрения для понимания идейно-этического содержания человека социалистической эпохи служит учение товарища Сталина о роли народных масс в истории. По учению И. В. Сталина, движущими силами исторического процесса следует признать не королей и полководцев, не завоевателей и покорителей государств, не отдельные выдающиеся личности. История общественного развития есть история производителей материальных благ, история трудящихся масс, история народов. Подлинным массовым героем являются простые люди труда. Героическое начало лежит в самом характере их деятельности, в самом характере их жизни. Героическое вырастает из деяния как естественное, непринужденное проявление человеческой личности. И. В. Сталин пишет: «Судьбы народов и государств решаются теперь не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни»². С огромной теплотой говорил И. В. Сталин о простых советских людях, о скромных, обычных тружениках, держащих в состоянии активности великий государственный механизм социалистической державы. «Я подымаю тост, — говорил товарищ Сталин на приеме в Кремле в честь участников парада Победы в июне 1945 года, — за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имея ли легион, потому, что это десятки миллионов людей. Это — скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это — люди, которые держат нас, как основание держит вершину»³.

Определяя главное, указывая на тот необъятный человеческий массив, который

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 296.

² И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 255.

³ «Правда», 27 июня 1945 г.

рождает героев, товарищ Сталин выясняет и отдельные конкретные черты героя нашего времени, широкими, мощными штрихами набрасывая его идейно-эстетический портрет. В одной из ранних статей, «Памяти тов. Г. Телия», И. В. Сталин перечисляет качества революционера, борца за дело трудящихся. Черты характера революционного борца, отмеченные товарищем Сталиным, сохраняют свою силу и поныне, как воплощение лучших сторон человека новой формации, лучших сторон человека будущего. Эти качества суть: жажда знаний, независимость, неуклонное движение вперед, стойкость, трудолюбие, нравственная сила, неиссякаемая энергия, глубокая любовь к делу, геройская непреклонность. Товарищ Сталин указывает на источник, на социальную среду, формирующую незаурядные человеческие качества. Он говорит о том, что только в рядах пролетариата встречаются такие люди, только пролетариат рождает таких героев. Товарищ Сталин тем самым признает трудящийся народ носителем высшего идейного и эстетического начала, носителем идеала прекрасного и возвышенного.

Если до Великой Октябрьской социалистической революции черты революционера-преобразователя жизни, указанные товарищем Сталиным, были присущи только лучшим людям большевистской партии, лучшим представителям пролетариата, то в условиях советского общественного строя моральный кодекс коммуниста постепенно становится всеобщим, массовым, он становится основой общенародного национального характера. Вместе с тем черты социалистического человека, обрисованные в статье И. В. Сталина «Памяти тов. Г. Телия», дополняются и обогащаются новыми признаками, порожденными советским общественным строем. Определяющим качеством человека нашей эпохи становится животворный советский патриотизм, тесно связанный с пролетарским интернационализмом, любовь к социалистической Родине, готовность защищать отечество революционеров всего мира — Советский Союз. Советскому человеку чужды райская идиллия «всеобщего благополучия», стремление уйти в тихую обитель, чтобы «отдохнуть» и насладиться только своим собственным, мизерным, призрачным счастьем. Каждый шаг своей работы советский человек должен мерить жизнью великого Ленина. Он должен быть таким же ясным, определенным деятелем, каким был Ленин, таким же бесстрашным в бою и беспощадным к врагам, каким был Ленин, так же свободным от паники и от всякого подobia паники, как был свободен Ленин; советский человек должен стремиться быть похожим на Ленина в мудром и неторопли-

вом решении сложных вопросов, где нужны всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов; ленинская честность, правдивость, ленинская любовь к народу — вот высшая цель и высший образец для советского человека в определении И. В. Сталина.

Призывая писателей воспеть простого человека, его бессмертные ратные и трудовые подвиги, товарищ Сталин вместе с тем предостерегает от одностороннего изображения человека только в процессе производства. Красота и глубина личности могут обнаружиться не только в трудовой деятельности, взятой отрешенно от других сторон жизни, но и в дружбе, в семье, в любви и т. д. Сферы проявления характера, возможности его проявления разнообразны, многогранны. Не следует ограничивать эту сферу одной лишь производственной стороной, надо брать человека во всей целостности его характера, в широком и вольном проявлении его многосторонних качеств, а не превращать его в схему скучную, унылую.

Товарищ Сталин призывал писателей любить простого человека, возвеличивать исторический смысл его великих свершений, раскрывать во всей полноте его великодушные душевные качества. «Только величайший гуманист нашего времени, — пишет А. Фадеев, — мог открыть и сформулировать основной экономический закон современного капитализма и основной экономический закон социализма, объективные законы, открытие которых явилось подлинным торжеством марксистско-ленинской науки.

Какой пронзительно-острый, поистине орлиный взгляд на все современное общественное развитие и какое огромное человеческое сердце за скупыми, строгими, логичными, точно вырезанными на меди формулами этих законов!

Как и другие законы общественного развития, открытые товарищем Сталиным, они завоеваны и выстраданы всей его жизнью, полной героической борьбы и труда во имя освобождения и возвышения рабочего класса и всего трудового человечества»¹.

Ведущая, определяющая черта героя нашего времени — это оптимизм, глубокая влюбленность и привязанность к жизни, непотухающая вера в творческие силы человека. Оптимизм советского человека носит исторически смысловый характер. Он берет свое начало из особенностей борьбы рабочего класса за революционное преобразование мира, из особенностей социалистической жизни, утвердившейся в нашей стране. Оптимизм русского революционного рабочего класса был порожден

¹ «Правда», 12 марта 1953 г.

сознанием своей исторической миссии в строительстве общества. История была на стороне рабочего класса, и его вера, его оптимизм, его радостная, революционная воодушевленность брали источник у самой жизни. В конце революции 1905 года в одной из прокламаций товарищ Сталин вдохновенно писал об этой оптимистической философии пролетариата, об этой радостной боевой настроенности широких народных масс.

«Радостное настроение» было органически присуще рабочему классу, ибо без веры в свои силы он не смог бы выдержать величайшие испытания, выпадавшие на его долю, не смог бы добиться победы в Октябре 1917 года. Оптимизм — неотъемлемое качество людей, призванных самым ходом истории созидать новое, строить новую жизнь человечества.

Оптимизм советской литературы выступает не в виде зоологического ощущения, не как внешнее, формальное качество. Оптимизм советской литературы составляет ее ведущее, жизненное содержание, закономерно выражая ход исторического развития советского общества. В речи на первом съезде советских писателей А. А. Жданов указывал: «Наша литература насыщена энтузиазмом и героикой. Она оптимистична, причем оптимистична не по какому-либо зоологическому «внутреннему» ощущению. Она оптимистична по существу, так как она является литературой восходящего класса, пролетариата, единственно-прогрессивного и передового класса».

Оптимизм советского искусства порожден историческим оптимизмом русского революционного рабочего класса, проделавшего за короткое время три революции, сокрушившего самую мощную питейную не только азиатской, но и европейской реакции — царское самодержавие. Оптимизм нашего искусства черпает неиссякаемую силу для своего нравственного здоровья из жизни и деятельности советского человека, построившего самое справедливое в мире социалистическое общество, несмотря на целый океан врагов, несмотря на их подлые и вероломные ухищрения.

Горький с гневом писал о носителях «мировой скорби», о певцах страдания.

Скорбь — удел отходящих и отживающих классов, удел обреченных на гибель. От признания эфемерности и бесцельности человеческого существования вырастает философия «мировой скорби», отражающая распад буржуазной культуры. Философия «мировой скорби» антигуманистична по своему содержанию. Она разоружает человека перед трудностями жизни, считает бесплодной борьбу за революционное преобразование несправедливо устроенного ва-

питалистического мира. Философия «мировой скорби» есть отказ от вмешательства в бытие, провозглашение незыблемости буржуазных общественных отношений. «Философия «мировой скорби», — говорит товарищ Сталин, — не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающие. Нашу философию довольно метко передал американец Уитман: «Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил»¹.

Сообразно с этой мыслью И. В. Сталина поэт Н. Тихонов с трибуны 1-го Всесоюзного съезда писателей провозгласил приверженность советской литературы к теме мировой радости, к теме героического созидательного творчества.

«Новое человечество, — говорил Н. Тихонов, — отвергло за ненадобностью тему мировой скорби. Мы стремимся стать мастерами не мировой скорби, а мировой радости».

Герой из сказки М. Горького «Девушка и смерть» был тем героем, который нес радостное утверждение жизни, непобедимое стремление к свободному, гордому существованию, колоссальную, неограниченную веру в правоту, в способность, в могущество человека. Девушка из сказки Горького была тем героем, чья алая кровь кипела огнем неистраченных сил. Именно этим оптимистическим, подлинно героическим характером девушки была вызвана высокая оценка И. В. Сталиным маленькой сказки М. Горького. Написанная на заре литературной деятельности М. Горького, в 1892 году, сказка, подобно молнии, освещала весь облик великого социалистического писателя, «радостное настроение» его творчества, кипящего огнем неистраченных революционных сил.

11 октября 1931 года на последней странице текста сказки товарищ Сталин написал: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (любовь побеждает смерть)».

Горький своей сказкой утверждал идеал гордого, неустрашимого, но вместе с тем простого и обычного человека. Горький доказывал: для человека, борющегося за свою свободу, за право жить так, как велит сердце и совесть, нет неодолимых препятствий, ничто не страшно ему. Девушка из сказки — простое, хрупкое, нежное существо. Но она побеждает самые могучие силы — царя и даже самую смерть. И побеждает не потому только, что ею движет высокое и прекрасное чувство любви. Утверждая любовь, девушка вместе с тем утверждает свободу человеческой личности. Победа любви над смертью и царем означала победу человека над социальным насилием, победу светлого, жизнедеятель-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 273.

ного начала над мраком и небытием. Девушка побеждает еще по той причине, что она признает себя представителем тех людей, которые призваны сами создавать жизнь, диктовать ей свою волю и свое желание. Полновластный хозяин жизни она, а не царь и его присные, она, а не смерть. Девушка не признает над собой власти царя, моральных законов, предписанных свыше. Она рвет эти законы, ибо истинная сила и правда жизни на ее стороне. Она имеет право быть независимой от внешнего несправедливого мира, разрушая этот мир своим неподчинением ему. И эта сказка, малая по объему, но великая по глубине своей, сильнее, чем гениальное творение Гете «Фауст», сильнее верой в неограниченные возможности человека, сильнее изображением победы жизни над смертью, победы гуманистического, человеческого начала над церковной, догматической моралью и филистерской ограниченностью.

Оценка И. В. Сталиным сказки Горького была косвенной оценкой новаторского характера всего творчества великого социалистического писателя, ибо творчество Горького пронизано жизнеутверждающим светом, могучей верой в неиссякаемые созидательные силы человека, восхищением перед великолепной красотой его деяний и необоримой мощью его разума. Оценка И. В. Сталиным сказки «Девушка и смерть» была оценкой и основного героя произведений Горького — борца и деятеля, ломающего все преграды на своем пути, прорубающего путь в будущее. Не случайно светом сказки Горького «Девушка и смерть» озарены многие произведения лучших советских писателей. Здесь сказалось плодотворное влияние горьковских традиций, что не вызывает сомнений, но определяющим все же явилась правда нашей советской жизни, ее оптимизм, бодрость, приносящие весну и обновление человеку. Горьковским пониманием человека и величественной роли бессмертного Ленина в утверждении жизни на земле были порождены слова Владимира Маяковского из стихотворения «Комсомольское»:

Б сведению смерти,
старой карги,
гонящей в могилу
и старящей;
«Ленин» и «смерть» —
слова — враги.
«Ленин» и «жизнь» —
товарищи ¹.

Сталинской мыслью о торжестве жизни над смертью, о победе «радостного настроения» над философией мировой скорби про-

¹ В. Маяковский. Собрание сочинений, т. 2, стр. 320.

низана вся советская литература. Советская литература показала ведущие черты нового человека: ясность цели, несокрушимую волю, твердость и упорство характера, ломающего все и всяческие препятствия на пути осуществления этой цели.

Ощущая происходящее как свое личное, родное дело, видя величайшее содержание настоящего и еще более заманчивое будущее, советские писатели утверждают радость бытия, радость существования в Советской стране. В поэме-гимне «Хорошо!» В. Маяковский говорил о том, что со всех сторон «радость прет», что «жизнь прекрасна и удивительна». Знаменитые строки из поэмы ярко выражают содержание оптимистического мироощущения поэта:

Я
земной шар
чуть не весь
 обошел,—
и жизнь
 хороша,
и жить
 хорошо.
А в нашей буче,
боевой, кипучей
и того лучше.

Осознанная любовь к жизни, радости, порожденная теми новыми отношениями, в которые поставлен человек в нашей стране, и историческая обоснованность этого оптимистического взгляда на окружающее превосходно выражены в словах Чапаева из одноименной повести Д. Фурманова. Чапаев сравнивает жизнь человека до революции и в советское время. Он говорит о новом смысле жизни, о новом свете, озаряющем ее и делающем жизнь прекрасной, интересной, содержательной. Чапаев высказывает очень глубокую и верную мысль. Прежде он ни во что не ставил свою жизнь, ибо его тоже никто ни во что не ставил; к нему были совершенно безразличны, и это безразличие вызывало в нем такое же ответное чувство. А теперь Чапаев видит себя настоящим человеком, понимает, что он нужен, необходим стране. Оттого ему так страстно хочется жить этой настоящей, большой жизнью. Чапаев говорит Клычкову: «Вы думаете, каждому человеку жизнь свою жаль? Да не только што, а и один не всегда любит как следует. Я, к примеру, был рядовым-то, да што мне: убьют аль не убьют, не все мне одно? Таких, как я, народят сколько хочешь. И жизнь свою ни в грош я не ставил... Потом, гляжу, отмечают меня стали — на человека похож, выходит... И вот вы заметьте, товарищ Клычков, што чем я выше поднимаюсь, тем жизнь мне дороже...

Не буду с вами лукавить, прямо скажу — мнение о себе развивается такое, што вот, дескать, не клоп ты, каналья, а человек настоящий, и хочется жить по-настоящему, как следует... Не то што трусливее стал, а разуму больше. Я уже плясать на окопе теперь не буду: шалишь, брат, зря умирать не хочу»¹.

Во всей советской литературе тема победы жизни, тема победы любви, победы человека — одна из ведущих и главных тем. Эта тема продиктована социалистической действительностью, содержанием нашей прекрасной жизни. Бодрость и вера в будущее, вера в силу и творческую мощь человека — коренной принцип эстетики социалистического реализма. На этот принцип с особой силой указывало постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». В постановлении говорилось: «Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия».

Даже в произведениях, трагических по своему характеру («Разгром», «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Русские люди» К. Симонова, «Буря» И. Эренбурга, «Павлик Морозов» С. Щипачева, «Зоя» М. Алигер, цикл ленинградских рассказов Н. Тихонова и др.), несмотря на гибель отдельных людей, воплощающих лучшие черты советского человека, не гибнут их дело, их мечта, за которые они отдали жизнь. Через смерть утверждается бессмертие, ибо жизнь людей была отдана бессмертному делу борьбы за коммунистическое общество.

Продолжая мысль, обоснованную им в письме к Д. Бедному (июль 1924 г.), товарищ Сталин неоднократно отмечает большую нравственную силу оптимистического искусства, призванного утвердить радость, духовное здоровье, пафос жизнестроительства, победу светлого, чистого начала. Искусство, брызжущее радостью жизни, близко советскому народу, любимо им. Радостное настроение советских людей — естественное, полное, ничем не искаженное проявление чувства человека, собственными руками строящего свою большую, счастливую судьбу. И. В. Сталин с иронией говорил о людях хмурых, зажимающих в жизни все смешное.

М. Горькому — великому жизнелюбу и оптимисту, певцу счастья людей — были близки мысли, высказанные И. В. Сталиным. Помня пожелание товарища Сталина о создании бодрого, жизнерадостного искусства, Горький не-

однократно призывает писателей и художников проникнуться духом бодрости и героизма. Он сетует на то, что литературе не хватает этого духа, тогда как действительность уже героична. Посетив в 1933 году юбилейную выставку «Художники РСФСР за 15 лет», Горький обращается к живописцам: «Больше улыбки, больше непосредственной радости, которой так много в нашей советской действительности»².

Кинорежиссер М. Э. Чиаурели приводит чрезвычайно интересную мысль И. В. Сталина о роли смеха, о роли смешного в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей. Смех, радостное искусство не только возбуждают в человеке положительные импульсы, укрепляют в нем нравственные силы, рождают новую энергию созидания. Смех помогает в искоренении пороков, пятен прошлого, еще полностью не изжитых и не преодоленных. М. Э. Чиаурели в своих воспоминаниях пишет, что товарищ Сталин, дав исчерпывающую характеристику буржуазного киноискусства, служащего реакционным целям своих империалистических хозяев, остановился на задачах советского кино, и в частности, советской кинокомедии. Он говорил, что комедия — важный жанр советского искусства, если только она направлена не на издевательство над советскими людьми, а ставит перед собой благородную задачу воспитания зрителя, если она — бодрая, брызжущая радостью жизни, помогающая бороться с пережитками капитализма в сознании людей.

* * *

В гениальной работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а также в многочисленных выступлениях и высказываниях великого вождя неустанно проводится мысль о плодотворном значении культуры прошлого, о значении накопленного человеческого историей драгоценного опыта для строительства нового общества. И. В. Сталин подчеркивает, что нельзя отрицать преемственную связь в развитии науки и культуры, те завоевания прошлых эпох, на базе которых строится настоящее. И. В. Сталин осуждает непомерно раздутое хвастовство Н. Марра и особенно его «учеников», с помпой возвещавших о том, будто до Н. Марра не было никакого языкознания, будто история языкознания началась с появлением так называемого нового учения. И. В. Сталин отмечает: «Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том

¹ Д. Фурманов. Сочинения. ГИХЛ, т. 1, стр. 141.

² «Правда», 15 июля 1933 г.

числе философии, за предыдущий период»¹. Людей, отвергающих все старое только лишь за то, что оно старое, И. В. Сталин назвал троглодитам.

В самом определении творческого метода советской литературы — социалистического реализма — подчеркнуто неразрывное единство новаторства и традиций, подчеркнута преемственная связь советской литературы с лучшими достижениями литературы прошлого. И. В. Сталин не отбросил великие приобретения прошлой культуры, выразившейся в точном, правдивом, жизненно верном изображении людей и условий их жизни, то есть реализме как методе художественного мышления. Сохранив значение реализма как эстетической основы литературного творчества, И. В. Сталин указал на новые отличительные качества, на новую ступень социалистического реализма.

И. В. Сталин высоко оценивает славную русскую классическую литературу, являющуюся гордостью не только русского народа, но и всего цивилизованного человечества. Сила и духовная мощь русской литературы заключается в том, что она близко стояла к чаяниям и стремлениям народных масс, выражая национальное самосознание русского народа. Могучие раскаты революционной бури отражала классическая литература. Она несла в себе неистребимое стремление к свободе и солнцу, к лучшей, справедливой жизни человечества. Ум, стойкость, терпение, пронзительность, благородство, моральная красота русского человека запечатлены в гениальных творениях классической литературы.

Классическая литература — своего рода художественная летопись русской общественной жизни, верная картина души и характера русского человека. И поэтому великую русскую нацию наряду с другими блистательными ее представителями И. В. Сталин характеризует именами гениальных русских писателей, с наибольшей полнотой и глубиной выразивших в своих произведениях особенности русского народа: именами Радищева, Белинского, Чернышевского, Пушкина, Толстого, Чехова, Горького. В этом высказывании И. В. Сталина содержится высочайшая оценка классической русской литературы, ее способности выражать средствами художественного образа главное: процесс исторического развития и становления нации, качества народного духовного облика, народного сознания.

Огромная заслуга русской классической литературы состоит в том, что она закрепила и разработала общенациональную

норму великого русского языка, являющегося ныне любимым языком всех социалистических наций, языком самой передовой и высшей культуры в мире — ленинизма, — языком Ленина и Сталина.

Неувядаемую народную мощь, ясность, простоту, многогранность, гибкость русского литературного языка, обогащенного и закрепленного классиками русской литературы, в частности Пушкиным, отмечает И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания». И. В. Сталин указывает, что язык классиков, язык Пушкина выдержал испытание временем, что структура пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка.

Одним из свидетельств активной, действенной роли русской литературы является и следующее обстоятельство: в своих речах, докладах, выступлениях, статьях И. В. Сталин, как и В. И. Ленин, щедро использует классические художественные образы для борьбы со старым, для борьбы с врагами партии. Образы русской классической литературы, вобравшие в себя большое, емкое содержание, отобразившие в обобщенном виде черты многообъемного человеческого характера, служат И. В. Сталину разищим, грозным оружием. В самом факте обращения И. В. Сталина к неисчерпаемому богатству критического реализма и в кратких сталинских характеристиках классиков как «великих русских писателей» дана оценка силы и значения классического реализма. В трудах И. В. Сталина мы встречаем имена Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Некрасова, Щедрина, Г. Успенского, Островского, Чехова, Горького. Сверкающее созвездие корифеев русской литературы активно включено в битвы сегодняшнего дня; бессмертные художественные образы, созданные ими, помогают в борьбе за построение коммунистического общества.

Нужно отметить связь высказываний И. В. Сталина по вопросам литературы и искусства с использованием художественных образов в трудах вождя. Теоретически обосновывая громадное идейно-эстетическое значение художественной литературы в духовном воспитании людей, И. В. Сталин дает высокий образец наиболее действенного, мобильного, эффектного использования литературы в борьбе с врагами коммунизма, в строительстве нового человеческого общества.

Режиссер М. Э. Чиатурели воспроизводит важное, имеющее большое методологическое значение высказывание И. В. Сталина о великом грузинском писателе XIX века Илье Чавчавадзе. И. Чавчавадзе — громад-

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 34.

ная фигура в истории грузинской культуры. Он сформулировал те творческие принципы, которые стали знаменем для грузинской литературы XIX века. Это принципы большого реалистического, демократического искусства, верного жизненной правде. Тема освобожденного человека становится главной темой творчества Чавчавадзе. Он возвысил голос против тогда еще не отмененного крепостного права, против крепостнического отношения к людям. Любовью к маленькому, простому человеку из народа, идущей от великой русской литературы, от Пушкина и Гоголя, пронизаны все произведения И. Чавчавадзе. Эстетические взгляды Чавчавадзе формировались под благотворным воздействием славных русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Но творчество И. Чавчавадзе из-за аристократического происхождения писателя истолковывалось некоторыми исследователями извращенно. В первую голову фиксировалось социальное происхождение, а не объективное значение литературной деятельности. На вредность такого ошибочного подхода к писателям прошлого указывал И. В. Сталин в беседе с Чиаурели. «Беседа коснулась грузинского классика Ильи Чавчавадзе, который был некоторое время в загоне, — пишет М. Чиаурели.

— Ошибка, — заметил Сталин. — История, аналогичная с отношением ко Льву Толстому. А Ленин говорил, что до этого графа никто так правдиво не писал о мужике. Не потому ли мы проходим мимо Чавчавадзе, что он из князей? А кто из грузинских писателей дал такие страницы о феодальных взаимоотношениях помещиков и крестьян, как Чавчавадзе? Это была безусловно крупнейшая фигура среди грузинских писателей XIX и начала XX века»¹.

* * *

Огромны заслуги И. В. Сталина в создании марксистско-ленинской теории национального вопроса, в построении могучего многонационального Советского государства.

Марксистско-ленинская теория национального вопроса развита и обогащена И. В. Сталиным в классическом труде «Марксизм и национальный вопрос» и в ряде других работ, появившихся после победы Великой Октябрьской социалистической революции и обобщающих богатый опыт братского сотрудничества наций в условиях социалистического государства. Величайшим вкладом в марксистско-ленинскую теорию национального вопроса явилась гениальная статья И. В. Сталина «Ленинизм и национальный вопрос». В этой

работе исчерпывающе полно рассмотрены коренные вопросы жизни и развития наций, обосновано важнейшее принципиальное положение о двух нациях — буржуазных и социалистических, — охарактеризованы морально-духовный облик и классовый состав этих наций, пути их возникновения и формирования. Основные положения указания о нациях и национальной культуре содержатся в классическом труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

В речи на траурном митинге, посвященном похоронам И. В. Сталина, товарищ Г. М. Маленков говорил:

«С именем товарища Сталина связано разрешение одного из самых сложных вопросов в истории развития общества — национального вопроса. Величайшей теоретиком национального вопроса товарищ Сталин обеспечил впервые в истории, в масштабе огромного многонационального государства, ликвидацию вековой национальной розни. Под руководством товарища Сталина наша партия добилась преодоления экономической и культурной отсталости ранее угнетавшихся народов, сплотила в единую братскую семью все нации Советского Союза и выковала дружбу народов»².

В учении И. В. Сталина о культуре, социалистической по содержанию, национальной по форме, дана глубокая, всеисчерпывающая творческая характеристика новой мировой культуры, преемственно связанной с лучшими традициями культур прошлых эпох, строительство которой началось в первые же годы существования советской власти.

Понятие социалистической по содержанию, национальной по форме культуры выражает единство интернационального, социалистического и национального, специфического, единство идейных устремлений новой культуры с многообразием форм ее существования для каждого народа. Другими словами, основу единства социалистического содержания культур образует единство экономических и политических устоев, единство социалистического способа производства, а невиданное богатство ее проявлений и существования — национальное своеобразие и особенности народов СССР.

Национальная культура в условиях советского общественного строя является могучим средством коммунистического воспитания людей, средством формирования и укрепления их нового характера, их нового морального облика потому, что национальная культура советских народов — это качественно новая культура, несущая в народные массы животворные идеи

² Журнал «Коммунист», № 4. 1953, стр. 12.

¹ Сборник «Сталин». ГИХЛ. 1940 г., стр. 299.

Ленина — Сталина, идеи социализма и демократии. И. В. Сталин говорил о том, что «...только при условии развития национальных культур можно будет приобрести по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства»¹.

И. В. Сталин именно в этом усматривал основу ленинской политики помощи и поддержки развития национальных культур народов СССР.

Проблемы национальной культуры нельзя отделять от политики, от сущности национального вопроса. Ленин и Сталин учили тесно увязывать вопросы культуры с вопросами политики, с содержанием общественного и политического строя государства.

Лозунг национальной культуры неразрывно был связан с всесторонним учетом объективного соотношения всех классов данной страны и всех стран мира. Характер национальной культуры определялся прежде всего классовым содержанием, классовым обликом той или иной нации.

И. В. Сталин, опираясь на основополагающие указания Ленина, учит различать две совершенно противоположные вещи: лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата и лозунг национальной культуры при господстве буржуазии: «Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? Буржуазная по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью ограбить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии.

Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе социализма и интернационализма»².

И. В. Сталин разъяснил, что было бы глупо предположить, будто Ленин и большевики боролись за социалистическую, но за безнациональную культуру. Борьбу Ленина с лозунгом национальной культуры следует рассматривать как борьбу против буржуазного содержания, буржуазной направленности означенной культуры, а не против ее национальной формы.

И. В. Сталин разоблачил национал-шовинистическую теорию Каутского, разглагоствовавшего о том, что в период победы социализма в одной стране будет якобы создан общеобязательный язык с отмиранием всех остальных языков, произойдет процесс поглощения одним господ-

ствующим языком других языков, одной культурой других культур.

Период диктатуры пролетариата, период строительства социализма в СССР не есть период распада и ликвидации национальных культур, как о том каркали троцкистско-бухаринские отщепенцы. Наоборот, в период диктатуры пролетариата, в период строительства социализма в СССР происходит мощный взлет национальных культур, ибо нации стали иными — социалистическими, их культура также соответственно стала иной — социалистической.

Таким образом, путем развития национальных культур, путем всемерного выявления их потенциальных сил создаются условия для слияния отдельных национальных культур в одну общую социалистическую культуру с одним языком. Это произойдет после победы социализма во всемирном масштабе, но не сразу, как указывает И. В. Сталин, а постепенно, лишь на третьем этапе периода всемирной диктатуры пролетариата.

Единство интернационального и национального моментов подчеркивает И. В. Сталин в письме к Демьяну Бедному от 12 декабря 1930 года, говоря о Ленине — величайшем интернационалисте в мире, горячо любившем русскую нацию. Интерес не по-холопски понятой национальной гордости великороссов, совпадающий с социалистическим интересом великорусских и всех иных пролетариев, И. В. Сталин называет ясной и смелой «программой» Ленина, вполне понятной и естественной для революционеров, кровно связанных со своим рабочим классом, со своим народом.

Понимание единства интернационального и национального моментов, правильное, глубокое сознание чувства революционной национальной гордости, рожденного славною историей рабочего класса России, его прошлым, прошлым России, И. В. Сталин считает одним из первейших качеств певца передового пролетариата. Подняться на высоту задач певца передового пролетариата — это значит ценить в своем народе, в великом русском народе его поучительнейшие национальные традиции, его революционную борьбу, его несокрушимую могучую волю и законно гордиться ими.

Говоря о гармоничном сочетании национальных традиций с общими жизненными интересами всех трудящихся Советского Союза, И. В. Сталин имеет в виду прогрессивно-демократические национальные традиции, традиции любви и преданности Родине, верности долгу, традиции дружбы между народами. Именно эти прогрессивно-демократические и революционные традиции, выработанные на протяжении всего

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 368—369.

² И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 367.

существования нации и закреплённые в совместной борьбе за честь и независимость Родины, гармонически сочетаются с общими жизненными интересами всех трудящихся Советского Союза. Общие жизненные интересы советских народов не противоречат коренным национальным традициям, а опираются на них, развивают и совершенствуют их. В нашей стране рушатся и исчезают феодально-родовые и иные традиции, возникшие в недрах феодального и капиталистического общества, вырастают социалистические традиции, основанные на новых общественных отношениях между людьми.

И. В. Сталин неоднократно подчеркивал роль русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Развитие национальных литератур СССР И. В. Сталин мыслил в единстве с развитием русской национальной культуры, с использованием и творческим преломлением ее богатейших демократических традиций, громадного достояния в области художественной литературы, в области языка. Русская культура и ее высшее достижение — ленинизм — была той благородной идейной и культурной почвой, на основе которой могли расти и созревать культуры национальных республик.

Единство нерусских народов с русским народом несло нерусским народам подлинное возрождение, подлинное утверждение национальной жизни, ибо русский народ приобщал их к революции, социализму, втягивал в общее русло социалистического строительства.

В письме к тов. Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)У И. В. Сталин осудил попытки украинских буржуазных националистов — Шумского и Хвилевого (впоследствии разоблаченных как врагов народа) — вбить клин между русским и украинским народами, отъединить процесс формирования украинской общности и культуры от русской советской культуры. Требование Хвилевого о том, что «от русской литературы, от ее стиля украинская поэзия должна убежать как можно скорее», его заявление о том, что «идеи пролетариата нам известны и без московского искусства», вели к отчуждению украинской культуры и украинской общности от культуры и общности общесоветской. Это была вражеская, немарксистская попытка оторвать проблемы культуры от политики, от политического содержания. Ориентируя украинскую культуру на общесоветскую культуру, на передовую русскую культуру, И. В. Сталин тем самым указывал, каким должен быть

путь движения всех национальных культур советских народов.

Под светом бессмертного сталинского учения цвела и цветет советская культура — самая передовая, самая прогрессивная культура в мире. Это учение оказывает неопределимую помощь молодым странам народной демократии в строительстве подлинно демократической, социалистической по содержанию, национальной по форме культуры. Передовые деятели искусства и литературы во всем мире находят в учении И. В. Сталина неиссякаемый источник вдохновения в борьбе за мир, в борьбе за освобождение колониальных и зависимых народов от оков хищнического империализма.

В трудах И. В. Сталина всесторонне разработаны не только общесторонние основы социалистической культуры. В трудах товарища Сталина, обнародованных до его гениальных работ по вопросам языкознания, выдвинут также ряд принципиальных положений о языке и стиле, о манере письма. Проблемы языка товарищ Сталин рассматривает как важнейшие общеполитические, культурные проблемы.

Язык — орудие мысли. Поэтому И. В. Сталин требует от слова наибольшей активности, наибольшей силы внушения, ибо борьба за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за культуру. Как и Ленин, товарищ Сталин восстает против засорения русского языка иностранными словами, мешающими доходчивости большевистской агитации, затуманивающими ясные вещи. Еще великий Белинский говорил о том, что употреблять иностранное слово, когда есть равноценное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус. Словарный запас русского языка неизмеримо обилён, и для выражения тех или иных понятий надо черпать из его резервуара живучие четкие слова. Товарищ Сталин восстает против стилистической изощренности и путаницы. Он требует писать не длинными, наводящими дрему периодами, а по-простому, короткими, энергичными фразами, по-ленински. Эти мысли высказаны товарищем Сталиным в письме ко «Всем членам редакции «Комсомольская Правда». «Хорошо было бы, — говорит И. В. Сталин, — упростить стиль статей в «Комсомольской Правде», обязать сотрудников писать по-простому, короткими фразами, по возможности без иностранных терминов, так, как умел это делать Ильич»¹.

В беседе с режиссером А. Довженко по поводу фильма «Аэроград» И. В. Сталин сделал глубокие замечания о языке.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 155.

И. В. Сталин отметил необходимость более взвешенного подхода к речевой характеристике действующих лиц, вышедших из гущи народа. Язык действующих лиц должен отражать общее в частном, то есть, не нарушая общепринятых норм литературного языка, он все-таки призван передать индивидуальный, неповторимый склад речи и лексические особенности языка того или иного человека. Нельзя накладывать на людей словесные стандарты, а следует учитывать своеобразие их быта и мышления. А. Довженко вспоминает:

«Иосифу Виссарионовичу понравился фильм «Аэроград».

— Только старик-партизан говорит у вас слишком сложным языком, речь таежника ведь проще, — сказал он».

Не только теоретические высказывания товарища Сталина, но и язык его работ наряду с языком произведений Ленина служит наивысшим образцом чеканности, предельной доходчивости, великой воздействующей силы, несокрушимой логической крепости и выразительности. Товарищ Сталин лично подает работникам литературы блистательный пример того, как можно просто, предельно ясно, отточено писать о самых сложных, о самых запутанных вопросах. Глубоко прав был А. Луначарский, когда он призывал советских писателей учиться великолепному языковому мастерству у величайшего знатока русского языка, у величайшего стилиста — товарища Сталина.

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания имеют выдающееся значение в идейной жизни страны. В них содержится величайшее богатство мыслей о литературе и искусстве.

Работы И. В. Сталина двинули вперед творческое развитие всей советской науки, вызвали могучий подъем теоретической мысли.

Труды И. В. Сталина указали новые пути изучения языка художественной литературы, языка писателя.

В работах И. В. Сталина по языкознанию подчеркнуто громадное значение языка в общественной, интеллектуальной, эстетической жизни народа, а тем самым и роль писателя, как инженера человеческих душ, для которого язык служит основным строительным материалом.

Гениальные труды И. В. Сталина, его высказывания по вопросам литературы и искусства, содержащие в себе громадное эстетическое богатство, будут неисчерпаемым вдохновенным источником для смелого творческого дерзания.

Отечески нежная, вместе с тем требовательная, заботливая любовь великого вождя к литературе, высокие, прекрасные идеалы, начертанные им перед «инженерами человеческих душ» — зовут советских писателей к новым победам, к новым вершинам, надежнейшие пути завоевания которых с гениальной ясностью указал им мудрый друг и воспитатель, величайший теоретик искусства — И. В. Сталин.

Великий теоретический труд

Гениальный труд «Экономические проблемы социализма в СССР» является обобщением и завершением предыдущих политико-экономических и философских работ величайшего теоретика нашей эпохи, вождя и учителя коммунистической партии и советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина.

В этом труде, обобщающем громадный опыт коммунистического строительства в нашей стране и новейшие данные развития современного капитализма, всесторонне исследованы законы общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе, определены научные основы развития социалистической экономики, указаны пути постепенного перехода от социализма к коммунизму, поднято на новую высоту ленинское учение об империализме.

«Экономические проблемы социализма в СССР» — программный документ, составляющий основу исторических решений XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза и разрабатываемой ныне новой программы партии.

Наша партия сильна тем, что она руководствуется марксистско-ленинской теорией, в политике и практической деятельности опирается на научное знание закона общественного развития.

«Учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, — говорит товарищ Г. М. Маленков, — дает нашей партии непобедимую силу, умение прокладывать новые пути в истории, ясно видеть цель нашего поступательного движения, быстрее и прочнее завоевывать и закреплять победы»¹.

Уходя от нас, товарищ Сталин вооружил коммунистическую партию и народы Советского Союза великой и ясной программой строительства коммунизма, осветил пути и методы социалистического строительства в странах народной демократии, указал коммунистическим и рабо-

чим партиям капиталистических стран главные направления тактики и стратегии борьбы за мир, демократию, социализм.

* * *

В классическом произведении И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» подняты на новую, высшую ступень все три составные части марксизма: политическая экономия, материалистическая философия и научный коммунизм.

Политическая экономия выясняет законы, управляющие экономическим развитием общества, доказывает неизбежность гибели капитализма и замены его самым прогрессивным общественным строем — коммунизмом. Политическая экономия изучает законы развития производственных отношений в сменяющихся одна другую экономических формациях.

В произведении «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин, гениально решив самые важные и сложные проблемы политической экономии, мастерски применил и развил марксистский диалектический метод, довел экономический анализ до выводов, имеющих величайшее значение в деле строительства коммунизма, в революционной борьбе трудящихся капиталистических стран за свое освобождение от империалистического ига.

Маркс, основоположник политической экономии, открыл экономический закон движения капиталистического способа производства. «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства»². Это «движущая душа капиталистического производства»³. Вскрыв основные черты капиталистического способа производства в домонополистический период, Маркс определил источники возникновения и возрастания капиталистической прибыли, источ-

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 107.

² К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 1949 г., стр. 624.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 153.

ники эксплуатации рабочего класса и дал ему идейное оружие в борьбе за свое освобождение.

Творчески развивая марксизм, гений революции великий Ленин исследовал производственные отношения капитализма в период загнивания этого строя. Исходя из потребностей развития материальной жизни общества в период монополистического капитализма, «когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»¹, В. И. Ленин открыл закон неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран в период империализма и на основе его разработал учение о пролетарской революции. Сущность ленинской теории пролетарской революции состоит в том, что в условиях высшей стадии капитализма прорыв империалистической цепи мог и должен был произойти в наиболее слабом ее звене, что пролетарская революция в условиях неравномерного развития, характерного для империалистической стадии капитализма, победит первоначально в одной стране. Под знаменем ленинской теории пролетарской революции победила Великая Октябрьская социалистическая революция в нашей стране.

Великий Ленин разработал вопросы политической экономии переходного периода от капитализма к социализму и в главных чертах решил основные проблемы, связанные с общественным производством и распределением материальных благ в социалистическом обществе. Величайшим программным положением является определение Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» — определение, характеризующее пути создания материально-технической базы коммунизма.

И. В. Сталин следующим образом характеризует то новое, что внесено Лениным в сокровищницу марксизма: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»².

Основы политической экономии социализма разработаны в ряде классических трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина.

«С того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного пово-

рота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой... Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его, если они касаются рабочих, крестьян и всех трудящихся нашей страны. Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека — обеспечивает партии своевременное проведение больших исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма», — так глубоко и ярко характеризовал С. М. Киров роль И. В. Сталина как организатора побед социалистического строительства. Эта гигантская партийная и государственная деятельность И. В. Сталина была тесно связана с его научно-теоретическими трудами. Вопросы политической экономии социализма находились постоянно в центре внимания Сталина.

Орлиным оком проникая вглубь процессов экономической жизни общества, И. В. Сталин обнаруживал внутренние пружины в борьбе нового и старого, происходящей в обществе, определял пути и средства, обеспечивавшие победу нового, прогрессивного над старым. Руководя партией и Советским государством, Сталин безошибочно видел в зародыше те явления, которые были призваны стать определяющими в историческом развитии. Во всех своих экономических исследованиях Сталин, разъясняя смысл, характер и требования экономических законов, нацеливал партию и государство на наиболее полное и всестороннее познание этих законов и использование их в интересах общества.

Развивая ленинское учение о том, что крупная машинная промышленность и механизированное с ее помощью крупное социалистическое земледелие есть единственная экономическая база социализма, Сталин разработал социалистический метод индустриализации. Благодаря осуществлению этого метода, основанного на использовании новых производственных отношений в интересах ускоренного развития производительных сил, наша страна в кратчайший исторический срок превратилась из отсталой в передовую, из аграрной в мощную индустриальную державу, по уровню техники и темпам производства далеко опередившую все страны мира.

Развивая ленинский кооперативный план социалистического переустройства деревни, Сталин создал научную теорию и разработал конкретную программу коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кудачества как класса. Теоретическое

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4-е, стр. 252.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 2.

обоснование программы коллективизации было научным выражением требования экономического развития общества. Требование это состояло в необходимости разрешить противоречие между самым передовым в мире государственным строем — советским строем — с его крупной социалистической промышленностью, уже в то время развивавшейся по единому плану, с одной стороны, и раздробленным мелкотоварным сельским хозяйством, ежечасно рождавшим капитализм, — с другой.

«Никто не может отрицать, — пишет И. В. Сталин, — колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20—25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями. Без этого производственного переворота производительные силы нашего сельского хозяйства прозябали бы так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах»¹.

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства создали экономический базис социализма. Они знаменовали окончательную победу производственных отношений социализма в стране.

Изменения в экономическом базисе необходимо было увенчать соответствующими изменениями в надстройке. Это было осуществлено путем выработки и принятия Сталинской Конституции, являющей собой научное выражение объективно существующего единства базиса и надстройки.

Развивая ленинскую теорию о возможности победы социализма в одной стране, Сталин научно обосновал возможность построения коммунизма в одной стране, особенно в такой стране, как СССР. Сталин доказал необходимость сохранения и укрепления государства и при коммунизме, если к тому времени сохраняются крупные капиталистические страны.

Развивая ленинскую мысль о том, что производительность труда в конечном счете есть самое важное, самое главное для победы нового общественного строя, Сталин подчеркнул, что чем выше будет у нас производительность труда, тем более совершенствоваться будет у нас техника производства, тем скорее можно будет создать изобилие материальных и духовных ценностей, необходимое для перехода к распределению по потребностям.

В период постепенного перехода от социализма к коммунизму перед коммунисти-

ческой партией и советским народом встал ряд новых вопросов теории и практики, выдвинутых ходом экономического развития. Классический труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — это и есть гениальный по глубине и ясности ответ на вопросы, поставленные жизнью.

Великий труд Сталина представляет собой блестящий образец глубокого единства революционной теории и революционной практики. Анализ вопросов глубоко теоретических в трудах И. В. Сталина есть результат обобщения практики; в то же время этот анализ дает научные основы, принципы, необходимые для выводов практики.

В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин всесторонне разработал следующие вопросы: о предмете политической экономии; о разграничении области политической экономии и хозяйственной деятельности; о характере экономических законов при социализме; об основном экономическом законе социализма и основном экономическом законе современного капитализма; о законе планомерного, пропорционального развития народного хозяйства; о товарном производстве и законе стоимости при социализме; о взаимодействии производительных сил и производственных отношений социалистического общества; об особенностях расширенного социалистического воспроизводства; о путях преодоления существенных различий между городом и деревней и между трудом умственным и физическим; об основных предварительных условиях перехода к коммунизму; об образовании двух мировых рынков и дальнейшем углублении общего кризиса капитализма.

В процессе решения названных основных проблем политической экономии Сталин поднял на новую, высшую ступень разработку ряда важнейших вопросов исторического материализма: об объективном характере законов науки и сознательном использовании этих законов в интересах общества, что связано с решением проблемы о свободе и необходимости; о взаимосвязи формы и содержания; о переходе мелких количественных изменений в коренные, качественные в условиях социализма; о характере противоречий в социалистическом обществе и путях их ликвидации; о диалектическом единстве общего и специфического.

Величайшим вкладом в политическую экономию и в исторический материализм является разработка Сталиным вопроса об основном экономическом законе общественной формации.

Введение в науку понятия основного экономического закона, осуществленное Сталиным, позволяет глубже, всесторонне

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 62.

раскрыть единство, связь и взаимозависимость всех экономических законов каждой данной формации.

* * *

Политическая экономия — это наука о базисе. Определив предмет политической экономии, Сталин конкретизировал данное им в труде «Марксизм и вопросы языкознания» определение базиса общества. Величайшее теоретическое и практическое значение имеет дальнейшая разработка Сталиным вопроса о предмете политической экономии.

Развивая науку об обществе, Сталин дает новое, непревзойденное по глубине мысли и точности характеристики определение предмета политической экономии:

«Политическая экономия изучает законы развития производственных отношений людей...

Предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов»¹.

Сталинское определение предмета политической экономии, как науки, изучающей производственные отношения людей, есть дальнейшее развитие вопроса об экономических формациях, ибо смена одних формаций другими есть результат замены отживших свой век производственных отношений новыми отношениями, соответствующими новому уровню развития производительных сил.

Смена одной экономической формации другой, осуществляемая посредством революции, есть переход от мелких количественных изменений в развитии производственных отношений, происходящих в лоне одной экономической формации, к изменениям коренным, качественным, знаменующим рождение нового общественного строя.

Важнейшей составной частью вопроса о предмете политической экономии является вопрос о том, связаны ли отдельные экономические формации общими законами.

В самой общей форме ответ на этот вопрос дал Карл Маркс в своем знаменитом «Введении» к «К критике политической экономии». «...Все эпохи производства, — пишет Маркс, — имеют некоторые общие

признаки, некоторые общие определения. [Некоторые] определения общи как для новейшей, так и для древнейшей эпохи. Без них немислимо никакое производство; однако, хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»².

В предисловии к «К критике политической экономии» Маркс открыл всеобщий закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил и показал механизм действия этого закона.

Сущность закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил состоит в том, что в период возникновения и восходящего развития каждого данного общественного строя производственные отношения, характеризующие этот строй, соответствуют характеру его производительных сил. На известном этапе своего развития они приходят в столкновение с устаревшими производственными отношениями. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы.

В условиях антагонистических формаций, где движущей силой исторического развития является классовая борьба, где за м е н е устаревших производственных отношений новыми мешают господствующим классам, восстановление нарушенного соответствия возможно только путем социальной революции, утверждающей новый экономический строй.

Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, являясь всеобщим экономическим законом, объективно обуславливает историческую неизбежность замены одной экономической формации другой. Но замена эта осуществляется не автоматически, а в процессе ожесточенной борьбы прогрессивных классов общества против реакционных классов, заинтересованных в сохранении отживших свой век производственных отношений.

Сталин дал законченный и четкий ответ на вопрос о том, связаны ли между собой общественные формации общими экономическими законами.

«Различные общественные формации в своем экономическом развитии подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общи для всех формаций, например, таким законам, как

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 73.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 175.

закон об единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Стало быть, общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами»¹.

Отрицание существования общих законов, характеризующих развитие как внутри формации, так и переход от одной формации к другой, привело бы к разрыву цепи исторического процесса, уничтожило бы политическую экономию как науку.

Политическая экономия, как наука о законах развития производственных отношений людей, изучает эти отношения на различных этапах развития человеческого общества в сменяющихся одна другую экономических формациях. Это определение предмета политической экономии исходит из наличия всеобщих законов общественного развития, объединяющих экономические формации в единую цепь исторического процесса.

Дальнейшим развитием вопроса о предмете политической экономии является вопрос о разграничении области политической экономии и хозяйственной деятельности.

И. В. Сталин учит, что предмет политической экономии и предмет хозяйственной политики руководящих органов — это две различные области, которые нельзя смешивать. «Политическая экономия изучает законы развития производственных отношений людей. Хозяйственная политика делает из этого практические выводы, конкретизирует их и строит на этом свою повседневную работу. Загружать политическую экономию вопросами хозяйственной политики значит загубить ее, как науку»².

* * *

Политическая экономия есть наука о законах развития производственных отношений. Значит, вопрос о характере экономических законов является основным методологическим вопросом политической экономии. Этот вопрос с величайшей глубиной и исчерпывающей ясностью разработан в труде И. В. Сталина.

Экономические законы объективны. В ходе исторического развития объективный характер экономических законов ярко

и наглядно проявляется в том, что, во-первых, люди не свободны в выборе того или иного способа производства, ибо каждое новое поколение, вступая в жизнь, застаёт уже готовые производительные силы и производственные отношения, как результат работы прошлых поколений. Во-вторых, потому, что, улучшая то или иное орудие производства, тот или иной элемент производительных сил, люди не сознают до конца того, к каким общественным результатам должны привести эти улучшения, и думают только о своих будничных интересах. Экономические законы отражают объективные процессы и причинные связи материальной жизни общества. Познавая эти объективные процессы, внутренне присущие им причинные связи, политическая экономия, как наука, открывает и познает экономические законы. «Марксизм,— учит И. В. Сталин,— понимает законы науки,— все равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии,— как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки»³.

Таким образом, Сталин нацеливает партию, народ на познание объективно существующих законов общественного развития с тем, чтобы строить свою практическую деятельность с учетом требований этих законов. «...Партия пролетариата, если она хочет быть действительной партией, должна овладеть, прежде всего, знанием законов развития производства, знанием законов экономического развития общества.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, партия пролетариата должна исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности, прежде всего, из законов развития производства, из законов экономического развития общества»⁴.

Сталин учит, что законы политической экономии, большинство из которых носит переходящий, исторический характер, возникают независимо от воли и сознания людей и не уничтожаются в законодательном порядке, а теряют силу и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, возникающим на базе новых экономических условий. В своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин дал

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 71.

² Там же, стр. 73.

³ Там же, стр. 4.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 552.

глубокую критику ошибочных, субъективистских взглядов ряда экономистов, философов и историков на характер экономических законов вообще, экономических законов социализма в особенности. Ошибки эти состояли в том, что в ряде экономических работ вопрос о характере экономических законов социализма подменялся вопросом об экономической роли социалистического государства, а вопрос об объективном характере законов общественного развития применительно к социалистическому обществу был, в сущности, снят. Таким образом законы науки, отражающие объективные процессы в природе и обществе, происходящие независимо от воли людей, оказались отождествленными с теми законами, которые издаются правительством, создаются по воле людей, имеют лишь юридическую силу и не являются законами общественного развития.

Объективный характер экономических законов в отличие от законов юридических Сталин с величайшей научной убедительностью показал на примере действия закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, как объективной основы наших народнохозяйственных планов, имеющих силу юридических законов.

«Закон планомерного развития народного хозяйства, — учит И. В. Сталин, — возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме. Он возник на базе обобществления средств производства, после того, как закон конкуренции и анархии производства потерял силу. Он вступил в действие потому, что социалистическое народное хозяйство можно вести лишь на основе экономического закона планомерного развития народного хозяйства. Это значит, что закон планомерного развития народного хозяйства дает **возможность** нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но **возможность** нельзя смешивать с **действительностью**. Это — две разные вещи. Чтобы эту возможность превратить в действительность, нужно изучить этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона. Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономического закона»¹.

Политика есть концентрированное выражение экономики. В политике экономика находит свое обобщение и завершение. Политика должна исходить из правильного

учёта требований материальной жизни. она должна поднимать и мобилизовать народ на решение именно тех задач экономического развития, которые выдвинуты жизнью, тех задач, без решения которых невозможно успешное движение вперед. Величайшая жизненная сила политики коммунистической партии и социалистического государства в том и состоит, что она всегда строилась и строится с учетом объективных данных сил экономического развития. Политика нашей партии и государства всегда выражает собой экономическую необходимость, назревшие потребности материальной жизни общества.

Конкретным примером того, что политика нашей партии и государства строится на основе учета реальных возможностей и потребностей экономики, является вопрос о темпах развития нашего народного хозяйства. Для людей, отрицающих объективный характер экономических законов социализма, проблема темпов — проблема политики; с их точки зрения государство вольно запланировать любые темпы и любые масштабы производства. Иначе решили этот один из важнейших народнохозяйственных вопросов партия и Сталин.

Поднимая народ на осуществление высоких темпов, партия и Сталин подчеркивали, что это является объективной необходимостью. В то же время партия и Сталин всегда предупреждали, что нельзя игнорировать реальные возможности, пренебрегать требованиями экономических законов, ибо такое пренебрежение неизбежно приводит на позиции субъективизма, к авантюризму в политике. Сформулировав на XVIII съезде партии основную экономическую задачу СССР, И. В. Сталин среди других важнейших условий ее выполнения подчеркнул необходимость высоких темпов развития промышленности. В то же время Сталин подверг уничтожающей критике некоторых бывших работников Госплана, которые, пренебрегая реальными условиями, запланировали во второй пятилетке среднегодовой прирост чугуна в размере 10 миллионов тонн.

«Это была, конечно, фантастика, если не хуже» — так определил И. В. Сталин это прожектерство.

К чему привело бы отрицание объективного характера экономических законов социализма?

«Это привело бы к тому, что мы попали бы в царство хаоса и случайностей, мы очутились бы в рабской зависимости от этих случайностей, мы лишили бы себя возможности не то, что понять, а просто разобраться в этом хаосе случайностей.

Это привело бы к тому, что мы ликвидировали бы политическую экономию как

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 8—9.

науку, ибо наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей. Ликвидировав же науку, мы лишили бы себя возможности предвидеть ход событий в экономической жизни страны, то есть мы лишили бы себя возможности наладить хотя бы самое элементарное экономическое руководство»¹.

Классический труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» поднимает нашу партию и народ на еще более активную и еще более целеустремленную борьбу за познание и преобразование мира.

Знаменосцем использования экономических законов в интересах общества во всех эпохах является передовой класс, отживающие же классы сопротивляются открытию и использованию новых экономических законов. Отживающие силы общества бешено сопротивляются также тем законам экономического развития, которые, являясь общими законами всех формаций, в свое время привели эти классы к господству, а теперь неотвратимо требуют ухода их с исторической сцены. Так, в эпоху буржуазных революций буржуазия использовала против феодализма закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Теперь этот закон вновь пробивает себе дорогу в капиталистических странах, и если он еще не вышел на простор, то лишь потому, что встречает сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Нужна величайшая общественная сила, которая, сознательно используя закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, ускорила бы процесс перехода от одной общественной формации к другой, высшей.

В нашей стране нашлась такая передовая общественная сила в виде союза рабочих и крестьян, такой силы не нашлось еще в других капиталистических странах.

«Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, Советская власть обобществила средства производства, сделала их собственностью всего народа и тем уничтожила систему эксплуатации, создала социалистические формы хозяйства. Не будь этого закона и не опираясь на него, Советская власть не смогла бы выполнить своей задачи»².

Отсюда вывод: могучая преобразующая сила социалистического государства не в том, что оно «творит» законы обществен-

ного развития, а в том, что руководствуется точным знанием объективных законов политической экономии.

Решив вопрос об источнике великой преобразующей силы социалистического государства, о его экономической роли, Сталин поднял на новую высоту марксистско-ленинское учение о соотношении экономики и политики, базиса и надстройки в период социализма.

Сталин с новой силой подчеркнул величайшую роль обратного воздействия социалистической надстройки на свой базис. Экономический базис общества развивается в соответствии с объективными экономическими законами. Но люди могут обрести активную силу воздействия на это развитие, могут сознательно направлять его, если овладеют знанием объективных экономических законов.

Решая вопрос о сознательном использовании экономических законов в интересах общества, Сталин развивает дальше марксистско-ленинское понимание соотношения свободы и необходимости.

Господство людей над законами развития природы и общества проявляется в общественной практике. Чем более познают люди объективную необходимость, выражаемую экономическими законами, чем с большим знанием дела они учитывают в практике эту познанную необходимость, чем менее они находятся в зависимости от этой необходимости, тем они свободнее. В марксистском понимании свобода — это познанная необходимость. «А что может означать «познанная необходимость»? Это означает, что люди, познав объективные законы («необходимость»), будут их применять вполне сознательно в интересах общества»³.

* * *

В системе экономических законов каждого общественного строя есть такой экономический закон, который является основным, определяющим законом, таким законом, который служит ключом к пониманию и объяснению всех закономерностей данного общественного строя.

Основной экономический закон, учит И. В. Сталин, — это такой объективный закон развития общества, который определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития данного способа производства, а все главные стороны и все главные процессы этого развития.

Основной экономический закон определяет сущность данного способа производ-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 85.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 6.

ства — цель, во имя которой данный способ производства осуществляется, и средства, при помощи которых достигается эта цель. Создать политическую экономию той или иной формации — политическую экономию капитализма или политическую экономию социализма — это прежде всего значит открыть и познать основной экономический закон формации. До выхода в свет гениального произведения Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» наша социально-экономическая наука не поднималась еще до той степени обобщения явлений общественной жизни, на которой возможно открытие основного экономического закона формации, как закона, служащего ключом к пониманию и объяснению всех закономерностей данного общественного строя.

Но это не значит, что такого закона не было. Этот закон объективно действовал в каждой экономической формации и в той или иной степени использовался ее господствующими классами.

При переходе от одной экономической формации к другой специфические законы старой формации сходят со сцены и уступают место специфическим законам новой экономической формации.

С первых дней утверждения нового общественного строя возникает основной экономический закон, характеризующий сущность этого строя.

Что касается экономических законов в недрах одной формации, то они претерпевают изменения. По поводу изменения специфических экономических законов капитализма И. В. Сталин писал: «...законы развития капитализма, в отличие от законов социологических, имеющих отношение ко всем фазам общественного развития, — могут и должны меняться»¹.

В своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин вскрыл процесс углубления противоречия между производительными силами и производственными отношениями современного капитализма.

Развивая марксизм-ленинизм, Сталин показал, что закон прибавочной стоимости является слишком общим законом капитализма и не выражает существа современного капитализма, ибо он не затрагивает проблемы высшей нормы прибыли, основу существования монополистического капитализма.

Сталин конкретизировал и развил закон прибавочной стоимости, вскрыл и исследовав те изменения, которые он претерпел в условиях империализма и общего кризиса капитализма. «Главные черты и требования основного экономическо-

го закона современного капитализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»².

Как светлый мир социализма, открывающий простор для расцвета общества и счастья людей, противостоит современному капитализму, где несметные богатства горстки эксплуататоров растут за счет варварской эксплуатации трудящихся, так основной экономический закон социализма противостоит основному экономическому закону современного капитализма. «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма, — учит И. В. Сталин, — можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»³.

Основной экономический закон, как и все другие экономические законы социализма, действует объективно, независимо от воли и сознания людей. С первых дней победы советского строя на смену сошедшему с исторической арены основному экономическому закону капитализма в нашей экономике вступил в действие основной экономический закон социализма. Основной экономический закон социализма возник одновременно с переходом средств и орудий производства в собственность социалистического государства.

Определяя цель социалистического производства, этот закон выражает сущность социалистического способа производства, служит направляющим началом в развитии экономической и политической жизни страны. Мы применяем этот основной экономический закон социализма с первых дней советского строя, но нужен был гений Сталина, чтобы, обобщив гигантский опыт социалистического строительства и осветив его светом теории, открыть этот закон и сформулировать его основные требования.

Подобно тому, как законами естествознания люди начали пользоваться задолго до

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 38.

³ Там же, стр. 40.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 165.

того, как они постигли научную сущность используемых в практике явлений природы, в своей практической деятельности люди соотносятся с требованиями хотя еще и не познанных, но объективно существующих и действующих экономических законов. Так, например, обмен товаров возник много тысячелетий тому назад, а научное обоснование закона стоимости, выражающего экономическую сущность товарного обмена, впервые дано Марксом, то есть, руководствуясь общественно-историческим опытом, люди использовали объективный экономический закон задолго до того, как он был открыт и научно объяснен.

И. В. Сталин учит, что ни господствующий класс, ни правящая партия не могут сразу схватить новые процессы, творящиеся в жизни, и отразить их в теории и политике. «...Так как сначала бывают факты, потом их отражение в сознании наиболее передовых элементов партии, и только после этого наступает момент осознания новых процессов в головах массы членов партии... сознание несколько отстает от фактов»¹.

Сущность социалистического способа производства, выражаемая основным экономическим законом социализма, определенная как цель этого способа производства, была ясна классикам марксизма-ленинизма еще до победы социалистического строя.

Уже в ранней своей работе «Анархизм или социализм?» великий Сталин, характеризуя цель грядущего социалистического способа производства, писал: «...главная цель будущего производства — непосредственное удовлетворение потребностей общества, а не производство товаров для продажи ради увеличения прибыли капиталистов»².

Зная цель, во имя которой утвердился социалистический способ производства, цель, которая сливается с конечной целью коммунизма, на знамени которого написано «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям», коммунистическая партия и социалистическое государство с первых дней утверждения советского строя соотносят свою деятельность с требованиями основного экономического закона социализма.

В многочисленных работах, предшествовавших выходу в свет гениального творения «Экономические проблемы социализма в СССР», И. В. Сталин, обобщая факты социалистического строительства, вскрывая их экономическую сущность, все в большей и большей степени подходит к открытию и обоснованию основного эконо-

мического закона социализма. Еще в 1920 году, характеризуя цель и методы социалистического строительства, И. В. Сталин говорил: «...мы строили не буржуазное хозяйство, где всякий, преследуя свои частные интересы, не заботится о государстве, как о целом, не ставит себе вопроса о планомерной организации хозяйства в государственном масштабе. Нет, мы строили общество социалистическое. Это значит, что должны быть учтены потребности всего общества в целом, должно быть организовано хозяйство планомерно, сознательно, в общероссийском масштабе»³.

В переходный период от капитализма к социализму требования основного экономического закона социализма учитывались через политику партии и государства, возглавлявших борьбу социалистических элементов хозяйства против элементов капиталистических за восстановление народного хозяйства и улучшение материального благосостояния трудящихся.

До тех пор, пока экономика нашей страны была многоукладной, основной экономический закон социализма не имел полного простора для своего осуществления.

Конкретным проявлением учета требований основного экономического закона социализма в восстановительный период являлся тот факт, что в целях облегчения тяжелого в тот период положения рабочего класса партия и правительство сознательно шли на то, что рост заработной платы обгонял рост производительности труда.

Неполная реализация требований основного экономического закона социализма в восстановительный период находила свое выражение в том, что материальные и культурные потребности трудящихся удовлетворялись еще далеко в недостаточной степени, еще существовала безработица, в деревне было много бедноты.

В период индустриализации и коллективизации сельского хозяйства требования основного экономического закона социализма удовлетворяются уже в значительно большей мере. Социалистический метод индустриализации, как и великая программа сплошной коллективизации, разработан нашим бессмертным вождем И. В. Сталиным с учетом непрерывного улучшения материального и культурного благосостояния трудящихся, то есть с учетом цели социалистического производства.

На XVI съезде партии, характеризуя преимущества социалистической системы хозяйства, великий Сталин вплотную подошел к определению главных черт и тре-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 232.

² И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 334.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 390.

ований основного экономического закона социализма.

«...Развитие производства, — говорил И. В. Сталин о нашей системе хозяйства, — подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся...

...Распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне...

...Систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует трудящихся от кризисов перепроизводства, роста безработицы и нищеты...»¹.

Полная победа социализма в нашей стране открыла широчайший простор действию основного экономического закона социализма.

И. В. Сталин с величайшей научной глубиной показал, что так же, как основной экономической закон капитализма определяет все важнейшие явления в области развития капиталистического способа производства, его подъема и кризисы, его победы и поражения, его достоинства и недостатки, весь процесс его противоречивого развития, дает возможность понять и объяснить их, так основной экономической закон социализма с исчерпывающей глубиной выражает преимущества социалистической системы хозяйства.

«Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей»². «Следовательно: вместо обеспечения максимальных прибылей, — обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества; вместо развития производства с перерывами от подъема к кризису и от кризиса к подъему, — непрерывный рост производства; вместо периодических перерывов в развитии техники, сопровождающихся разрушением производительных сил общества, — непрерывное совершенствование производства на базе высшей техники»³.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 321.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 77.

³ Там же, стр. 40.

Таким образом, действия основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма определяют две линии экономического развития — нисходящую линию движения загнивающей капиталистической экономики, которая бьется в тисках все более и более углубляющегося общего кризиса, и восходящую линию расцвета социалистической экономики нашей Советской державы и братских стран, строящих социализм.

То, что основной экономический закон данной формации позволяет понять и объяснить все явления и процессы общественной жизни этой формации, особенно ярко видно на примере развития техники.

Как показал И. В. Сталин, именно основной экономической закон современного капитализма объясняет тот факт, что буржуазия из знаменосца новой техники превратилась в реакционную силу, тормозит технический прогресс, придают уродливое развитие науке и технике, ставит их на службу разрушению и смерти. Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капитализм стоит против новой техники и за переход на ручной труд, когда новая техника уже не сулит ему наибольших прибылей.

В то время как основной экономической закон современного капитализма объясняет причины технического регресса в империалистических странах, основной экономической закон социализма раскрывает и объясняет причины технического прогресса и расцвет науки в нашей стране, бурное преимущественное развитие производства средств производства во всех отраслях народного хозяйства во имя создания избытка продуктов.

Основной экономической закон каждой общественной формации определяет характер воспроизводства производительных сил и производственных отношений этой формации. Цель капиталистического производства — извлечение прибыли. Это с объективной неизбежностью приводит к тому, что процесс расширенного воспроизводства сопровождается накоплением богатства на одном полюсе и ростом нищеты, муками труда, рабства, невежества, моральной деградации на противоположном полюсе, то есть па стороне рабочего класса.

Усиление эксплуатации трудящихся своей страны, закабаление народов других стран, подготовка войн и агрессии, осуществляемые монополистами во имя извлечения максимальной прибыли, приводят к дальнейшему обострению противоречий капитализма, к углублению общего кризиса капиталистической системы. Все это есть

проявление противоречивого характера империалистического развития, определяемого основным экономическим законом современного капитализма, проявление острого антагонизма капиталистических производительных сил и производственных отношений.

Процесс расширенного социалистического воспроизводства осуществляется в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма. Всестороннее удовлетворение непрерывно растущих материальных и культурных потребностей всего народа требует расширенного воспроизводства всех отраслей народного хозяйства, а осуществление такого воспроизводства требует преимущественного развития производства средств производства. В связи с этим необходимо отметить исключительно важное значение указания Сталина о том, что «...марксовы схемы воспроизводства отнюдь не исчерпываются отражением специфики капиталистического производства, что они содержат вместе с тем целый ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций, в том числе и особенно для социалистической общественной формации. Такие основные положения марксовой теории воспроизводства, как положение о разделении общественного производства на производство средств производства и производство средств потребления; положение о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве; положение о соотношении между I и II подразделениями; положение о прибавочном продукте, как единственном источнике накопления; положение об образовании и назначении общественных фондов; положение о накоплении, как единственном источнике расширенного воспроизводства,— все эти основные положения марксовой теории воспроизводства являются теми самыми положениями, которые имеют силу не только для капиталистической формации и без применения которых не может обойтись ни одно социалистическое общество при планировании народного хозяйства»¹.

Требованиями основного экономического закона социализма определяется мудрая сталинская политика мира, осуществляемая великой коммунистической партией и социалистическим обществом. Мы боремся за мир, потому что мир нужен нам для всестороннего развития всего общественно-го производства, для создания избытка материальных и духовных ценностей, для счастья людей.

Основной экономический закон современного капитализма объясняет агрессивность империалистических стран, объясняет неизбежность войн между капиталистическими странами. Современный монополистический капитализм не может осуществлять более или менее регулярно расширенное воспроизводство, не получая максимальной прибыли. Эксплуатация, разорение и обнищание большинства населения данной страны оказываются недостаточными. Монополистический капитализм во имя того, чтобы еще хоть на короткое время сохранить свой прогнивший строй, встал на путь таких авантюр, как «закабаление и систематическое ограбление колоний и других отсталых стран, превращение ряда независимых стран в зависимые страны, организация новых войн, являющихся для воротил современного капитализма лучшим «бизнесом» для извлечения максимальных прибылей, наконец, попытки завоевания мирового экономического господства»².

Анализируя действия основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма, товарищ Сталин разрешил исключительно важный вопрос о соотношении противоречий между лагерем социализма и империализма, с одной стороны, и противоречий между капиталистическими странами,— с другой. Хотя теоретически ясно, что противоречие между лагерем социализма и империализма глубже, острее, «борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма»³. В результате вторая мировая война началась не с войны с СССР, а с войны между капиталистическими странами. Неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе потому, что, во-первых, война с СССР, как страной социализма, опаснее для капитализма, так как она поставит вопрос о существовании самого капитализма; во-вторых, потому, что хотя капиталисты и шумят об агрессивности СССР, сами не верят в его агрессивность; в-третьих, потому, что поработанные США страны, в первую очередь Германия и Япония, не могут не стремиться к тому, чтобы вырваться из американской неволи и зажить своей самостоятельной жизнью.

Исключительно важное теоретическое и практическое значение имеет сталинский вывод о том, что экономическим результатом существования двух противоположных лагерей является распад ранее единого ми-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 80—81.

² Там же, стр. 39.

³ Там же, стр. 35.

рового рынка на два противостоящих друг другу мировых рынка.

И. В. Сталин показал, что действие основного экономического закона современного капитализма ведет к обострению общего кризиса капитализма, что кризис этот является всесторонним кризисом мировой системы капитализма, охватывающим как экономику, так и политику. В основе кризиса лежит все более усиливающееся разложение мировой экономической системы капитализма, с одной стороны, и растущая экономическая мощь лагеря демократии и социализма, возглавляемого великим Советским Союзом, — с другой.

Современный капитализм внутри своей страны эксплуатирует не только рабочий класс. Монополии в погоне за максимальными прибылями грабят, эксплуатируют и разоряют крестьян, фермеров и мелких предпринимателей. Они не либеральничают более с ними. «Растоптан принцип полнoprавия людей и наций, он заменен принципом равноправия эксплуататорского меньшинства и беспрavia эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт», — говорил великий вождь народов И. В. Сталин в своей исторической речи на XIX съезде партии, в своем последнем выступлении. На современном этапе общего кризиса капитализма коммунистические и демократические партии капиталистических стран должны возглавить борьбу самых широких масс за демократию, повести за собой большинство народа.

В погоне за максимальными прибылями монополисты зависимых стран продают права и независимость нации за доллары. «Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт» (Сталин). Отсюда вывод величайшей практической значимости: коммунистические и демократические партии должны поднять и понести вперед знамя национальной независимости, должны стать руководящей силой нации.

Всемирно-исторического значения выводы, сделанные великим Сталиным на основе анализа экономического и политического состояния капиталистических стран, характеризуемого действиями основного экономического закона современного капитализма, являются дальнейшим развитием научного коммунизма.

* * *

Весь труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» от его первой до последней страницы — это руководство к действию, к борьбе масс за коммунизм.

Сформулированные И. В. Сталиным три основных предварительных условия перехода от социализма к коммунизму органически связаны с воплощением в жизнь главных черт и требований основного экономического закона социализма.

Для того, чтобы подготовить действительный переход к коммунизму, учит И. В. Сталин, необходимо: во-первых, прочно обеспечить непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным развитием тяжелой промышленности, с ее сердцевиной — машиностроением. Всестороннее развитие нашего народного хозяйства, это важнейшее средство создания изобилия продуктов, необходимо для перехода к распределению по потребностям. Ускоренные темпы развития производства средств производства, будучи необходимым условием расширенного социалистического воспроизводства, обеспечивают неуклонно осуществляемую механизацию всех отраслей производства, что облегчает труд людей и повышает его производительность.

Переход от социализма к коммунизму, учит И. В. Сталин, будет означать «коренной переход от одной экономики, от экономики социализма — к другой, высшей экономике, к экономике коммунизма»¹. Формирование материально-технической базы этой высшей экономики — экономики коммунизма — осуществляется путем глубочайших технических переворотов, по своим масштабам, мощи, темпам, социальному и техническому значению во много раз превосходящих технические перевороты, имевшие место в истории. Глубина, колоссальные масштабы и революционизирующее значение технических преобразований, осуществляемых в условиях строительства коммунизма, обусловлены прежде всего полным соответствием производственных отношений социализма характеру производительных сил. Соответствие это — динамическое, но оно никогда не вырастает до размеров конфликта, ибо коммунистическая партия и социалистическое государство своевременно подмечают противоречия, возникающие в процессе развития, и путем правильной политики обеспечивают их преодоление.

Главными направлениями технического прогресса в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму являются: комплексная механизация всех, в первую очередь тяжелых и трудоемких, работ во всех отраслях народного хозяйства; автоматизация производственных

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 76.

процессов; электрификация; химизация; использование в производстве новейших открытий науки, телетехники, радиолокации и т. д.; использование новых могучих источников энергии, прежде всего атомной энергии. «Использование атомной энергии для мирных целей вызовет большой переворот в производственных процессах», — говорит Сталин.

Основу осуществления всех важнейших направлений технического прогресса в народном хозяйстве составляет электрификация. Программное положение великого Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны», — как светоч, ведет нас по пути развития народного хозяйства на основе самой высокой, самой совершенной техники. Грандиозные гидростроения на Волге, Дону, Днепре, Аму-Дарье — великие сталинские стройки коммунизма знаменуют новый высший этап в создании материально-технической базы коммунизма.

Сталин учит, что производительные силы, особенно орудия производства, являются наиболее революционным элементом общественного развития. Но производительные силы развиваются ускоренными темпами лишь в условиях, когда они находятся в полном соответствии с производственными отношениями. «...Новые производственные отношения являются той **главной** и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производственные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах.

...Конечно, новые производственные отношения не могут остаться и не остаются вечно новыми, они начинают стареть и впадать в противоречие с дальнейшим развитием производительных сил, они начинают терять роль главного двигателя производительных сил и превращаются в их тормоз. Тогда на место таких производственных отношений, ставших уже старыми, появляются новые производственные отношения, роль которых состоит в том, чтобы быть главным двигателем дальнейшего развития производительных сил.

Это своеобразие развития производственных отношений от роли тормоза производительных сил к роли главного их двигателя вперед и от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил, — составляет один из главных элементов марксистской материалистической диалектики»¹.

Величайшим вкладом в марксистско-ленинскую теорию является дальнейшее

развитие И. В. Сталиным вопроса о диалектике развития производительных сил и производственных отношений при социализме. Поскольку изменения в способе производства во всех формациях начинаются с изменения производительных сил, постольку и при социализме имеет место некоторое отставание производственных отношений от уровня развития производительных сил, а значит, и некоторое противоречие между ними.

«...Задача руководящих органов, — указывает И. В. Сталин, — состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и во-время принять меры к их преодолению путем приспособления производственных отношений к росту производительных сил. Это касается прежде всего таких экономических явлений, как групповая — колхозная собственность, товарное обращение»².

Глубокий анализ диалектики производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе лежит в основе теоретической разработки второго сталинского условия перехода к коммунизму. Это условие намечает пути развития и подъема производственных отношений социализма.

Определяющим фактором производственных отношений являются отношения собственности, а также вытекающие из отношений собственности отношения между различными классами и формы распределения продуктов. На первой фазе коммунизма общественная собственность существует в форме всенародного достояния и кооперативно-колхозной (групповой) собственности. Существование двух форм собственности характеризует своеобразие движения к коммунизму двух дружественных классов социалистического общества: рабочего класса и крестьянства.

С уничтожением капитализма и эксплуатации в нашей стране исчезла противоположность интересов между городом и деревней, но сохранилось существенное различие между ними. Основа этого различия состоит в том, что в промышленности мы имеем общенародную собственность на средства производства и продукцию производства, в то время как в колхозах, хотя средства производства (земля, машины) и принадлежат государству, однако продукция производства составляет собственность отдельных колхозов, так как труд в колхозах, как и семена, — свой собственный, а землей, которая передана колхозам в вечное пользование, колхозы распоряжаются фактически, как своей собственностью, несмотря на то, что они не могут

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 61, 62.

² Там же, стр. 68.

ее продать, купить, сдать в аренду или заложить.

Наличие двух форм собственности создает такое положение, что государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий, тогда как колхозной продукцией распоряжаются колхозы. «Но колхозы не хотят отчуждать своих продуктов иначе как в виде товаров, в обмен на которые они хотят получить нужные им товары. Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу, в настоящее время колхозы не приемлют». А там, где есть товарное производство, не может не действовать закон стоимости. Характер производственных отношений между рабочим классом и колхозным крестьянством, обусловленный существованием двух форм общественной собственности, в настоящее время соответствует развитию производительных сил, но, проникая в суть экономических явлений, Сталин разгадал намечающиеся противоречия между развитием производительных сил при переходе к коммунизму и производственными отношениями, определяемыми двумя формами собственности. «...Было бы непростительной слепотой,— указывает И. В. Сталин,— не видеть, что эти явления вместе с тем уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием. Не может быть сомнения, что чем дальше, тем больше будут тормозить эти явления дальнейший рост производительных сил нашей страны. Следовательно, задача состоит в том, чтобы ликвидировать эти противоречия путем постепенного превращения колхозной собственности в общенародную собственность и введения продуктообмена — тоже в порядке постепенности — вместо товарного обращения»².

Итак, второе основное предварительное условие перехода от социализма к коммунизму состоит в том, чтобы поднять производственные отношения социализма на новую, высшую ступень, на которой они будут основываться на одной, всенародной форме собственности. Это обеспечит ликвидацию существенного различия между городом и деревней и приведет к полному исчезновению товарного производства, в связи с чем потеряет силу и перестанет действовать закон стоимости.

Обобщая практику социалистического

строительства, Сталин увидел в экономических отношениях государства с хлопководческими, льноводческими и свекловодческими колхозами зачатки продуктообмена. Анализируя экономическую сущность этого явления и научно предвидя результаты, к которым приведет его развитие, Сталин пришел к выводу: «Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами»³.

Под излишками колхозного производства следует понимать всю так называемую товарную продукцию колхозов. Эта товарная продукция складывается из государственных поставок, контрактации, государственных закупок и той продукции, которая реализуется через колхозный рынок.

И. В. Сталин учит, что потребует организация зачатков продуктообмена во всех отраслях сельского хозяйства по мере их развития в широкую систему продуктообмена с тем, чтобы колхозы получали за свою продукцию не только деньги, а главным образом необходимые изделия. Переход к продуктообмену нужно осуществлять систематически, но без особой торопливости, ибо это связано с огромным увеличением промышленной продукции, отпускаемой деревне.

В непосредственной связи с осуществлением второго сталинского условия перехода к коммунизму находится вопрос о судьбах товарного производства при социализме. Наше товарное производство, как с исчерывающей ясностью показал И. В. Сталин,— это товарное производство особого рода. Его характерные черты состоят в том, что оно осуществляется без капиталистов; в качестве товаропроизводителей выступают не разобценные товаропроизводители, а государство, колхозы, кооперация, чье производство основано на общественной собственности; сфера действия нашего товарного производства ограничена предметам потребления. Орудия и средства производства в области экономического оборота внутри страны не являются товаром и выходят за пределы сферы действия закона стоимости, сохраняя лишь внешнюю оболочку товаров.

Сталин дал также дальнейшую разработку одного из важнейших вопросов материалистической диалектики — вопроса о характере перехода от старого качества к новому в условиях социалистического общества. Развивая обоснованное

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 16.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, стр. 93.

в труде «Марксизм и вопросы языкознания» положение о том, что в условиях общества, где нет враждебных классов, переход от старого качества к новому может быть осуществлен без взрыва, И. В. Сталин пишет:

«Дело в том, что в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового»¹.

Это гениальное положение дает научную основу для понимания, вскрытия и ликвидации неантагонистических противоречий, возникающих в процессе развития социалистического общества.

Третье сталинское условие перехода к коммунизму предусматривает такой культурный рост общества, такое экономическое и культурное перевоспитание его, в результате которых стремление получить глубокое всестороннее образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития и свободно ориентироваться в теоретических и практических вопросах облюбованной сферы деятельности, станет потребностью каждого человека. Оно требует также высокого уровня развития производительных сил, и в связи с этим, серьезных изменений в нынешнем положении труда как материальной основы, обеспечивающей полнос, безусловное удовлетворение этой потребности.

Для того, чтобы достигнуть такого подъема культурного роста общества, учит И. В. Сталин, «...нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальней-

шего систематического снижения цен на предметы массового потребления»².

Проблема ликвидации существенного различия между умственным и физическим трудом «это — новая проблема, поставленная практикой нашего социалистического строительства»³. Она является для нас в высшей степени серьезной проблемой, ибо подъем культурно-технического развития всех членов общества до уровня работников инженерно-технического труда является важным условием создания избытка материальных и культурных ценностей общества.

Ликвидация существенного различия между умственным и физическим трудом, осуществляемая в процессе социалистического строительства, является одним из определяющих факторов непрерывного роста всего общественного производства. Расширенное социалистическое воспроизводство, сопровождающееся техническим прогрессом, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на ускорение процесса культурного расцвета общества.

Чем быстрее будет повышаться технический уровень производства, чем быстрее будет решаться задача подтягивания рабочих до уровня инженерно-технических работников, тем выше будет производительность труда, тем больше будет произведено изделий, необходимых для введения продуктообмена, тем скорее будет повышена колхозная собственность до уровня общенародной.

В условиях быстрого всестороннего развития производительных сил социализма, особенно главной производительной силы — самого человека, — начинает воплощаться в жизнь гениальное предвидение Маркса, состоящее в том, что при коммунизме мерилом общественного богатства будет уже не рабочее время, а свободное время, ибо свободное время, необходимое для всестороннего развития индивидуума, само, как величайшая производительная сила, обратно воздействует на производительную силу труда. «Свободное время, являющееся как временем досуга, так и временем для осуществления более возвышенной деятельности, конечно, превращает того, кто им располагает, в иного субъекта, и как иной субъект он и вступает в непосредственный процесс производства. Последний является вместе с тем школой дисциплины, с точки зрения его воздействия на формирующегося человека, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он в то же время

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53.

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 27.

является поприщем практического применения сил, экспериментальной наукой, материально-творческой и предметно-воплощающейся наукой. И для того, и для другого он является телесным упражнением, поскольку для выполнения работы требуется практически приложить к делу руки и поскольку выполнение труда, как в земледелии, связано с передвижением»¹.

Так открывается простор для полного, всестороннего развития каждого человека, что является важнейшим фактором полного воссоединения духовной и физической деятельности. Так постепенно будет ликвидироваться социальное различие между интеллигенцией и рабочим классом.

Важнейшим условием, призванным обеспечить подъем культурного уровня всего народа, Сталин, партия считают сокращение рабочего дня. Будучи воплощено в жизнь, это условие обеспечит новый мощный подъем производства. Но для того, чтобы стала объективно возможной реализация этого условия, необходимо достижение высокой производительности труда — такова диалектика развития.

Достижение высокой, всеобъемлющей культуры всего народа требует такой организации просвещения и воспитания, которая каждому человеку обеспечит условия для получения с ранних лет всесторонней подготовки, даваемой политехническим обучением, и позволит благодаря этому выбирать область деятельности со знанием ее существа, с учетом своих вкусов, способностей и талантов. В организации политехнического обучения Маркс видел «...зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей»².

В грядущем коммунистическом обществе всесторонняя подготовка всех членов общества и непрерывное расширение всех областей материального и духовного производства будут сопровождаться систематическим увеличением объема той техники, которая приводится в движение одним человеком. Уже в наши дни по мере оснащения народного хозяйства агрегатными станками, автоматическими станочными линиями, заводами-автоматами, по мере применения в производстве радиолокации,

атомной энергии и других новейших открытий науки создание народного богатства становится больше зависимым от мощности агрегатов и машин, при помощи которых оно производится, чем от количества времени, затрачиваемого на его производство. В то же время мощность машин становится все в большей степени зависимой от развития науки и от ее применения к производству и все в меньшей степени от количества времени, затраченного на их производство. Количество выпускаемой продукции все в большей и большей степени зависит от научной подготовки рабочего, от его способности использовать технику до дна, чем от количества затрачиваемого им времени.

Уже в наши дни новаторы социалистических предприятий являют яркие и многочисленные примеры того, как «...руки учат голову, затем поумневшая голова учит руки, а умные руки снова и уже сильнее способствуют развитию мозга»³. Уже на современном этапе развития производительных сил передовые рабочие и колхозники нашей страны поднялись до уровня работников интеллектуального труда, что позволяет им сочетать физический труд с умственным и свободно переходить из области материального производства в область духовной деятельности и не оставаться прикованными на всю жизнь к одной какой-нибудь профессии. При коммунизме каждый человек по мере своего совершенствования и развития получит возможность свободно переходить из одной области труда в другую, в том числе из сферы материального производства в сферу духовной деятельности.

«В обществе, в котором орудия производства принадлежат государству, производство научно урегулировано в соответствии с потреблением, и производительным трудом заняты все члены общества, от детей до стариков, — количество труда, приходящееся на каждого производителя, будет очень невелико... Рабочий, освобожденный машиной от необходимости тратить годы на профессиональную выучку и от изнуряющего, сверх меры длинного рабочего дня, убивающего всякую жизненную энергию, будет обладать достаточными силами и досугом для духовного развития. Производитель, благодаря своему знанию механики, будет работать в различных отраслях индустрии, — другими словами, он сможет обслуживать разнообразнейшие машины. Он будет занят ручным трудом, но функции управления и научные методы усовершенствования производства не будут для него книгой за семью печатями, пото-

¹ К. Маркс. Из неопубликованных рукописей. «Большевик», № 11—12, 1939 г., стр. 65.

² К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 1949 г., стр. 489.

³ М. Горький. О литературе, 1937, стр. 450.

му что это перестанет быть монополией умственной аристократии. Научное и художественное воспитание члена такого общества не будет, подобно воспитанию современного «образованного» философа ограничиваться несколькими годами, проведенными в гимназии или реальном училище, где калечится душа ребенка; нет, оно будет длиться всю жизнь, посвящая всех производителей в научные способы производства и давая каждому из них возможность чередовать физический и умственный труд»¹. Так Поль Лафарг в своем произведении «Пролетариат физического и умственного труда» дает общую картину воссоединения умственного и физического труда в коммунистическом обществе.

Непрерывное расширение материального производства не будет препятствием к систематическому возрастанию усилий и времени, отдаваемых членами общества духовной деятельности, ибо роль этой деятельности в создании коммунистического изобилия будет постоянно возрастать.

Руководствуясь указаниями великого Сталина, XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза наметил большие мероприятия по развитию политехнического обучения, проектируя в ближайшие пятилетки сделать его обязательным и всеобщим.

При социализме уровень культурно-технического развития общества еще не достиг такой высоты, которая обеспечила бы каждому человеку с малых лет такую подготовку, которая в дальнейшей жизни давала бы ему возможность выбрать специальность и посвятить себя той или иной деятельности со знанием дела, с глубоким пониманием характера, назначения и сущности этой деятельности, с сознанием своего призвания именно к этой деятельности. Введение всеобщего обязательного политехнического обучения станет началом конца такого положения вещей.

В отличие от специализированного школьного обучения политехническое образование будет с юных лет вооружать людей теорией и практикой современной техники, давать им всестороннее развитие. Содержание политехнического обучения составляет: усвоение юношеством законов науки о развитии природы и общества, знакомство с технологией в широком смысле этого слова, как с наукой, вскрывающей «...активное отношение человека к природе, непосредственный процесс про-

изводства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и протекающих из них духовных представлений»², знакомство с различными типичными профессиями и типичными производствами.

Коммунизм — это вершина человеческой культуры. Переход от социализма к коммунизму требует как высокого культурного подъема всего общества, так и всестороннего развития каждого его члена. Однако всестороннее развитие людей коммунистического общества нельзя представлять как ликвидацию специализации. Ленин писал, что прогресс техники состоит в обобществлении труда, а это обобществление необходимо требует специализации различных функций процесса производства. Специализация же идет в таком направлении, что каждая частичка производственного процесса может быть специализирована и выделена в отдельное производство.

В связи с растущей специализацией социалистического производства необходима специализация и людей, управляющих этим производством. Но специализация эта должна быть не узкой и односторонней, она должна базироваться не на ограниченном количестве знаний, а на громадной эрудиции всесторонне развитых людей. Это диктуется не только культурными запросами общества, но и характером создаваемой ныне материально-технической базы коммунизма.

Автоматический завод автомобильных поршней — специализированный завод, и естественно, что люди, управляющие этим заводом, должны иметь определенную специальность. Но как многообразна, как многогранна должна быть эта специальность! Каждый работник такого завода должен быть хорошо знаком с электротехникой, автоматикой и телемеханикой, гидравликой, металлургией, теорией резания, инструментальным делом, он должен знать основы технологических процессов.

Разделение труда, являющееся результатом специализации производства, в условиях капитализма «превращает рабочего в урод, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя весь мир его производственных наклонностей и дарований»³. Советский социалистический строй уничтожил порабощающий характер разделения труда. Разделение труда на социалистическом

¹ П. Лафарг. Сочинения, т. II, стр. 434—435.

² К. Маркс. Капитал, т. I, 1949 г., стр. 378.

³ Там же, стр. 368.

предприятия осуществляется прежде всего как разделение производства изделия между исполнительными механизмами машины, агрегата или последовательного ряда машин — потока, предполагая производителя сознательным руководителем сложного производственного процесса, координирующим работу машины или системы машин. Социалистический характер разделения труда внутри предприятия предполагает специализацию, не принижающую производителя до роли придатка к машине, а поднимающую его до уровня инженерно-технического работника.

Что касается разделения труда внутри общества, то и там ликвидация существенного различия между умственным и физическим трудом ни в коей мере не предполагает уничтожения специализации. Еще Маркс говорил, что без ограничения сферы деятельности ни в одной области нельзя достигнуть ничего замечательного. Современная наука насчитывает свыше 400 отраслей знаний, она будет расти и развиваться, и очевидно без доказательств, что всестороннее развитие людей коммунистического общества предполагает не дилетантство и всезнатьство, а ясное представление об основных науках и блестящие знания в любимой сфере деятельности, умение развивать и совершенствовать ту область, в которой работаешь, используя при этом все богатства смежных наук и отраслей производства.

В свете учения товарища Сталина ликвидацию существенного различия между умственным и физическим трудом нужно понимать как уничтожение разрыва в культурно-техническом уровне людей, занятых непосредственно материальным производством, и людей, руководящих этим производством или работающих в области научных исследований. «Но какое-то различие, хотя и несущественное, все же сохранится, хотя бы потому, что условия ра-

боты руководящего состава предприятий не одинаковы с условиями работы рабочих»¹.

Важнейшим элементом коммунистического воспитания является овладение каждым советским человеком теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. В наши дни с особой силой звучат золотые сталинские слова:

«...Ленинец не может быть только специалистом любимой им отрасли науки, — он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной»².

Именно о воспитании таких всесторонне развитых людей, имеющих образование, достаточное для того, чтобы «...стать активными деятелями общественной жизни»³, и говорит товарищ Сталин, формулируя третье обязательное предварительное условие перехода от социализма к коммунизму.

* * *

Программная работа товарища И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — великий научный подвиг гениального теоретика, мудрого учителя и вождя, подвиг, свершенный во славу нашей партии, во имя торжества коммунизма.

Это бессмертное творение немеркнущим светом теории освещает историческую работу советского народа, создающего коммунизм, — достойный памятник Великому Сталину.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 29.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 599.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 68.

Люди города Сталинска

УТРО ГОРОДА

Город кузнечских металлургов — Сталинск.

Над улицами навис морозный розоватый туман, дома кажутся расплывчатыми, неясными. Мохнатые от инея вагоны трамвая появляются со звоном как-то вдруг и также внезапно исчезают. Смутные силуэты автомашин и прохожих, словно плывут, раскачиваясь, в этой мгlistой пелене.

Но вот утреннее солнце, солнце весны, расплескивает, разгоняет морозную дымку. И словно поднимается волшебный занавес: в обширной долине, заставленной отрогами Кузнечских гор, открывается великолепный город — его стремительные проспекты, многоэтажные жилые корпуса, нарядные площади.

Развертывается приподнятая над городом — на склоне горы — величественная панорама Кузнечского металлургического комбината имени Сталина, его огромных цехов, раскинувшихся на многие километры. А над цехами, в центре, как скалы, встают домы — высокие, монументальные.

Таково первое впечатление. Потом мне приходилось видеть Сталинск в разные времена года, и он всегда казался мне весенним — и в жаркие дни лета и в трескучие морозы сибирской зимы.

Город возник двадцать один год назад. Он занял тогда склон горы и берег Абы, а потом раздался по берегам трех рек: Абы, Томи и Кондомы. В городе за двадцать один год сооружено 1 300 тысяч квадратных метров жилой площади, в четыре раза больше, чем, например, построено за семь столетий в старом губернском Нижнем Новгороде. А сам металлургический комбинат, зачатый город, стал в нем лишь одним из многих крупных предприятий.

...Высоко над Тотьмою стоит на горе старая Кузнечная крепость. Ее заложили в 1618 году русские казаки-землепроходцы. Через четыре года Кузнечный острог превратился в городок, куда приезжали управлять кузнечской землей воеводы из самой Москвы.

Кузнечск скоро стал как бы центром разведки русскими людьми сказочных недр Сибири.

Кузнечскими горы и землю казаки прозвали не зря: здесь русских людей встретили как избавителей от иноземного гнета малочисленные горские племена — шорцы, мастера железа. О них, по донесениям казаков, в грамоте царя Михаила Федоровича от 11 сентября 1623 года сказано:

«Около Кузнечка — на Кондоме и Мрасе стоят горы великие. В тех горах люди кузнечские емлют камни, кои разжигают на дровах, а другие камни разбивают молотами, разбив, сеют решетками, а просеяв, сыплют понемногу в горы, где камни и сливаются в железо. Из того железа кузнечские мастера делают шелома и копыя, рогатины и сабли, а также другие железные вещи. А железо то кузнечское и уклад велки добр и лучше свейского...»

В первые же годы русские мастера внесли в древнее ремесло горцев свою большую сноровку; в 1624 году казак Федор Еремеев с товарищами отлил из местных руд отличные пушки и пищали, которые и легли на крепостных стенах Кузнечка и Томска.

Многие клады открыли потом на Кузнечкой земле русские рудознатцы.

С башни старинной крепости теперь и не найти, пожалуй, Кузнечка давних и совсем недавних лет — разве, что можно заметить несколько темных изб да кирпичные строения купцов. Новые кварталы, улицы, районы города заставили собой старину.

Секретарь городского комитета Коммунистической партии Антонина Викентьевна Климович хорошо помнит город в разные времена его роста. Помнит она маленькую деревушку Бессоновку, затерянную в этой обширной котловине, среди кустарников и болот. Помнит великий и уютный табор новостройки, о людях которой писал Владимир Маяковский в «Рассказе о Кузнечкестрое и о людях Кузнечка»:

Темно свинцовоночие —
и дождик

толст, как жгут;

сидят
 в грязи
 рабочие,
 сидят,
 лучину жгут.
 Сливеют
 губы
 с холода,
 но губы
 шепчут в лад:
 «Через четыре
 года
 здесь
 будет
 город-сад!».

— Вот он, наш город! — говорит Антонина Викентьевна, вычерчивая рукой почти законченный круг, гордая за великое творение сталинских пятилеток, за свой город, прочно ставший хозяином юга Кузбасса.

— Вот он, город Сталина!

Стоя на башне, мы видим огромный массив строений, занявший всю котловину, а местами и склоны гор. Под маленькой крепостицей — Старокузнецкой — район Сталинска. Далеко на западе, где узкая долина Абы служит как бы входом в город, видны терриконы, высокие, как горы, — там шахтерский район, Куйбышевский. Ближе лежат поля, закованные рельсами и заставленные поездами, — хозяйство железнодорожников.

Центральная часть города — это широкие, по ниточке спланированные проспекты, улицы, площади. Здесь дворцы культуры, театры, кино, клубы, библиотеки, стадион, парки и скверы с фонтанами и скульптурой, многоэтажные жилые здания, обеспеченные современным коммунальным комфортом.

Влево от башни, до самой Кондомы, притока Томи, до далеких горняцких поселков — Байдаевки, Зыряновки, Абашева, — раскинулась сторона огромных промышленных новостроек, где уже дымят трубы многих новых предприятий.

Каждый год в городе вырастают новые кварталы, улицы, строители ежегодно сда-

ют десятки тысяч квадратных метров новой жилой площади.

— Посмотрите сюда! — приглашает Антонина Викентьевна, показывая на пустынный пока горб горы, что позади крепости.

Город встанет и здесь! Новые проспекты и улицы займут этот склон. Крепостица окажется в центре, останется музеем старины. Я помню, как говорил о городе Михаил Иванович Калинин, когда приезжал к нам. Он сказал, что Сталинск нужно любить за прошлое, настоящее и будущее. Великий Сталин потом назвал новую угольно-металлургическую базу на востоке гордостью нашей страны. Гордость страны — это и наш город!..

Мартовские сумерки — синие, быстрые. Опустилось за гору оранжевое солнце. Повевло иголистым холодком, словно густел воздух. Прошли какие-то минуты сутемок. И вот уже вспыхнули огни щедрой россыпью, косяками, созвездиями — море огней города засверкало до горизонта. Багровыми сполохами заиграло зарево рождающегося металла.

Миллионы и миллионы тонн металла дали кузнечане стране за двадцать один год. Кузнечными рельсами можно было бы опоясать земной шар несколько раз. Кузнечную сталь знают и любят строители паровозов, тракторов, гидростанций, высотных дворцов Москвы.

Как хорошо сказал товарищ Г. М. Маленков в 1946 году о Кузбассе, о Сталинске, городах Урала, о мудром предвидении Сталина:

«Разве не очевидно, что без Кузбасса и без промышленности Урала мы бы проиграли войну? Все это надо было заранее видеть. Сталин велик тем, что он в мирное время видел то, что всем стало ясно во время войны».

Великий Сталин своим гением вызвал к большой жизни могучий Кузбасс, и потому справедливо горняки и металлурги называют Кузбасс сталинским.

И Сталинск, один из крупнейших городов Советского Союза, с честью носит светлое и гордое имя отца, учителя, друга.

ДОМЕНЩИКИ

Кузнечные домы величественны. Вместе с батареями каунеров они выглядят высотным центром комбината.

Каждые сутки домы поглощают много поездов с рудами, коксом, известняком... Несколько эшелонов шихты принимает в день лишь одна печь. Массивная кладка печей, как известно, охлаждается водой, и домы расходуют воды больше, чем население всего города.

Доменщики с давних пор занимают почетное и заслуженное место в коллективе металлургов. За двадцать один год существования комбината они повысили производительность печей в несколько раз, внесли в технологию много своих оригинальных и смелых новшеств, отработали стройную и точную технологию.

Побывать в доменном пехе — значит попасть в мир сложной, умной техники.

На огромном, как поле, рудном дворе цеха, кроме железнодорожников, работают лишь семеро доменщиков; они управляют машинами.

Высокая башня на рельсах легко поднимает тяжелые вагоны и опрокидывает их, сыпная содержимое в места, установленные для каждого вида груза. Портальные краны, похожие на железнодорожные мосты, двухчелюстными лопатами захватывают сразу по 12 тонн груза и разносят руду в определенном порядке, сортируя и смешивая ее для так называемого усреднения (выравнивая по содержанию железа). Специальные электровагоны доставляют к бункерам руду, кокс...

Бункерный. Это — большое подземелье, где меж гигантских бункеров с рудами, коксом, известняком, мартеновским шлаком ходят по рельсам вагоновесы с высоко приподнятой площадкой. Каждый вагон обслуживает домну, на площадке вагона машинист, которому видно откуда все, что происходит там, навстречу, даже уровень засыпки в печи: он видит все по приборам. Машинист забирает из бункеров порции шихты и сыпает их в скипы — вагончики, бегающие по крутому наклонному мосту к вершине домны; один вагончик — вниз, другой — вверх.

Не видно никого в машинных залах, что у подножия каждой домны. Здесь мир автоматики, электроприборов. Ловкие и быстрые контакты, непрерывно передвигаясь в голубых молниях искр, вызывают вращение тяжелых валов с толстыми тросами; они поднимают и опускают скипы, конусы. Лишь иногда сюда заходит мастер — посмотреть и вслушаться в клеток контактов.

Торжественно и нарядно в газовых будках. Это просторные комнаты, стены которых тоже заставлены приборами автоматики. Стрелки приборов вздрагивают, движутся, вычерчивают на рулонах бумаги записи показателей хода печей, понятные молчаливым и спокойным газовщикам. Здесь приглушенное дыхание кауперов, гул «вулканов» домен, легкое жужжание и щелчки аппаратов.

Но вот мы у горна. У каждой печи в смене четверо, пятый мастер. Маленькие рядом с горами домен, спокойные и будто даже медлительные у потоков расплавленного металла, эти люди — повелители бующей огненной стихии.

Точно через четыре часа (по выпуску металла в цехе можно проверять часы) старший горновой пробивает летку электробуром. В каскаде искр, в выплесках пламени из горна вырывается бурный поток тяжелого маслянистого металла. Минут сорок течет из домны чугун. Затем к пеклу горна поборачивается массивная электропушка. Ствол ее нацеливается на летку. Порция

глины вдавливается в отверстие, и это похоже на выстрел, сопровождаемый ревом, грохотом, сверканьем взрыва, клубами пара... И сразу становится у горна темно и тихо; летка закрыта струей глины из пушки на полном ходу — по-кузнечки.

В недавнюю старину «огневое» дело мастеровых у домен было каторжным, в полвека они казались стариками, ссохшимися в испепеляющем пекле. Многие кузнечки доменщики работают у своих печей непрерывно по двадцать лет и выглядят молодыми, свежими, сильными. Они управляют могучей техникой, их труд, как и труд всех советских людей, становится торжеством, основой жизни.

Разве не о таком труде сказал Алексей Максимович Горький: «Нет в мире героики более величественной, чем героика труда, творчества!»

* * *

Много в коллективе доменного цеха замечательных мастеров «огневого» дела, доменщиков по призванию. Много у домен своих новаторов — беспокойных, пытливых, упорных в поисках нови.

Больше двадцати лет живет и трудится в Сталинске Лука Тарасович Герасимов. Он приехал сюда с группой металлургов юга Украины помочь сибирякам наладить доменное дело. Многие из южан, выполнив задание, уехали домой, а Герасимов остался.

— Я не собирался оставаться, да так уж вышло, — объясняет свое переселение в Сибирь доменный мастер, — человек могучего сложения, вылитый потомок репинских запорожцев. У Луки Тарасовича хорошее, открытое лицо, спокойный взгляд карих глаз. Он вспоминает с улыбкой: — Тоже интересное было время! Приехали мы с Днепра осенью тридцать первого года в осенних пальто, в кепочках да ботинках, попали прямо в бараки. И начались тут такие морозы, что перехватывало дыхание. Одели нас, конечно, сразу во все теплое, работали мы много, крепко. А вечерами мечтали о батьке-Днестре, о пышных садах, о песнях родной Украины, что щемят душу. Думал я так: вот помогу пустить печь и домой...

Первую кузнечную домну зажег он, обергазовщик Герасимов. Народная честь взволновала его, породнила с сибирской дожной. Земляк Герасимов, горновой Степан Бойко, пробил в горне чугунную летку и выдал первый металл.

Задута первая печь. В цехе появилась смена. Лука Тарасович собирается домой, а сердце нет-нет да и засаднит предстоящая разлука. Вот уедет он, а тут строятся другие домны, — справятся ли? И все откладывал свой отъезд.

А потом случилось происшествие — из серии пусковых, когда еще не все притерто, пригнано.

На башне каупера отскочила крышка люка, вырвался поток раскаленного тысячеградусного воздуха. В секунды лестница, свисающая с верхнего мостика до площадки люка, стала желтой, веревочно дряблой. Для предупреждения аварии, казалось, был один путь: закрыть дутье, прекратить плавку. Так и хотели сделать.

— Нет! — крикнул Герасимов.

Он бросился к асбестовому костюму и взобрался на помост. Отшатнувшись на мгновение от жары, газовщик задержал дыхание, скользнул рукавицами по оранжевым поручням лестницы, прыгнул на площадку и придавил ногой крышку люка. А когда вздохнул, пошатнулся...

Тут и подошел на помощь друг и земляк мастер Василий Балта: он проделал тот же путь, во-время прыгнул на площадку, поддержал Луку Тарасовича и закрепил люк.

Домна продолжала дышать ровно и мощно...

Затем произошел еще случай. В лютый мороз вдруг лопнула водопроводная труба на кожухе домны. Каскад ледяной воды обрушился вниз на людей. Герасимов схватил водопроводчика и полез искать место аварии. Но что можно увидеть в густом морозном тумане? Сверху льет, брызжет, ватник обледеневаает, превращается в жесткий панцирь... Однако сладили с водой на ощупь теряющими чувствительность руками.

После каждого из таких происшествий домна становилась еще ближе, дороже. Как же это можно оставить ее и ехать домой?

Да и домой ли? Не переместился ли дом с юга в Сибирь, в этот новый, барачный город? Да и что такое дом — разве только ьвартира, улица, где живешь? Не там ли дом, куда устремлены все помыслы, где жизнь идет на большом дыхании, работается в полную силу!

Остался в Сибири Лука Тарасович. Построил себе в старинном Кузнецке, что под крепостью, добротный дом, привез семью, разбил усадьбу, посадил сад. Рядом поселились земляки — Балта, Болгов и другие.

Как-то в отпуск поехал Герасимов проведать родные места на Днепре. Он ехал на юг, вспоминал молодость и опасался тайно, что вновь потянет его на Украину. Но все сложилось иначе. Приехал Лука Тарасович на родину гостем и не столько расспрашивал, сколько сам рассказывал о богатых Сибири, о новом городе — самом замечательном, самом красивом в стране... Он вернулся домой раньше срока.

И вот прошло много лет. Лука Тарасович хорошо поработал эти годы. Он награжден

за свой доблестный труд орденами и медалями. Много раз ему вручались почетные грамоты и присуждалось звание «Лучшего доменного мастера Советского Союза».

О самой высокой награде в жизни своей Лука Тарасович говорит растроганно, и глаза его при этом лучатся радостью.

— Я видел Сталина, близко видел. Я был у товарища Сталина на приеме в тысяча девятьсот тридцать седьмом году; Иосиф Виссарионович принимал тогда металлургов. Никогда не забуду того счастливого вечера, душевных, отеческих слов вождя. Вот, смотрите, — и он вынимает из нагрудного кармана кожаный футляр, в котором хранит синеватый квадратик плотной бумаги — пригласительный билет № 195 на вход в Кремль, в гости к великому Сталину.

О главном в жизни доменщиков Герасимов говорит просто:

— А мы учились! Работали и учились. Поднимали доменное дело. Ругались при этом, спорили, а двигались все вперед. Мы так увеличили выплавку чугуна, что по сравнению с первыми годами у нас уже не один цех, а как бы несколько. А теперь, когда партия поставила перед нами новые задачи, мы воодушевлены, как на большом празднике. Столько у нас желаний, намерений!..

И Лука Тарасович горячо рассказывает о наболевшем, о нуждах цеха — неотложных и важных для успешного и досрочного завершения пятой сталинской пятилетки.

Пора уже увеличить дутье в печах, по крайней мере, на сто кубов воздуха в минуту. Во-время нужно позаботиться и о воздухоудном хозяйстве: зимой еще воздуха хватает — он плотный, — а вот летом, когда воздух разреженный, может быть плохо.

Надо решительно улучшить качество агломерата: он слабый и мелкий. Пока везут агломерат в поездах, сгружают его на рудном дворе, потом перегружают в электровагоны, сыпают в бункеры, подают в скипы, от него остается одна пыль. Как тут увеличить выплавку чугуна? Агломерат должен быть крупный, прочный, с равномерным содержанием железа.

Или вот новое дело: доменщики увеличивают выплавку чугуна, а на рудниках горняки отстают, руды иной раз на дворе не хватает, забирают в бункеры прямо с поездов. А руды таптагольские разные: с верхнего пласта тугоплавкие, с нижнего — легкоплавкие, усреднять их уж некогда. А разные руды «дергают» печи, нарушают ровность их хода.

Да и сама технология отстала, пора бы уж ее пересмотреть, особенно теперь, когда начали применять повышенное давление газа на колошнике.

Большая, кипучая жизнь с новой силой забурлила в цехах комбината после XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Призыв партии — больше металла Родине! — нашел самый живой отклик доменщиков, сталеваров, прокатчиков.

Кажется, никогда еще у кузнечан не было столько удач, успехов, побед! Программу 1952 года коллектив комбината завершил по всему металлургическому циклу досрочно. Больше выплавляется чугуна, быстрее варится сталь, много металла сверх плана дают прокатчики и в новом 1953 году.

Но еще беспокойнее стали новаторы. Достигнутое они решительно зачисляют во вчерашний день и думают о новых задачах, вскрывают новые резервы, злее ведут борьбу с косностью, где бы она ни гнездилась и кто бы ее ни отстаивал. Жаркие творческие споры стали обычными, а слова критики высказываются жестко и прямо лицам, облеченным малой или большой властью.

* * *

Вот стоит над потоком металла высокий, чуть пригнувшийся человек. В оранжевых отсветах лицо его кажется отлитым из бронзы, будто дымитс я огненная прядь волос на выпуклом лбу; глаза запряты в узких щелочках век.

Это Лукьян Викторович Силицкий — старший горновой у первой домы.

Двадцать один год назад строитель Силицкий сосредоточенно следил прищуренными глазами за первым выпуском кузнечного чугуна и словно охмелел от жаркой работы доменщиков.

Эта первая плавка привела Лукьяна к главному доменщику комбината. Тот внял просьбе парня и перевел его учеником к печи. Старший горновой Насонов встретил новичка пытливо:

— Подумай, откажись, пока не поздно! Ты ведь бетонщик передовой, о тебе в газетах писали, а ты в ученики... Где у тебя голова? Тут тебе не стены выкладывать — домна! Ее двадцать лет изучать надо...

Лукьян стал горновым через полгода, и Насонов первый грубовато поздравил его:

— Ну, Лукьян Викторович, дотошный ты!

Молодой горновой старался. Ко всему присматривался остро, цепко. Со смены уходил неохотно. А когда освоил дело, начал придирчиво вторгаться в производство: почему это так, а не иначе, вносил свои предложения. Скоро Силицкий стал знатным человеком комбината. В соревновании доменщиков страны ему много раз присуж-

далось звание «Лучшего горнового Советского Союза».

И сейчас Лукьян Силицкий весь в пылу общей борьбы за металл. Горячий, порывистый, сильный человек, он озабочен резервами.

Вот горновые придумали отстойники для улавливания чугуна из шлака, идущего по канавам: чугуна тяжелее шлака, он идет по самому дну канавы и стекает через отверстия в большую яму, где заготовлены формы. За один выпуск вылавливается иной раз до тонны металла. Но чугуна застывает в ямах тяжелыми болванками, руками их просто не возьмешь, нужны краны, хотя бы простенькие. Об этом говорят горновые на рапортах, совещаниях. И Силицкий «шурует» у начальства:

— Вы привыкли считать только тысячами тонн, сотни тонн — это уже не металл вроде. А разве это правильно? А где забота о людях, ведь глыбы приходится нам подымать!

И краны уже заказаны механическому цеху; подсчитали: оказалось, одна тонна выловленного чугуна за один выпуск у одной печи означает в год тысячи тонн металла дополнительно к плану.

И есть еще одно новое среди другого, что особенно волнует доменщиков: это — предложение инженера Петра Ивановича Паско укрупнить коксовую подачу, увеличить вес так называемой коксовой колоши, что означает укрупнение слоев кокса и шихты в печах.

— Крупные колоши дадут нам возможность сливать в сутки дополнительно более тысячи тонн чугуна, — утверждал инженер.

Предложение вызвало в цехе и в комбинате споры: одни сразу поддержали его, другие отнеслись недоверчиво.

Горячим сторонником Петра Ивановича стал Силицкий, обвинивший руководство цеха и комбината в боязни дать полный ход смелому предложению.

— Вот пример того, как зазнаются люди, успокаиваются, становятся консерваторами, — сурово говорил горновой. — Чем иным можно объяснить? Ведь начальник цеха — опытный доменщик! А дело тут ясное. Начальство наше опасается: вдруг министерство увеличит план? Как же тогда спокойно жить? Вот резервы и держат в кубышке! Конечно, мы не отступимся, пробьем дорогу новому! Нам это дорого. Ведь более тысячи тонн чугуна сверх плана — это почти полмиллиона тонн в год! Понимаете, что это значит?!

* * *

Инженер Петр Иванович Паско, о предложении которого говорят и спорят в комбинате, — уже пожилой человек, коммунист

с тридцатилетним стажем, начальники смены в цехе. Его не очень любят некоторые руководители за критику, произносимую обычно прямо; ему дружески пожимают сильные руки доменщики: горновые, газозвущики, мастера.

Петр Иванович выступал на партийно-хозяйственном активе комбината в феврале 1952 года, когда обсуждались и принимались обязательства в письме товарищу Сталину. Нагануне актива руководство рекомендовало доменщикам принять на себя 30 тысяч сверхпланового чугуна в год. Однако доменщики отклонили эту цифру и обязались дать сверхпланового чугуна 45 тысяч тонн. Осторожное руководство все же «срезало» эту цифру на 5 тысяч. Тогда на активе и выступил Петр Иванович.

Кручный, крутолобий, с жилистыми руками, расставив ноги, как моряк в штормовую погоду, он говорил с укором, обращаясь к президиуму, где сидело и начальство:

— Почему вы зажимаете наши обязательства? Вы же прекрасно знаете, что мы дадим чугуна сверх плана не сорок пять тысяч тонн, а раза в два больше.

В президиуме промолчали. А инженер угадал верно, хотя и не совсем точно: 90 тысяч тонн чугуна сверх плана доменщики дали значительно раньше конца года.

Иной раз с беспокойным инженером ведут беседы «по-душам» руководители комбината. И разговоры эти складываются примерно так:

— Послушайте, Петр Иванович, ну чего вы шумите? Мы же имеем крупные успехи! Какой у нас, например, плановый коэффициент был в прошлом году? Ноль восемьдесят четыре! А мы выплавляли каждую тонну чугуна с ноля восьмидесяти кубометра объема печи. Это же — достижение!

— Да, достижение — соглашается Паско и добавляет: — У магнитогорцев коэффициент ноль семьдесят четыре. А мы могли бы иметь коэффициент ноль шестьдесят семь.

— Э, разве можно с вами договориться! Трудный вы человек...

В конце 1952 года в Сталинск приехал министр черной металлургии. Он побывал в цехах, подолгу разговаривал с металлургами, и его встреча с Петром Ивановичем произошла сама собой в доменном цехе. Министр интересовался, почему плохо работает вторая домна.

— Была реконструкция печи, товарищ министр, причины неровной работы выясняем.

Так «объяснял» исполняющий обязанности начальника цеха. Присутствовавший

при этом директор комбината не возражал. Министр с сомнением покачал головой. И тут выступил Петр Иванович.

— Сбъяснение это неправильное, товарищ министр! — сказал он.

— Это наш инженер Паско, — представил его директор.

— Здравствуйте! — поздоровался министр и спросил: — Почему же объяснение неправильное?

Петр Иванович ответил:

— После реконструкции печи в ней выплавляли литейный чугун по неправильной технологии — на малых коксовых подачах в шесть целых и шесть десятых тонны. Поэтому в печи образовались настывы.

— Но настывы, как мне известно, сняли. Почему же плохо идет печь?

— Да, настывы сняли, но потом опять начали выплавлять литейный чугун я по той же технологии. В печи, на кладке, опять настывы.

— А чем вы можете это доказать?

— Диаграммами: в них отображена вся жизнь домны.

— Так. А скажите: может домна работать без настывей?

— Да, может. Весной на этой же печи мы увеличили суточную производительность на сто девятнадцать тонн больше плана. Но мы тогда изменили технологию, увеличили вес коксовых подач до восьми целых и четырех десятых тонны. Настывей в печи не было.

В беседу вступил директор комбината:

— Паско опять говорит о своих крупных коксовых колошах, товарищ министр. Весной он действительно увеличил производительность печей, а потом опять пошли неполадки.

— Это неправильно. — быстро возразил инженер. — Если бы мы постепенно увеличили коксовую подачу, мы увеличили бы и выплавку чугуна, резко сократив при этом расход кокса. А мы снова вернулись на прежний режим.

— Извините, товарищ министр, — сказал директор. — Ни на одном заводе в нашей стране нет крупных коксовых подач, о которых говорит Паско.

— Не изучив условий других заводов, нельзя опираться на их опыт, — отозвался Петр Иванович. — У них свои условия, у нас свои, свой кокс, свои руды, своя среда.

— Ну, хорошо. У вас есть убежденность, расчеты, опыт. Кто же мешает вам давать больше чугуна по вашей технологии? — спросил министр.

— Начальство наше, — как всегда прямо, ответил Паско.

И министр повернулся с молчаливым вопросом к директору. Тот сказал:

— В ближайшее время, товарищ ми-

нистр, мы заслушаем доклад товарища Паско в Доме техники!

— Давно надо было это сделать. Человек работает, имеет уже опыт в этом деле. Дайте ему возможность довести до конца начатое. Все хорошее надо взять, плохое отклонить.

— Мы это сделаем, товарищ министр, — обещал директор.

Эта беседа понравилась доменщикам. Мастера и горновые провозжали Ивана Федо-

ровича Тевосяна дружески и приглашали чаще навещать их в далекой Сибири.

О смелости кузнечных металлургов так высказался главный инженер комбината Григорий Иванович Ермолаев:

— Великий русский ученый Ломоносов сказал, что даже малый опыт стоит больше тысячи предположений. Я за смелость, за опыты, за новаторов! За жаркие творческие споры! В спорах определяется большая правда.

СТАЛЕВАРЫ

Мартеновские печи вытянулись по «двору» комбината более чем на километр. Здесь, в огромных корпусах, озаренных изнутри оранжевыми сполохами, варится знаменитая кузнечная сталь, которую высоко ценят мастера металлических дел в стране.

До самой Москвы и до синих морей кузнечные сталевары ездят по своим рельсам, в вагонах из своего металла, на тяге электровозов и паровозов, построенных из их стали. Марок этой стали — сотни. Из нее изготавливаются тысячи видов изделий — от лезвий для бритвы до кораблей; такой стали кузнечане дают каждый год сверх плана десятки и десятки тысяч тонн.

Как и доменщики, сталевары без устали совершенствуют свое дело, ускоряют плавку, улучшают качество стали.

Вопреки устоявшимся убеждениям и долгой практике кузнечане в свое время не углубили, а расширили ванны мартеновских печей, чтобы газовое пламя быстрее «обрабатывало» большую поверхность расплавленной массы металла.

Старые динасовые своды на многих печах заменены хромомagneзитовыми, из материала собственного производства; новые своды позволили повысить жар в печах, а значит, ускорили плавку. Автоматика помогает сталеварам поддерживать в печах наилучшие тепловые режимы и обеспечивать ровность хода печей. «Узким» местом в цехах остались насадки регенераторов, «легких печей», где нагревается воздух. Сталевары сами теперь переделывают насадки, по-своему, по-кузнечки увеличивая в них площадь нагрева...

Говоря о знатных сталеварах, следует назвать мастера Михаила Привалова. Это коренастый, крепкий человек со смуглым, красивым лицом, немного похожий на цыгана. Первый раз мы встретились с ним в цехе.

Просторные корпуса мартеновских цехов заняты машинами: завалочные машины на рельсах, с руками, похожими на длинноствольные пушки (руками этими они поднимают с кареток вагончики — мулды, полные руды или известняка, всовывают в

окна печей, опрокидывают и выхватывают обратно иной раз в раскаленном виде), поезда ковшей с жидким чугуном, шумные заливные краны, юркие автомашинны с ферросплавами... Есть у сталеваров в обстановке рабочего места особенность: их труд озвучен колокольным звоном, лязгом буферов, паровозными свистками, сиренами, серебристыми трельями звонков.

Привалов спокойно вышагивал среди движущихся, шумящих машин, знакомил с устройством мартеновского агрегата и с тем, что в нем переделали кузнечане. Рассказывал о разных марках стали. Объяснял, как сталевары теперь проводят скоростные плавки и как важно и вполне возможно все плавки проводить только скоростным способом.

Вспомнил о скоростном ремонте печей:

— Когда-то, можно сказать, на заре жизни комбината, у нас ремонты занимали до пятнадцати процентов календарного времени. Те скорости теперь в истории. На блоке моих печей ремонты занимают уже шесть процентов времени; в цехах — шесть — семь. А знаете, что означает в нашем деле даже один процент? Это тысячи и тысячи тонн стали дополнительно.

Быстрый ремонт печей — одно из крупных достижений кузнечан. Горячий ремонт пода делали раньше через каждые десять дней и затрачивали на это 8—10 часов. Привалов сократил это время до 2 часов, а межремонтный период увеличился почти в два раза. Что же внес в это горячее дело мастер? Он объяснил:

— Нас учили набрасывать на под магnezит тонкими слоями и прогревать в несколько приемов. Я начал понемногу утолщать слои. Теперь мы при помощи заправочной машины накладываем слой магnezита толщиной до десяти сантиметров сразу и два часа прогреваем. Приваривается магnezит к поду ровно и прочно. Мы не знаем аварий!

Приваловская школа скоростного сталеварения, обогащенная другими новаторами, помогает многим сталеварам экономить на

каждой плавке до 2 часов драгоценного времени.

Одним из лучших скоростников в блоке печей старшего мастера Привалова считается молодой сталевар Бартолиш: в 1952 году 98 процентов его плавов были скоростными. Работая на второй печи вместе со сменщиками Кузнецовым и Буркацким, он проводит плавку за 10 часов вместо 12 часов 30 минут по норме.

Сам Денис Бартолиш, сибиряк из Барнаула, крупный, сильный и застенчивый человек, говорил о своей работе коротко, только о самом главном:

— Веду печь на ровном ходу. Беру ее, не перегреваю насадок. Без ремонта мы уже сделали более четырехсот плавов. Время ценю, считаю каждую минуту. Очень хочется досрочно выполнить задания партии, решения Девятнадцатого съезда.

Вот и все. Но, помолчав немного, Бартолиш добавил:

— О недостатках тоже надо сказать: мешают они нам. Много у нас еще неполадок. То завалочные машины заняты, то задерживается железо. Или вот боксит нам привозят вместе со снегом, хоть караул кричи! Мульдой заваливает боксит со снегом нельзя: снег тепло съедает — так мы вручную кидаем. А это ведь несколько тонн на плавку. Да и греть приходится дольше. Говорим мы об этом, требуем!

Досрочным выполнением пятой сталинской пятилетки озабочены все сталевары. Вносятся новые и новые предложения. От руководства требуют лучших условий. Мастер Привалов, много раз продумав все детали, провел скоростную плавку за 9 часов 30 минут, не использовав при этом, однако, многого из того, что наметил: мешали неполадки.

Высказывая свои соображения о резервах, мастер говорит:

— На завалке железа можно еще сэкономить десять, пятнадцать минут, если работать сразу двумя машинами. Железный лом надо прессовать, а то его дают в разном виде — и длинные куски и короткие. Бывает, растопырится такой лом и в печь не лезет; в мульде помещается всего несколько центнеров вместо двух тонн. Чугун можно заливать в печь одновременно двумя бовшами, по двум желобам. Это ускоряет плавку.

Привалов не просто высказывал пожелания; это как бы итог обстоятельных расчетов, проверка. У него есть и такое предположение:

— Можно увеличить массу стали в печи на десять тонн; резервы в ванне найдутся. А десять тонн дополнительно в каждой плавке — это сотни тонн стали в месяц от каждой печи! А в год по всем печам это составит десятки эшелонов нашей продук-

ции. Хорошо делать значит хорошо жить!

Это высказывание А. М. Горького любит Привалов, оно полностью отвечает смыслу жизни новатора.

Кузнецкий мастер Михаил Привалов не раз читал лекции в Москве: в Политехническом музее, в Институте стали. В беседах с учеными он не только точно отвечал на вопросы, но и сам расспрашивал.

Конечно, ученые страны во многом помогли металлургам: работая в цехах комбината вместе со сталеварами, они улучшили качество стали для шарикоподшипников, разгадали таинственные микроизъяны в рельсовой стали и устранили их, совершенствуют мартеновские печи. Но рабочие-новаторы резонно предъявляют к ученым требования — поскорее решать давние и острые нужды сталеваров.

— Не я, жизнь требует! — горячо объясняет Привалов. — Партия для блага Родины требует от нас больше отличной стали. Одно дело, мы сами доходим, сами решаем, но надо и теоретически объяснить, обосновать, почему так лучше, а не иначе. А объяснять жизнь — надо знать ее. Иной раз мне кажется, что не все ученые наши живут в такой дружбе с жизнью, кто-то укрылся в кабинете, живет отшельником...

Сталевары-сталинцы — настоящие, цельные, крепкие, много знающие люди; так много у них суждений, глубоких мыслей, замыслов... И главное: полновесных дел!

Вот еще один из уважаемых сталеваров — Роман Нехорошев с пятнадцатой печи. Это молодой еще человек: сильного сложения, ладный, с красивым лицом, как бы освещенным выразительными серыми глазами цвета самой стали. Вместе со своими сменщиками Журавским и Лучшевым Роман Николаевич лишь за последние месяцы 1952 года, после реконструкции печи, дал 10 тысяч тонн сверхплановой стали.

О работе своей Нехорошев говорит:

— Трудимся так, чтобы оправдать доверие партии, чтобы не было стыдно перед народом. По правилам работаем.

Но среди технологических правил — между границами верхнего и нижнего пределов — большое поле для творчества. По технологии продолжительность плавки определена в 12 часов 30 минут. Нехорошев и его друзья проводят скоростную плавку за 10 часов.

— Люблю свой агрегат! — тепло признается Роман Николаевич. — За печью надо ухаживать, знаете, нежно, как за невестой, что ли, если сравнивать... Люблю еще угощать печь «мадерой», кидать ее лопатой под самый свод. Сам кидаю. Тут нужна сноровка, да и силенка требуется.

«Мадерой» сталевары называют смесь из смолы и магнезитового порошка, применяют

ее для текущего ремонта верха задней стены, что под сводами. «Мадеру» эту надо кидать в оплавленные места метко, точно, с большой силой. Кстати сказать, в механизированном, автоматизированном труде сталеваров заправка откосов и «угощение мадерой» — минуты, когда можно побаловать себя силенкой.

Очень важно прогреть шихту перед заливкой ее чугуном. Энергичное, интенсивное плавление — главное правило сталеваров на пятнадцатой печи, где увеличено число воздушных каналов и газовый факел, обдуваемый со всех сторон раскаленным воздухом, стал еще более настильным, «держит» высокий жар. Чем сильнее бурлит в печи сталь, тем шире геометрически ее площадь нагрева и лучше идет поглощение тепла.

Объяснял Нехорошев:

— Надо держаться у верхнего предела теплового режима, но нельзя допускать перегрева насадок в регенераторах. Как только чуть перегрел, приходится уменьшать подачу газа, — значит, остужается печь, начнет ее «дергать». У меня такого не было и никому не пожелаю!

Когда-то чародейми варки стали считались седые мастера. Основной состав рабочих у пятнадцатой печи, как, впрочем, во всех цехах комбината, — молодежь.

Далеко еще до сорока лет Нехорошеву, он сибиряк, здешний, из селения Бедерово,

что на Томи, в десяти километрах от Сталинска. С отцом своим Роман пришел строить новый город, работал на каменном карьере, помнит на месте города заросли, болота, стаи уток.

Затем каменщик пошел по проторенному многими в советское время пути: школа ФЗО, цех. На комбинате работает и брат Романа Николаевича — Григорий, он листопрокатчик. В Садо-Парковом, дачной местности города, у Нехорошева свой особняк, усадьба. У него большая семья, восьмеро детей.

— Богато живете! — заметил я.

— А как же, конечно, — охотно согласился он. И пояснил: — У нас в стране большая семья — богатство, радость, счастье!

На один год старше Нехорошева Иван Григорьевич Журавский, тоже сибиряк, из Алтайского края, — кражистый, широколицый, черноглазый человек, спокойный на вид, а на работе горячий, все у него кипит в руках. Совсем молодой Николай Лучшев, в сталеварах он пять лет.

И подручные сталеваров — молодежь, грамотная, целкая, способная. И все учатся. На курсах повышения квалификации во всех цехах комбината занимаются тысячи и тысячи металлургов. Они так восприняли указание партии: чтобы дать больше металла, надо иметь больше знаний, отточить мастерство.

ПРОКАТЧИКИ

Прокатные цеха — это обширные площади под высокой кровлей, где все громахает: мощные порталные краны, станы, похожие на башни, — в их арках вращаются гигантские валы, могущие превратить в лепешку даже танк.

Здесь видишь металл разных форм и цветов: сверкающий, как солнце, оранжевый, вишневый, сизый... Многоотонные слитки, угрожающе двигающиеся по рольгангам на валы обжимного стана, становятся вдруг беспомощными, расплюсчиваются, удлиняются, послушно идут по длинным конвейерам к другим станам и превращаются там в строительные балки, рельсы, полосы, листы.

А людей не сразу найдешь. Они сидят в постах и будках управления, посылая огненный извивающийся и шипящий металл легким передвижением рычагов или просто наблюдая за коробками автоматики, унизанными световыми глазками.

Первое место среди прокатных цехов занимает обжимный; его называют «воротами стали»: сюда другие цеха комбината шлют свою продукцию — металл.

В огромном корпусе стоят ряды нагревательных колодцев, каждый величиной с дом. Удивительно подвижные краны через каждые несколько секунд выхватывают из колодцев раскаленные слитки и несут к электровагону, быстрому, как автомашина, — «главной телеге комбината», как называют вагон прокатчики. С раскаленным слитком вагон стремительно мчится к рольгангам и с грациозной осторожностью, легко кладет многоотонный слиток на ролики.

...В 1932 году, пятого ноября, состоялся торжественный пуск обжимного цеха. Народу собралось много. Больше всего здесь было строителей. Среди них находился и плотник Иван Сомов. У него был выходной день, и он пришел «поглядеть». На стройку Иван приехал с одним желанием: подработать, а к весне домой, как раз к севу.

Говорили на открытии речи, играла музыка. Когда ожил, загрохотал стан, деревенский плотник, хотя и привыкший уже к масштабам стройки, наблюдал за прокатчиками завороченными глазами.

Слитки, подправляемые с боков, заглаживались валами, сжимались, возвращались обратно, лезли в другие «ручьи», превращались в длинные квадратные бревна и утекали дальше по огненному потоку...

Эта могучая картина смутила душу плотника, переместила все его желания, отодвинула, заслонила родное селение на Алтае.

Ныне Иван Алексеевич Сомов — старший вальцовщик обжимного цеха, лауреат Сталинской премии. Говорят инженеры, что Сомов не просто стал мастером, он достиг «артистичности» в управлении грохочущим колоссом.

Говорят еще про Сомова: всегда спокойный, невозмутимый, как бы ровно устремленный в одинаковой — большой — скорости. Случись что на стане — десятиминутный простой, смена профиля, подали холодную болванку, — можно на какое-то время выйти из ритма: ведь такой стан в руках! Иван Алексеевич и после вынужденной паузы продолжает работать в прежнем темпе — без разгона.

Сомов и по виду степенный, рассудительный, как бы неторопливый, улыбка у него добродушная, веселая. И только глаза всегда насторожены, пристальны — глаза вальцовщика, привыкшие следить за слитками, мгновенно улавливать их повороты, в долю секунды видеть стрелку большого белого круга с цифрами, указывающую силу жима валков.

О работе своей вальцовщик говорит:

— Конечно, надо держать себя, нервничать на таком стане не годится. А главное, перед каждой сменой надо подготовить себя к работе. Как подготовить? А так, чтобы быть свежим, отдохнувшим, настроенным. Тогда все замечают глаза, все слышат уши.

— А что надо слышать на работе?

— Надо слышать, как идет по рольгангам металл, как он нагрет. Хорошо нагретый слиток шуршит с легким шипом, а холодный стучит по роликам. А это значит, что вместо одиннадцати — тринадцати пропусков холодный слиток приходится пропускать через валки пятнадцать и семнадцать раз.

Выдержка, настойчивость, упорство — вот, пожалуй, главные достоинства характера Сомова. Когда он, делегат областной партийной организации, вернулся с XIX съезда партии, ему сообщили:

— Пока ты, Иван Алексеевич, был в Москве, обогнали тебя в соревновании. Придется теперь догонять долго!

Обогнал Сомова вальцовщик Петр Васильевич Заварыкин, тоже лауреат Сталинской премии. Сомов дружески поздравил

его с победой, а утром пришел к начальнику цеха Попову с вопросом:

— Как у нас сегодня с профилями, Петр Георгиевич? Надо бы догнать Заварыкина.

— В один день?

— А что ж такого?

24 октября 1952 года Иван Сомов прокатал за смену сверх плана 630 тонн стали. Это — наивысшее достижение в мире!

Слушая рассказ вальцовщика Сомова о сложной технологии — о машинном времени, периодах ускоряемости, о секундах, отпущенных на пропуск слитка через валик, — понимаешь главное: Сомов не только опытный практик, он подготовлен теоретически, это новатор с пытливым умом. У него, простого советского человека, рабочего, большой мир светлых мыслей, благородных чувств патриота.

О новых замыслах прокатчиков, о новых резервах обжимного цеха рассказывал Петр Георгиевич Попов — молодой, немного сумрачный и настроенный человек, чутко слушающий пех во время беседы.

— Мы непрерывно повышаем производительность за счет овладения техникой, обработки деталей, — говорил он. — Станы у нас те же, что и были, а нагревательные колодцы уже не успевают за прокатом, мы теперь расширяем корпус, закладываем новые колодцы. Обобщаем опыт лучших. Один блок, одни и те же условия у нагревальщиков, например, Ляпунова, Арясова и Юдина. Но Арясов у нас всегда впереди: у него и слитки лучше нагреты и экономно расходует газ. Как? Вот мы опыт Арясова и передаем другим. На стане «тысяча сто» работают лучшие вальцовщики: Сомов, Заварыкин, Меркулов. Все они опытные, у каждого, можно сказать, свой почерк, свои приемы, можно выбрать из них лучшие. Наши вальцовщики экономят время на паузах секундами. Они хорошо сработались со своими манипуляторщиками, которые направляют, кантуют слитки в стане. Одно плохо: мартеновские цеха нам дают слитки «залпами»: то много, то мало — неравномерно. И наши секунды улетают иной раз часами: наш большой стан простоял в 1952 году более трехсот часов и все из-за несогласованности, из-за нарушений графика...

О секундах, из которых складывается успех прокатчиков, говорил и молодой инженер Борис Зуев.

— Наши секунды — это, как бы сказать, рубли, из которых набираются миллионы. За годы послевоенной пятилетки мы сократили время пропуска в валках стана одного слитка на девять секунд. А за два года пятой пятилетки мы подзали

это время еще на одиннадцать секунд. И знаете, что это нам дало? Мы прокатаем теперь металла в полтора раза больше, чем до войны. Техническая мощь

наших станков уже резко повышена. Но резервы еще есть: это резервы времени, — и мы ищем новые секунды скрупулезно, настойчиво.

ВЕЧЕРА В СТАЛИНСКЕ

Красив, своеобразен Сталинск зимой. Крупный, пушистый снег в теплые дни падает с близкого неба, как в картинах из русских сказок: мягкие, лохматые хлопья опускаются медленно, как бы плывут в воздухе густой массой. В эти дни площади, улицы, дворы полны детей, их звонкого гомона, а вечерами на освещенных проспектах — гуляющие жители.

Теплые дни обычно сменяются пургой. Сибирские метели неистовы, шумны. Снежная кипень бурлит над городом. Закутавшись до глаз, словно падая в ветре, идут прохожие, возникшая и исчезающая в буране. Осторожно, будто ощупью, пробираются в снежных космах автомашины с включенными фарами. Высокие снегоочистители на трамвайных путях добавляют к метели свои вихри снега.

Стихнет — и наступают звонкие морозы. С утра над улицами повисает густой туман. Термометры показывают сорок и пятьдесят градусов ниже нуля. В морозные дни слышнее, кованнее звуки: скрип быстрых шагов прохожих, сигналы автомашин, звон трамваев, гудки паровозов. В такие дни особенно нарядно небо над комбинатом: все в дымных шлейфах, в клубах белого пара, а вечерами в багровом зареве над домами и коксовыми батареями.

И все же небо над Сталинском чаще тихое, шелковое, удивительно синее в час рассвета. Густые снегопады реже, чем ясные дни. И не очень часты морозы. Обычный холод в двадцать градусов здесь просто не признается за мороз, — как в Москве пять — семь градусов; такая двадцатиградусная прохлада в городе — легкая, бодрящая.

В тихие зимние вечера открывается город в огнях, его залитые светом театры, дворцы культуры, клубы, кино. Неторопливые вереницы горожан движутся по проспектам имени Молотова, Кирова, Энтузиастов. Окна всех этажей жилых зданий уютно освещены оранжевым, голубым, зеленым светом, спокойно льют ровный свет фонари, под ногами хрусткий снег, и так легко дышится чистым морозным воздухом!

Гуляют жители города Сталинска, гордые его молодостью, его богатырским ростом.

Вот центр города — площадь Центральная, на пересечении проспектов Молотова

и Кирова. Здесь сверкает огнями Дворец культуры металлургов. Напрогив строительная площадка, возводится гостиница в 14 этажей, она будет увенчана шпилем со звездой. В глубине площади скоро встанут красивые здания оперно-драматического театра на 1200 мест и Дома Советов.

Можно пройти по проспекту Молотова к Дому связи и полюбоваться новыми кварталами так называемого Треугольника. Дома возникли здесь в прошлом году. Тут же строятся 12-этажные жилые корпуса. Напротив обширный, как поле, пустырь; здесь поднимется Дворец физкультуры со многими спортивными залами, с бассейном для плавания, вокруг будет заложен парк, а в нем сооружен новый стадион с трибунами на 25 тысяч зрителей...

А что же такого? Можно и пометчать о завтра, тем более, что это не далекая мечта, а реальность, воплощенная в генеральном плане города.

Но вернемся к вечерам города сегодня. Жители заполняют в эти часы залы городского Театра драмы, кино, тридцати клубов, ста двадцати пяти библиотек, в которых до двух миллионов книг.

Городской Театр драмы имени Серго Орджоникидзе — почти ровесник города; ему исполняется двадцать лет. Коллектив театра — даровитый, деятельный, энергичный — занимает ныне одно из первых мест в Сибири.

Много, творчески, плодотворно работает дружный театральный коллектив: каждый год двенадцать новых постановок, каждый месяц пятнадцать выездных спектаклей в районах города, в соседних шахтерских городах. В репертуаре лучшие пьесы советских авторов, классические произведения Островского, Гоголя, Шекспира, Лопе де Вега...

В городе любят свой театр, его ведущих исполнителей — заслуженных артистов РСФСР А. И. Федорову, А. М. Ермилова, Р. А. Глущенко, артистов П. И. Петрова, В. Г. Елыкова... Подросла и молодежь — способная, активная.

И хотя театр пока находится в старом здании, которое когда-то среди бараков казалось нарядным, а теперь потускнело и осталось в стороне от нового центра города, яркая, большая жизнь на сцене заставляет зрителей забывать и старые стены и потускневший паркет.

В Сталинске тысячи участников художественной самодеятельности: металлургов, строителей, горняков; лучшие самодеятельные коллективы дают спектакли, концерты на уровне профессионального мастерства.

Новые постановки драматического кружка Дворца культуры металлургов обычно выдерживают десятки представлений и в самом Театре металлургов и в рабочих клубах. Более двадцати раз, например, ставилась «Калиновая роща» Корнейчука, успешно идет «Женитьба» Гоголя... Ведущие роли исполняют: бригадир-модельщик литейного цеха комбината Владимир Пронский, старший газовщик мартеновского це-

ха Алексей Маричев, библиотекарь Галина Мелих. На костюмы и оформление каждой постановки затрачиваются десятки тысяч рублей, которые, впрочем, окупаются с лихвой: цены на билеты малые, а сборы большие.

Есть во Дворце культуры металлургов свой хор, малый симфонический оркестр, кстати сказать, пока единственный в Кузбассе: большим успехом пользуется балетная школа, где под руководством опытных педагогов занимается по вечерам одаренная молодежь.

Большой, полнокровной, радостной жизнью живет город Сталинск — сердце Кузбасса!

Е. ГОРБУНОВА

О некоторых вопросах теории социалистического реализма*

Критика недостатков советской литературы, советской драматургии в особенности, в партийной печати и с трибуны XIX съезда партии вызвала живой отклик в среде литераторов. В центре внимания находится проблема типичности, как основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве.

После доклада Г. М. Маленкова появилось много статей, рассматривающих эту проблему применительно к различным видам литературы и искусства. Эти статьи помогают уяснению ряда вопросов теории социалистического реализма. Но в некоторых из них высказываются и такие мысли, против которых хочется, да и нужно возразить.

Отдельные авторы, например, комментируя слова Г. М. Маленкова: «Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее», — пробуют толковать их в том смысле, что они открывают путь для применения, так сказать, «особых романтических приемов» в реализме. Кто-то даже делает вывод, что это требование выражает собой «призыв к монументальному классическому искусству», к «торжественности».

Здесь, нам думается, звучат отголоски старого, уже изжившего себя спора о революционной романтике в социалистическом реализме. Видимо, есть еще попытки исходить из мысли, что широкие обобщения, сильные характеры, высокие душевные порывы и благородные устремления в будущее могут быть выражены только при помощи патетики, пафоса, только средствами «высокого языка поэзии». При этом как бы само собой подразумевается, что реализм бессилён воплотить взлет страсти,

гнев обличения, красоту подвига, достигнуть глубоких идейных обобщений, изобразить жизнь в революционном развитии.

В «Трибуне писателя» журнала «Октябрь» выступил известный азербайджанский поэт и драматург Самед Вургун. Его статья «Вопросы большого искусства» («Октябрь» № 2, 1953 г.) содержит много верных мыслей и положений. Писатель справедливо восстает против серых, халтурных произведений, зовет к созданию ярких образов наших современников, к показу острой жизненной борьбы — к литературе и искусству глубоких и многозначительных обобщений. Ценность этих мыслей бесспорна, и не они вызывают возражения. Возражения вызывают допущенные в ряде мест статьи узость и односторонность толкования проблемы типического.

Заострение и преувеличение образов в искусстве, например, Самед Вургун трактует так: «Для нашего, социалистического искусства главное — это изображение больших характеров, людей, наделенных сильными страстями». А изображение таких людей, по его мнению, «требует и соответствующих художественных средств, соответствующего языка». Это должен быть «высокий поэтический язык», который автор противопоставляет «обыденной речи», не способной якобы вложить в уста героев «пламенные слова, выразить высокие думы и чувства».

Образцом подобного рода «большого искусства», «больших художественных обобщений и высоких идеалов» Самед Вургун считает творчество великого азербайджанского лирика XVIII века Вагифа, азербайджанского поэта-сатирика начала XX века Сабира и поэзию Фирдоуси и Низами.

Толкуя таким образом проблему типического, автор, как нам кажется, хотел при-

* Все статьи в «Трибуне писателя» печатаются в порядке обсуждения.

звать писателей отрешиться от ложных представлений о типическом как о среднестатистическом, но встал при этом в другую крайность. Он полностью отвергает значение типичности за явлениями, которые называет «наиболее распространенными, широко бытующими в жизни». Отсюда возникло его требование обращаться в искусстве только к исключительному — к «высоким» сюжетам и мотивам, к сильным, страстным натурам, только к тому, что воспринимается или может быть подано монументально, торжественно. Естественное желание советского народа получать больше ярких и значительных произведений о своей жизни оказалось истолкованным как призыв писать только о том, что особенно выделяется на общем фоне, возвышается над внешне обыкновенным, «наиболее распространенным, широко бытующим в жизни».

Мы знаем, что важнейшая задача писателя — глубоко проникнуть в суть явлений действительности, разглядеть новое, передовое тогда, когда оно не стало еще всеобщим, но в борьбе со старым, хотя бы и прочным с виду, уже пробивает себе дорогу. Такое открытие новых явлений в жизни страны, народа, новых качеств характера советского человека по справедливости оценивается у нас как раскрытие типического. Но отсюда совсем не следует, что наиболее распространенное, широко бытующее теряет в глазах писателя свою типичность. Новое у нас, благодаря поддержке государства, партии, благодаря росту социалистического сознания народа, чрезвычайно быстро завоевывает свои позиции в жизни, становится распространенным. Миллионы подхватывают опыт новаторов труда, новейшие открытия науки широко и быстро внедряются в практику. То, что вчера было достоянием или подвигом одиночек, завтра становится опытом масс, прочно входит в их творчество. Пример этому — нынешнее движение новаторов производства. Став массовым, новое продолжает совершенствоваться, не переставая быть типичным. Широта проникновения нового в самые глубокие толщи народа — это уже само по себе важнейшая, типическая особенность нашего общественного строя.

Правда, художник обязан быть диалектиком и понимать, что в природе и обществе нет ничего неподвижного, вечного, не изменяющегося. Это всегда должно быть для него ключом к оценке типичности. Но

это отнюдь не означает, что в жизни нашего общества нет ничего долговечного, что все настолько относительно и подвижно, что мы якобы не в состоянии оценить завоевания и успехи советской власти как безусловно положительные и типические, прочные и устойчивые. Подобный взгляд на «широко распространенное» невольно может толкнуть писателя на путь нигилистического недоверия к социалистической действительности, отвлечь от изображения прекрасного в нашей жизни в область поисков исключительного, прекрасной мечты.

Задача советского искусства — утверждать, закреплять завоевания нашего народа, распространять драгоценные зерна нового. Для этого писатель должен любить нашу жизнь, понимать наших скромных тружеников, под их обыкновенной внешностью находить черты благородного советского патриотизма, красоту деяний и помыслов. Ведь именно эти качества рядового советского человека — строителя коммунизма — возвышают его на голову, на много голов над любым высокопоставленным чинушей и бизнесменом в странах капитала.

Показать средствами искусства те черты характера, которые делают рядового труженика героем, труднее, чем прямое и патетическое изображение уже совершенного подвига. Открыть поэзию и красоту, высокий государственный смысл, заключенные в повседневной жизни, в «прозаическом» труде советского человека, — задача, достойная высокого искусства. Для этого художнику нужно проникнуть в духовный мир рядового труженика, увидеть и понять богатство этого мира, многогранность и целостность «простого» характера, самому обладать чувством советского патриотизма.

Указывая, что «сила и значение реалистического искусства состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей», Г. М. Маленков подчеркнул, что эти огромные обязанности в великой борьбе по выращиванию нового, светлого и выкорчевыванию обветшалого и омертвевшего требуют от деятелей советского искусства глубокого изучения жизни со-

ветского общества. Воплощая в реалистических художественных образах расцвет человеческой личности в условиях социализма, советская литература призвана руководствоваться идеями партии Ленина — Сталина, смелее находить и поддерживать новое, передовое в нашей жизни.

Нехорошо, когда люди переоценивают свои силы, начинают хвастаться, говорил товарищ Сталин на Первом съезде колхозников-ударников. Но еще хуже, когда люди не видят, что их «скромный» и «незаметный» труд является на самом деле трудом великим и творческим, решающим судьбы истории. Недоценка исторической творческой роли «рядового» советского человека, его «скромной» деятельности строителя коммунизма — большой грех писателя перед народом, перед искусством.

«Судьбы народов и государств, — указывал товарищ Сталин, — решаются теперь не только вождями, но, прежде всего и главным образом, миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни»¹.

Разглядеть великое в «малом», поэтично рассказать о красоте и благородстве жизни рядового советского рабочего, колхозника, интеллигента, сделать его образ эмоциональным, волнующим — благородно и почетно для художника. Это требует таланта и мастерства, широкого разнообразия средств художественной типизации, высокой идейности. Яркость, выразительность, впечатляющая сила придут к художнику от внутреннего содержания создаваемых им образов. Не надо бояться «рядового», «имеющего широкое распространение в жизни», потому что «рядовой» в нашем обществе не значит заурядный. Изображение «рядового» не означает серости и бедности красок, невыразительности рисунка, отсутствия эмоциональности и волнения.

Нетрудно заметить, что уже самая постановка вопроса, имеющего важное значение для развития советской литературы и искусства, носит у Самеда Вургун

абстрактный характер. Фактически Самед Вургун обходит главное требование социалистического реализма — конкретно-исторический подход к действительности, ее правдивое изображение во всем богатстве и многообразии, в ее революционном развитии. Писатель априорно устанавливает тот единственный тип человека, который, по его мнению, должен быть центральным в советской литературе, и предопределяет стилистические приемы, необходимые для его воплощения. И самый образ этого «большого» героя, и художественная форма этого «большого» искусства выводят-ся им не из действительных, реальных условий жизни советского народа, а из литературных источников и стилистических приемов, субъективно наиболее близких поэту Вургуну.

Если бы речь шла только о личном вкусе поэта, с ним не пришлось бы спорить. Метод социалистического реализма не навязывает художникам одну какую-нибудь систему художественных приемов, один какой-либо художественный стиль. Наоборот, он благоприятствует развитию разнообразия художественных приемов и средств, открывает возможности для использования красок и тонов различной интенсивности, создает условия для полного проявления творческой индивидуальности художника. В этом смысле нельзя упрекать Самеда Вургун за особенности его личного литературного вкуса. Но с ним можно поспорить в вопросе о том, насколько излюбленный им стиль заслуживает того, чтобы стать всеобщим, насколько он соответствует характеру нашей эпохи, образу нашего человека.

Определяя задачи советского искусства, как задачи создания «монументального классического искусства», «изображения больших характеров, людей, наделенных сильными страстями», писатель приспосабливает к собственной концепции определение типического, данное Г. М. Маленковым. Из этого исчерпывающего по своей полноте и точности определения Самед Вургун извлекает только одну черту — право художника на преувеличение. Проблема типического сводится тем самым к одному — призыву «сознательно преувеличивать образы и явления».

Но что означает сознательное «преувеличение образов и явлений»?

В. И. Ленин, полемизируя со сторонниками теории символов и иероглифов, вскрывая идеалистическую сущность этой

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, 1952, стр. 458.

теории, указывал, что образ есть отражение в сознании людей реальной действительности. В противоположность символам и иероглифам, являющимся условным обозначением предметов и явлений, Ленин называл образы копиями с действительных вещей и процессов в природе и обществе, их слепками, изображениями.

Художник, рисуя картины жизни, воссоздает объективную реальность. Он может передать ее точно или искаженно, обратить свое внимание на существенные стороны, или, наоборот, выпятить второстепенное — это уже результат его метода, мировоззрения. Но, так или иначе, в основе всякого художественного творчества, как его первоисточник, будут находиться впечатления реальной действительности, жизнь человека, общественные отношения. Художник-реалист не просто фотографически воспроизводит попавшие в поле его зрения картины, а воссоздает существенное, характерное. Тем самым он совершает отбор, типизирует. Стремясь с наибольшей полнотой и заостренностью выразить в художественных образах сущность данной социальной силы, он собирает, концентрирует в образах наиболее существенные стороны действительности в тенденция ее развития, в борьбе, которая составляет сущность этого развития. С этой целью он заостряет, преувеличивает художественные образы по сравнению с теми реальными прототипами, которые существуют в самой жизни. В основе типического лежит обобщение ряда явлений, ряда черт, концентрации жизненных наблюдений над рядом объектов. Но типическое может быть обнаружено художником и тогда, когда оно воплощено в одном каком-либо конкретном образе или явлении, когда оно еще не нашло широкого распространения. Наблюдательность художника, его умение ориентироваться в социальной действительности, понимать сущность объективных закономерностей мира и исторических тенденций развития помогут ему заметить и оценить эти единичные проявления нового, как проявления типической сущности социального явления. В том, какие явления действительности отберет писатель как существенные, какую даст оценку исторической действительности, проявится его мировоззрение, которое «включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку

зрения определенной общественной группы»¹.

Но этим, как известно, не ограничивается творческий процесс. Важнейшую роль здесь играет фантазия художника, его способность домысливать образы, исходя из верного понимания сути социальных явлений, объективных закономерностей мира, из знания и понимания человеческой природы. Находя в самой жизни проявления типического, писатель воплощает их в конкретные художественные образы. Именно в этой конкретности, индивидуальной неповторимости созданных характеров с наибольшей необходимостью обнаруживается момент заострения, преувеличения образа.

В основе подлинно реалистического искусства, как правильно утверждает Самед Вургун, всегда лежат широкие идейные обобщения. Они составляют внутренний пафос художественных произведений, воплощают общественные идеалы писателя. Но чем глубже и значительнее обобщения, чем прогрессивнее и благороднее идея произведения, тем большее значение приобретают точность, художественная достоверность, индивидуальная конкретность образов. Точная, выразительная художественная форма способствует полноте и заостренности воплощения идеи. Индивидуальное, конкретное, своеобразное не только не суживает, не дробит полноту выявления общего, существенного, но, наоборот, подчеркивает типичность, придает ей конкретно-чувственное выражение. «Общее, — замечает В. И. Ленин, — существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее»².

Очень хорошо эту мысль, применительно к художественному творчеству, выразил А. М. Горький, когда учил драматургов в каждой изображаемой личности, кроме общеклассового (т. е. общего и типического для данной социальной силы), находить тот «индивидуальный стержень», который наиболее характерен для нее и в конечном счете определяет ее социальное

¹ В. И. Ленин Соч., т. 1, стр. 380—381.

² В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 329.

поведение. В статье «О пьесах» Горький писал:

«Один только «классовый признак» еще не дает живого, цельного человека, художественно оформленный характер.

Мы знаем, что люди — разнообразны: этот — болтлив, тот — лаконичен, этот — назойлив и самовлюблен, тот — застенчив и неуверен в себе; литератор живет как бы в центре хоровода скупцов, пошляков, энтузиастов, честолюбцев, мечтателей, весельчаков и угрюмых, трудолюбивых и лентяев, добродушных, озлобленных, равнодушных ко всему и т. д. Но и каждое из этих качеств еще не всегда вполне определяет характер, — весьма часто оно бросается в глаза только потому, что скрыто менее ловко и умело, чем другое, сопутствующее ему, но не совпадающее с ним и поэтому способное слишком явно обнаружить двуличие, «двоедушие» человека.

Драматург имеет право, взяв любое из этих качеств, углубить, расширить его, придать ему остроту и яркость, сделать главным и определяющим характер той или иной фигуры пьесы. Именно к этому сводится работа создания характера».

Единство индивидуального и общего, яркое, острое воплощение наиболее характерных «классовых признаков» в неповторимо своеобразном индивидуальном характере является основой образа-типа. Такие образы-типы выходят далеко за пределы своего времени, сохраняя «воздух эпохи», продолжают жить как своеобразные человеческие характеры, обладающие вместе с тем значением нарицательным.

Это органическое единство характера и типа имели в виду Маркс и Энгельс, когда предостерегали Лассала одновременно и от «превращения индивидуумов в простые рупоры духа времени», и от «п л о х о й индивидуализации, которая сводится к мелочному умничанию». Разбирая драму «Франц фон Зикинген», Энгельс писал: «В Вашем Зикингене взята совершенно правильная установка: главные действующие лица действительно являются представителями определенных классов и направлений, а стало быть и определенных идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет... Мне кажется, однако, что личность характеризуются не только тем, что она делает,

но и тем, как она это делает; и в этом отношении идейному содержанию драмы не повредило бы, по-моему мнению, если бы отдельные характеры были несколько резче разграничены и острее противопоставлены друг другу. Характеристика, как она давалась у древних авторов, в наше время уже недостаточна».

На то, что в драме Лассала «обрисовке характеров нехватает как раз характерных черт», указывал и Маркс: «Гуттен, по моему мнению, уж слишком изображает одно лишь «воодушевление», а это скучно. Разве он не был в то же время даровит и чертовски остроумен, и не совершил ли ты поэтому по отношению к нему большую несправедливость?»

Создание типических характеров осуществимо только при условии действительно глубокого знания жизни. Всякого рода приблизительность, априорность, шаблонность неизбежно породят расплывчатость и неопределенность характера, серость и обезличенность, приведут к дурной литературщине и мелочному умничанию. Дело в том, что характеры-типы в самой действительности не представляют собой застывшие маски. Социализм создает невыданные условия для всестороннего развития личности. Человек — его главная цель. Именно поэтому советские люди растут и меняются так поразительно быстро, что каждый день дает им право сказать: «Мы не те, какими были вчера».

Писатель, который хочет избежать «среднестатистического», должен чутко и неустанно интересоваться настоящими живыми людьми и их отношениями друг к другу, к обществу. Если он попробует подойти к живому потоку жизни с «общечеловеческими», вневременными, внеисторическими масштабами, — такой писатель рискует вообще не понять современности. Тогда уже никакие заклинания не вдохнут огонь живой жизни в его творения, никакие ходули и котурны не воссоздадут величия живого человека. Сколько бы ни преувеличивал и ни заострял такой писатель образ, созданный путем домыслов, догадок и предположений, если за ним не стоят наблюдения, опыт, обобщения, если не озарен он передовыми идеями современности, не станет этот образ ни ярким, ни впечатляющим, ни страстным. Напыщенность и декламационность будут уделом таких произведений.

Так, на наш взгляд, обстоит дело с ти-

пическими характерами, с заострением и преувеличением образов.

Но что означает «сознательное преувеличение явлений», на котором трижды в своей статье настаивает Самед Вургун? Если согласиться с тем, что воплощение типического требует сознательного преувеличения явлений действительности, значит нарушить правду жизни, нарушить истинную картину ее объективных закономерностей, утратить перспективу.

Мы знаем, что на сознательном искажении социальной действительности основаны все буржуазные, антиреалистические направления в искусстве. Писатели этих направлений либо уходят от «неприкрашенной реальности» в искусственно сочиненный мир социальной идиллии; либо переносят социальные конфликты в область духовной жизни человека, а то и совсем за пределы его существования; либо, наконец, извращают действительность, преувеличивая или преуменьшая те стороны жизни, которые выгодно извратить в субъективных целях данного художника или его направления. В конечном счете все это делается в интересах буржуазии, заинтересованной в сохранении существующего порядка. Современное буржуазное искусство (да и наука тоже) не случайно, например, преувеличивает значение биологического начала в человеческой жизни. Заманивая читателей и зрителей в темные «тайники» человеческой души, где якобы господствуют биологические инстинкты, это искусство пытается отвлечь энергию людей от действительной жизни с ее контрастами и борьбой. Решение жгучих социальных и политических проблем такое «искусство» перемещает в область физиологии и психопатологии. Циничное, проникнутое духом безверия и человеконенавистничества, это «искусство» направлено на то, чтобы подорвать моральный дух народа, убить его веру в свои силы.

Требование создания типических характеров в типических обстоятельствах, сформулированное еще Марксом и Энгельсом, а затем развитое и углубленное в теории социалистического реализма, — основополагающий принцип реалистического, и только реалистического искусства. Все иные методы, направления и системы не заинтересованы и не стремятся к правдивому изображению действительности. С этой точки зрения содержание истории искусства есть непрерывное развитие реализма в борьбе с антиреалистическими

течениями. Особенно открытые и острые формы эта борьба приобретает теперь, когда мир расколот на два непримиримых лагеря. Империалистическая буржуазия, всеми средствами старающаяся скрыть вопиющие противоречия капиталистического общества, отвлечь народы мира от социальных проблем и революционной борьбы, пытается окончательно подавить и уничтожить реалистическое искусство. Все силы мистики и мракобесия поставлены на службу монополистическому капиталу. Раствленной «культуре» бизнесменов и гангстеров противостоит здоровая социалистическая культура социалистического реализма. «Пишите правду», — говорит товарищ Сталин, разъясняя суть метода нашей литературы и искусства.

Очевидно, Самед Вургун не имел в виду такого рода «преувеличения явлений», когда дополнил формулировки Г. М. Маленкова. Но беспродуманное, одностороннее рассмотрение теоретического положения, отрыв одной из черт этого положения от его целостного единства, повлекли за собой, помимо воли автора, ложные теоретические выводы.

Исходя из неверной теоретической предпосылки, писатель считает, что право на преувеличение и заострение образа — это, так сказать, монопольное право художников, работающих на ниве «высокого искусства», искусства героических тем и образов, искусства «торжественного», патетического.

А вот сатирики, например, люди из той области, которую с нелегкой руки всех и всяческих формалистов принято было считать «низким» видом искусства, в свою очередь, и справедливо, убеждены, что заострение и преувеличение образа — самое подходящее оружие для их целей. Как раз то самое оружие, которое дает возможность в жанре комедии, например, делать широкие и острые обобщения, воплощать типическое.

Здесь мы сталкиваемся с очень интересным и требующим специальной разработки вопросом: в какой степени и в какой форме художники пользуются заострением и преувеличением образа в различных видах и жанрах искусства: является ли этот прием, так сказать, узко стилистическим, жанровым, или как принцип он закономерен для всех видов и жанров реалистического искусства?

Автор статьи «Вопросы большого искусства», если мы его правильно поняли, счи-

тает, видимо, что типизация посредством преувеличения и заострения образа — это узко жанровый прием, а не один из основных принципов реализма. Думается, что он неправ.

«Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, — говорит Г. М. Маленков, — а полнее раскрывает и подчеркивает ее. Типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве. Проблема типичности есть всегда проблема политическая».

Следовательно, сводить широкую проблему типичности к узко жанровому или стилистическому понятию принципиально неверно. Это основополагающий принцип реализма, помогающий правдиво вскрывать средствами искусства социальную сущность явлений действительности, произносить над ними свой приговор, делать идейные обобщения. А это обязательно для всех видов и жанров искусства социалистического реализма, — искусства, главным требованием которого является правдивость, идейность, народность. Следовательно, проблема типичности — в профессионально-творческом и в мировоззренческом аспекте — есть центральная методологическая проблема социалистического реализма. В этом смысле она, если можно так выразиться, имеет всеобщее значение.

В самом деле, если мы сейчас обратимся к писателям, работающим над современной или исторической темой и воплощающим ее в лирической поэме, в рассказе или очерке, в романе, драме или комедии, и спросим, каким путем, какими средствами создают они художественный образ, ответ, очевидно, окажется довольно сходным в самом своем существе. Творческий процесс, при всей тонкости и индивидуальном своеобразии у каждого отдельного художника, в конечном счете сводится к тому, что на основе всей суммы жизненных впечатлений, полученных из личного опыта и опыта других людей (наука, литература, искусство), художник с помощью творческого воображения воссоздает картины человеческой жизни. Для этого он отбирает и систематизирует в соответствии со своим замыслом факты, наблюдения, черты характера или отдельные характеры, выбирает выразительные средства, наиболее подходящие для того, чтобы убедительнее, художественнее рассказать читателю, зрителю, слушателю то важное, обязательное, интересное, что увидел и узнал он сам.

При этом окажется, что созданный художественный образ или система образов, прототипы которых есть в самой действительности, не будет совпадать с конкретными людьми, событиями, явлениями. Писатель подчеркнет и выделит одни черты, отодвинет на задний план другие, от чего-то откажется совсем, а некоторые особенности «сочинит», т. е. домыслит, разовьет, как наиболее возможные, вероятные, необходимые для данного типа людей или явлений, в данной сюжетной ситуации, если она, конечно, верно отражает тенденции социально-исторического процесса. Но ведь в этом и состоит процесс художественной типизации.

Создает ли писатель-реалист характеры, о которых можно сказать, что они встречаются в действительности на каждом шагу, или рисует натуры исключительные, а иногда и парадоксальные в своей исключительности, — всегда можно установить жизненность или фальшивость этих художественных образов.

Главным критерием художественности для искусства социалистического реализма является его правдивость, верность действительной жизни, понимаемой и оцениваемой с позиций коммунистической идейности. Огромную роль в процессе художественной типизации играет мировоззрение писателя, его наблюдательность и чуткость к жизни, общая его культура, мастерство и особенно труд и талант. Можно все верно понимать, найти интересную тему, необходимый жизненный материал и пр., а если нет литературного таланта — художественного произведения не получится.

Так или иначе, в основе художественного творчества всегда лежат жизненные впечатления и наблюдения, отобранные, сконцентрированные, подчеркнутые и приведенные в определенную систему, подчиненную идейным замыслам произведения.

Персонажи Гоголя и Салтыкова-Щедрина, чеховский «человек в футляре» — Беликов заострены и преувеличены до степени, которая иногда стоит на грани неправдоподобия. А между тем никто не будет оспаривать их типичности, жизненности. Пафос отрицания, разоблачения, осмеяния уродливых явлений действительности определил в данном случае степень заострения и преувеличения, выпячивания писателем наиболее существенных сторон социальной действительности. Но правда жизни этим не нарушена. Наоборот, она

показана с предельной отчетливостью и художественной выразительностью в наиболее типической и острой форме.

Ну, а Пушкин, создавая образы «Евгения Онегина» или «Капитанской дочки», Островский, выписывая Катерину, Горький — Нила, советские драматурги — Любовь Яровую, Годуна, Пеклеванова, Зою Кошомодьянскую, разве не пользовались такими средствами типизации, как заострение, подчеркивание, сгущение, преувеличение? Думается, что пользовались. Иначе образы получились бы аморфными, расплывчатыми, не заключали бы в себе той неотразимой впечатляющей силы, какой обладают подлинно художественные, правдивые образы-типы.

Заостренность, конкретность характеров особенно важна в драматургии — самой трудной форме литературы. Горький не раз говорил, что человека в драме нужно делать как живого, чтобы его можно было любить и ненавидеть. Если драматургу удастся создать такие живые, «твердо очерченные характеры», они обязательно придут в столкновение, в борьбу, создадут движенье пьесы, будут действовать «самосильно, без подсказываний со стороны автора». То же самое имел в виду Энгельс, когда советовал Лассалю острее противопоставить характеры драмы, резче их разграничить, т. е. острее, тверже подчеркнуть сущность той социальной силы, которую они воплощают, и полнее раскрыть индивидуальную характерность образов.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленина есть замечательная запись, которая помогает многое уяснить в проблеме типичности, как основополагающем принципе социалистического реализма, в вопросе о заострении характеров до степени противоположных, типичных.

Комментируя «Науку логики» Гегеля, Ленин обращает внимание на разницу между остроумием и умом. Он отмечает, что обычное представление, к которому относятся и остроумие, не проникающее глубоко в сущность явлений, схватывает различие, противоречие, приводит вещи в отношение друг к другу, но «не выражает понятия вещей и их отношений», т. е. схватывает общую картину жизни, но не проникает в суть ее социально-исторических закономерностей, в сущность социально-исторической борьбы.

«Мыслящий разум (ум), — пишет В. И. Ленин, — заостряет притупившееся различие различного, простое разнооб-

разие представлений, до существенного различия, до противоположности. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными (gegсам) и живыми по отношению одного к другому, — приобретают ту негативность, которая является **внутренней пульсацией самодвижения и жизненности»**¹.

Именно так в лучших реалистических произведениях «заострены» характеры-типы, поданные писателем не как простое разнообразие разных людей, а как существенное различие, противоположность борющихся социальных сил. Не «мелочные индивидуальные прихоти», не случайные и мелкие недоразумения, не произвол авторской фантазии, а «исторический поток», существенные противоречия социальной действительности являются источником развития этих характеров, их столкновений и борьбы.

С такой предельной социально-психологической отчетливостью заострены, на наш взгляд, образы Сторожева в «Одиночестве» Н. Вирты или Ивана Горлова во «Фронте» А. Корнейчука. И тот и другой с большой художественной выразительностью воссоздают определенный социальный тип, раскрывают самую суть явления, которое впоследствии было названо, например, горловщиной. А вместе с тем, при всей остроте и преувеличенности этих образов, они вполне живые, реальные характеры, полные индивидуального своеобразия и раскрытые с разных сторон.

В театре способностью «заостривать» драматургический характер до степени образа-типа в высшей мере был наделен Н. П. Хмелев, актер огромного реалистического таланта. Каждая его роль поражала законченностью и четкостью своего рисунка. Он, как никто, умел в образах различных драматургов — Толстого, Островского, Чехова, Достоевского — безошибочно почувствовать главное, только данному типу присущее. При кажущейся внешней сдержанности, почти сухости сценической манеры Хмелева, он бесконечно обогащал все новыми и новыми красками образ, созданный драматургом, причем это всегда были наиболее необходимые, точные, «как раз те самые» краски, которые, обнажая глубинную сущность характера персонажа, не нарушали чеховской или

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 118.

толстовской манеры художественной типизации, стиля автора.

Узость и абстрактность постановки проблемы типичности в статье Самеда Вургунна, его недоверие к реализму становятся особенно очевидными, когда от общих рассуждений писатель переходит к вопросам мастерства, к языку художественной литературы.

Самед Вургун проводит непреходимую грань между «языком обыденной речи», т. е. между общенародным языком, на котором говорят и пишут, так сказать, обыкновенные люди, и «языком поэзии». По его мысли, «высокий реализм» требует особых художественных средств, нуждается в сильных и ярких красках, в высоком поэтическом стиле. «Как можно говорить в поэзии, — восклицает писатель, — на обычном разговорном языке о таких высоких чувствах советского человека, как чувство интернационализма, любви к жизни, чувство товарищества, огромной ненависти к душителям свободы народов и великой веры в светлое коммунистическое завтра всего человечества?» Полагая, что наряду с языком обыкновенных людей и обыкновенных чувств должен существовать «язык большого духовного мира, высоких дум и стремлений, светлых чувств и переживаний», Самед Вургун ставит вопрос: «Почему мавр, полководец Отелло, мог говорить на высоком поэтическом языке, а наши полководцы не должны говорить на таком языке?» Он убежден, что в устах советской колхозницы, учительницы или работницы «высокий эмоциональный язык» Дездемоны прозвучит вполне естественно и уместно.

Все эти вопросы и восклицания имеют больше риторический, чем практический, творческий смысл. В самом деле, можно подумать, будто бы советская литература до сих пор не знала, какими словами выразить святое чувство патриотизма, чувство товарищества или любви к жизни. Ответ на эти вопросы мы найдем в произведениях Фадеева и Шолохова, Алексея Толстого и Корнейчука, в поэзии Суркова и Симонова, Твардовского и Исаковского, да вообще в любом значительном произведении, написанном не только в годы Отечественной войны, но и до и после нее. Сила и значение лучших произведений нашей литературы и искусства состоит как раз в том, что они без ложного пафоса и патетики, без романтической напыщенности и декламационности сумели выразить глу-

бину и благородство беззаветной любви простого советского человека к своей социалистической Родине. Нашим писателям не понадобилось для этого никаких «особенных» сильных и выразительных средств, никакого «особого» языка и стиля. Простота и сдержанность внешнего выражения чувств не только органически соответствовали естественности и простоте, с какими шел на подвиг советский человек, но как нельзя лучше подчеркивали искренность, величие и беззаветность его подвига.

Сказанное, конечно, не исключает того, что писатель может найти и другую поэтическую форму для выражения своих замыслов, для воплощения высокого духовного строя своих героев. Творческий процесс не терпит нивелирования и механического подравнивания. На это давно указывал В. И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература». Здесь больше, чем где-нибудь, необходим простор для проявления личной инициативы, индивидуальных вкусов и склонностей, свободного проявления мысли и фантазии, формы и содержания. Но эта свобода не может быть понята как необоснованный произвол писателя, самоцельное стремление к оригинальности, понимаемой субъективно. Форма художественного произведения не может не зависеть от его содержания, она должна находиться в единстве со своим содержанием, способствовать его предельному выявлению. И именно поэтому форма не пассивный, а активный художественный элемент, находится в активном взаимодействии с содержанием. Верно найденная форма всегда способствует более глубокому и полному раскрытию содержания. Это особенно относится к языку художественного произведения, так как здесь в самом конкретном и убедительном виде решается вопрос о форме и содержании в искусстве. Народность, богатство, полнозвучность, образность и поэтичность языка писателя — действенное средство воплощения полноты, поэтичности, разносторонности и содержательности нарисованного им образа, картины жизни. И, наоборот, серость, стертость, шаблонность слов, так же как и нарочитая их изысканность, необычность, стилизованность (вспомнить хотя бы эстетское словотворчество всех и всяческих декадентов, начиная от Игоря Северянина и кончая Хлебниковым), не передадут глубины содержания мысли или красоты душевного порыва человека. Они или обезличат мысль,

порыв, или опошлят их. Думается, что сейчас эти положения общеизвестны и не нуждаются в развернутой аргументации.

Самед Вургун прав, когда протестует против безликости, серости, невыразительности языка многих художественных произведений последнего времени. Но он ошибается, когда думает, что этого можно избежать путем создания особой поэтической речи. Только углубление идейного содержания литературы подлинно художественными средствами социалистического реализма поможет писателям преодолеть этот недостаток.

Вопрос о языке как о средстве художественной выразительности самым тесным образом связан с проблемой типичности. Отбирая существенное, отбрасывая второстепенное, случайное, заостряя и концентрируя художественный образ, писатель обязательно индивидуализирует речь своих героев, тщательно продумывает каждый оборот, речевой образ, синтаксическое построение фразы с точки зрения их правомерности, естественности или необходимости для выражения идеи произведения, раскрытия сути характера. Типичность художественного образа немыслима без типизации языка, речевой характеристики персонажа. Это особенно необходимо в драме, где речь для художника является главным и почти единственным средством выявления свойств и особенностей действующего лица.

Поэтому вопрос о языке персонажа нельзя, неверно рассматривать в отрыве от сути его характера. Конкретное решение проблемы речевой характеристики невозможно без отчетливого представления о конкретных особенностях каждого данного образа.

Писатели-реалисты, в их числе такие выдающиеся советские драматурги, как К. Тренев, Ал. Толстой, не раз подчеркивали, что герои их пьес только тогда начинали говорить своим собственным, только данному типу и характеру присущим языком, когда в творческом воображении драматурга полностью вырисовывался образ действующего лица. Они не пытались «придумывать» язык для своих персонажей, прежде чем характер их не становился до конца ясен. К речи действующего лица они приходили от его целостного образа, а не наоборот — не конструировали образ, «сочиняя» для него особый язык.

Вот если так взглянуть на вещи, то станет понятным, почему наши полководцы

обладают иным строем и темпераментом речи, чем мавр Отелло. От этого их речь не становится (в талантливых произведениях, конечно) ни менее убедительной, ни менее поэтичной, ни менее прекрасной. Весь вопрос в том, что вкладывать в понятия «прекрасное», «возвышенное», «поэтическое». Если под этим понимать внешнюю красоту фразы — это одно, если глубокую мысль, чувство — другое.

Работая над созданием романа «Честь», известный татарский писатель Гумер Баширов столкнулся с той же примерно дилеммой, какая волнует Самеда Вургун: «Повествуя о судьбе Родины в годы Отечественной войны, я всегда задавал себе вопрос: а как, какими словами говорит о событиях народ?» За ответом Гумер Баширов обратился к самому народу, отправился в колхозы, прислушивался к простым людям, к народной речи. Встреча с народом многое объяснила писателю, научила его той мудрой простоте слова и дела, которые отличают народ.

«Оказалось, — говорит Гумер Баширов, — что к истинной и мудрой простоте можно прийти только через глубокое знание родного языка, через большой опыт жизни... Практика показала мне, что «красивые» слова заслоняют или совсем губят истинную красоту. Корифеи литературы — русские классики и особенно Горький — помогают нам понять глубокие возможности художественного слова, учат вскрывать его силу и пользоваться неисчерпаемым богатством русского языка. Ясно, что реалистическую картину действительности может воспроизвести только реалистический язык, обогащенный многогранной деятельностью строителей коммунизма. Новизна в языке идет не от выдумки, а от творческой жизни народа».

Язык литературы, как и вся наша жизнь, развивается, обогащается в ходе строительства коммунизма, в процессе культурного роста народа, сближения города с деревней, людей умственного и физического труда. Наши колхозники говорят теперь не так, как крестьяне старой России. То, что считалось некрасивым, нелитературным некоторое время назад, теперь входит в понятие художественности. Так, органически вошла в ткань многих художественных произведений техническая и политическая терминология, публицистическая речь, язык военных приказов и команды и многое другое. Тогда, когда применение этих «прозаизмов» помогает точ-

ности, полноте, реалистичности речевой характеристики, «прозаизмы» утрачивают свою сниженность и становятся органическим художественным элементом. Как это ни парадоксально, но эти сухие служебные слова нередко способствуют созданию необходимого эмоционального настроения больше, чем иные шаблонные «поэтические» приемы, романтическая ходульность и выпренность.

Всякое стилистическое средство уместно и художественно, если оно соответствует сущности образа, явления, идейной задаче произведения, если оно не расходится с нормами общенародного языка, не нарушает его законов. Писатель не вправе пренебрегать богатством, чистотой, точностью и образностью общенародного языка, как якобы языка непозитического, бытового, сниженного. Всякая попытка противопоставления «красивого» языка поэзии общенародному «бытовому» языку в самой своей основе творчески бесплодна. Об этом неопровержимо свидетельствует история литературы. Поэтому напрасно думает Самед Вургун, что, пользуясь особым «языком поэзии», писатель сделает произведения более народными, чем те произведения, которые созданы на основе «обыденной речи». Народность языка художественного произведения создается не средствами стилизации, а рождается как результат народности его творчества, органической связи писателя с народной жизнью. И не путем противопоставления языка художественной литературы языку народа, а путем использования богатства общенародного языка достигнет художник успехов в трудном и тонком поэтическом деле.

Чем глубже будет постигать писатель истинную красоту жизни советского народа, чем разностороннее, сложнее, богаче и динамичнее будет нарисованный им духовный облик советского человека, чем яснее и ярче сумеет он показать советский патриотизм народа и историческое значение социалистических преобразований в нашем обществе, тем народнее будет его творчество.

Вургун прав, когда проблему народности литературы связывает с проблемой типического национального характера. Типический художественный образ, естественно, не может быть безнациональным. Он обязательно должен воплотить в себе национальные особенности своего народа, национальное своеобразие его характера, которое отличает одну нацию от другой. Это

сделает художественный образ по-настоящему типичным и вместе с тем индивидуальным. Самед Вургун вправе напомнить эти общеизвестные и бесспорные истины. Но аргументация, которой он при этом пользуется, кажется странной и односторонней. Она уводит от правильного решения. Автор статьи «Вопросы большого искусства» считает, что проблема национального характера в нашей литературе должна быть поставлена по-новому в связи с вопросом о типическом. Самед Вургун не объясняет как следует, почему его не устраивает существующее марксистское решение вопроса. Но вся его аргументация, ход его мысли невольно приводят к заключению, что новизна проблемы состоит в том, чтобы сильнее, чем до сих пор, подчеркивать то, что отличает народы друг от друга, а не указывать на сближение их в процессе строительства коммунизма, хотя именно это и составляет содержание жизни народов СССР.

«У каждого народа есть свои существенные особенности, — пишет Вургун, — свой быт, свои традиции и вкусы, навыки и привычки, которые складывались веками, свой особый образ мышления и мировосприятия». В общем так оно, конечно, и есть. Но главное для советских народов все-таки не в этом.

Самед Вургун допускает, если мы его правильно поняли, две ошибки. Он неверно понимает сущность «национального характера», как якобы «свой особый образ мышления и мировосприятия», складывавшийся веками. Это расходится с марксистским определением национального характера. И, кроме того, не учитывает, что понятия «нация» и «национальный характер» изменчивы. Меняются времена, и меняются нации. Социалистические нации, составляющие семью народов СССР, коренным образом отличаются от наций, входивших в состав Российской империи. Национальный характер советских народов, представляющий собой, по выражению товарища Сталина, «отражение условий жизни», «сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды», и выражающийся «в особенностях национальной культуры», теперь тоже иной и продолжает меняться, «...нация, как всякое историческое явление, — говорит товарищ Сталин, — подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец». «Нечего и говорить, что «национальный характер» не пред-

ставляет нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни»¹.

«Национальный характер», общность психического склада, особенности национальной культуры у народов СССР не те, какими они были до октября 1917 года. С помощью и при поддержке Коммунистической партии ранее отсталые национальности по-настоящему приобщились к делу социалистического строительства. И в этом залог расцвета национальных по форме и социалистических по содержанию культур.

Следовательно, говоря о «национальном характере», нельзя подходить к нему как к чему-то, раз навсегда определившемуся, особенно сейчас, в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму, когда национальный характер народов развивается особенно интенсивно. Нужно прежде всего подчеркивать новые, социалистические качества, сформировавшиеся в «национальном характере» того или иного народа СССР за годы существования Советской власти, выявлять то общее, что сближает народы разной национальности. Конечно, национальные «привычки и традиции, вкусы и навыки, складывавшиеся веками», накладывая свой отпечаток на культуру и характер народа. Но они не вечны. Создаются новые традиции, новая культура, обусловленные новыми обстоятельствами общественной жизни. Они вытесняют старые, тем более, что среди этих «вековых» традиций и навыков много таких, которые уже отжили свой век, и их возрождение сейчас может сыграть реакционную, а не прогрессивную роль. В противном случае писатель не сможет занять верную позицию по отношению к нарождающемуся новому и вместо того, чтобы поддержать, будет тормозить его рост.

Задача советского художника в том, чтобы, воссоздавая национальное своеобразие характера, не затушевывать, не отодвигать на второй план главное, что сближает и роднит социалистические нации, — общее дело строительства коммунизма, — а, наоборот, подчеркивать и поднимать это общее, борясь с буржуазно-националистическими тенденциями к замыканию наций в своей национальной скорлупе.

Говоря о том, что буржуазный национализм ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам, товарищ Сталин указывал, что существо местного национализма как раз и состоит «...в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы... в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга»².

В связи с этим хочется обратить внимание еще на одно упущение Самеда Вургунга. Говоря о вопросах социалистической национальной культуры, нельзя обходить молчанием факт взаимной связи и взаимного влияния народов СССР друг на друга, в особенности огромного благотворного влияния культуры русского народа на культуру народов Советского Союза. Нет ничего плохого в том, что советский писатель в поисках решения творческих проблем обращается к произведениям национального гения, отдаленным от нас веками. Но плохо, когда, определяя современные задачи литературы, он забывает о значении великой — классической и советской — русской культуры, о значении культуры других народов СССР для понимания путей развития национальной культуры своего народа.

Статья Самеда Вургунга «Вопросы большого искусства» свидетельствует о том, что писатель, поторопившись высказать свои мысли, не все из них продумал до конца, и потому некоторые выдвинутые им положения, неточно сформулированные, неразвитые, дают повод для неверных выводов, вызывают на спор. Его статья показывает, что вопросы теории литературы и искусства нельзя отрывать от творческой практики. Это неизбежно приводит к узости, односторонности, абстракциям. Любое теоретическое положение должно проверяться практикой, обращаться к практике. Этого не сделал Самед Вургун, и потому высказанные им идеи, подкупающие на первый взгляд воодушевленным протестом против серости и аморфности, проникающих в нашу литературу, при ближайшем рассмотрении оказываются далеко не во всем плодотворными и могут привести к ошибочной практике.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 296—297.

² И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 371.

Н. ЗАМОШКИН

Заметки о редактировании

Заранее условимся, что никаких рецептов редакторской работы не существует, да едва ли они и могут быть. Инструкции тоже исключены. Остаются размышления, чуть-чуть систематизированные, отправляющиеся от фактов. Фактов же много, очень много. Не буду приводить кричащие, ограничусь рядовыми. Моя задача — показать некоторые аспекты редакторской работы, ни в какой мере не пытаясь их исчерпать.

В последнее время как в печати, так и на литературных собраниях и заседаниях все чаще и чаще ставится, а порой и обсуждается вопрос о роли редактора в издательском процессе, о принципах редактирования, о необходимости творчески работать над созданием книги, номера журнала, номера альманаха. Напечатанная свыше года тому назад в «Правде» статья гг. В. Озерова и Н. Чуканова, посвященная деятельности издательства «Советский писатель», так и была озаглавлена: «Творчески работать над созданием новой книги». В этой статье редактор правильно называется центральной фигурой издательства, несущей ответственность за выпускаемые произведения.

И действительно, советский редактор несет полную моральную и фактическую ответственность за книгу, которую подписывает к печати и которая именно с этого момента становится общественной силой, формирующей сознание читателей.

Выход неполноценной книги, сборника, альманаха — это, конечно, удар по нашему культурному фронту. И мы не имеем права выпускать идейно порочные книги, вялые, тусклые произведения, приспособленческие, равнодушные повествования или наспех состряпанные банальные описания наших великих дней, наших людей.

Главная задача редактора — выпустить произведение в наилучшем из возможных для данного автора и данного материала виде, найти, обнаружить в произведении все лучшее, что в нем есть, но что еще не вышло на поверхность, не стало живой тканью книги, плотью

ее образов, идей. Одним из первых вступающая в содружество с автором, редактор начинает этот процесс обнаружения в рукописи хорошего, талантливого. Слова товарища Г. М. Маленкова о том, что «советские люди не терпят серости, безидейности, фальши» в художественных произведениях, относятся и ко всем редакторам, которые должны вооружиться на борьбу с этими недопустимыми в нашей литературе явлениями.

Естественно-встает в связи с этим вопрос об идейном, нравственном облике редактора. Редактор должен быть передовым человеком, политически и литературно образованным. В известном смысле он должен знать больше, чем авторы, которых он редактирует, потому что он имеет дело с разными сторонами и областями действительности. Он должен быть филологом, страстным ревнителем русского слова, он должен знать и, главное, любить советскую литературу, горячо переживать ее успехи и неудачи, быть по крайней мере потенциальным критиком, а еще лучше — литератором-профессионалом.

Редактор сродни критику. Ведь ему нередко приходится выступать и в роли консультанта, помогающего автору доработать и обогатить произведение, намечасмое к печати. Но редактор — это такой критик, который не только оценивает, сравнивает, подвергает разбору и выносит, употребляя классическое выражение Чернышевского, приговор произведению, но который и практически содействует выходу произведения в свет в наилучшем виде. Редактирование — это критика, так сказать, предупредительная и притом глубоко товарищеская. В практике редакторов, наверно, найдется немало случаев, подтверждающих чрезвычайную важность этой предупредительной критики. Без нее иные произведения, написанные даже талантливым рукой, оказались бы неготовыми для публикации.

С чего начинается работа редактора? С общей оценки произведения. И. В. Сталин дал нам классический образец того, как надо подходить к

художественному произведению. Разве ценность произведения «...определяется отдельными частностями, а не её общим направлением?» — спрашивает товарищ И. В. Сталин в письме к Ф. Кону.

Приступая к работе, редактор должен свято руководствоваться этим сталинским критерием оценки произведения, плуе всего остерегаясь попасть в положение человека, который за деревьями не видит леса.

Советскому редактору приходится работать и над рукописью и над опубликованным уже текстом. Но в обоих случаях он должен начать работу так, как если бы до него никто никогда не знакомился с произведением. Это — очень важное условие успеха редактуры. На первое впечатление от книги лягут второе, третье впечатления, они дополняются отзывами и суждениями других лиц, и все это редактор должен вобрать в себя, освоить и расположить в соответствии со своим основным выводом.

В связи с этим уместно подчеркнуть специфику редакторского чтения, без которого нет и не может быть настоящей редакторской работы. Редактирование начинается с внимательного, несколько особого, профессионального, очень нелегкого чтения, облегчить которое, однако, означало бы ухудшить, понизить качественную сторону редакторского труда. Без такого аналитического, всесторонне охватывающего чтения многое в произведении останется напрасно лежащим под спудом или, наоборот, окажется напрасно выдвинутым на поверхность. Разумеется, я не хочу этим сказать, что литературное произведение чем-то похоже на шараду или криптограмму, нуждающуюся в редакторской расшифровке. Но ведь и обычный читатель, хочет он этого или не хочет, воссоздает из отдельных штрихов, деталей цельный образ героя произведения, ведь и он выводит идею, как итог, смысл всего повествования, и он мысленно конструирует соответствие частей и целого в композиции вещи и т. д. Специфическое редакторское чтение — лишь наиболее внимательное, аналитическое чтение, производящее как бы продольный, поперечный, перекрестный разбор формы и содержания произведения.

Как часто, однако, ловишь себя на мысли: не пострадает ли художественный организм от этой поверки? Не улечитесь ли от такого анатомизирования весь аромат искусства? Опасность такая несомненна.

Есть индийская сказка о сороконожке. Задумавшись однажды о механизме своих сорока ножек, всегда прекрасно выполнявших положенные им движения, бедное маленькое животное вдруг обнаружало, что ножки его стали работать не в лад, задевать одна за другую. Примерно это происходит и с редактором, когда он невзначай станет орудовать одним голым рассудком. Он вдруг обна-

ружит, что произведение перестает дышать. Синтетическое восприятие вещи обязательно должно сочетаться с аналитическим разбором ее. Иначе автор только заявит от редакторской «помощи». Изобразительная природа языка, самая сущность художественного метода не терпят буквального толкования текста. Буквализм — одно из проявлений того редакторского сверхусердия, когда под предлогом «так нельзя сказать», «так не говорят по-русски», «это нелогично» и т. п. выхолащивается сама художественная ткань вещи и ее рисунок. При таком подходе любой образ, любой троп кажется бессмыслицей, и самые обыкновенные метафоры, без которых нет художественного письма, вроде «стакан шипит», заменяются редактором-буквалистом скучной, но зато «правильной» прозой: «вино шипит в стакане».

Важно, чтобы редактор ни на одно мгновение не утрачивал живого ощущения образного богатства русского языка, эстетической природы произведения. Творческое отношение к своему труду обязывает редактора к смелости, но оно обязывает и к осмотрительности. Старое правило: семь раз примерь, один раз отрежь (а «резать» ножницами редакторы — большие мастера, порой даже какой-то бес толкает их прежде всего требовать сокращения текста!), правило это остается в силе и для редактора.

Конечно, понимание образной речи не должно превращаться в преклонение перед всяким образом. Как часто в произведении молодых, той именно части их, которые не довольствуются избитыми, ходячими сравнениями, попадают вместо действительно образных, свежих сравнений сравнения мнимобразные.

Вот герой повести С. Юдкевича «Наука побеждать» (альманах «Литературная Тула», 1952 год, кн. 6) велосипедист-гонщик, он же слесарь-стахановец, Павел. Сердце его, читаем мы, «стучало в грудную клетку все настойчивей и сильнее, как иногда стучит в кабину шофера пассажир, требующий остановки. Но остановка для Павла означает поражение, и он жал на педали изо всех сил». Неудача этого сравнения, конечно, не в его гиперболичности, а в том, что здесь велосипедист, помимо его желаний, пересажен с велосипеда на грузовик и притом еще пассажиром. Налицо непродуманное, а потому и вызывающее улыбку сравнение. Вот тут бы, конечно, и вмешаться редактору со своим советом.

Советский редактор, как человек высокой социалистической культуры и как взыскательный, умный друг литературы, не может не считаться с творческой индивидуальностью автора, то есть с характерными особенностями, творческим почерком редактируемого им произведения. Произведение чаще всего создается по правилам, избранным самим

писателем. Есть разные творческие манеры и почерки: эмоциональные и рационалистические, эпические и лирические, рассудительные и порывистые и т. д. Редактор обязан считаться и не требовать, скажем, от старого писателя Н. Никандрова, чтобы он писал о своих рыбаках короткими, рублеными фразами и избегал медленных, плавных, обстоятельных описаний и перечислений, какими он умеет пользоваться с успехом. И если справедливо изречение «Человек — это стиль», то кому же больше, чем редакторам, всегда помнить и чувствовать это! Вот молодой, талантливыи, но еще во многом, в том числе и в языке, спотыкающийся писатель Н. Шундик, автор романа «Быстроногий олень». Он тоже пишет в своей манере. Условно ее можно назвать киноповествовательной манерой — в смысле чрезвычайной обилия небольших эпизодов-кадров, — но в результате получается довольно цельная и стройная картина великого возрождения чукотского народа. Было бы нелепо, конечно, посягать на эту особенность «Быстроногого оленя». Редактору остается широкое поле для работы внутри, в пределах этой манеры.

Попадают на свете, однако, рьяные редакторы. Вначале они становятся втуплик, а потом решительно вымарывают то, что не вмещается в привычный для них распорядок слов, и разве только из уважения к имени А. Толстого они оставляют в целости такие, например, «неправильные» строки: «Он одиноко страдал все те же неразрешающие страдания» (начало X главы «Смерти Ивана Ильича»). Так называемых «неправильностей» сколько угодно в живом языке художников слова. Все дело в том, выражают ли они ясно и точно мысли автора, не привнесены ли они со стороны в писательскую манеру. И тут приходит на помощь не только литературное образование редактора, но и его чутье к стилю, к законам языка. Белинский писал: «...у языка есть хранитель надежный и верный: это его же собственный дух, гений». В переводе на язык науки этот дух, гений языка, может быть, означает именно то, что товарищ Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» назвал внутренними законами развития языка, опирающимися на таких надежных его хранителей, как грамматический строй и основной словарный фонд.

Говоря об уважении к творческой индивидуальности автора, мы помним и то, что не всегда стиль писателя совпадает со стилем времени. И в этой области еще живучи пережитки старого в самых разных видах и формах. Приведу пример с талантливыми рассказами Вл. Фоменко. Писатель этот — подлинный стилист, можно даже сказать — страстный словопоклонник. С обычной редакторской шаргалкой к нему не подходит: он любит слово, его смысл,

игру его оттенков и будет сражаться за каждую фразу, за каждый оборот. Однако Фоменко порою одинаково «сочно» и даже прямо изображает все: и героический незаметный труд советского человека и нарравне с этим запахи навоза, коровьи роды и прочий, как принято в этом случае говорить, «фламандизм». И надо сказать, что редактору, увлеченному красочностью палитры, энергизмом стиля писателя, нелегко сразу разобраться в этой его особенности. Выручает, помогает редактору коллектив. Я имею в виду ту справедливую меткую критику, которая раздалась по адресу рассказов Вл. Фоменко на южнорусской писательской конференции 1951 года и которая, открыв писателю глаза на крайности его стиля, помогла ему освободить свои рассказы от натуралистических излишеств.

Здесь необходимо маленькое отступление по поводу натурализма. Известно, что всеядная сущность натурализма совершенно чужда и враждебна коммунистической идеологии. К счастью, в советской литературе всего чаще приходится встречаться с рудиментами натурализма в форме огрубления языка и тому подобной фальшивой «правды» жизни, жизни «как она есть». Встречаясь с подобными случаями, редактор должен быть беспощаден. И пусть обиженный автор не ссылается на великого А. Толстого, однажды нашедшего нужным рассказать о том, как тяжело, как противно было умирающему Ивану Ильичу ходить в судно, вдыхать дурной запах и пр. Толстой, конечно, меньше всего помышлял тут о физиологии ради физиологии. У его умирающего героя это было следствием обостренного внимания к своему немощному, больному телу. Но главное и не в этом, а в соответствии этих сцен самой сути произведения. А. Толстой с предельной открытостью и правдивостью показал полную беспомощность человека, который жил «не так», то есть не совершил ничего полезного, ничего высокого для людей, для человечества. Ради разоблачения такого существования писатель и пошел на крайности. Страсти и целенаправленности надо учиться у Толстого, а не копировать те или иные его экстраприемы.

Бывает и так, что достаточно одного толчка, чтобы автор сразу же почувствовал потребность в основательной доработке своего произведения. «Лесозавод» А. Караваевой, например, явно выглядел устарелым как со стороны многих деталей содержания, так и со стороны деталей формы. Прочитав вместе с редактором свой роман, писательница быстро схватила суть замечаний о его недостатках и загорелась искренним желанием устранить их. Лучшая позиция редактора в данном случае — терпеливое ожидание. А. Караваева очень хорошо выполнила свою работу. Роман как бы родился вновь. На долю редак-

тора осталась лишь обычная микроправка, то есть редактирование в собственном смысле, приведение рукописи в окончательный, предкорректорский вид. Случай с А. Караваевой во всех отношениях противоположен случаю с Вл. Фоменко. Но всегда и во всех случаях ничто не должно делаться редактором без согласия, санкции и одобрения автора. Это — железное правило. Исключения могут быть только единичными.

К сожалению, иногда редакторская помощь носит характер грубого вмешательства в права автора и имеет следствием не улучшение вещи, а явное ее ухудшение. Один из таких фактов недавно получил огласку в печати. В рецензии Н. Емельяновой на книгу А. Шахова «Длинные дороги» («Огонек» № 2 за текущий год) справедливо и убедительно критикуется редакторская работа над повестью «За мараловой травой». Выявляется, что герои, поступавшие сообразно их характерам, в новой редакции стали говорить и поступать, «как надо», то есть «стали выглядеть излишне приглаженными. Так, рабочий Василий, в первом издании склонный поспыньствовать, ныне мимолетно надеен тягой к изобретательству» (!). Характерно, что «в дальнейшем эта наспех придуманная ему черта никак в повести не проявляется. Эпизод, верно характеризовавший Петра Петровича как человека жестокого, думающего только о своей пользе, не останавливающегося даже перед воровством, теперь заменен другим эпизодом, в котором показаны благородные, но, увы, недостоверные для читателя черты Петра Петровича». Н. Емельянова отмечает и другие неудачные поправки. Исторические отступления, отнюдь не загружавшие повесть и интересные для читателя, сняты. В новом издании сглажено своеобразие языка такого привлекательного персонажа, как ботаник Анна Николаевна. «Живые выражения нередко заменены обычными, стертыми словами», — пишет рецензент. Нельзя не согласиться с этой рецензией и не осудить редактора второго издания повести, который нивелировал и язык и характеры людей, подгоняя и то и другое под какой-то общий, плоский, «бесконфликтный» ранжир.

Совершенно очевидно, что редакторское сглаживание, нивелирование авторских образов и языка идут вразрез с требованиями XIX партсъезда. На это надо обратить особое внимание, ибо фраза «это не типично» раздавалась прежде всего за закрытой дверью кабинета редактора. Боязнь преувеличения и заострения, как средств художественной типизации, была едва ли не профессиональной болезнью многих редакторов. Отныне способность к самокритике должна стать второй натурой редакторов. Это бесспорно.

Однако случай с редактированием книги А. Шахова имеет и другую сторо-

ну — вопрос о редакторской воле самого автора, ибо ведь пока произведение не стало книгой, не зажило новой, читательской жизнью, оно является только личным достоянием его автора, который волен отстаивать в нем все, в ценности чего глубоко убежден.

Автор — существо очень чувствительное в отношении своего создания. Советский автор, кроме того, одержим сознанием большой нравственной, гражданской ответственности за свой труд. Встречаясь впервые с редактором, он обычно еще блаженно отдыхает после только что поставленной им в своем произведении точки, он наслаждается сознанием исполненного долга, — и вот в этот момент появляется редактор со своими замечаниями, поправками и предложениями, со своей редакторской «докукой». Это все равно, что усталому путнику, только что достигшему крутой вершины, цели его путешествия, сразу же указать на новый подъем, который он должен тут же преодолеть. Конечно, путник начинает сопротивляться, упираться, возражать. Но вся логика вещей и сама реальность таковы, что бери посох и котомку и иди дальше... И автор снова идет, и постепенно, не сразу, входит во вкус нового путешествия. Перед ним встает новая точка подъема (вершина, холм, смотря по объему работы), и ее, конечно, надо достигнуть, потому что оттуда кругозор все-таки шире. И понемногу работа захватывает автора, многое начинает казаться нужным, полезным, прекрасным. В результате оба — и автор и редактор — довольны: усилия затрачены были не зря. Понятно, что и в этом, и в других менее идеальных случаях от редактора требуется многое: принципиальность, партийность, знания, чутье, такт, воля, вкус. А писатель, в свою очередь, должен постоянно напоминать себе, что творческому процессу, в сущности, нет конца, что он продолжается и после выхода произведения в свет, в народ.

Многообразна работа редакторов, и никто еще из них не заслужил права говорить о своей работе в плане нормативном. Живая практика — вот критерий истинности или ошибочности редакторской работы. А практика, опыт растут, ширятся. В редакторский процесс все больше и больше включается коллективное обсуждение как рукописей, так и журнальных вариантов. Никто не декларировал, а тем более не декретировал ни коллективных методов работы, ни все более повышающейся роли редакторского труда в выпуске книги и журналов. Сама жизнь, требовательная, не останавливающаяся ни на миг, диктует поведение редактора и создает профиль редакторского труда.

Все большее выделение коллективных методов работы в редакциях является тем новым, что принесла

В жизнь издательская практика последних лет. «Опыт некоторых издательств подсказывает действенный метод творческой работы с автором — коллективное обсуждение рукописей, — пишут в упомянутой статье в «Правде» тт. Озеров и Чуканов. — Почему бы в редакции для творческой встречи с автором не могли собраться вместе ее заведующий, рецензенты, редактор, писатель? А как много получил бы автор, если бы его рукопись обсудить на заседании одной из творческих секций Союза писателей, а в отдельных случаях познакомить с ней и общественность завода, колхозов, научного учреждения!»

Заметьте: познакомить завод, колхоз не с вышедшей книгой, а с рукописью произведения! Это должно принести положительные результаты. Коллективный метод оценки, разбора и обсуждения рукописи является важнейшим звеном в общем процессе редактирования произведения. И вовсе не легкая задача учесть все пожелания, советы и критические замечания о рукописи, особенно когда редактор не какая-нибудь мягкая восковая дощечка, по которой можно водить как угодно, а человек с установившимся, проверенным опытом, взглядами, вкусами, со своей точкой зрения на данную рукопись. Значит, и при коллективном методе работы самое главное — это проверенный, так сказать, прополосканный в семи водах взгляд редактора на произведение. Если у него есть своя точка зрения, тогда все доброе, что содержится в рецензиях, протоколах и стенограммах, неизбежно стечется к нему, а все случайное отойдет. Коллективные методы работы, разумеется, ни в чем не подменяют редактора, не освобождают его от ответственности. И коллективное обсуждение вовсе не облегчает его работу, а только делает ее более содержательной, более всесторонней.

В полной мере это применимо и к использованию редактором печатных отзывов. Практика показала, что в большинстве случаев печатные выступления, в которых содержатся конкретные предложения по улучшению вещи, оказывают немалую помощь и автору и редактору. Таковы, например, недавние рецензии В. Кузнецова в «Правде» и А. Воронковой в «Литературной газете» о романе Н. Шундика. В них содержатся, безусловно, дельные советы, например, о необходимости избавиться в романе от окружающей его героев атмосферы всеобщего благополучия, а также освободить речь чукчей от специфически русской интонации и книжных фразеологических оборотов.

Поучительна как пример недооценки редактором коллективных методов работы история с выходом романа Е. Пермитина «Горные орлы». Известна довольно единодушная оценка этого произведения в печати и в Союзе писателей. Превосходное, правдивое изобра-

жение жизни в первых частях, написанных в довоенные годы, и бледное, газетное, беглое — в последних полутора-двух частях, посвященных послевоенной колхозной действительности, частях, несомненно, написанных наспех, как бы в самый последний момент перед сдачей произведения в издательство. Почему роман был выпущен с таким существенным, едва ли не решающим делом недостатком? Роман был выпущен в этом виде потому, что его редактор оказался один на один с автором во все время редактирования. Увлеченный яркой художественной и социальной картинностью многих сцен и глав романа, редактор забыл, что при решении того или иного важного вопроса ум хорошо, а два лучше. Нет никаких сомнений, что коллективное обсуждение убедило бы автора повременить с выпуском книги, коренным образом доработать последнюю треть романа. Этого, к сожалению, не случилось. И то, что книга вышла в свет с таким существенным изъяном, тем более обидно, что редактору пришлось проделать над рукописью буквально титаническую работу, после которой только и стал возможным вообще выход произведения в свет.

Е. Пермитина, одаренного писателя, заметил еще Горький, но он и сурово пожурил его, натолкнувшись в повести «Враг» на множество уродливых жаргонных словечек, вроде: «дюзнул», «ты от меня не усикнешь», «как никабудь» и т. п. Писатель, следуя совету Горького, своевременно освободил свои повести от словесного хлама. Однако в значительной степени остались в них буйная лохматость, взъерошенность стиля, смещение в нем настоящей силы и сентиментальничанья, строгого вкуса и полной безвкусицы, провинциальной погони за эффектами и чудесных описаний природы. В представленной рукописи (я имею в виду ее сводный контаминированный текст из повестей двадцатилетней давности, составивших главное содержание романа) не чувствовалось подлинного мастерства, — автор как бы остановился на уровне своей творческой молодости, когда все бралось им смаху, с явным талантом, но нередко как бог на душу положит: сумбурно, молодечески, «стихийно». При переиздании в год 1952-й многое в языке и обрисовке действующих лиц подлежало новой эстетической выверке с позиций повышенных требований к мастерству, успехов советской литературы последних годов, роста читательских запросов. Работа эта была проделана с полного одобрения автора. Последовавшая за выходом романа критика не нашла ни в языке его, ни в живописно-изобразительной манере чего-либо, что коробило бы вкус строгого советского читателя и самой критики. К силе и своеобразию оригинала была прибавлена, таким образом, выделка.

Для этого достаточно сверить рукопись с печатным текстом.

Но и то ведь сказать: было бы над чем работать, было бы что шлифовать! Е. Пермитин — писатель талантливый, и редактор, конечно, всегда счастлив работать с таким писателем: он сам при этом многому научится. И редактору действительно пришлось немало поработать, в том числе и над последними главами романа, похожими на дощатый легонький мезонин, надстроенный над фундаментальным зданием, — над главами то газетно-очерковыми, то провинциально-коклетливыми, а то и репортерско-восторженными.

На материале редактирования только одного этого романа можно было бы написать не лишнюю некоторого интереса работу чисто прикладного значения. В ней было бы рассказано и о том, как редактор не проявил достаточной воли и не добился коренной переработки автором последней трети романа. С другой стороны, было бы рассказано также и о том, что художнику слова необходимо овладеть наукой наук — марксистско-ленинской философией, совершенствовать свое мастерство, проявлять строгость, взыскательность к своему таланту. Талант нуждается в культуре, тогда только он сохраняет способность к саморазвитию. Перед советским автором всегда должны стоять примеры непрерывного совершенствования, святого недовольства мастеров культуры результатами своего труда, примеры Пушкина, Толстого, Горького.

Любопытный случай, связанный с недооценкой издателями коллективных методов работы, произошел в Красноярске с приговоренными для печати рукописями трех романов: Ю. Рожицына и В. Егорова «Таежный фронт», А. Попкова «Тайна голубого стакана» и Н. Устиновича «Степной маяк». Если бы эти вещи подверглись творческому обсуждению в Красноярском издательстве и отделении Союза писателей, они, несомненно, оказались бы свободными от многих и многих недостатков. Но так как такого порядка не было заведено в Красноярске, то лишённые помощи редакторы этих произведений не сумели довести их не то что до окончательного, но даже и до начального (в смысле готовности для печати) вида.

В романе «Таежный фронт» описывается борьба красноярских партизан против Колчака и интервентов. Редактирование следовало бы начать уже с вопроса о том, раскрывается ли в романе смысл предпосланного ему эпиграфа. А если не раскрывается, то зачем, спрашивается, он поставлен? В эпиграфе авторы привели полные глубокого смысла слова В. И. Ленина о тяжелой цене, которую заплатили рабочие и крестьяне Сибири за доверчивость Колчаку. Казалось бы, в романе и

должна быть раскрыта драма сибирского крестьянства, лишь после колебаний, отступлений, внутренней борьбы пришедшего к мысли восстать против колчаковщины. Сложная классовая природа сибирского крестьянина и его действительный путь в революции не нашли, однако, в романе отражения. Не подумал автор и об исторически правильном изображении Колчака. Он в романе как-то странно одомашнен. Изображается интерьер. Колчак мирно сидит на диване, потом музицирует. Музыка Вагнера. Перед нами не злейший враг советского народа, а какой-то частный поверенный в пижаме... Выдвигая на передний план обманутых империалистами чехословацких мятежников, их столкновения с сибиряками, авторы не привели ни одной сцены, где выведен был бы хотя один из обманутых империалистами чехословацких солдат. В романе отсутствуют образы мыслящих, думающих коммунистов. Все они революционеры, сыновья трудового народа, но ни один из них даже не пытается осмыслить происходящее. За них это делает... Кто же? Каратель Волконский, «демоническая» фигура которого выдвинута на передний план.

Художественные недостатки романа прямо-таки вопиют. Скорей это не роман, а нечто вроде кладовой, куда свалены в беспорядке люди, события, всевозможные мелочи. Язык порой донельзя модернизирован. Герои говорят речениями наших дней, вроде «теоретически подкован»; а сибирский мужик вдруг замечает по поводу услышанной им фразы: «Стиль слабават...» Поверхностно, плоско охарактеризован Щетинкин, командир партизан, человек очень сложной биографии. Многочисленные батальные эпизоды почти неотличимы один от другого.

Много в романе разного рода бытовых, исторических погрешностей. По роману, выходит, что в 1917 году уже имелаась каторга на Мудьюге, что род Волконских был всегда в чести у русских императоров (а декабрист князь Волконский?). Уездный городок Ачинск с его плохо выдуманном блеском, джазами и вообще буржуазно-столичным пошибом выглядит в романе, как маленький Париж. Очень смутно говорится о выходявшей в Ачинске подпольной коммунистической газете: не приводятся ни названия ее, ни годы издания, ни содержание газетных номеров, что в историко-революционном романе было бы очень на месте.

Чехословацкий полковник не понимает слово «партизан», ибо не знает русского языка, как будто слово «партизан» в обращении только у русских. Вместо того чтобы объяснить, какую и в чьих интересах политику проводили колчаковцы и их хозяева, авторы увлеклись описаниями их разгульной жизни. И такой роман считался в издательстве готовым.

Теперь о романе А. Попкова «Тайна голубого стакана». Перед нами советский детектив, написанный как будто по всем положенным для этого жанра правилам. В нем говорится о том, как диверсанты пытались выкрасть у нас чудесный минерал «Зет» и как они были пойманы и разоблачены. Патриотический сюжет не нашел, однако, достойного воплощения. В приключенческих произведениях допустимы случайности, неожиданности и совпадения, но при соблюдении одного условия: поступки героев должны быть не менее тщательно мотивированы, чем в обычном романе. И если этого нет, то рвутся все хитросплетения сюжета. Это как раз и случилось с романом А. Попкова. В нем допущено столько натяжек, нагромождено столько разных «тайн», что многое остается за рамками здравого смысла. Мыслимо ли, например, чтобы советские люди занимались розыском преступников в одиночку, целиком за свой страх и риск? Похоже ли на правду, чтобы советский геолог-патриот в полном одиночестве и в абсолютном секрете от всех окружающих работал над научным открытием? Роман А. Попкова перегружен случайностями настолько, что не всегда ясно, какую функцию выполняет тот или иной персонаж. Композиция в приключенческом романе должна быть особенно четкой, стройной, выверенной. А на чем строится композиция и сюжет у Попкова? На однообразном чередовании одних и тех же приемов: подслушиваниях и переодеваниях. Есть у автора еще один излюбленный прием — воспоминания. Все герои по поводу и без всякого повода вспоминают о чем-нибудь, и в этих бесконечных воспоминаниях можно запутаться, как в сетях, хотя они-то именно и предназначались для развязывания сюжетных узлов. Слог романа примитивен. Попадают страницы настоящей пинкертоновщины. А. Попков поступил хорошо, взявшись за патристическую тему, и очень жаль, что редактор не помог писателю совладать с большими трудностями, возникшими перед ним как автором детектива.

Объем, масштаб и характер редактирования обычно обратно пропорциональны количеству труда, затраченного автором на произведение. Совершенно очевидно, что тт. Рожицын, Егоров и Попков мало поработали над своими произведениями, проявили легкомысленное отношение к своему делу, бессознательно или сознательно надевшись на нетребовательность и недостаточную квалификацию издательских редакторов. Но бывает и другое положение — когда автор несет заведомо сырую рукопись в полной уверенности, что редакция «поможет» ему из полуфабриката сделать пригодную для печати вещь. К сожалению, это случается не так уж редко. А. А. Сурков в своей речи на собрании писателей и

работников искусств в Колонном зале Дома союзов 9 декабря 1952 года, посвященном задачам работников искусства и литературы в связи с решениями XIX съезда партии, остановился на так называемых первых вариантах: «Чем, как не понижением чувства ответственности за творческий результат работы можно объяснить такое явление, что некоторые наши драматурги отдают в театр или в киностудию не законченную драму, киносценарий, а в а р и а н т пьесы или сценария, чаще всего являющийся небрежным изложением авторского замысла. Как-то трудно себе представить Гоголя, Островского или Горького в роли авторов «первых вариантов», безропотно вносящих в текст своих произведений все, что говорят редакторы, рецензенты, референты, режиссеры, ассистенты, артисты и другие, им же несть числа. Работа автора с театром и редактором, безусловно, нужна и полезна, — добавляет А. А. Сурков. — Но думается, что подлинная... драматургия появится только тогда, когда авторы пьес откажутся навсегда от практики «первых вариантов» и будут приносить в театр произведения, в которые они уже вложили максимум своих творческих возможностей, максимум знания жизни и мастерства».

Болезням, которые назвал здесь тов. Сурков, подвержены не одни драматурги, и всегда при попустительстве самих же редакторов. Если некоторые пьесы, по выражению народной артистки СССР А. Тарасовой, «пишутся на суфлерских будках», то есть основательным образом дорабатываются во время репетиций, то ведь и у других литераторов это бывает. Разве, например, биографическая повесть С. Штрайха о Софье Ковалевской не была вся перебелена, вся из строки в строку переписана редактором? «Безропотные», податливые авторы мгновенно исчезнут, как скоро редакторы и редакции перестанут мирволить ленивцам, халтурщикам и литературным недорослям. Ведь и сейчас эти недоросли рассуждают: «Зачем, в самом деле, знать географию, когда есть извозчики?» Редакторы все равно доведут автора туда, куда стремится он всеми силами своей жаждущей напечататься души.

Нужно сказать прямо: далеко не все авторы взыскательны и требовательны. Взыскательным художникам стыдно идти в редакцию с «первым вариантом», и они с ним не идут. Они художники и не позволяют, чтобы их рукой водила другая, пусть даже любящая и просвещенная, но не своя рука.

Обширен, многообразен круг редакторского труда. Без преувеличения можно сказать, что шаровары у редактора с Черное море. Отбор материала в сборник или в альманах производится тоже ведь редактором. А всегда ли редактор тут действует безошибочно? Далеко не всегда. Возьмем шестой

номер журнала «Дальний Восток», прочитаем там рассказ Олега Щербановского «Серебряная рыбка». Диву даешься, зачем он попал в журнал. Концовка рассказа сводит на нет все его довольно безобидное, впрочем, не лишнее поэтичности содержание. В самом деле: маленькая Клава, поймав рыбку, отпускает ее обратно в море под впечатлением только что прослушанной ею сказки Пушкина о рыбаке и золотой рыбке. Все, что после этого происходит приятного у ее папы и мамы, она связывает с рыбкой, например, и то, что папа-рыбак вернулся с богатым уловом рыбы. На этом бы и кончился рассказ. Но нет, начинается мудрствование, ненужное, фальшивое, даже не больно умное. Мать вдруг начинает поучать ребенка! «В жизни,— говорит она,— лучше, чем в сказке, потому что в жизни не чудеса помогают людям, а сами люди делают чудеса». Доказывая преимущества жизни перед сказкой, писатель начисто снял все обаяние сказочного мира, всю поэзию детских представлений. Да и сама постановка вопроса о том, что лучше—сказка или жизнь,—страдает схематизмом авторского мышления, непрощенно вставшего на защиту жизни от коварства сказки! Автор в простоте душевной серьезно полагает, что он тем самым приобщает ребенка к реальной действительности. Далеко же шагнул он вперед по сравнению с Пушкиным! Хотелось бы спросить у него и у редактора: неужели мать читала ребенку сказку только для того, чтобы, немедленно же окунув ребенка в холодную воду скучных сентенций, навсегда отбить у него охоту к чудесным русским сказкам? Неужели подобный вульгарный материализм, давно уже разоблаченный, вновь возродился под видом этой псевдопередовой педагогики?.. Нет, конечно. По этому поводу отцы наши говорили: «Страшен сон, да милостив бог».

Зорче, внимательнее читать— вот первая заповедь редактора. Редакция «Смоленского альманаха» невнимательно, например, прочитала неплохой рассказ Б. Бельтюнова «Женщина из Литавли» (книга 8-я). Она не заметила, что если человек, переплывая заполненный внешней водой овраг, окунается с головой в воду, то он никак уж не может, не вступая при этом в явное противоречие с законами физики, доставить пакет сухим, с нераспывшимися чернилами. Не это ли называется: вышел сухим из воды!

В рассказе-черновике С. Сартакова «Садик под окнами» («Сибирские огни» № 6, 1952 г.) герой занимается по сути дела похищением чужих детей, хотя автор рассказа этого не имел в виду. Редакция не помогла автору довести рассказ до полной смысловой ясности.

В повести «Огни» ярославского писателя Н. Грибкова с первой же ее страницы бросается в глаза искусствен-

ность обстоятельств, при которых герой отправляется на Рыбинское море. Невозможно поверить, чтобы о Рыбинском море, своем родном море, ни разу не слышал герой книги, молодой электромонтер, житель областного города Ярославля! Но автор пошел на натяжку, потому что, по замыслу, его герою предстояло остро пережить первое впечатление, удивиться величине и красоте неожиданно возникшего моря. Ради завязки автор пошел, таким образом, против правды. Не через человека, не через характер Н. Грибков постиг тему повести, а через абстрактный, голый прием. Разве редакторам и Ярославского издательства и «Молодой гвардии» это было так уж безразлично?

В рассказе Ю. Шамшурина «Дымок в лесу» (альманах «Новая Сибирь», кн. 26) старая, многократно повторявшаяся в литературе притча о венике, который легко переломить по пруту и никакая сила не переломит целиком, используется неточно, а пожалуй, и вовсе неверно. «Вот, к примеру,— говорит герой рассказа,— немцы на нас напали, по пруту нас сломить хотели, но не вышло». Спрашивается: разве фашисты, следуя пресловутой «молниеносной» стратегии и всей своей армией напад на нас, думали в тот момент об отдельных «прутиках»? Нет, конечно. В данном примере идея рассказа иллюстрируется негодным сравнением.

Систематика видов редакторской работы—дело очень трудное, большое. В каждой новой талантливой книге содержится всегда нечто новое, не встречавшееся раньше. У каждого автора свои слабости, недостатки. Они впервые выступают только при редакторском чтении, когда обнаруживаются те или иные излюбленные автором словечки, сюжетные ходы, жесты, детали.

Очень часты в книгах погрешности против бытовой достоверности, всякого рода анахронизмы, подмена фактов анекдотами. Велики и погрешности стиля. Так что редактору всегда найдется дело, даже в самых невинных случаях. Например, попадает фраза: «Он опустил письмо в ненасытную щель почтового ящика». Как будто все на месте, есть хороший эпитет «ненасытный». Но ведь и эпитет должен быть оправдан, тем более такой эмоциональный, как этот. Однако герою рассказа, как оказывается, была совершенно не нужна ненасытность почтового ящика. Он опустил всего одно письмо, и ни разу при этом не задумываясь о бездонной особенности почтового ящика. Так что хороший сам по себе эпитет оказался совершенно лишним. Но потом оказалось, что и щель не нужна, ибо до чего же хорошо просто опустить письмо в почтовый ящик! Этот азбучный пример из урока стилистики, конечно, менее нагляден, чем

встретившийся в рассказе А. Корнеева «Перед отъездом» («Смоленский альманах» № 8), где слово «горсть» — имеется в виду горсть льнотресты — повторено на странице двенадцать раз. И может ли быть, чтобы до этого не было дела дотошному редактору? «Пржде чем сдавать рукопись в типографию, — писал Горький, — редактор должен внимательно прочитать ее: уверяю вас, граждане редакторы, что именно в этом ваша обязанность».

Не должна оставаться без внимания редактора и выверка правильности интонации, доведение ее до читателя. Особенно это важно при редактировании драматических произведений. Пьесы, как известно, не только исполняются на сцене, но и читаются. Поэтому редактор должен добиваться того, чтобы до читателя, а не только до зрителя доходила нюансировка, интонация живой речи, ее смысл. Помогают в этих случаях ремарки. У А. Софронова в пьесе «В наши дни» супруги Очаковы временно разъезжаются. Очаков говорит жене: «Ну, до осени». Очакова отвечает: «До весны». Очаков: «До весны?» Очакова: «Зачем так прямо понимать слова?» Если вставить перед словами Очаковой: «До весны» — ремарку («со значением»), то читателю сразу станет понятен метафорический смысл этих слов: Очакова верит, что в ее отношениях с мужем произойдет перелом к лучшему, календарная осень обернется для них весной чувства.

Остановимся теперь на вопросе о безусловной необходимости редактировать стихи и на самом вернейшем способе редактирования — возвращать, не печатать негодные, неотделаемые, хаотурные, безграмотные стихи, не боясь прослыть глухим к поэзии человеком. Не располагая вескими доводами, многие авторы сереньких рифмованных строк украваются за так называемую специфику стиха, позволяющую-де обходиться без грамматики, довольствоваться приблизительным смыслом лирических строк. Ясность и прочее — это, дескать, удел не поэзии, а презренной прозы. Поэт-де неподсуден логике мышления. Не поэтому ли редакторы, в первую очередь областных альманахов, порой проявляют непонятную робость перед творениями поэтов, обязательное печатание которых в каждой книжке считается признаком хорошего тона. Замечено при этом, что робость становится тем сильнее, чем «разговорнее» по ритму стихотворение. Стихи, помещенные в 5-й книжке «Литературного Ульяновска», в этом смысле превзошли, как говорится, наши самые мрачные ожидания. Я имею в виду стихи Н. Благова и Н. Краснова — поэтов, вовсе не лишенных способностей. Но тем печальнее и тем хуже для них.

Говоря о трудной жизни великих вождей в царской ссылке, Н. Краснов пользуется первым попавшимся, неточ-

ным и пустым в данном случае словом:

Прикоснулись ко мне
Все лишения их и тревоги.

Автор далее говорит, что, читая книги Ленина, он лишь «в них свои думы читает». Почему-то именно с «нерушимой любовью» (при этом нарушая фразеологическую неповторимость оборотов: «нерушимая клятва», «нерушимый Союз») автор мысленно летит в Москву. В стихотворении о Сталинграде не замечен редактором целый каскад из бессмыслиц:

К солнцу ринулся с шумом
Тополь пирамидальный...
Ветры севера, юга,
Запада и востока.
Сегодня только в высокие
Здания влюблены...

Многозначительность последней метафоры едва ли ведома и самому автору. Только при самом необузданном воображении Н. Краснов в состоянии был представить себе,

Как за живыми душами
Мчались осколки,
Визжа.

Редакторам поэтических отделов журналов и альманахов надо перебороть в себе робость перед якобы запретной областью рифмованных строк. Подлинная поэзия при наличии самых усложненных образов всегда ясна. Толстовское правило — «найти единственно возможный порядок единственно возможных слов» — должно стать золотым правилом и для поэтов и их редакторов. Мы знаем, что в пушкинских стихах не только каждое слово, но и каждый звук, каждая гласная и согласная стоят на том месте, на каком они должны стоять. Отбор единственно необходимых слов свидетельствует о полноценности произведения. О языке при редактировании надо помнить и помнить, думать и думать.

Еще и еще раз встает вопрос об употреблении областных слов, диалектов. Известно, что Горький решительно выступал против засорения литературы диалектными словами. Делал он это, забывая об общерусском многомиллионном читателе. С другой стороны, в народе непрерывно рождаются новые слова, а старые переосмысливаются, и вот нужен строжайший отбор, отсев, выбор. Это выполняют художники слова. Они осторожно пускают в обращение сочные, морфологически правильные, новые, диалектные слова.

«Словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения», — пишет И. В. Сталин в своем основополагающем гениальном труде по языкознанию. Несомненно, один из каналов обогащения, измене-

ния словаря—это язык художественной литературы, и, конечно, не какое-нибудь формалистическое словотворчество, а умелое употребление, введение в живой текст живого местного слова, родственного духу родного языка. Местные слова наряду с языком политических выступлений, с заново осмысляемыми старыми словами (сейчас на наших глазах приобретает, например, особо острый смысл слово «ротозейство»), с языком научных сочинений через художественную литературу постоянно незаметно просачиваются в общерусскую литературную речь. Если совсем закрыть этот источник, язык многого лишится.

Редактор должен постоянно помнить, встречаясь с тем или иным местным словом, что в основу русского языка легло определенное русское наречие—орловско-курское. Было бы неправильным полагать, что то или иное меткое народное слово возникает одновременно в разных местах; нет, оно рождается вначале как слово локальное и уже потом, если оно отвечает потребностям общества, переходит в широкую аудиторию.

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» нигде не говорится, что все диалектные слова есть что-то чужеродное в организме языка, напротив, они названы ответвлениями от общего языка. И. В. Сталин пишет: «Наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены». Вот почему так важно беречь выразительные, меткие местные слова. Если мы «сами отсечем себе этот источник, то нас постигнет засуха, и мы вынуждены будем растить и питать свой родной язык чужими словами, как делают растения тунеядные»,—справедливо писал Даль, хотя, может быть, и сгущая несколько опасность. За «людскую мольвь» и «конский топ» непросвещенные баре-критики порицали Пушкина, видели в этом коверканье русского языка. А великий поэт отвечал им: «На беду и стих-то весь не мой, а взят целиком, почти дословно, из русской сказки Бова Королевич». И далее приводил новый пример: шип вместо шипенье, хлоп вместо хлопанье. Так опростоволосились критики! И советские редакторы, чтобы не опростоволоситься, должны изучать язык, вчитываться в употребление слов. Пушкин говорил спасибо, когда указывали ему, что вместо «игумену» следует писать «игумну», вместо «на теме гор»—надо «на темени гор», вместо «был откзан»—«ему от-казали». А вот Некрасову, повидимому, никто не заметил насчет употребления диалектного слова «понимает» (в смысле «заливает») в «Дедушке Мазае и зайцах». В поэме мы читаем:

Всю эту местность вода понимает.

Так что деревня весной всплывает,—

хотя «заливает» тут было бы и понятнее и пригоднее для рифмовки, тем более, что слово «понимает» имеет ведь и другой, прямой, общеупотребительный смысл. Характерно, что оно в Некрасовском варианте и не вошло в общерусский язык, да едва ли сейчас употребляется и там, где некогда возникло. Другое дело такие общеупотребительные слова, как: наобум, неуклюжий, хилый, огорошить, земляника, батрак. Все они, как установил академик В. В. Виноградов, были некогда областными, местными словами. Напомнить об этом надо, потому что в борьбе с засорением языка областными словами не следует выплескивать вместе с водой ребенка. А недавно мы видели, как «Литературная газета» «выплеснула ребенка» пером одного рецензента, вычеркнув чудное сибирское слово «закуржавело» (от слова куржак—иней). Это слово и в звуковом отношении прекрасно, напоминая по случайному созвучию слово «кружево», «кружевное». Вся Сибирь и весь Урал употребляют слова «куржак» и «закуржавело», пользуются ими люди всех уровней образования. Зачем же нам его выбрасывать тогда, когда оно стоит на месте?

Редакторам приходится выступать и в роли консультантов, советчиков по коренной переработке произведения, признанного годным лишь в своей основе (существует и такой вид редактур). Разбор такого вида редактирования увел бы нас далеко, в область психологии сотворчества. Но одно замечание все же следует сделать. Когда Адуев-племянник возражает своему дяде, что нельзя смешивать искусство с ремеслом, дядя замечает пылкому молодому человеку: «Боже сохрани! Искусство само по себе, ремесло само по себе, а творчество может быть и в том и другом». Этого творческого духа в «ремесле» редактора, к сожалению, многие не замечают. «Литературная газета», например, совсем не интересуется работой редакторов. Ни одной заметки! О положительных фактах редакторской работы никогда не упоминается, только одни провалы, промахи; на долю редакторов достаются только шишки и никогда—пышки. Между тем ревности редакторов (частично) обязано своим выходом не одно хорошее произведение советской литературы. Редактор имеет дело со словом, а «слово,—говорил В. И. Ленин,—тоже есть дело», дело ответственное, неподкупное, несущее у нас народу правду.

М. И. Калинин, обращаясь к начинающим писателям, говорил: «Вот если бы спросили меня, кто лучше всех знает русский язык, я бы ответил—Сталин. У него надо учиться скупости, ясности и кристальной чистоте языка. Попробуйте изложить короче какую-нибудь мысль, высказанную Сталиным!»

Добиваться вместе с автором кристальной чистоты языка — первейшая задача редактора.

* * *

Редакторы, скажем в заключение, как и все люди, имеют свой профессиональный идеал, и им иногда хочется пометать. Они, мне кажется, мечтают о том времени, когда потребность в них будет... минимальная! Чтобы мысль эта стала яснее, мне хочется привести цитату из статьи Писарева «Русский Дон-Кихот»: «...входя в мастерскую живописца обыкновенного, мы можем удивляться его искусству; но перед картиной художника творческого забываем искусство, стараясь понять мысль, в ней выраженную, постигнуть чувство».

И в этом случае «критик не заботится о событиях его мастерской».

Несомненно, редакторская, критическая воля автора, художника слова, в конце концов пересилит, сведет к минимуму волю редактора — к общей пользе для литературы. Редактор, подобно писаревскому критику, постепенно все меньше и меньше станет заботиться «о событиях мастерской» писателя. А пока что редактор дозарезу нужен! И мы все, и пишущие и редактирующие, трудимся, и долго еще будем трудиться вместе в общей мастерской, и будем стараться работать так, чтобы следы нелегкого, кропотливого редакторского труда никому не бросались в глаза и чтобы вещь выходила из печати безукоризненной по содержанию и по форме.

Книга о «русском Колумбе»

На кладбище старинного Знаменского монастыря в городе Иркутске стоит гранитный надгробный памятник в виде высокой пирамиды. На памятнике укреплен бронзовый барельеф с изображением фигуры человека при шпаге, с подозрительной трубкой в руках и выбиты стихи Г. Державина:

...Колумб здесь Росский погребен!
 Преплыл моря, открыл страны
 неизвестны,
 Но зря, что все на свете тлен,
 Направил парус свой во океан
 небесный...

Это памятник купцу и именитому гражданину из города Рыльска, мужественному русскому землепроходцу и мореходу, первооткрывателю Аляски Григорию Ивановичу Шелихову.

Свои смелые морские походы к Алеутским островам и на американский материк в Аляску Шелихов начал с середины 70-х годов. Это было время тяжкого крепостнического гнета в России, доведенного до крайней степени. После подавления крестьянской войны, которой руководил Емельян Пугачев, помещики стали еще более неистовствовать. За малейшую провинность, а то и без всякой вины они ссылали крестьян в Сибирь на каторгу и поселение. Суда не требовалось. Многочисленные царские указы давали дворянам на это самые широкие права.

Однако в Сибирь шли не только ссыльные. Туда уходили в поисках лучшей доли и те, кто не боялся трудностей, кто искал простора для приложения своих сил. Начиная с XVI и особенно с XVII века мужественные и бесстрашные русские землепроходцы тянулись на восток через Сибирь к Тихому океану, а затем и дальше, к берегам Америки. Этим смелых первооткрывателей, стремящихся умножить славу своего отечества, поддерживали передовые русские люди того времени. Их напутствовал великий Ломоносов:

...Колумбы Русские, презрев угрюмый
 рок,
 Меж льдами новый путь отворят на
 восток,
 И наша достигнет в Америку держава...

Одним из таких наиболее выдающихся «русских Колумбов» был в XVIII

веке Г. И. Шелихов, которому посвящен роман Вл. Григорьева¹.

Роман носит биографический характер. Главное действующее лицо Шелихов показан в пору расцвета своей деятельности путешественника-землепроходца. Став в 1783 году компаньоном неких сибирских купцов-толстосумов, Шелихов отправляется в дальнее плавание к берегам Аляски. С ним едет и жена Наталья Алексеевна, верная его спутница, первая русская женщина, побывавшая в Америке.

С этого начинается роман. В нем много исторически правдивых и художественно ярких страниц, которые читатель прочтет с захватывающим интересом.

Одна из особенностей романа в том, что в нем почти нет вымышленных персонажей; по крайней мере, все главные из них — личности исторические. Однако это не упрощало, а, наоборот, усложняло задачу писателя. Сведения исторических документов и хроник почти всегда сухи и лаконичны. Автору предстояло опираться на фактический костяк документов, «дорисовать» образы реальных деятелей прошлого, и притом дорисовать так, чтобы это соответствовало исторической и художественной правде.

Умело и точно определить границы вымысла в историческом повествовании — одна из труднейших задач, стоящих перед историческим романистом.

Как справился с нею Вл. Григорьев?

По историческим документам, а также из книги самого Шелихова под названием «Российского купца Григорья Шелихова странствование в 1783 году из Охотска по Восточному океану к американским берегам...» известно, что это был смелый и энергичный купец-предприниматель, строивший широкие планы использования природных богатств дальневосточного побережья и Аляски.

Эти данные послужили писателю основой для образа его главного героя.

Отправляясь в опасное плавание к берегам Аляски и вспоминая знаменитого в то время европейского мореплавателя Кука, Шелихов говорит: «Куками не рождаются, а делаются». Эти слова, вложенные автором в уста морехода, хорошо характеризуют его как человека храброго, настойчивого и целеустремленного.

¹ Вл. Григорьев. Григорий Шелихов. «Советский писатель». М. 1952.

Автор не идеализирует своего героя, не отрывает его от социальной среды и эпохи. Он показывает в Шелихове и отрицательные черты. В нем сильна купеческая жилка. Он стремится накопить побольше «рухляди», то есть мехов, и пылливо расспрашивает у алеутов, имеется ли на Аляске золото. Он тщеславен, горяч, иногда самонадеян и частично несправедлив по отношению к подчиненным. Один раз он отказался заплатить за простой грузчикам. В другой раз он так ударил своего работника, что тот свалился с ног.

Но не эти черты — главное в характере Шелихова. Меньше всего стремился автор создать тип обыкновенного удачливого купца-наживалы, каких в то время немало имелось в Сибири. Почему именно Шелихова назвали «русским Колумбом», — вот что интересует писателя. И, вдумчиво анализируя исторические данные, он находит ответ на свой вопрос в том, что Шелихов был горячим патриотом своей родины, что государственный интерес он ставил выше личной выгоды:

«...Не наживы ради клал он жизнь и труды. Помыслы и усилия открывателя земель направлены были прежде всего на то, чтобы прославить отечество».

Еще во время своей первой поездки к берегам Аляски Шелихов с некоторой долей тщеславия говорил своим спутникам:

«Сойду, огляжу и город заложу, пусть такой-разэтакий Славороссийск в Новом Свете красуется! Время придет, люди спросят: «Кто город срубил?», а века ответят: «Григорий Иванов Шелихов с товарищи!» Со временем планы морехода расширятся, и он начинает мечтать о создании на Аляске уже не города, а целой области Славороссии.

Проезжая через Нижний Новгород и посетив могилу Мишина, Шелихов в тон мининскому призыву к патриотизму восклицает: «Славороссию к ногам России положить — вот моя клятва, Кузьма Мишин!»

Рассказывая президенту коммерц-коллегии графу Воронцову о своих ближайших планах на тихоокеанском побережье, Шелихов говорит:

«— Народ знает свою дорогу, ваше сиятельство... На Великий океан издавна устремилась Русь, на нем ей придется встретиться со всеми нациями, став первой среди них. а у нас сейчас, окромя замерзлого Охотского, и гавани на нем нет... Гавань в первую голову нужна... корабли океанические строить, склады для товаров, жилья человеческие...»

Так постепенно образ Шелихова и связанное с ним понятие «русский Колумб» становятся в романе шире, содержательнее, значительнее. Теперь Шелихов уже не только и даже не столько купец, сколько именно землепроходец, мореход, действующий в землях Нового Света в качестве неофициального, но

полномочного представителя великого русского народа.

Может возникнуть вопрос: не является ли это домыслом автора, лишенным исторической почвы? Факты показывают, что это не так.

Еще при жизни морехода многие считали его выдающимся государственным деятелем. По многочисленным документам того времени известно, что Шелихов упорно боролся с хищническими устремлениями своих компаньонов-купцов и их агентов, прорвавшихся в Аляску, чтобы грабить местное население — алеутов, эскимосов и индейцев. Он запретил своим подчиненным спаивать туземцев водкой, обирать их, учинять над ними насилия. Наоборот, он приобщал туземцев к русской культуре, учил строить теплые бревенчатые избы, устраивал для их детей школы, распространял ремесла и т. д. Многие из молодых алеутов были вывезены Шелиховым в Россию, где он на свой счет обучал их грамоте и торговому делу.

Таким же патриотом выступал Шелихов и в деле заселения Аляски русскими людьми. Дошедшие до нас «Записки» морехода, адресованные различным высокопоставленным чиновникам, показывают, что он всеми силами добивался разрешения переселить на Аляску крестьян, мастеровых людей и даже беглых.

Эта объективно-прогрессивная деятельность Шелихова, засвидетельствованная историческими данными, полностью согласуется с тем, как изображен он в романе в ряде превосходных художественных эпизодов.

Смело и, на наш взгляд, правильно как с исторической, так и с художественной точки зрения развивает автор и другую важную черту Шелихова — его передовой для того времени образ мыслей.

Беседуя с ямщиком, который не знает имени своего седока, Шелихов говорит: «— А не по душе собачья жизнь — брось все и в Охотск к океан-мору пробирайся... к Шелихову... Слышал о таком человеке? Он тебя в Америку отправит — там власть заживешь... Там приставов, старост и попов нет и никакой веры не спрашивают».

Подобные «бунтарские» мысли прославленного морехода не были и не могли быть, конечно, отражены ни в тогдашних документах о Шелихове, ни в его личных записях. Здесь автор «дорисовывал» образ своего героя, основываясь на тщательном изучении эпохи, а также характера деятельности Шелихова на тихоокеанском побережье.

Известно, что именно в конце XVIII в. крепостнические отношения вступили в полосу кризиса и распада.

В мечтах Шелихова о Славороссии, составляющих лучшие страницы книги, со всей силой проявилось крайне наивное и в тех условиях, конечно, несбыточное, но неистребимое в русском тру-

довом народе стремление обрести свободную жизнь без помещиков, без крепостного угнетения. Одним из ярких эпизодов этого рода является разговор Шелихова с графом Воронцовым, президентом коммерц-коллегии екатерининского правительства.

«— Не прошу войска, солдат, ваше сиятельство,— говорит Шелихов, развивая перед графом, в надежде на поддержку, свои обширные планы,— сошных людей и вольных ремесленных для своей Америки прошу!.. Единственно, что домогательством и хлебопашеством за Россией и закрепить все можно... Дозвольте переселить тех, кои своей волей на то пойдут, с семьями... Пахари, офи и домы свои защитят, они и целину американскую русской силой поднимут...»

— Почсму, Григорий Иванович, вы, домогаясь переселить государственных крестьян, не призываете в Америку помещика просвещенного, который и людей своих с собою бы взял, и семена злаков, и орудия сельскохозяйственные? — остро вглядываясь в пылающее лицо Шелихова, спросил Воронцов».

Шелихов смешался.

«— Они... я... вы... я, ваше сиятельство, государственных, на себя работающих»,— пролепетал он бессвязно и умолк.

В американской Славороссии, как ее представлял себе Шелихов, этот передовой и дальновидный провозвестник капиталистических отношений в России,— в этой Славороссии места для дворян не было. Купцов, ремесленников, беглых крестьян, ссыльного грузина-архитектора Боридзе и даже революционера А. Н. Радищева — всех их хотел бы видеть Шелихов на заокеанских землях, но только не помещиков-крепостников!

Приведенные выше эпизоды романа являются, конечно, авторским вымыслом. Но их историческая и художественная правдивость вполне подтверждается хотя бы тем засвидетельствованным историческими документами фактом, что великий революционер и демократ А. Н. Радищев, познакомившись в 1791 году в Иркутске с мореходом, выразил желание присоединиться к нему. Нельзя считать случайным и то, что в более позднее время многие декабристы были тесно связаны с Российско-Американской компанией, основы которой заложил Шелихов.

Так многогранно показан в романе Шелихов, образ которого является несомненной и большой удачей автора.

С большой глубиной и жизненной правдивостью нарисована жена Шелихова Наталья Алексеевна. Стойкость, мужество перед лицом смертельной опасности и преданность тому делу, которому посвятил свою жизнь ее муж,— вот главные черты ее характера. Ее трезвый ум часто сдерживал не в меру горячего мужа от строптивых выходок и необдуманных решений. Когда расхо-

дившийся мореход кричал, что он один заселит людьми свою Славороссию, жена останавливала его:

«— Не безумствуй, Гришата... Где видано, чтобы один человек силь набрался такое дело поднять?.. Ермак Тимофеевич, да и он не в одиночку, а народом Шибирь покорила...»

Образы Шелихова и его жены наиболее удались автору. Однако и многие второстепенные персонажи рельефно обрисованы в романе.

Вот выразительный образ Лучка Хватайки, старосты охотских бездомных бродяг — «храпов»,— в большинстве своем беглых крестьян или рабочих с уральских заводов. Когда один из спутников Шелихова стал рассказывать, что из Америки можно богачом вернуться, Хватайка перебил его:

«— Нет, Прохор Захарыч, напрасно ты народ сказками американскими смущаешь, разве что заплачено тебе...»

— Ты кто таков? Ты в Америке был, чтоб в моих словах сомневаться и марать?

— Да зачем мне трудиться-то марать,— насмешливо возразил Хватайка,— купцы, куда бы они ни втерлись, сами все замарают, и чиновники к этому делу печать гербовую приложат да отпишут — все, дескать, по закону...» Это был голос самых низов общества, которые вырвались из крепостной петли на волю в Сибирь, но и здесь не нашли для себя хорошей жизни.

Хорошо описан в романе граф А. Р. Воронцов: именно таким, каким его запечатлела история,— просвещенным помещиком-либералом и сановным вельможей, который, оставаясь до мозга костей крепостником, не прочь был шегольнуть европейской культурой и снисходительно-вежливым обращением с подчиненными. Его встреча и разговор с Шелиховым — один из лучших эпизодов в романе.

Жизнь крепостных скупо освещена в книге, но и то немногое, что в ней есть, дает представление о безысходно-тяжелой жизни русских крестьян в ту эпоху. Трагична судьба крепостного Степана Голована, принадлежавшего сестре фаворита Зубова Ольге Жеребцовой. За пустяковую оплошность барыня отдала его невесту замуж за умалишенного, а его самого приказала сдать в рекруты.

Отвратительна в своей необузданной жестокости помещица Глебова. Всякий раз, как она садилась за стол кушать щи с бараниной, рядом пороли крепостную Аннушку. Причину этого объяснила Шелихову сама истязаемая:

«— Раза два на месяц щи с бараниной заказывает и меня... дерет... Мститса на мне, забыть не может, что Проклушка мой двадцать лет назад, когда Пугачев ходил, облил ее щами горячими...»

Этот эпизод живо напоминает знаменитую Салтычиху, которая в те же годы насмерть замучила около сотни крепостных.

Остро, в сатирическом плане показана в романе придворная челядь и особенно последний фаворит царицы — тупой, зазнавшийся выскочка Платон Зубов.

К сожалению, не все образы романа так удались автору.

Думается, что ему изменило творческое чутье при изображении, например, А. Н. Радишева, который показан ходульным проповедником, вещающим отвлеченные истины. Писатель правильно подметил некоторую предубежденность великого революционера по отношению к Шелихову, в котором все-таки сильно проглядывал купец. Убежденному демократу-республиканцу Радишеву был одинаково ненавистен как гнет дворянско-крепостнический, так и буржуазно-купеческий. Однако сочных, выразительных красок для обрисовки Радишева и как мыслителя и как человека автор не нашел. И произошло это потому, что в данном случае питательной средой для авторского вымысла послужили не факты подлинной жизни, а плохие литературные штампы.

То же самое следует сказать о царском наместнике в Иркутске генерале Пиле. Он, в противовес жизненной правде, изображен в романе каким-то добреньким, безобидным старичком, вовсе не похожим на наместника, воплощав-

шего в этом отдаленном крае России деспотическую власть самодержавно-крепостнической монархии.

Большое недоумение вызывает образ алеута Куча. Он появляется в начале книги и едет с Шелиховым в Иркутск. После этого автор не упоминает о Куче до 203-й страницы, на которой указывается, что Шелихов везет Куча дальше, в Петербург. Однако в столице Куча вдруг умирает от раны, полученной в происшествии, не имеющем никакого отношения к содержанию романа. Зачем же автору понадобилось тогда везти алеута в столицу и вообще в Россию? Мало понятен и образ ссыльного грузина Боридзе, на котором лежит печать выпренности и трагической обреченности.

Но главное в романе — исторически правдивая картина русской жизни конца XVIII века и художественная яркость многих образов делает его значительным явлением нашей художественной исторической литературы последних лет.

Роман «Григорий Шелихов» — первое крупное произведение автора. Его планы на будущее — изобразить события и людей, связанных с Российско-Американской компанией в начале XIX века, и прежде всего декабристов. Пожелаем ему успеха в этой трудной, но благодарной работе.

НОВЫЕ КНИГИ

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ В. В. СТАСОВА

Академия художеств СССР издала отдельным томом статьи В. В. Стасова, обнаруженные в газетах 1887—1906 годов и не вошедшие ни в одно собрание его сочинений (1894, 1937 и 1950—1951 годов). Издание¹ добавляет немало нового и ценного к уже опубликованному литературному наследию выдающегося русского искусствоведа.

Исключительный интерес вызывает статья (1904 год) о А. М. Горьком. Отражая нападку реакционной критики на великого пролетарского писателя, Стасов так характеризует его значение: «Да кто же такой Горький, как не вечно неутомимый, всю свою жизнь мучимый мыслью, страстный мыслитель, одаренный вместе с нею и глубочайшим могучим художественным творчеством? С самых первых шагов его в литературе, еще с 1892 года, чем, как не мыслью, страстно, пылливо мыслью о вопросах жизни наполнены творения Горького?.. Ведь наша публика часто гораздо более чуткая и способная понимать, чем наша критика. И она сразу прильнула к Горькому, с первой же минуты появления его на арене прессы; она страстно полюбила его не только за его чудный, правдивый, художественный талант и горячее творчество, но, быть может, еще более за то, что Горький затрагивал глубочайшие душевные и жизненные вопросы современной России и выносил на свет великие новые сокровища русского духа и русской природы».

Этим восхищением перед «великими сокровищами русского духа и русской природы» проникнуты все статьи Стасова. Он всегда гордился огромным вкладом, который внесли передовые деятели русского искусства в мировую сокровищницу культуры, и зло высмеивал «обезьян космополитов и бестолковых обожателей всего только «западного», без всякого разбора».

¹ В. В. Стасов. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания, т. 1. Издательство Академии художеств СССР. М. 1952. 318 стр. Цена 15 руб.

Большой меткостью отличаются некоторые обшеполитические замечания Стасова. «На бумаге Франция числится республикой, на деле — республики у ней мало, почти вовсе нет», — пишет он в 1898 году. В другой статье он приводит знаменательный рассказ В. В. Верещагина о своей выставке в Америке (1902 год): «...на предложение мое водить на выставку, по дешевой цене, детей, я получил ответ, что картины мои способны отвратить молодежь от войны, а это, по словам этих господ, нежелательно...»

Заслуживает внимания полемический стиль Стасова, разговорно-живой, убедительный и разнообразный: по-одному — с реакционными клеветниками (А. Суворин, В. Буренин), по-иному — с людьми, чьи заблуждения и ошибки он рассчитывал преодолеть. Статьи содержат образцы неустанной критической требовательности, с которой Стасов, невзирая на лица, относился к творчеству художников, в том числе своих ближайших друзей. «...лекарства редко бывают аппетитны, редко ласкают небо, но зато они часто и хорошо лечат», — считал Стасов.

Читатель найдет в сборнике меткие суждения и характеристики, касающиеся ряда портретов Л. Толстого (работы И. Е. Репина), статуи О. Бальзака (работы О. Родена), а также вопроса о памятниках писателям. Отдельные разделы сборника посвящены И. Е. Репину, В. В. Верещагину, М. М. Антокольскому.

Недоумение может вызвать предисловие к сборнику (автор В. Лобанов): оно возмущает в общей форме о «некоторых ошибочных положениях, неправильных выводах» в публикуемых статьях, вместо того чтобы указать, где нужно, на их конкретные ошибки. Правда, в предисловии говорится о неправильной оценке творчества А. Г. Венецианова и С. Ф. Шедрина; между тем ни одна из статей в сборнике не содержит оценки их творчества.

Пожелаем скорейшего издания второго тома, куда должны войти вновь найденные журнальные статьи Стасова, доселе не вошедшие в собрание его сочинений.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Знамя ЛЕНИНА — СТАЛИНА в верных руках. <i>Передовая</i>	3
СЕРГЕЙ СМИРНОВ. Заветный свет. <i>Стихи</i>	10
СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ. Только вперед! <i>Стихи</i>	11
АШОТ ГРАШИ. Клятва народов. <i>Стихи</i>	12
АЛЕКСАНДР ЖАРОВ. Баллада о двух друзьях. <i>Стихи</i> .	13
СЕМЕН КИРСАНОВ. Школьница. Минуты эти. <i>Стихи</i> .	15
НИКОЛАЙ ФЛЕРОВ. На знаменах — красный цвет борьбы. <i>Стихи</i>	18
ИВАН БАУКОВ. Он указал нам на века дорогу. <i>Стихи</i> .	19
ГЕННАДИЙ МОЛОСТНОВ. Голубые огни. <i>Роман</i> . . .	20

ПУБЛИЦИСТИКА

ГЕОРГИЙ ЛОМИДЗЕ. Сталин и советская литература .	112
ИРИНА ЧАНГЛИ. Великий теоретический труд . . .	134
АЛЕКСАНДР ОЗЕРСКИЙ. Люди города Сталинска . .	152

Т Р И Б У Н А П И С А Т Е Л Я

Е. ГОРБУНОВА. О некоторых вопросах теории социа- листического реализма	164
---	-----

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Ник. ЗАМОШКИН. Заметки о редактировании	176
М. СОЛОВЬЕВ. Книга «о русском Колумбе»	187
Новые книги	191

Главный редактор — **Панфёров Ф. И.**

Редколлегия: **Бабаевский С. П., Буковский К. И., Еремин Д. И.,
Казымов П. А., Луконин М. К., Первенцев А. А., Прялков А. В.,
Храпченко М. Б.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 233, тел. Д 3-32-37.

А 00147.

Тираж 130 000.

Подписано к печати 10/IV 1953 г.

Изд. № 318.

Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. 6 бум. л. — 16,44 печ. л.

Заказ № 724.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 5 руб.